

ISSN 2500 -2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2 (21) 2016

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (21) 2016

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (21) 2016

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2016

CONTENTS

No 2 (21) 2016

Maria Amelina. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part I. Phonetic words with low and middle vowels	7
Igor Kyzlasov. Inscriptions and tamgas of the Del-ula mountain (towards the speech and cultural peculiarities of the Central Mongolia in the VIII—X th centuries)	83
Yulia Normanskaya. Clarification of the Protoselkup reconstruction of vowels of the first syllable. Part I. Analysis of new field materials of the Narym dialect of Selkup	97
Elena Rudnitskaya. Quantitative meanings in the Evenki verbal constructions on the material of oral stories of 2005—2011	118
Olga Khanina. Conjunctive coordination in Enets	131
Style sheet	149
How to subscribe	152

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (21) 2016

М. К. Амелина. Ударение в производных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъёмов.....	7
И. Л. Кызласов. Надписи и тамги горы Дэл-ула (к речевым и культурным особенностям Центральной Монголии в VIII—X вв.).....	83
Ю. В. Норманская. Уточнение праселькупской реконструкции гласных первого слога. Часть I. Анализ новых полевых материалов по нарымскому диалекту селькупского языка	97
Е. Л. Рудницкая. Количественные значения в глагольных конструкциях эвенкийского языка на материале устных рассказов 2005—2011 гг.	118
О. В. Ханина. Сочинительные стратегии энецкого языка	131
Требования к оформлению статей.....	149
Как подписаться	152

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонги (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Широкова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeyev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmás Garipov (M. Akmuulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Ударение в непроизводных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка.

Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъемов¹

Тундровый ненецкий язык (тундровое наречие ненецкого языка) относится к самодийской ветви уральской языковой семьи и распадается на три основных диалектных группы: западную, центральную и восточную [Терещенко 1965, 2008: 8—11].

Диалектное членение тундрового ненецкого языка

западные диалекты		центральный диалект	восточные диалекты	
крайнезападные	западный		восточные	крайневосточные
канинский тиманский колгуевский	малоземельский	большеземельский	приуральский ямальский	надымский тазовский гьданский таймырский (енисейский)

В работе [Salminen 1998: 16] приводится соответствие обозначений диалектов тундрового ненецкого языка по изданиям [Терещенко 1965] и [Lehtisalo 1956].

	Western		Central	Eastern	
	Far Western	Mid-Western		Mid-Eastern	Far Eastern
[Терещенко 1965]	зап.		б.-з.	вост.	
	кан., крайне-зап.	м.-з.		приур., ям.	надым., таз., тайм.
[Lehtisalo 1956]	M, (MB), N, Sjo.	Oks., U-Ts.	I, K, Sj., U	O, OD, OP	T

Следует отметить факт «неоднородного» освещения фонетических особенностей разных диалектов. Так, наиболее подробно описанным диалектом восточного ареала оказывается в первую очередь ямальский: см. раздел «Отличительные особенности ямальского говора» в [Терещенко 1956: 206—213], а также ряд статей Я. Н. Поповой [Попова 1966а, 1966б, 1966в].

В настоящей работе к исследованию привлекаются полевые данные автора, полученные в ходе работы с носителями ямальского (восточного) диалекта Т ненец. в Тамбейской тундре и с. Сё-Яха Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа в апреле—сентябре 2010 г. [ПМАЯ 2010]².

Так как ударение — явление супraseгментное, его изучение невозможно в отрыве от рассмотрения особенностей сегментной фонетической системы языка, в первую очередь системы вокализма. Здесь мы кратко коснемся основных особенностей системы вокализма тундрового ненецкого языка, а затем уже непосредственно перейдем к рассмотрению вопросов, касающихся ударения в Т ненец.

1. Введение

1.1. Система вокализма тундрового ненецкого языка

Вопрос о количестве гласных фонем в тундровом ненецком языке никогда не имел однозначного решения — исследователи давали на него разные ответы.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-12019в «Создание мультимедийных словарей самодийских языков» (рук. Ю. В. Норманская) и гранта Президента Российской Федерации МД-7005.2015.6 (рук. Ю. В. Норманская).

² Мы выражаем огромную благодарность информантам, которые деятельно помогали нам в течение полевой работы на полуострове Ямал, в первую очередь: Яунгад Мельне Григорьевне, Окоэтто Людмиле Лаулевне, Окоэтто Тамаре Очевне, Лапгандер Софье Яхочевне. Также мы сердечно благодарим кочующих тундровиков-оленьеводов Тамбейской тундры (полуостров Ямал), в чумах которых нам довелось провести в общей сложности восемь месяцев, — гостеприимную семью Окоэтто: Окоэтто Игоря (*Хаво'лэ*) Ханяковича (*Хадри'нися*), Окоэтто Артура Николаевича (*Артур-нека*), Окоэтто (урожд. Яунгад) Татьяну (*Артур'небя*), Окоэтто Хадри Хаволэвичи (*Артема Игоревича*) — и семью Вануйто Нины (*Никита'небя*).

Так, Т. Салминен выделяет следующие фонемы в системе вокализма Т ненец.: пять «нейтральных» по длительности монофтонгов (*i, u, e, o, a*), один краткий монофтонг ($\emptyset = \text{ə}$), при чередовании с которым по правилам редукции реализуется также «schwa phoneme ° », один дифтонгоид *æ* и два долгих монофтонга ($\bar{i} = i$ в обозначении Т. Салминена, $\bar{u} = u$ в обозначении Т. Салминена) [Salminen 1997]. По его мнению, система гласных фонем современного тундрового ненецкого языка мало отличается от системы протоненцкого вокализма.

В работах Н. М. Терещенко мы находим противоречивые сведения о системе вокализма Т ненец. В [Терещенко 1965, 2008: 864] она выделяет долгие, «среднедолгие» («нормальные»), т. е. нейтральные по длительности, краткие и ультракраткие (следующие после гортанного смычного) гласные, а также приводит примеры слов, значения которых различаются только «степенью долготы» гласных: *вэддä* ‘удочка’ — *вада* ‘слово’ — *вāда* ‘он сказал’. Однако в [Терещенко 1966: 377] Н. М. Терещенко выделяет только семь нейтральных по длительности гласных: *u, ы, y, э, o, э̄* (= *æ* в записи Т. Салминена), *a*, — видимо, рассматривая краткие и долгие как варианты нейтральных фонем (их «степени долготы»), хотя и указывает, что гласные разных степеней длительности могут выполнять смыслоразличительную функцию. Таким образом, остается неясным, сколько гласных фонем Н. М. Терещенко на самом деле выделяет в Т ненец.: судя по материалам словаря [Терещенко 1965, 2008], она рассматривает $\bar{a}$ и $\bar{a}$ как самостоятельные фонемы, но не приводит их в таблице гласных в [Терещенко 1966: 377]; вопрос о статусе $\bar{u}$ ($\bar{i}$) и $\bar{y}$ ($\bar{u}$) также остается открытым.

Обобщая, можно сказать, что основное различие в системах вокализма Т ненец. по данным Т. Салминена (1) и Н. М. Терещенко (2) сводится к следующему: в системе 1 *ы* (*i*) отсутствует как самостоятельная фонема, т. е. [i] и [ī] являются вариантами (аллофонами) одной фонемы; в системе 2 *ы* (*i*) является самостоятельной фонемой. Полевые данные позволяют нам принять систему вокализма Т. Салминена. Отметим, однако, некоторые отличия в употреблении звуков [i] и [ī] в центральном и восточных диалектах, с одной стороны, и западных, с другой.

Во всех трех диалектных зонах: центральной, восточной и западной — [ī] является аллофоном фонемы *i / ī* в позиции после твердых согласных (CV), а [i] — аллофоном фонемы *i / ī* в позиции после мягких согласных (C'V). Различие состоит в том, что в центральной и восточной диалектных зонах в абсолютном начале слова не употребляется ни тот, ни другой аллофон, т. к. в этих диалектах никакой гласный в этой позиции невозможен (запрет на неприкрытый слог). В западных же диалектах в абсолютном начале слова возможен только [ī], но не [i], что связано с отсутствием (опущением) [ŋ] в абсолютном начале слова, в том числе перед [ī] (при невозможности опущения [j], которым прикрывается [ī]); см. об этом явлении также [Salminen 1998: 16]: «the loss of *ng* in initial position in Western (...) dialects». Таким образом, мы не можем выделить основной вариант фонемы *i / ī* для центральных и восточных диалектов Т ненец., а в западных диалектах Т ненец. основным вариантом этой фонемы можно считать скорее [ī], а не [i].

	центральный и восточные диалекты	западные диалекты
CV	<i>ti</i> (ср. <i>ti</i> [Salminen 1998: 272], <i>ты</i> ‘олень (домашний)’ [Терещенко 1965: 678])	
	<i>ŋjɛra</i> (ср. <i>/ŋjɛra/</i> [Salminen 1998: 204], <i>уыера</i> ‘(зоол.) канюк’ [Терещенко 1965: 407])	—
C'V	<i>t'i</i> (ср. <i>tyi</i> [Salminen 1998: 274], <i>му</i> ‘вот’ [Терещенко 1965: 655])	
	<i>jir'i</i> (ср. <i>yiryi</i> [Salminen 1998: 274], <i>ури</i> ‘дед, дедушка (...)’ [Терещенко 1965: 147])	
#V	—	<i>ira</i> (‘(зоол.) канюк’ ³)

1.2. Основные характеристики ударения в тундровом ненецком языке

В данной работе мы рассматриваем ударение как выделение просодическими средствами одного слога в фонетическом слове, т. е. как супрасегментное выделение просодического ядра⁴. В этом разделе мы обобщим уже имеющиеся представления об ударении в тундровом ненецком языке.

³ Ср. также: *уыбкахальць* [Терещенко 1965: 406] = зап. *ыбкальць* [Терещенко 1965: 809] ‘ущипнуть ногтями’.

⁴ «Ударение (акцент) — выделение в речи той или иной единицы в последовательности однородных единиц с помощью фонетических средств» [ЛЭС 1990: 530].

1) Ударение в Т ненец. рассматривалось исследователями как экспираторно-квантитативное или экспираторное с элементами квантитативного. Указывалось также на то, что в большинстве случаев количественная характеристика гласных звуков зависит от ударения [Попова 1966б: 52]: обычно ударение падает на долгий гласный, однако, по данным Я. Н. Поповой, возможны также ударные краткие звуки [Попова 1966а: 47—48].

Отмечалось, что безударные гласные в Т ненец. обычно произносятся с меньшей интенсивностью и длительностью, чем ударные, т. е. подвергаются количественной и качественной редуции. По данным Я. Н. Поповой, наибольшей количественной редуции в ямальском диалекте Т ненец. подвергаются гласные *a, e, i, o* (и все гласные во втором, третьем и других предударных и постударных слогах, а также в абсолютном конце словоформы), наименьшей — *u, y* (и все гласные в первом предударном слоге) [Попова 1966а: 55; Попова 1966б: 53]. На качественную редуцию безударных гласных указывает также факт перехода безударных гласных среднего подъема (*e* и *o*) в конечных открытых слогах в гласные верхнего подъема (*i* и *u* соответственно), отмечаемый Т. Салминеном для восточных диалектов Т ненец.: «the alleged merger of unstressed *e* with *i* and *o* with *u* (...), e. g. *tato* > E(astern) ? *tatu* ‘spark’ (‘искра’)» [Salminen 1998: 16].

2) Вопрос о свободе / связанности ненецкого ударения, о том, может ли оно падать на любой или только на определенный слог фонетического слова, а следовательно, и о его фонологичности, способности к смыслоразличению, по-разному решался исследователями. Так, основные «полюса» представлены точками зрения Я. Н. Поповой и Н. М. Терещенко (а) и Т. Салминена (б).

а) Я. Н. Попова неоднократно отмечала, что ударение в ненецком языке является свободным — может падать на любой слог фонетического слова [Попова 1978: 67], а его место в каждой конкретной словоформе «обязательно и не может быть изменено» [Попова 1966а: 48]. Н. М. Терещенко также разделяла эту точку зрения, считая, что ненецкое ударение непредсказуемо, т. е. приписано определенному слогу фонетического слова [Терещенко 1965, 2008: 864]. Таким образом, ударение в ненецком языке признается ими фонологическим (смыслоразличительным), т. е. несущим помимо кульминативной и делимитативной функций еще и сигнификативную. По их мнению, в Т ненец. слова могут различаться по значению только в зависимости от места ударения: ср. *tэ́ва* ‘хвост’ — *tэ́вá* ‘дойти, достичь’, *то́да(сь)* ‘вырвать, стошнить’ — *то́дá(сь)* ‘греться (у огня)’ [Терещенко 1965, 2008: 864]; *βtá⁵* ‘лишний, свободный; излишек’ — *βátv(s)* ‘быть загороженным; загораживать’ [Попова 1966а: 48; Попова 1966б: 52].

б) Высказывалась и противоположная точка зрения на свободу ударения в ненецком языке: ненецкое ударение является связанным, ограниченным. Так, по мнению Т. Салминена [Salminen 1997; Salminen 2007: 350], место ненецкого ударения зависит от наличия в слове особой фонемы — «schwa phoneme °», которая реализуется в звучащей речи при чередовании с *ə* (в записи Т. Салминена — *ø*) по правилам редуции: «one of the salient features of the schwa is that it makes the preceding syllable stressed» [Salminen 2007: 359]. Кроме того, Т. Салминен выделяет два типа ударения в ненецком языке, каждое из которых является связанным: 1) «primary stress» (первичное, основное, главное ударение) — падает на начальный слог фонетического слова; 2) «secondary stress» (второстепенное, побочное ударение) — падает на неконечный нечетный слог («non-final odd syllable») или слог, предшествующий слогу со ° («pre-schwa syllable») [Salminen 2007: 350].

3) Ударение в Т ненец. неоднократно признавалось исследователями подвижным, разноместным и морфологически обусловленным. Отмечалось, что оно может перемещаться с одного слога на другой при словообразовании и словоизменении [Терещенко 1965, 2008: 864]. К наиболее частотным падежным и посессивным аффиксам, влияющим на место ударения в именах, т. е. при наличии которых словесный акцент смещается на слог вправо (ближе к концу фонетического слова), относятся следующие: *-n⁶* DAT-LAT.SG (*-n^h* [Salminen 1998: 30], *-n^ʔ* [Терещенко 1966]); *-w(ə)na* PROS.SG (*-w^ona* [Salminen 1998: 30], *-w(ə)na* [Терещенко 1966]); *-w* NOM/ACC.SG.POSS.1.SG (*-w^o* [Salminen 1998: 30], *-w* [Терещенко 1966]); *-r* NOM.SG.POSS.2.SG (*-r^o* [Salminen 1998: 30], *-r* [Терещенко 1966]) и др. (*-mt^o* ACC.SG.POSS.2.SG [Salminen 1998: 30], *-nt^o* GEN.SG.POSS.2.SG [Salminen 1998: 30]).

Приведем примеры на эти формы (в круглых скобках дана запись этих форм в фонологической системе Т. Салминена [Salminen 1998]): *jal’a* [jal’ɔ] NOM.SG ‘день; свет, освещение’ — *jal’a-n^ʔ* [jal’án’] DAT.SG — *jal’a-w^ona* [jal’áwnɔ] PROS.SG (*yalya* NOM.SG — *yalya-n^h* DAT.SG — *yalya-w^ona* PROS.SG); *ɲuda* [ɲúdɔ] NOM.SG ‘рука’ — *ɲudá-w* [ɲudáw] / [ɲudáɥ] NOM/ACC.SG.POSS.1.SG ‘рука-моя’ — *ɲudá-r*

⁵ Символом *v* здесь и далее обозначен редуцированный [a].

⁶ Символом *ʔ* здесь и далее обозначен «звонкий» гортанный смычный (чередующийся с *j* и *n*), а символом *ʔ* — «глухой» гортанный смычный (чередующийся с *s* и *d*). В записи Т. Салминена первому (ʔ) соответствует символ *h*, а второму (ʔ) — *q*.

[ɲudár] NOM.SG.POSS.2.SG ‘рука-твоя’ (*nguda*⁷ NOM.SG — *nguda-w*^o NOM/ACC.SG.POSS.1.SG — *nguda-r*^o NOM.SG.POSS.2.SG)⁸.

Ср. также данные П. Д. Старовойта о том, что при словоизменении место ударения (повышения частоты основного тона) может смещаться на «плюсовые» суффиксы (“pitch-attracting suffixes”), если фонетическое слово является “lexically unaccented”, и не может, если оно “lexically accented” [Staroverov 2006: 6—7].

Отдельно отметим, что в ямальском диалекте Т ненец. ударение в форме винительного падежа (аккузатива) единственного числа (ACC.SG)⁹ остается на том же слоге фонетического слова, что и в форме именительного падежа (номинатива) единственного числа (NOM.SG). Приведем ряд примеров (в круглых скобках дана запись этих форм в фонологической системе Т. Салминена [Salminen 1998]):

а) с ударением на первом слоге — *jál'a* [jál'ɔ] NOM.SG ‘день; свет, освещение’ — *jál'a-m*(?) [jál'ɔm(?)] ACC.SG (*yalya* NOM.SG — *yalya-m* ACC.SG); *lóxo* [lóxo] / [lóɣo] NOM.SG ‘угол’ — *lóxo-m*(?) [lóxɔm(?)] / [lóɣom(?)] ACC.SG (*loxo* NOM.SG — *loxo-m* ACC.SG); *jír'i* [jír'i] NOM.SG ‘дед, бабушка (отец отца или матери); прадедушка; старший брат отца или матери; свекор; старший брат мужа; все мужчины из рода мужа, старше его; (перен.) медведь, волк’ — *jír'i-m*(?) [jír'im(?)] ACC.SG (*yiryi* NOM.SG — *yiryi-m* ACC.SG);

б) с ударением на втором слоге — [ɲwád(?)] NOM.SG ‘подреберье; поясница; область таза; зад, задняя часть туловища (животного)’ — [ɲwád'm(?)] ACC.SG (*ngawad*^o NOM.SG — *ngawad-m* ACC.SG); [ɲoró] NOM.SG ‘один, одна, одно’ — [ɲorójm(?)] / [ɲoró'm(?)] ACC.SG (*ngopoy*^o NOM.SG — *ngopoy-m* ACC.SG); [jimbít(?)] NOM.SG ‘рубашка, рубаха, сорочка’ — [jimbít'm(?)] ACC.SG (*yimpit*^oq NOM.SG — *yimpit-m* ACC.SG)¹⁰.

Таким образом, при определении места словесного акцента в именах с открытым конечным слогом в номинативе единственного числа (NOM.SG) полезно знать, как звучит это имя в форме аккузатива единственного числа (ACC.SG), когда конечный слог закрыт и длительность гласного в конечном слоге ограничена наличием закрывающего слог согласного, что упрощает задачу постановки ударения. В дальнейшем мы будем привлекать формы аккузатива единственного числа к анализу наряду с формами номинатива.

Продемонстрируем разницу в просодическом оформлении фонетического слова в форме ACC.SG (где ударение не перетягивается с первого слога на второй) и фонетического слова в форме DAT-LAT.SG (где ударение перетягивается с первого слога на второй) в ямальском диалекте Т ненец.: *χáda* [χáɖɔ] NOM.SG (ср. *xada* ‘бабушка; прабабушка; свекровь; невестка (жена старшего брата мужа); все женщины из рода отца и рода матери, старше их; бабушка (обращение к любой старой женщине)’ [Терещенко 1965, 2008: 714], *xada* (N a→∅) [Salminen 1998: 177]) — *χádam*(?) [χáɖɔm(?)] ACC.SG (ср. *ха-*

⁷ В записи Т. Салминена согласная фонема *ɲ* обозначается как диграф *ng*.

⁸ О том, что ударение перетягивается на слог вправо в посессивной форме NOM/ACC.SG.POSS.1.SG, косвенно свидетельствуют также данные, полученные из словаря Т. Лехтисало, например: O, T₁, U, Oks., U-Ts. *pāpp* ‘jüngerer Bruder, Sohn des älteren Bruders’ ‘младший брат, сын старшего брата’ — N *pāppāβ* NOM/ACC.SG.POSS.1.SG [Lehtisalo 1956: 348a]; O, T₇, Sj., Oks., N *βādɲ*, OP *βādāp* ‘Wort, Sprache’ ‘слово, язык (речь)’ — M *βādāβ* NOM/ACC.SG.POSS.1.SG [Lehtisalo 1956: 57a]; O, Oks. *χādɲ*, Sj. *χāDɲ*, K, U, U-Ts. *χādæ* ‘Grossmutter (z. B. Mutter der Mutter, Mutter des Vaters, ältere Schwester der Mutter u. a.)’ ‘бабушка (например, мать матери, мать отца, старшая сестра матери и т. д.)’ — N *χādāβ* ‘meine Grossmutter’ ‘моя бабушка’ NOM/ACC.SG.POSS.1.SG [Lehtisalo 1956: 175b]; T₁ *n'āβɲ* ‘Stiefmutter, zweite Frau des Vaters, Frau des älteren Bruders’ ‘мачеха, вторая жена отца, жена старшего брата’ — T₁ *n'āβāβ* [Lehtisalo 1956: 309b]; O, Sj., U, U-Ts. *jīrī*, OP *jīr'r'ī* ‘Grossvater (z. B. Vater od. älterer Bruder der Mutter, des Vaters, U auch: Vater der Frau, des Mannes)’ ‘дедушка (например, отец или старший брат матери, отца, в диалекте U также: отец жены, мужа)’ — Oks., N *jīr'īβ* NOM/ACC.SG.POSS.1.SG [Lehtisalo 1956: 129b] и др. Во всех этих случаях отмечена долгота гласного второго слога в посессивной форме NOM/ACC.SG.POSS.1.SG, тогда как в форме NOM.SG второй гласный не маркирован по длительности. Можно предположить, что отмеченная долгота второго гласного в данных посессивных формах в записи Т. Лехтисало свидетельствует о перетяжке ударения на второй слог.

⁹ Здесь речь идет именно о формах аккузатива единственного, а не множественного числа, потому что в формах винительного падежа множественного числа (ACC.PL) наблюдается целый ряд морфонологических чередований в именных основах.

¹⁰ О том, что ударение не перетягивается на слог вправо в форме ACC.SG, косвенно свидетельствуют также данные, полученные из словаря Т. Лехтисало, например: Oks. *βādɲ* ‘Wort, Sprache’ ‘слово, язык (речь)’ — Oks. *βādāp* ACC.SG [Lehtisalo 1956: 57a]. Как мы видим, здесь не отмечена долгота гласного второго слога в ACC.SG, а так же, как и в номинативе, обозначена долгота гласного первого слога.

дам' в записи Н. М. Терещенко, *xada-m* в записи Т. Салминена) — *χadán[?]* (*χadán^{o?}*) [*χadán^(?)*] DAT-LAT.SG (ср. *χадан'* в записи Н. М. Терещенко, *xada-n^{oh}* в записи Т. Салминена); см. ниже шесть спектрограмм на *Рис. 1—6*).

Если в формах NOM.SG и ACC.SG длительность первого гласного превышает длительность второго на 0,026—0,057 сек. (26—57 мсек.) и даже более, средняя интенсивность первого гласного больше средней интенсивности второго на 1,3—4,7 дБ, а максимальная — на 1,6—3,5 дБ, то в формах DAT-LAT.SG, наоборот, длительность второго гласного превосходит длительность первого — на 0,037—0,045 сек. (37—45 мсек.), средняя интенсивность второго гласного больше средней интенсивности первого примерно на 2 дБ и даже на 5,5 дБ, а максимальная — на 1,6 дБ и на 5,5 дБ соответственно. Отметим также повышение частоты основного тона на гласном второго слога в формах DAT-LAT.SG.

	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
NOM.SG	<i>χáda</i> [χáɗɒ]	0,116	81,75 (81,08)	198-166 (180)	0,090	78,22 (76,38)	171	ЯМГ (1)
	<i>χáda</i> [χáɗɒ]	0,123	73,98 (72,74)	193-154 (166)	0,055 (придых.)	70,59 (69,06)	171-190 (181)	ЯМГ (2)
ACC.SG	<i>χádam^(?)</i> [χáɗɒm]	0,123	79,87 (77,95)	151	0,094	77,08 (74,58)	139-122 (129)	OXX (1)
	<i>χádam^(?)</i> [χáɗɒm]	0,111	74,60 (73,14)	129-115 (121)	0,054	73,03 (71,82)	116	OXX (2)
DAT-LAT.SG	<i>χadán[?]</i> (<i>χadán^{o?}</i>) [χadán]	0,088	73,89 (72,75)	133-124 (127)	0,133	79,36 (78,38)	140	OXX (1)
	<i>χadán[?]</i> (<i>χadán^{o?}</i>) [χadán]	0,082	79,25 (77,63)	137-127 (131)	0,119	80,83 (79,49)	149-185	OXX (2)

Рис. 1. Т ямал. [χáɗɒ] *χáda* [ЯМГ: 1] NOM.SG

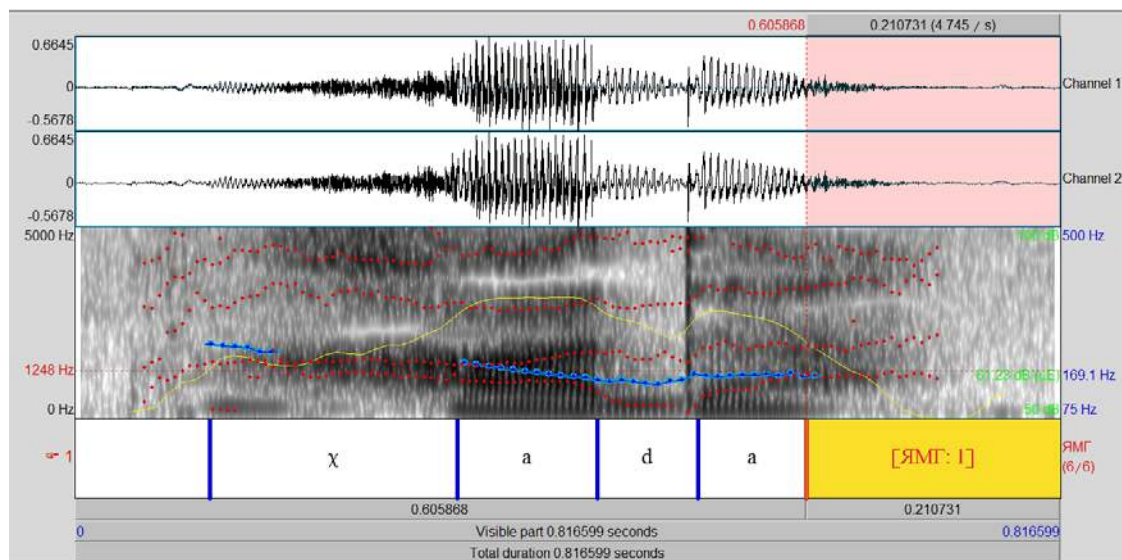

Рис. 2. Т ямал. [χáδɔ] χάδα [ЯМГ: 2] NOM.SG

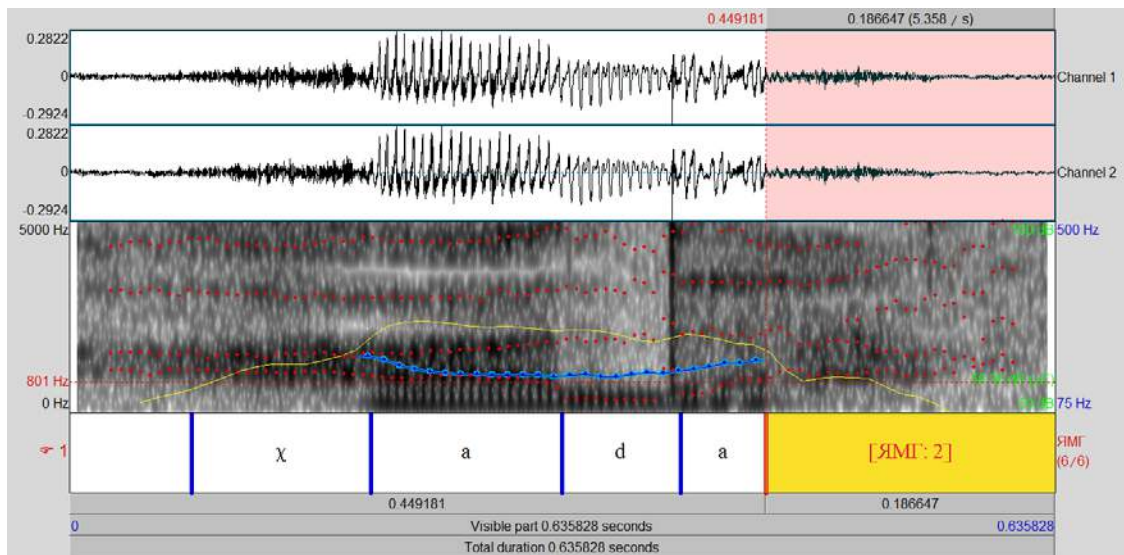

Рис. 3. Т ямал. [χáδɔm] χάdam(?) [OXX: 1] ACC.SG

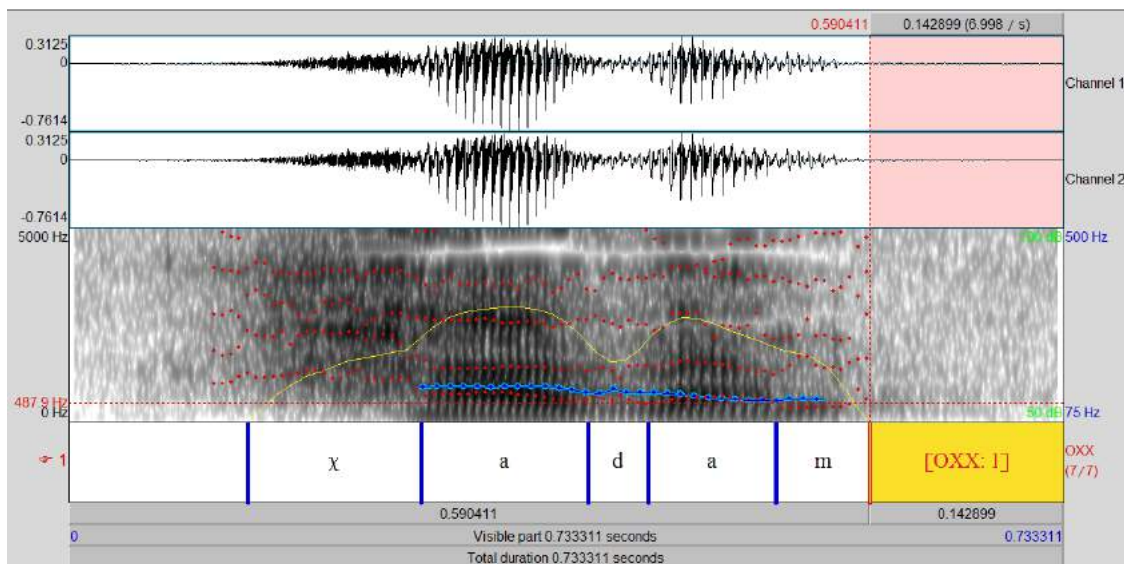

Рис. 4. Т ямал. [χáδɔm] χάdam(?) [OXX: 2] ACC.SG

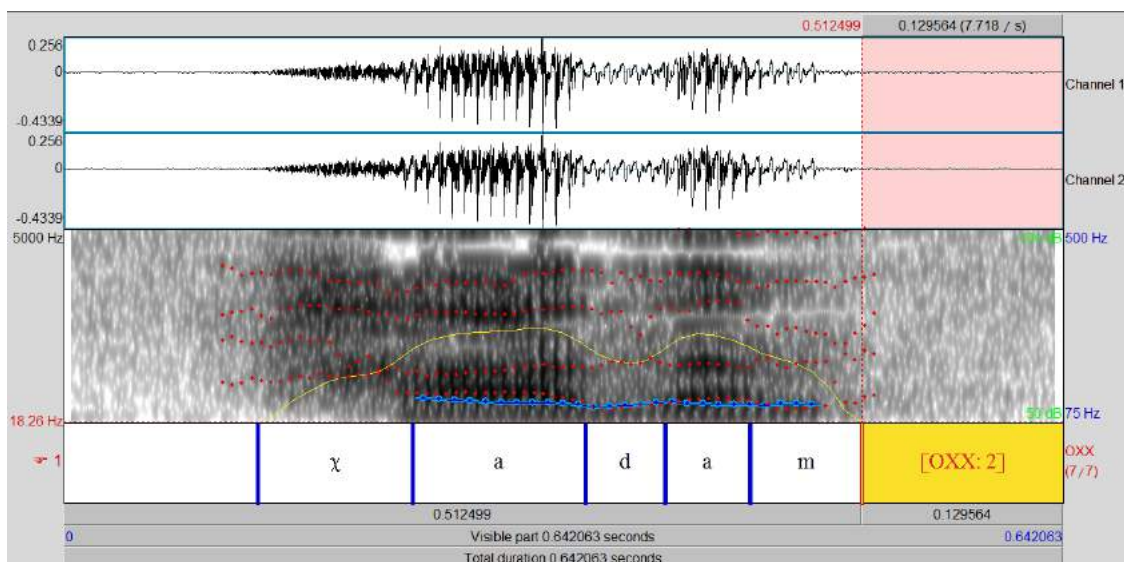
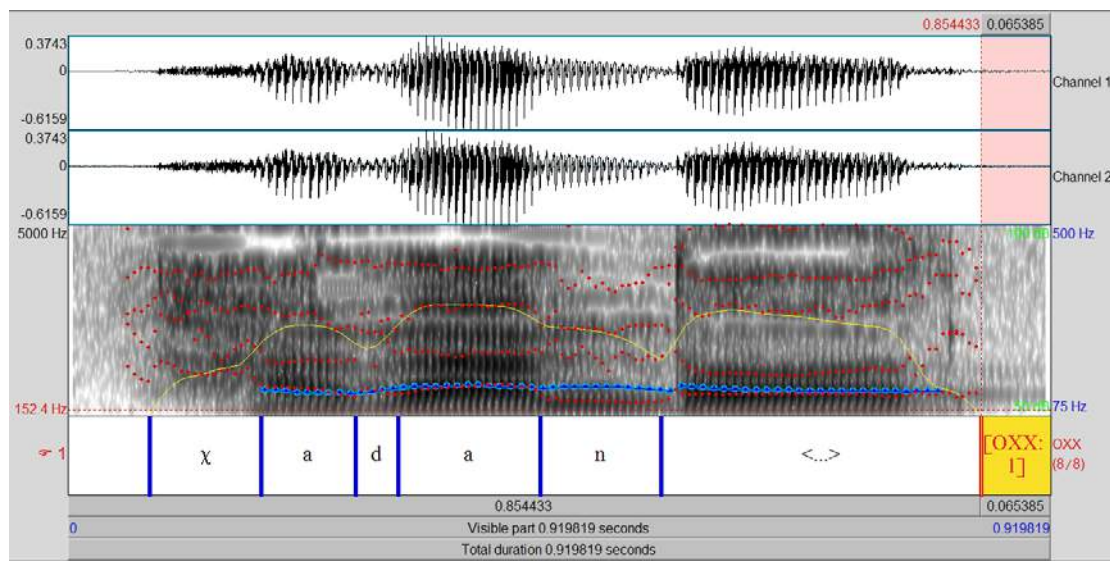
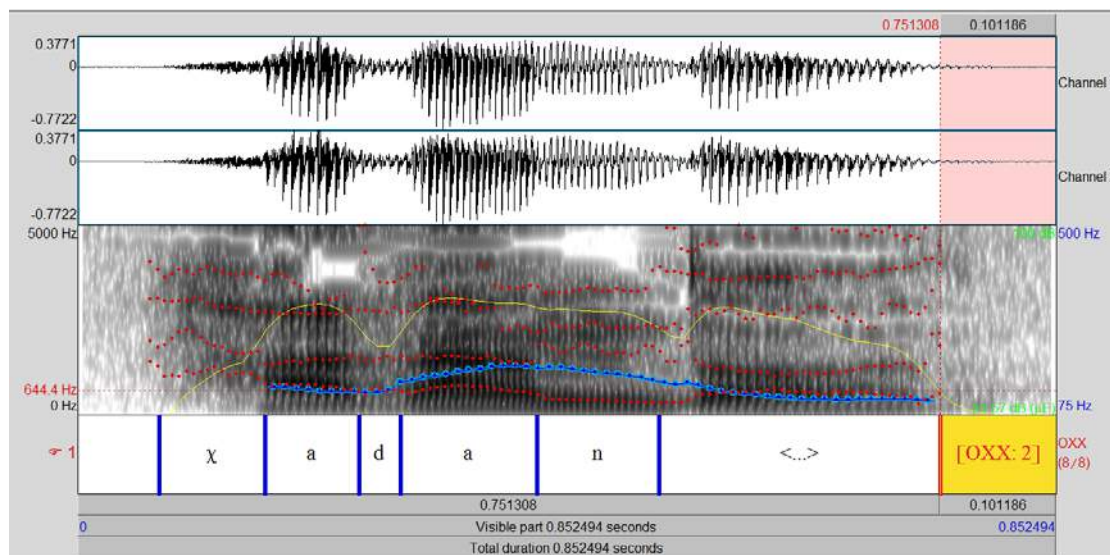

Рис. 5. Т ямал. [χadán] χadánʔ (χadán^o) [OXX: 1] DAT-LAT.SGРис. 6. Т ямал. [χadán] χadánʔ (χadán^o) [OXX: 2] DAT-LAT.SG

Таковы основные характеристики ударения в ненецком языке, которые уже кратко рассматривались в ряде работ. Однако сведения по ненецкой акцентной системе до сих пор остаются отрывочными и противоречивыми, а словаря, в котором было бы последовательно отражено ударение большинства ненецких слов, до сих пор не существует, как не существует и всеобъемлющего исследования, посвященного изучению супrasegmentной фонетики разных диалектов Т ненец.

1.3. Способы определения места словесного акцента (ударения)

Ударение — это «абстрактный маркер, символизирующий некоторую ритмическую структуру с помощью указания ее кульминативной вершины» [Кодзасов, Кривнова 2001: 471]. «Актуализация ударения при порождении речи состоит в разворачивании этой ритмической схемы, в ходе которого происходит ранжирование слогов по степени выделенности. Оно может реализовываться как через просодические процессы (удлинение / сокращение длительности, усиление / ослабление артикуляционной активности, усиление / ослабление дыхательной активности), так и через связанные с ними сегментные (в частности, изменение качества гласных)» [Кодзасов, Кривнова 2001: 471].

Общепризнанно, что ударение проявляется, прежде всего, «в кульминативной выделенности ударного слога (гласного) на фоне остальных слогов (гласных) в том же слове по достаточно абстрактному параметру просодической выделенности» («метрической или тонической силы», как называл это свойство

А. А. Потебня) [Кривнова 2004: 2]¹¹, однако длительность звуковых единиц и другие акустические характеристики зависят от многих факторов, а «фонетическая выделенность создается разными акустическими параметрами, причем, возможно, с разным весом в разных ситуациях» [Кривнова 2004: 2]. При определении места словесного акцента принято руководствоваться следующими типами «оценок выраженности ударения».

1) **«Оценка по максимуму»**: во многих случаях ударный гласный (далее — УГ) выделен максимальной длительностью (и наибольшей интенсивностью) на фоне остальных гласных в фонетическом слове (далее — ФС), однако безударный гласный (далее — БГ) также может иметь максимальную длительность или количественно совпадать с УГ [Кривнова 2004: 6]¹². «Принцип “ударный гласный — максимальная длительность” выполняется достаточно устойчиво и практически одинаково в синтагмах разной длины и в разных позициях (в 60—65% слов). Отчетливо видна зависимость выполнения этого принципа от фонемного качества ударного гласного: чем ниже подъем гласного и, следовательно, больше его собственная длительность, тем реже принцип максимума нарушается» [Кривнова 2004: 6].

В терминологии С. В. Кодзасова этому типу оценки соответствует «кульминативная тактика» определения ударения: как акцент ощущается большее значение признака, т. е. более высокий тон, бóльшая громкость (как следствие большего дыхательного усилия или более широкого раствора), бóльшая напряженность (в том числе резкое начало слога), большее количество (долгота гласного, закрытость слога) [Кодзасов 1991: 108—109].

2) **«Оценка выраженности ударения по контрасту»** [Кривнова 2004: 3] значима, например, при изучении словесного акцента в русском языке. «Характерной чертой русского слова являются и различия в метрической силе между предударными и заударными гласными, которые наиболее ярко проявляются в слогах, примыкающих к ударному, в результате чего ударный гласный гораздо слабее контрастирует с первым предударным гласным, чем с первым заударным» [Кривнова 2004: 2—3].

В терминологии С. В. Кодзасова этому типу оценки соответствует тактика «перелома»: как акцент ощущается изменение значения признака, т. е. ступенчатое изменение тона или фонации на слоговой границе, тональное скольжение или фонационный глайд внутри слога [Кодзасов 1991: 108—109].

3) **«Оценка выраженности ударения по временному эталону»**: длительность любого БГ меньше длительности «виртуального» ударного аллофона той же фонемы, поэтому наиболее последовательно различия по длительности УГ и БГ отражаются в том случае, когда эти гласные являются аллофонами одной и той же фонемы [Кривнова 2004: 3].

При определении места ударения в фонетических словах тундрового ненецкого языка мы опирались на перечисленные типы оценок. При этом «оценка по максимуму» оказалась доминирующей и наиболее употребительной во всех случаях за исключением ФС с узким УГ (верхнего подъема) и широким БГ (нижнего подъема), а «оценка по временному эталону» выходила на первый план в фонетических последовательностях с однородным вокалическим составом (одинаковыми УГ и БГ).

Перечислим основные трудности при определении места словесного акцента в тундровом ненецком языке, с которыми мы встретились в ходе исследования.

1) Для Т ненец. в первую очередь характерна количественная редукция безударных гласных, качественная же редукция выражена значительно слабее, чем, например, в русском языке, что может вызвать у «русского уха», привыкшего к качественной редукции заударных гласных, впечатление побочного ударения или «равнозначности», «равноударности» всех гласных, характерное для языков с «плюралистической ритмизацией», при которой слово содержит «множество независимых просодических слоев: тональный, фонационный, динамический, количественный, растворный» [Кодзасов 1991: 108]. Языки, для которых почти нехарактерна качественная редукция, принято относить к языкам со слабоцентрализующим ударением — в противоположность языкам с сильноцентрализующим акцентным выделением (например, русский) [Баданова 2007: 2].

2) Безударный гласный конечного открытого слога ФС может превышать по длительности ударный, что вызвано продлением гласного открытого слога в абсолютном исходе синтагмы, которое особенно заметно перед паузой (см. об этом явлении также [Кривнова 1991; Кривнова 2004: 7]). Здесь необходимо оговорить, что в данной статье мы приводим числовые сведения по общей длительности гласных звуков в абсолютном конце ФС, т. е. не отделяем основное «ядро» гласного (до «перелома» формант) от «при-

¹¹ «Распространенный и естественный способ выделения ударной вершины слова состоит в том, что слог, находящийся под ударением, артикулируется более тщательно и с бóльшим мускульным усилием, чем безударные слоги» [Кодзасов, Кривнова 2001: 188].

¹² Отметим, что в работе [Кривнова 2004] выводы делаются в первую очередь на материале русского языка.

звука», «побочной части» гласного, длительность которой не является релевантной и может заметно колебаться в конкретных произнесениях.

3) Следует также оговорить и определенную роль фразовой просодии, которая может накладываться свой «отпечаток» на словесную даже при изолированном произнесении ФС. Так, типичным случаем наложения фразовой просодии на словесную можно считать перечислительную интонацию при повторных изолированных произнесениях одного и того же слова, даже разделенных паузой.

Что касается сопоставления количественных показателей длительности гласных первого слога (1С) и второго слога (2С), то здесь следует упомянуть о необходимости разделения существенных и несущественных темпоральных различий и дифференциальной чувствительности слуха к ним. В работе [Венцов, Малинникова 1981] и ряде других приводятся данные об относительной величине дифференциального порога по длительности и результаты опытов по определению относительной величины зоны нечувствительности слуха к временным различиям: для длительностей ≥ 100 мсек. (0,1 сек.) относительные значения порога и ширины зоны нечувствительности близки и составляют примерно 10%, а для длительностей < 100 мсек. (0,1 сек.) указанные величины составляют около 15% [Кривнова 2004: 3]. По мнению Клатта [Klatt 1976], только изменения порядка 20% и более могут быть значимы для восприятия речи, т. е. в среднем (при длительности УГ в 60—200 мсек., 0,06—0,2 сек.) минимальные темпоральные различия, обнаруживаемые на слух, составляют 12—40 мсек. (0,012—0,04 сек.) [Lehiste 1970; Кривнова 2004: 4].

1.4. Представление полевого материала

Полевые данные были собраны нами по специальной анкете, нацеленной на выявление акцентных характеристик фонетически двусложных¹³ имен разных слоговых структур и вокалического состава. Каждое из интересующих нас слов трижды было повторено носителями в изолированном произнесении, а также в различных контекстах (в разных грамматических формах). Собранные данные были проанализированы с помощью программы-анализатора звучащей речи «Praat».

Так как обычно принято выделять три фонетических компонента ударения (по преобладанию одного из них определяется фонетический тип ударения): 1) интенсивность, «достигаемую увеличением мускульного напряжения и усилением выдоха», 2) высоту голосового тона и 3) длительность [ЛЭС 1990: 530], — то ниже мы подробно останавливаемся именно на этих трех параметрах, анализируя их комбинаторику и значимость каждого из них¹⁴.

В таблицах, представленных ниже, приведены следующие данные:

1) по длительности — в секундах с точностью до 0,001 сек. (Д1 — длительность гласного первого слога, Д2 — длительность гласного второго слога);

2) максимальной (пиковой) и средней (суммарной) интенсивности — в децибелах с точностью до 0,01 дБ (И1 — интенсивность гласного первого слога, И2 — интенсивность гласного второго слога);

3) частоте основного тона — в герцах с точностью до 1 Гц (ЧОТ1 — частота основного тона гласного первого слога, ЧОТ2 — частота основного тона гласного второго слога).

Числовые показатели максимальной (пиковой) интенсивности гласных приводятся за пределами скобок, а средней (суммарной) — в круглых скобках. Если частота основного тона значительно изменяется на протяжении произнесения гласного звука, то через дефис приводятся несколько числовых показателей (1); если же ЧОТ остается практически неизменной, приводится только средняя ЧОТ (2); в случае одновременного указания на (1) и (2) данные по средней ЧОТ приводятся в круглых скобках, а данные по динамике ЧОТ — за пределами скобок.

В последней колонке («инф.») указаны инициалы информантов, в произнесении которых были записаны фонетические слова, привлекаемые к анализу (данные об информантах приводятся в конце статьи).

В формулах слоговых структур *С* обозначает любой согласный, а *V* — любой гласный звук; мягкость обозначается прямым апострофом с наклоном (').

Спектрограммы рассмотренных фонетических слов в форме номинатива единственного числа приводятся в конце статьи в *Приложении 1*, а в форме аккумулятива единственного числа — в *Приложении 2*.

¹³ Однако не всегда фонетически двусложные имена являются фонологически двусложными по мнению Т. Салмина: в его фонологической системе, детально представленной в [Salminen 1998], они могут быть и трехсложными — со ° в одном из слогов. Подробнее о конкретных случаях фонологизации см. ниже.

¹⁴ «Обычно в языках, имеющих У. (ударение), сочетаются все указанные признаки, но значимость их бывает различной» [ЛЭС 1990: 530].

2. Ударение в фонетически двусложных непроезженных¹⁵ именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъема, в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка

Как уже было упомянуто во Введении, различия по длительности ударного гласного (УГ) и безударного гласного (БГ) отражаются наиболее последовательно, когда эти звуки являются аллофонами одной и той же фонемы [Бондарко 1977; Кривнова 2004: 3]. Таким образом, анализ акустических характеристик ударения фонетических слов с однородным вокалическим составом — с одинаковыми гласными в первом (1С) и втором (2С) слогах, т. е. гласными, обладающими одинаковой ингерентной длительностью, — представляется наиболее показательным и наименее спорным, т. к. дает возможность опираться на оценку выраженности ударения по временному эталону: длительность любого безударного гласного меньше длительности «виртуального» ударного аллофона той же фонемы.

2.1. Акцентные характеристики фонетических слов с гласными нижнего подъема (а) в первом и втором слогах в ямальском диалекте

Нам кажется целесообразным начать анализ акцентных характеристик фонетических слов (ФС) с однородным вокалическим составом с имен, в которых как в первом, так и во втором слоге представлен гласный нижнего подъема (а). Это связано с тем, что, как уже было указано выше, принцип оценки ударения по максимуму (т. е. когда ударный гласный выделен максимальной длительностью и наибольшей интенсивностью на фоне остальных гласных в фонетическом слове) зависит от фонемного качества ударного гласного: «чем ниже подъем гласного и, следовательно, больше его собственная длительность, тем реже принцип максимума нарушается» [Кривнова 2004: 6].

Таким образом, акустические корреляты ударения в ФС с вокалической слоговой структурой а—а представляются менее сложными для анализа, чем ФС с гласными верхнего и среднего подъема. Кроме того, в Т ненец. представлено значительное число непроезженных имен с гласными а в первом и втором слогах, и их количество превышает количество ФС с одинаковыми гласными верхнего и среднего подъема в 1С и 2С.

2.1.1. В *Таблице 1* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных а в первом и втором слогах фонетических слов, где оба слога открытые, т. е. слоговой структуры [CaCa], представленной подвидыми: [CaCa], [CaC'a], [C'aCa], [C'aC'a], — где 1) оба согласных твердые (слова 1Я, 2Я), 2) первый согласный твердый, а второй мягкий (3Я), 3) первый согласный мягкий, а второй твердый (4Я, 5Я, 6Я), 4) оба согласных мягкие (7Я). Спектрограммы (всего 24) этих фонетических слов см. в *Приложении 1, (1Я)—(7Я)*.

[CaCa]:

(1Я) лата I ‘доска; пол (в чуме)’, лата II ‘широкий, свободный, обширный; плоский’ [Терещенко 1965, 2008: 178], лата (N a→ø), LAQTA [Salminen 1998: 208], O, Sj., MB lātt̃p, OP lātt̃æ, T₁, U, M lātt̃æ ‘breit; Brett; Fussboden, Diele’ <‘широкий; доска; пол’> [Lehtisalo 1956: 223a]; ср. Л ла”ма ‘пол (в доме, чуме); деревянный настил нарты’ [Бармич, Вэлло 2002: 59, 241] (но: ла”тку ‘доска’ [Бармич, Вэлло 2002: 57]), ла”ма ‘широкий, просторный, обширный’ [Бармич, Вэлло 2002: 56, 284], ‘лата ‘ширина’ [Попова 1978: 43], Lj., Nj. rā”tt̃p̃ ‘Brett; Fussboden, Diele’ <‘доска; пол’> [Lehtisalo 1956: 223a];

(2Я) хада ‘бабушка; прабабушка; свекровь; невестка (жена старшего брата мужа); все женщины из рода отца и рода матери, старше их; бабушка (обращение к любой старой женщине)’ [Терещенко 1965, 2008: 714], хада (N a→ø), ХАТА¹ [Salminen 1998: 177], O, Oks. xād̃p, Sj. xād̃p, K, U, U-Ts. xād̃æ ‘Grossmutter (z. B. Mutter der Mutter, Mutter des Vaters, ältere Schwester der Mutter u. a.)’ <‘бабушка (например, мать матери, мать отца, старшая сестра матери и т. д.)’> [Lehtisalo 1956: 175b]; ср. Л kāta ‘бабушка, прабабушка; свекровь; обращение к любой старой женщине; тетя (старшая сестра матери или отца)’ [Бармич, Вэлло 2002: 45], ‘kāta ‘бабушка’ [Попова 1978: 33], Lj. kāt̃p̃ ‘Grossmutter, Mutter der Mutter, ältere Schwester der Mutter, Frau des älteren Bruders der Mutter, Mutter des Vaters, Frau des älteren Bruders des Vaters, ältere Schwester des Vaters, ältere Schwester des Mannes, Frau des älteren Bruders des Mannes, Mutter (vom Erwachsenen so genannt)’ <‘бабушка, мать матери, старшая сестра матери, жена

¹⁵ Под «непроезженными» здесь и далее мы понимаем слова, которые не являются производными по продуктивным моделям в современном тундровом ненецком языке, при этом на прасамодийском или протоненецком уровнях они могут быть производными и образованными по типичным словообразовательным моделям.

старшего брата матери, мать отца, жена старшего брата отца, старшая сестра отца, старшая сестра мужа, жена старшего брата мужа, мать») [Lehtisalo 1956: 175a—176b] < ПС *kātā [Janhunen 1977: 62].

[CaCa]:

(3Я) *халя* ‘рыба’, ‘рыбный’ [Терещенко 1965, 2008: 729], *xalya* (N *ya→e*), XALYA [Salminen 1998: 232], О, Т₂, Т₇, S_{j.}, Oks., U-Ts. *χāl'l'e*, К *χāl'l'e*, ОР *χāl'l'ə^o*, N *χāl'l'ə^a* ‘Fisch’ <‘рыба’> [Lehtisalo 1956: 165b]; ср. Л *кәля* ‘рыба; рыбный’ [Бармич, Вэлло 2002: 41], *'käl'a* ‘рыба; рыбный’ [Попова 1978: 28], L_{j.}, S, Ni., P₂ *käl'lär*, N_{j.} *kär'r'är* ‘Fisch’ <‘рыба’> [Lehtisalo 1956: 165b] < ПС *kälä [Janhunen 1977: 59].

[C'aCa]:

(4Я) *няба* ‘мачеха; золовка, жена старшего брата (по отношению к младшим сестрам и братьям мужа); тетка, жена младшего брата отца; жена двоюродного брата (старше говорящего)’ [Терещенко 1965: 335—336], *nyaba* (N *a→ə¹⁶*), NYAPA [Salminen 1998: 172], ямал. *n'äbv* ‘жена старшего брата’ [Попова 1966а: 52], О, S_{j.}, К, U, U-Ts., МВ *n'äb'v*, Т₁, N *n'äbv* ‘Stiefmutter, zweite Frau des Vaters, Frau des älteren Bruders’ <‘мачеха, вторая жена отца, жена старшего брата’> [Lehtisalo 1956: 309b]; ср. Л *ана* ‘старшая сестра; теть (младшая сестра отца)’ [Бармич, Вэлло 2002: 10, 261, 271], *'näpa* ‘жена старшего брата’ [Попова 1978: 62], L_{j.} *n'äp'p'ä*, P *n'äp'p'* ‘Stiefmutter, zweite Frau des Vaters, Frau des älteren Bruders; Frau des jüngeren Bruders der Mutter, Frau des Sohnes des älteren Bruders der Mutter’ <‘мачеха, вторая жена отца, жена старшего брата; жена младшего брата матери, жена сына старшего брата матери’> [Lehtisalo 1956: 309b] < ПС *äpā [Janhunen 1977: 21];

(5Я) *няда* ‘ягель (лишайник, служащий кормом для оленей)’ [Терещенко 1965, 2008: 337], *nyada* (N *a→ə*), NYATA [Salminen 1998: 177], О *n'äd'v*, ОР *n'äd'v* ‘Renntierflechte’ <‘ягель’> [Lehtisalo 1956: 310b]; ср. Л *нята* ‘ягель (лишайник, служащий кормом для оленей); мох’ [Бармич, Вэлло 2002: 90], *'näta* ‘ягель (лишайник, служащий кормом для оленей)’ [Попова 1978: 62], L_{j.}, N_{j.} *n'ät'p'ä*, P *n'ät'p'* ‘Renntierflechte’ <‘ягель’> [Lehtisalo 1956: 310b] < ПС *näcā [Janhunen 1977: 105];

(6Я) *нява* ‘заяц’ [Терещенко 1965: 336], *nyawa* (N *a→ə*), NYAWA [Salminen 1998: 226, 492], О, S_{j.}, К, U-Ts., М *n'äb'v'v'* ‘Hase’ <‘заяц’> [Lehtisalo 1956: 300b] < ПС **n'ämā* [Janhunen 1977: 105—106].

[C'aC'a]:

(7Я) *яля* ‘день; свет, освещение’ [Терещенко 1965, 2008: 838], *yalya* (N *ya→e*), YALYA [Salminen 1998: 232], ямал. *jäl'v* ‘день’ [Попова 1966а: 50], О *jäl'l'e*, ОР, Т₁, S_{j.}, U, Oks., МВ, N *jäl'l'e*, S_{j.} *jäl'l'är* ‘Licht; Sonne; Tag’ <‘свет; солнце; день’> [Lehtisalo 1956: 91b]; ср. Л *дәля* ‘день; свет, освещение; солнце’, ‘светлый, яркий; ясный’ [Бармич, Вэлло 2002: 35], *'jal'a* ‘солнце; свет, день’ [Попова 1978: 11—12], L_{j.}, S *jäl'lär*, P *jäl'lär*, Kis₂ *jäl'l'ə^o*, Ni. *jäl'l'ə^o*, N_{j.} *jär'r'är* ‘Licht; Sonne; Tag’ <‘свет; солнце; день’> [Lehtisalo 1956: 91b—92a] < ПС *jälä [Janhunen 1977: 40].

Таблица 1

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a—a</i>)								
[CaCa] ([CaCa], [CaC'a], [C'aCa], [C'aC'a])								
1Я	<i>lata</i> [látv]	0,121	85,24 (82,79)	169-151 (159)	0,089 ¹⁷	87,81 (83,67)	207	ОЛЛ (1)
	<i>lata</i> [látv]	0,100	85,95 (83,50)	161	0,071	83,80 (81,35)	161-125	ОЛЛ (2)
	<i>lata</i> [látv]	0,104	83,45 (82,25)	164-184 (171)	0,086	81,17 (80,17)	223-192	ОЛЛ (3)
2Я	<i>xada</i> [xádv]	0,116	81,75 (81,08)	198-166 (180)	0,090	78,22 (76,38)	171	ЯМГ (1)
	<i>xada</i> [xádv]	0,123	73,98 (72,74)	193-154 (166)	0,055 (придых.)	70,59 (69,06)	171-190 (181)	ЯМГ (2)
	<i>xada</i> [xádv]	0,121	78,80 (77,16)	129	0,095	80,78 (77,91)	135-151-146 (144)	ОХХ (1)

¹⁶ Символ *ə* с подчеркиванием в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *ə* (ə), но, возможно, также с *a* [Salminen 1998: 18].

¹⁷ Учитывается только длительность гласного, произносимого с голосом.

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
	<i>χada</i> [χáɗɔ]	0,094	82,97 (80,79)	157-145 (151)	0,102	75,51 (72,62)	117	ОХХ (2)
	<i>χada</i> [χáɗɔ]	0,100	83,02 (81,84)	152-140 (145)	0,121	79,36 (76,03)	130-115 (120)	ОХХ (3)
3Я	<i>χal'a</i> [χáɫɔ]	0,110	81,89 (80,98)	192	0,147	81,89 (79,43)	190	ЯМГ (1)
	<i>χal'a</i> [χáɫɔ]	0,128	80,69 (79,26)	196-171 (178)	0,096	76,49 (74,49)	167	ЯМГ (2)
	<i>χal'a</i> [χáɫɔ]	0,126	79,57 (78,38)	192-180-160 (171)	0,090	74,97 (72,65)	154-164 (156)	ЯМГ (3)
4Я	<i>n'aba</i> [n'áɗɔ]	0,162	82,29 (79,31)	193-220 (207)	0,180 (протяжно)	81,33 (78,86)	199	ЯМГ (1)
5Я	<i>n'ada</i> [n'áɗɔ]	0,130	84,28 (83,42)	197	0,106	84,13 (81,28)	195-176 (188)	ЯМГ (1)
	<i>n'ada</i> [n'áɗɔ]	0,138	83,93 (83,03)	191	0,125	84,12 (80,37)	188	ЯМГ (2)
	<i>n'ada</i> [n'áɗɔ]	0,138	81,89 (81,25)	186	0,091	80,25 (78,23)	205-185-176 (184)	ЯМГ (3)
	<i>n'ada</i> [n'áɗɔ]	0,116	86,55 (83,99)	171-192	0,123	88,17 (84,01)	166-136	ОЛЛ (1)
	<i>n'ada</i> [n'áɗɔ]	0,173	85,14 (84,35)	173-156 (166)	0,103	87,60 (83,73)	158-142-132	ОЛЛ (2)
6Я	<i>n'awa</i> [n'áɗɔ]	0,193	80,57 (79,84)	149	0,134	82,44 (79,16)	144	ОЛЛ (1)
	<i>n'awa</i> [n'áɗɔ]	0,217	83,40 (82,11)	169	0,147	83,43 (80,90)	157	ОЛЛ (2)
	<i>n'awa</i> [n'áɗɔ]	0,120	80,42 (79,42)	208-192 (201)	0,083	81,39 (79,29)	199-(отсут.)-189 (195)	ЯМГ (1)
	<i>n'awa</i> [n'áɗɔ]	0,112	80,20 (78,06)	201	0,052	78,15 (77,18)	197	ЯМГ (2)
7Я	<i>jal'a</i> [jálɔ]	0,117	80,53 (78,80)	163	0,121	77,53 (74,85)	168	ЯМГ (1)
	<i>jal'a</i> [jálɔ]	0,097	78,80 (76,45)	164	0,079	75,95 (74,14)	176-82 (резкий спад)	ЯМГ (2)
	<i>jal'a</i> [jálɔ]	0,076	75,30 (72,93)	164	0,054	67,33 (66,53)	160	ЯМГ (3)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных *a* первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В большинстве рассмотренных случаев длительность *a* первого слога превышает длительность *a* второго слога: например, в трех произнесениях слова *lata* диктором ОЛЛ на 0,02—0,03 сек. (20—30 мсек.); *χada* дикторами ЯМГ и ОХХ (произн. 1) на 0,02—0,03 сек. (20—30 мсек.) и даже более; *χal'a* диктором ЯМГ (произн. 2 и 3) на 0,02—0,03 сек. (20—30 мсек.); *n'ada* диктором ЯМГ как незначительно (на 0,013 сек., 13 мсек.), так и более значительно (почти на 0,05 сек., 50 мсек.), а в произнесении 2 диктора ОЛЛ — даже на 0,07 сек. (70 мсек.); *n'awa* дикторами ОЛЛ и ЯМГ на 0,04—0,07 сек. (40—70 мсек.); *jal'a* диктором ЯМГ (произн. 2 и 3) примерно на 0,02 сек. (20 мсек.).

Однако длительность гласного *a* первого слога может и не превышать длительность *a* второго слога, что случается реже и обусловлено открытостью второго слога перед паузой, позволяющей произнести гласный в абсолютном конце фонетического слова более длительно и даже протяжно (т. к. его не ограничивает никакой согласный звук), в т. ч. с продлением «побочной части» гласного после некоторого смещения формант после «основного ядра» звука. В таких случаях гласные *a* первого и второго слогов оказываются сопоставимы по длительности, т. е. темпоральные различия не превышают дифференциального порога (о котором см. выше, а также [Lehiste 1970; Кривнова 2004: 4]), например: *n'ada* в одном произнесении диктором ОЛЛ (произн. 1), *jal'a* в одном произнесении диктором ЯМГ (произн. 1).

При более протяжном произнесении открытого второго слога в абсолютном конце фонетического слова перед паузой длительность *a* 2С может даже незначительно превышать длительность *a* 1С (интен-

сивность гласного 1С при этом больше интенсивности гласного 2С), например: *χada* в двух произнесениях диктором ОХХ (произн. 2 и 3), *χal'a* в одном произнесении диктором ЯМГ (произн. 1), *n'aba* в протяжном произнесении диктором ЯМГ, *n'ada* в одном произнесении диктором ОЛЛ (произн. 1), *jal'a* в одном произнесении диктором ЯМГ (произн. 1).

Числовые показатели максимальной (пиковой) и средней интенсивности гласного *a* первого слога в большинстве рассмотренных случаев превосходят соответствующие показатели *a* второго слога. Так, максимальная интенсивность *a* 1С превышает пиковую интенсивность *a* 2С на 1—2 дБ в двух произнесениях слова *lata* диктором ОЛЛ (произн. 2 и 3), *n'aba* диктором ЯМГ, *n'ada* диктором ЯМГ (произн. 3), *n'awa* диктором ЯМГ (произн. 2); в этих случаях средняя интенсивность *a* 1С превосходит среднюю интенсивность *a* 2С на 0,5—3 дБ.

Разница в интенсивности может быть еще заметнее: так, максимальная интенсивность *a* 1С превышает пиковую интенсивность *a* 2С на 3—4,5 дБ в произнесениях слова *χada* дикторами ЯМГ и ОХХ (произн. 3), *χal'a* диктором ЯМГ (произн. 2 и 3), *jal'a* диктором ЯМГ (произн. 1 и 2) и даже на 7—8 дБ в произнесении слова *χada* диктором ОХХ (произн. 2) и *jal'a* диктором ЯМГ (произн. 3); в этих случаях средняя интенсивность *a* 1С превосходит среднюю интенсивность *a* 2С на 2—6 дБ и даже 8 дБ (произнесение *χada* диктором ОХХ).

Однако редко встречаются также случаи, когда максимальная интенсивность гласного *a* второго слога сопоставима с пиковой интенсивностью *a* первого слога (*χal'a* в произнесении 1 диктора ЯМГ, *n'ada* в произнесениях 1 и 2 диктора ЯМГ, *n'awa* в произнесении 2 диктора ОЛЛ) или даже превышает ее на 1—2,5 дБ, но не более (*lata* в произнесении 1 диктора ОЛЛ, *χada* в произнесении 1 диктора ОХХ, *n'ada* в произнесениях 1 и 2 диктора ОЛЛ, *n'awa* в произнесении 1 диктора ОЛЛ и в произнесении 1 диктора ЯМГ). Средняя интенсивность гласного *a* второго слога в таких случаях может быть количественно сопоставима со средней интенсивностью *a* первого слога, меньше средней интенсивности *a* первого слога на 0,5—1,5 дБ или больше ее на 1—2 дБ.

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,7—3 дБ (чаще 0,7—1,4 дБ), а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — обычно 1,5—4 дБ (чаще 2,5—4 дБ), что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного.

На протяжении произнесения рассмотренных выше имен тон обычно остается ровным, иногда несколько понижаясь к концу фонетического слова (обычно не более 30 Гц). Колебания по частоте основного тона незначительны.

При этом из конкретных особенностей произношения разных дикторов можно отметить следующие: диктор ОЛЛ значительно выделяет гласный *a* первого слога по длительности (темпорально), но меньше по интенсивности (экспираторно), чем дикторы ЯМГ и ОХХ.

Таким образом, для рассмотренных выше слов структуры [CaCa] характерно ударение на гласном *a* первого слога. Акустическими коррелятами словесного акцента являются большая длительность (темпоральная выделенность) и большая интенсивность (как пиковая, так и средняя) ударного гласного по сравнению с безударным. Изменение частоты основного тона не является акустическим коррелятом ударения в этих случаях, т. к. тон остается практически ровным на протяжении всего фонетического слова.

О том, что ударение в словах (1Я)—(7Я) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также следующие формы (о том, что ударение не перетягивается на слог вправо в форме аккузатива единственного числа, подробно см. выше): (1Я) [látɔm(?)] (*lata-m*(?), *lata-m*¹⁸) 'доска'-ACC.SG, [látɔrka] (*lata-rka*) 'широкий-COMP'; (2Я) [χádɔm(?)] (*χada-m*(?), *χada-m*) ACC.SG (см. Табл. 2 и Приложение 2, Рис. (2Я')); (3Я) [χál'ɔm(?)] (*χal'a-m*(?), *χalya-m*) ACC.SG (см. Табл. 2 и Приложение 2, Рис. (3Я')); (4Я) [n'ábɔm(?)] (*n'aba-m*(?), *nyaba-m*) ACC.SG; (5Я) [n'ádɔm(?)] (*n'ada-m*(?), *nyada-m*) ACC.SG; (6Я) [n'áwɔm(?)] (*n'awa-m*(?), *nyawa-m*) ACC.SG; (7Я) [jál'ɔm(?)] (*jal'a-m*(?), *yalya-m*) ACC.SG [ОЛЛ, ОХХ, ЯМГ].

Таблица 2

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
2Я'	<i>χadam</i> (?) [χádɔm]	0,123	79,87 (77,95)	151	0,094	77,08 (74,58)	139-122 (129)	ОХХ (1)
	<i>χadam</i> (?) [χádɔm]	0,111	74,60 (73,14)	129-115 (121)	0,054	73,03 (71,82)	116	ОХХ (2)
3Я'	<i>χal'am</i> (?) [χál'ɔm?]	0,108	84,70 (82,97)	173	0,054	86,58 (84,56)	192	ОЛЛ (1)

¹⁸ Вторая форма в круглых скобках приводится в записи, сделанной по системе Т. Салминена (см. [Salminen 1998]).

В ямальском диалекте Т ненец., помимо подробно рассмотренных нами выше, встречаются также другие фонетически двусложные непроезвонные имена слоговой структуры [CáCa], в которых ударение падает на первый слог:

а) [CaCa]

mána [mánp], **мана** ‘передний ласт морского животного; передняя лапа медведя’ [Терещенко 1965, 2008: 226], *mana* (N $a \rightarrow yi$)¹⁹, MANA [Salminen 1998: 197], O, Sj. *māñny* ‘Pfote, Tatze, Fuss (z. B. des Wolfes, des Bären)’ ‘лапа (например, волка, медведя)’, U-Ts. *māñne*, M *māñne* ‘Fuss der Wasserraubtiere (z. B. des Seehunds, des Walrosses)’ ‘ласт, лапа морского хищника (например, моржа)’ [Lehtisalo 1956: 253a];

mára [márb], **мара** ‘пряжка, застежка (пояса); петля’ [Терещенко 1965, 2008: 235], *mara* (N $a \rightarrow \emptyset$), MARA¹ [Salminen 1998: 203], O, Sj. *mārā*, OP *mārřp*, M *māræ* ‘Schlinge, in die ein knöcherner od. hölzerner “Dorn” gesteckt wird (z. B. am Renntiergeschirr); Schnalle (am Gürtel)’ [Lehtisalo 1956: 252a]; ср. Л *mála* [má⁰lb] ‘пряжка, застежка; петля’ [Попова 1978: 51], S *mārřp̄*, P *mālłæ* ‘Schlinge, in die ein knöcherner od. hölzerner “Dorn” gesteckt wird (z. B. am Renntiergeschirr); Schnalle (am Gürtel)’ [Lehtisalo 1956: 252a];

nára [nárb], **нара** ‘весна до ледохода, время наста’ [Терещенко 1965, 2008: 285], *nara* (N $a \rightarrow \emptyset$), NARA [Salminen 1998: 203], O, Sj. *nārř* ‘durch die Frühjahrskälte nach Tauwetter hart gefrorene Oberfläche des Schnees; Frühjahr, Frühling’ ‘наст; весна’ [Lehtisalo 1956: 283a]; ср. Л *нада* ‘весна (до ледохода), время наста; наст’ [Бармич, Вэлло 2002: 77], *nala*²¹ [nā⁰lb]²² ‘весна (ранняя, до ледохода)’ [Попова 1978: 59], Nj. *nārřp̄*, P *nālłæ* ‘durch die Frühjahrskälte nach Tauwetter hart gefrorene Oberfläche des Schnees’ ‘наст’, Lj. *nārřp̄* ‘durch die Frühjahrskälte nach Tauwetter hart gefrorene Oberfläche des Schnees; Nachwinter’ ‘наст; ранняя весна’ [Lehtisalo 1956: 283a] < ПС *nārā ‘Schneekruste; Frühling’ ‘наст; весна’ [Janhunen 1977: 98];

pára [párb], **пана** ‘младший брат или младшая сестра, племянник или племянница (сын или дочь старшего брата); все младшие родственники по отцовской линии (по отношению к говорящему)’ [Терещенко 1965, 2008: 445], *para* (N $a \rightarrow \emptyset$), PAQA [Salminen 1998: 200], O, T₁, U, Oks., U-Ts. *pārřp* ‘jüngerer Bruder, Sohn des älteren Bruders’ ‘младший брат, сын старшего брата’ [Lehtisalo 1956: 348a]; (ср. Л *pāpa* [p⁰āpp⁰b] ‘младший брат или младшая сестра; племянник; все младшие родственники со стороны отца по отношению к говорящему’ [Попова 1978: 94]²³);

pára [párb], **пара** ‘загривок, верхняя часть шеи ниже затылка’ [Терещенко 1965, 2008: 445], *para* (N $a \rightarrow yi$), PARA [Salminen 1998: 203]; (ср. Л *pāla* [p⁰ā⁰lb] ‘загривок’ [Попова 1978: 89]²⁴);

páxa [páxp] / [páxp], **паха** ‘бухта; залив’ [Терещенко 1965, 2008: 454], *paха* (N $a \rightarrow \emptyset$), PAHA [Salminen 1998: 227], (!) O *pāxā*, Sj. *pāxā* ‘Bucht’ ‘залив, бухта’ [Lehtisalo 1956: 335a]; ср. Л (?) *paха* ‘междуречье; маленький полуостров’ [Попова 1978: 96], P *pāxp* ‘langer, schmaler Sumpf zwischen zwei Flüssen’ ‘длинное узкое заболоченное место между двумя реками’ [Lehtisalo 1956: 335a];

sáda [sádb], **сада** ‘лужа’ [Терещенко 1965, 2008: 521], *sada* (N $a \rightarrow \emptyset$), SATA [Salminen 1998: 177], O, T₄, T₅, Sj. *šādřp*, OP, M *šādæ* ‘Pfütze’ ‘лужа’ [Lehtisalo 1956: 407b]; ср. Л *xāta* [x⁰ā⁰tb] ‘лужа’ [Попова 1978: 138], S *χātřp̄* ‘nasses, nicht schwappendes Moor’ ‘болото, трясина’, P *χātřæ* ‘1) Sumpfmoo (wird getrocknet und zerkleinert in die Wiege gelegt), 2) kleiner moosbewachsener Tümpel, Grube im Morast (kann wasserlos sein)’ ‘1) болотный мох (сушится, измельчается и кладется в колыбель), 2) небольшие лужи, влажные ямы, поросшие мхом’ [Lehtisalo 1956: 407b];

táwa [táwb], **тава** ‘кишечный жир’ [Терещенко 1965, 2008: 613], *tawa* (N $a \rightarrow i$), TAWA¹ [Salminen 1998: 226], O, Sj., K, U-Ts. *tāββp*, OP *tāββp*, Sjo. *tāββæ* ‘Speck auf dem Bauch (beim Renntier, beim Menschen)’ [Lehtisalo 1956: 468b]; ср. Л Lj. *tāββp̄* ‘Speck auf dem Bauch (beim Renntier, beim Menschen)’ [Lehtisalo 1956: 468b];

wáda [wádb], **вада** ‘слово (звуковое выражение понятия о предмете); слово (разговор, высказывание); слово, выступление, речь; слово (в противоположность делу); слово, мнение’, ‘язык, речь’ [Терещенко 1965, 2008: 30—31], *wada* (N $a \rightarrow yi$), WATA¹ [Salminen 1998: 177], O, T₇, Sj., Oks., N *βādřp*, OP *βādæ^p* ‘Wort,

¹⁹ Символ $\dot{i}$ с подчеркиванием в конечной позиции в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с i , но, возможно, также с сочетанием i° [Salminen 1998: 18].

²⁰ В круглых скобках приводится указание на морфонологическое чередование в форме аккумулятива множественного числа (ACC.PL) по [Salminen 1998].

²¹ В издании [Попова 1978] ударение обозначается символом ' перед ударным слогом.

²² В издании [Попова 1978] символом [b] обозначен редуцированный [a].

²³ Это слово зафиксировано для Л ненец. только в словаре Я. Н. Поповой [Попова 1977], но отсутствует в [Бармич, Вэлло 2002] и [Lehtisalo 1956].

²⁴ Это слово зафиксировано для Л ненец. только в словаре Я. Н. Поповой [Попова 1977], но отсутствует в [Бармич, Вэлло 2002] и [Lehtisalo 1956].

Sprache' <'слово, язык (речь)') [Lehtisalo 1956: 57a]; ср. Л *vāta* 'слово; язык, речь; ответ' [Бармич, Вэлло 2002: 13], *'βā, tā* [βā^htā] 'слово' [Попова 1978: 145], Lj., S, Nj. *βāttṛā*, Р *βāttṛ* 'Wort, Sprache' <'слово, язык (речь)') [Lehtisalo 1956: 57a] < ПС *wāḍcā / *wāḍtā (? *wāḍtā) 'Wort' <'слово') [Janhunen 1977: 171] < der. ПС **wāḍ-* 'sprechen, versprechen' <'говорить, обещать') [Janhunen 1977: 170];

б) [CaC'a]

ḡāja [ḡājɔ], *ḡaja* 'кожа (человека); тело' [Терещенко 1965, 2008: 391], *ngaya* (N *ya*→*yø*), NGAŸA [Salminen 1998: 236], О, ОР, К *ḡājje*, Sj. *ḡājjā*, U-Ts. *ājje* 'Körper' <'тело') [Lehtisalo 1956: 15a]; ср. Л *ḡadya* 'тело (человека)' [Бармич, Вэлло 2002: 91], *'ḡaḡa* [ḡāḡhæ] 'кожа человека; тело' [Попова 1978: 71] (ср. Nj. *ḡājjeḡ*, Kis. *ḡājṛ* "eḡ 'fleischig zein' [Lehtisalo 1956: 15a]) < ПС *ājā 'Fleisch, Körper' [Janhunen 1977: 17];

в) [C'aCa]

l'āra [l'ārɔ], *l'ara* 'окунь' [Терещенко 1965, 2008: 211], *lyara* (N *a*→*ø*), LYARA [Salminen 1998: 204]; *m'āra* [m'ārɔ], *m'ara* 'площадь, размер круга (занимаемого чумом, капканом), размер петли (например, аркана); петля; расходящийся по воде круг' [Терещенко 1965, 2008: 278], *myara* (N *a*→*ø*), MYARØ¹→A [Salminen 1998: 204]; ср. Л *myāra* 'площадь, размер круга; петля' [Бармич, Вэлло 2002: 75];

s'āxa [s'āxɔ] / [s'āxɔ], *s'axa* 'бренчание; шум, гул' [Терещенко 1965, 2008: 606], *suaxa* (N *a*→*yī*), SYAXØ→A [Salminen 1998: 227]; ср. Л *śā'xa* 'бренчание; гул' [Попова 1978: 116];

jāna [jānɔ], ямал. *jana* 'слегка сутулый' [Терещенко 1965, 2008: 841], *yana* (N *a*→*yī*), ŸANA [Salminen 1998: 197];

jāra [jārɔ], *jara* 'песчаный' [Терещенко 1965, 2008: 850], *yara* (N *a*→*ø*), ŸARA [Salminen 1998: 204], О *jārrā* 'Krätze am Kopf' <'короста на голове'), ОР *jārrṛ* 'Krätze am Kopf; hohe sandige Stelle' <'короста на голове; высокое песчаное место') [Lehtisalo 1956: 95a]; ср. Л *djāra* 'песок' [Бармич, Вэлло 2002: 34], Р *d'ēāmr*, Nj. *jēārrṛā* 'Sand' <'песок') [Lehtisalo 1956: 95a] < ПС *jāḍrā 'Sand, Sandbank' <'песок, песчаная отмель') [Janhunen 1977: 37] < ПС der. **jāḍ-* 'Erde, Stelle' [Janhunen 1977: 36];

jāwa [jāwɔ], *jawa* 'тепло, теплота' [Терещенко 1965, 2008: 825], *yawa* (N *a*→*ø*), ŸAWA [Salminen 1998: 226].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 3*, где Д1, И1, ЧОТ1 — длительность, интенсивность и частота основного тона гласного первого слога соответственно, а Д2, И2, ЧОТ2 — длительность, интенсивность и частота основного тона гласного второго слога соответственно.

Таблица 3

[C'aCa] ([C'aCa], [C'aC'a], [C'āCa], [C'āC'a])		
á первого слога		а второго слога
Д1	>	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	= / >	ЧОТ2

Наши выводы о большей длительности и большей интенсивности ударного гласного первого слога в рассмотренных выше словах структуры [C'aCa] в ямальском диалекте подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956]. Большинство рассмотренных выше слов было зафиксировано для ямальского диалекта в словаре [Lehtisalo 1956] с пометами О (обдорский говор, говор Обдорска — ныне Салехарда; информант — Maxim Jadoptsew) и ОР (нижнеобской говор, говор в низовьях р. Оби; информант — Matwei Jadnje) [Lehtisalo 1956: СII, СIII]:

[CaCa]

(1Я) О *lāttṛ*, ОР *lāttṛæ* [Lehtisalo 1956: 223a]; (2Я) О *χāḍṛ* [Lehtisalo 1956: 175b];

О *māñṛ* [Lehtisalo 1956: 253a]; О *mārā*, ОР *mārṛṛ* [Lehtisalo 1956: 252a]; О *nārṛ* [Lehtisalo 1956: 283a]; О *pārṛṛ* [Lehtisalo 1956: 348a]; (!) О *pāχā*²⁵ [Lehtisalo 1956: 335a]; О *ḡāḍṛ*, ОР *ḡāḍæ* [Lehtisalo 1956: 407b]; О *tāβṛṛ*, ОР *tāβṛṛ* [Lehtisalo 1956: 468b]; О *βāḍṛ*, ОР *βāḍṛ* [Lehtisalo 1956: 57a];

²⁵ О том, что гласный второго открытого слога произносится длительно после *χ*, см. подробнее ниже (пп. 2.2.1, 2.3.1 и 2.4.1).

[CaC'a]

(3Я) О $\chi\tilde{a}l'l'e$, ОР $\chi\tilde{a}l'l'e^p$ [Lehtisalo 1956: 165b];
О, ОР $\eta\tilde{a}jje$ [Lehtisalo 1956: 15a];

[C'aCa]

(4Я) О $n'\tilde{a}B^r\eta$ [Lehtisalo 1956: 309b]; (5Я) О $n'\tilde{a}\delta\eta$, ОР $n'\tilde{a}\delta\eta$ [Lehtisalo 1956: 310b]; (6Я) О $n'\tilde{a}\beta\beta\eta$ [Lehtisalo 1956: 300b];
О $j\tilde{a}r\tilde{r}\tilde{a}$, ОР $j\tilde{a}r\tilde{r}\eta$ [Lehtisalo 1956: 95a];

[C'aC'a]

(7Я) О $j\tilde{a}l'l'e$, ОР $j\tilde{a}l'l'e$ [Lehtisalo 1956: 91b].

Таким образом, в словаре [Lehtisalo 1956] $\acute{a}$ первого слога в этих словах в говорах О и ОР обозначается символами $\tilde{a}$ (между твердыми согласными, C_C), $\tilde{a}$ (после твердого перед мягким, C_C'), $\tilde{a}$ (после мягкого перед твердым, C'_C) и $\tilde{a}$ (между мягкими, C'_C'), т. е. с указанием на долготу (длительность) этого гласного по сравнению с гласным второго слога²⁶. В позиции после твердых согласных гласный второго слога передается в этих словах в словаре [Lehtisalo 1956] чаще всего как η (в говорах О и ОР), реже как $\tilde{a}$ (только в говоре О, только после r) и $\tilde{a}$ (только в говоре ОР, часто после t и δ), а также единично как $\tilde{a}^p$ (только в говоре ОР)²⁷. В позиции после мягких согласных гласный второго слога передается в этих словах в словаре [Lehtisalo 1956] чаще всего как e (О и ОР), $\tilde{e}$ (О) или $\tilde{a}^p$ (ОР). Это дает нам право говорить о меньшей интенсивности и, следовательно, редукации гласного второго слога (a) по сравнению с $\acute{a}$ первого слога не только в современном ямальском диалекте, но и в ямальском диалекте времен записи Т. Лехтисало (а также о переходе C'a# > C'e# в безударной позиции).

Наш вывод о том, что ударение в рассмотренных выше словах в ямальском диалекте падает на первый слог, а гласный второго слога произносится редуцированно и с меньшей интенсивностью, чем гласный первого слога, подтверждается также материалом Я. Н. Поповой по этому диалекту (Т ямал.): $n'\tilde{a}bv$ [Попова 1966а: 52] (слово 4Я); $j\tilde{a}l'l'e$ 'день' [Попова 1966а: 50] (слово 7Я).

2.1.2. В Таблице 4 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных a в первом и втором слогах фонетических слов слоговой структуры [CaCCa], представленной подвидами: [CaCCa], [CaCC'a], [CaC'Ca], — где 1) все согласные твердые (слова 8Я, 9Я, 10Я), 2) первый и второй согласные твердые, а третий мягкий (11Я), 3) первый и третий согласные твердые, а второй мягкий (12Я). Спектрограммы (всего 17) этих фонетических слов см. в Приложении 1, (8Я)—(12Я). Также ниже будут приведены транскрипции слов структуры [C'aCCa], где первый согласный мягкий, а второй и третий твердые.

[CaCCa]:

(8Я) *хамба* 'волна' [Терещенко 1965, 2008: 730], *хампа* (N $a \rightarrow \emptyset$), ХАМПА [Salminen 1998: 200, 530], О, Sj. $\chi\tilde{a}m\eta$, Oks. $\chi\tilde{a}mB^r\eta$ 'Welle, Woge' <'волна'>, N $\chi\tilde{a}m\eta$ ²⁷ 'die Wellen' <'волны'> [Lehtisalo 1956: 169]; ср. Л *кампа* 'волна' [Бармич, Вэлло 2002: 42], *k\tilde{a}m.pa* 'волна' (с отмеченным просодическим выделением 2C) [Попова 1978: 30] < ПСС * $k\tilde{a}mp\tilde{a}$ [Janhunen 1977: 59];

(9Я) *нарка* 'большой, крупный, рослый; взрослый, старший; важный, значительный, великий' [Терещенко 1965, 2008: 385—386], *ngarka* (N $a \rightarrow i$, $\sim \rightarrow \emptyset$), NGARXA [Salminen 1998: 183], О, Т₁, Sj. $\eta\tilde{a}r\tilde{k}k\eta$, ОР $\eta\tilde{a}r\tilde{k}k\eta^p$, U, Oks., Sjo., N $\tilde{a}r\tilde{k}k\eta$ 'gross' <'большой'> (< О, ОР, Т₁, Т₉, Sj. $\eta\tilde{a}r$ 'Grösse' <'размер'>)) [Lehtisalo 1956: 16b]; ср. Л *нарка* 'большой, крупный; рослый; взрослый; старший; могучий' [Бармич, Вэлло 2002: 92], *'\eta\tilde{a}lka* 'большой' [Попова 1978: 71], S, Nj., Ni. $\eta\tilde{a}r\tilde{k}k\eta^p$ 'gross' <'большой'> [Lehtisalo 1956: 16b] < ПС * $\tilde{a}r\tilde{k}\tilde{a}$ (der. kor.) < ПС * $\tilde{a}r\tilde{a}$ [Janhunen 1977: 19];

(10Я) *сарва* 'верхушка (чума)' [Терещенко 1965, 2008: 533], *sarwa* (N $a \rightarrow \emptyset$), SARWA [Salminen 1998: 226], N $\tilde{s}\tilde{a}r\tilde{b}\tilde{a}$, О, Sj. $\tilde{s}\tilde{a}r\tilde{b}\eta$ «мокода» [Lehtisalo 1956: 404b]; ср. Л *халва* 'верхушка чума; верхнее отверстие чума; основной шест в чуме; крыша' [Бармич, Вэлло 2002: 135], *'xal\tilde{b}\tilde{a}* 'верхушка' [Попова 1978: 136], S, Nj. $\tilde{x}\tilde{a}r\tilde{b}\tilde{a}$, Р $\tilde{x}\tilde{a}l\tilde{b}\eta$ 'zwei dickere Grundstangen des Zeltgerippes, die zusammengebunden sind' <'два толстых шеста чума, которые связаны между собой'> [Lehtisalo 1956: 404b].

²⁶ Единственным исключением является слово О $\rho\tilde{a}\chi\tilde{a}$ [Lehtisalo 1956: 335a], где отмечена длительность гласного второго слога, а не первого, что может быть связано с влиянием согласного χ . В словаре [Salminen 1998: 227] с помощью символа «!» также выражается некоторое недоумение по поводу такой записи этого слова в [Lehtisalo 1956: 335a].

²⁷ См. выше про исключение — слово О $\rho\tilde{a}\chi\tilde{a}$ [Lehtisalo 1956: 335a], где отмечена длительность гласного второго слога, а не первого.

[CaCC'a]:

(11Я) *вамня* 'сырка (небольшая нельма)' [Терещенко 1965, 2008: 40], *wamnyɑ* (N *ya*→*yɪ*), WAMNYA [Salminen 1998: 234, 524].

[CaC'Ca]:

(12Я) *найха* '(зоол.) сырок; пелядь' [Терещенко 1965, 2008: 435], *paɯ°xa* (N *a*→*i*), PAÿØXA [Salminen 1998: 227, 501], О *p̄ɑ̀iχ̄ɑ̄* 'ein Lachsfisch, russ. <рус.> сырок (*Coregonus vimba*)', Sj. *p̄ɑ̀iχ̄ɑ̄*, К *p̄ɑ̀iχ̄ɑ̄*, U, U-Ts. *p̄ɑ̀iχ̄ɑ̄* 'пелядь (*Coregonus peled*)' [Lehtisalo 1956: 344b—345a]; ср. Л *падыха* 'сырок (рыба)' [Бармич, Вэлло 2002: 103], Lj. *p̄ɑ̀d'd'eχ̄ɑ̄*, S *p̄ɑ̀jjeχ̄ɑ̄*, P *p̄ɑ̀d'd'eχ̄ɑ̄* 'ein Lachsfisch, russ. <рус.> сырок (*Coregonus vimba*)' [Lehtisalo 1956: 345a].

Здесь следует, однако, оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слово [paɯ°xa] (12Я) является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру *CaC°Ca* с редуцированным вариантом фонемы *ø* (в нашей записи — *ə*; в записи Н. М. Терещенко — *ǎ*) во втором слоге: *paɯ°xa* (N *a*→*i*), PAÿØXA [Salminen 1998: 227, 501]. Такая фонологическая интерпретация этого слова в тундровом ненецком языке (Т ненец.) соответствует данным по лесному ненецкому (Л ненец.), где это слово, судя по имеющимся источникам, является трехсложным: Л *падыха* [Бармич, Вэлло 2002: 103], Lj. *p̄ɑ̀d'd'eχ̄ɑ̄*, S *p̄ɑ̀jjeχ̄ɑ̄*, P *p̄ɑ̀d'd'eχ̄ɑ̄* [Lehtisalo 1956: 345a]. Однако следует указать на иной характер второго согласного в Л ненец., который способствует появлению вставного гласного в консонантном сочетании.

Что касается наших полевых материалов по ямальскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух нами не было обнаружено гласного звука или призвук в консонантном сочетании [jχ] в слове [paɯ°xa] (12Я), поэтому далее мы рассматриваем это имя как двусложное (по крайней мере фонетически), т. е. в одном ряду с другими фонетическими словами слоговой структуры [CaCCa]. Аналогичная интерпретация (без гласного между *j* и *χ*) представлена и в других источниках по Т ненец.: *найха* [Терещенко 1965, 2008: 435], О *p̄ɑ̀iχ̄ɑ̄*, Sj. *p̄ɑ̀iχ̄ɑ̄*, К *p̄ɑ̀iχ̄ɑ̄*, U, U-Ts. *p̄ɑ̀iχ̄ɑ̄* [Lehtisalo 1956: 344b—345a].

Таблица 4

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a</i> — <i>a</i>) [CaCCa] ([CaCCa], [CaCC'a], [CaC'Ca])								
8Я	<i>χамра</i> [χámbrə]	0,089	86,43 (84,04)	188	0,109	87,07 (83,22)	163-143-131	ОЛЛ (1)
	<i>χамра</i> [χámbrə]	0,083	85,92 (83,52)	182	0,070	85,60 (83,50)	157-141-133	ОЛЛ (2)
	<i>χамра</i> [χámbrə]	0,104	82,19 (80,96)	210-188- 169 (183)	0,060	78,09 (76,55)	160-145 (151)	ЯМГ (1)
	<i>χамра</i> [χámbrə]	0,098	77,89 (76,68)	210-174	0,060 (+ глухой призвук – 0,069)	71,58 (69,38)	169-152 (156)	ЯМГ (2)
9Я	<i>ηарка</i> [ηárkə]	0,096	83,17 (82,24)	173	0,130	80,46 (76,58)	167-131-135	ОЛЛ (1)
	<i>ηарка</i> [ηárkə] ²⁸	0,085	83,89 (83,04)	151	0,108	80,01 (76,42)	157-116-125	ОЛЛ (2)
	<i>ηарка</i> [ηárkə]	0,105	84,18 (83,25)	174-195	0,076	83,15 (80,35)	162-143	ОЛЛ (3)
10Я	<i>sarwa</i> [sárwo], [sárwu]	0,098	86,12 (83,49)	249-219	0,112	84,46 (82,35)	167-144	ОЛЛ (1)
	<i>sarwa</i> [sárwo]	0,114	85,06 (83,53)	228-222 (226)	0,101	84,45 (82,63)	167-147 (159)	ОЛЛ (2)
	<i>sarwa</i> [sárwo]	0,104	85,46 (83,53)	185	0,065	81,09 (79,22)	149-141 (145)	ОЛЛ (3)

²⁸ В данном произнесении *r* выступает в своем глухом варианте [ɾ].

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
11Я	<i>wamn'a</i> [wámn'ɔ]	0,182	86,40 (83,13)	152	0,172	84,50 (80,90)	141-119-128 (134)	ОЛЛ (1)
	<i>wamn'a</i> [wámn'ɔ]	0,198	86,43 (83,48)	147	0,166	81,36 (78,53)	132	ОЛЛ (2)
	<i>wamn'a</i> [wámn'e]	0,116	83,87 (82,28)	167	0,121	83,00 (80,12)	149-128 (141)	ОЛЛ (3)
12Я	<i>rajxa</i> (<i>raj'xa</i>) [rájxɔ]	0,124	81,43 (80,29)	209-181	0,114 (+ глухой призвук)	75,11 (74,15)	180	ЯМГ (1)
	<i>rajxa</i> (<i>raj'xa</i>) [rájxɔ]	0,103	84,80 (83,02)	192-181 (184)	0,128	76,71 (74,99)	92	ЯМГ (2)
	<i>rajxa</i> (<i>raj'xa</i>) [rájxɔ]	0,089	83,64 (82,13)	186	0,091	75,31 (74,73)	90	ЯМГ (3)
	<i>rajxa</i> (<i>raj'xa</i>) [rájxɔ]	0,130	83,60 (81,99)	160-153 (157)	0,088	76,72 (74,70)	146-124	ОЛЛ (1)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных *a* первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В большом количестве рассмотренных случаев длительность *a* первого слога превышает длительность *a* второго слога на 0,03—0,04 сек. (30—40 мсек.): например, в произнесениях слова *хатра* диктором ЯМГ, а также *ηarka* (произн. 3), *sarwa* (произн. 3), *wamn'a* (произн. 2) и *rajxa* (*raj'xa*) диктором ОЛЛ. Гласный *a* первого слога может быть и менее темпорально выделенным, превосходя гласный *a* второго слога незначительно — на 0,01—0,013 сек. (10—13 мсек.), — т. е. на величину, которая оказывается меньше дифференциального порога восприятия на слух: например, *хатра* (произн. 2), *sarwa* (произн. 2), *wamn'a* (произн. 1) в произнесении диктора ОЛЛ и *rajxa* (*raj'xa*) в произнесении диктора ЯМГ (произн. 1).

Длительность гласного *a* первого слога может и не превышать длительность *a* второго слога, что обусловлено закрытостью первого слога и открытостью второго слога в абсолютном конце фонетического слова перед паузой, позволяющей произнести конечный гласный более длительно (подробнее см. выше). В таких случаях гласные *a* первого и второго слогов оказываются сопоставимы по длительности, например: *wamn'a* в произнесении диктора ОЛЛ (произн. 3) и *rajxa* (*raj'xa*) в произнесении диктора ЯМГ (произн. 3). Это особенно характерно для последнего, третьего, произнесения в ряду из трех (при методе записи фонетического слова в трех произнесениях подряд).

При более протяжном произнесении открытого второго слога в абсолютном конце фонетического слова перед паузой длительность *a* 2С может даже незначительно превышать длительность *a* 1С (интенсивность гласного 1С при этом всегда больше интенсивности гласного 2С), например: *хатра* (произн. 1), *ηarka* (произн. 1 и 2), *sarwa* (произн. 1) в произнесении диктора ОЛЛ, а также *rajxa* (*raj'xa*) в произнесении диктора ЯМГ (произн. 2).

Числовые показатели максимальной (пиковой) и средней интенсивности гласного *a* первого слога в абсолютном большинстве рассмотренных случаев превосходят соответствующие показатели *a* второго слога. Исключением являются только два произнесения слова *хатра* (произн. 1 и 2) диктором ОЛЛ, где показатели интенсивности двух гласных оказываются количественно сопоставимы. Во всех остальных случаях максимальная интенсивность *a* 1С превышает пиковую интенсивность *a* 2С на 1—2 дБ (5 произнесений), на 3—5 дБ (5 произнесений) и даже на 6—8 дБ (5 произнесений); в этих случаях средняя интенсивность *a* 1С превосходит среднюю интенсивность *a* 2С примерно на 1—3 дБ, 4—5,7 дБ и 6—8 дБ соответственно. Произнесение второго слога с меньшей интенсивностью, чем у первого, делает возможным такие фонетические варианты, как [sarwo], [sarwu] с огубленным гласным звуком после билабиального [w] (слово 10Я) и [wamn'e] с [e] после мягкого согласного (слово 11Я). При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,9—2,5 дБ (редко немного более 3 дБ), а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — обычно 1,5—4 дБ (редко немного менее 1 дБ), что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного.

На протяжении произнесения рассмотренных выше имен тон обычно остается ровным, несколько понижаясь к концу фонетического слова (обычно не более 20—50 Гц). Колебания по частоте основного тона незначительны.

При этом из конкретных особенностей произношения разных дикторов можно отметить уже наблюдающуюся склонность диктора ЯМГ значительно выделять гласный первого слога по интенсивности (экспираторно).

Таким образом, для рассмотренных выше слов структуры [CaCCa] характерно ударение на гласном *a* первого слога. Акустическими коррелятами словесного акцента в этих фонетических словах, как и в словах структуры [CaCa], проанализированных выше, являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность) и бóльшая интенсивность (как пиковая, так и средняя) ударного гласного по сравнению с безударным. Следует при этом отметить, что в словах структуры [CáCa] ударный гласный первого слога обычно заметнее выделен темпорально, чем в словах структуры [CáCCa], что связано с закрытостью первого слога (позицией первого гласного перед двумя согласными) во втором случае. Изменение частоты основного тона в словах структуры [CáCCa] также не является акустическим коррелятом ударения, т. к. тон остается практически ровным на протяжении всего фонетического слова.

О том, что ударение в словах (8Я)—(12Я) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также следующие формы (о том, что ударение не перетягивается на слог вправо в форме аккумулятива единственного числа, подробно см. выше): (8Я) [χám̩b̩m̩(?)] (*χампа-м(?)*, *хампа-м*) ACC.SG; (9Я) [ɲár̩k̩m̩(?)] (*ɲарка-м(?)*, *ngарка-м*) ACC.SG, [ɲár̩k̩r̩ka] (*ɲарка-рка*) COMP; (10Я) [sár̩w̩m̩(?)] / [sár̩w̩m̩(?)] (*sарва-м(?)*, *sарва-м*) ACC.SG; (11Я) [wám̩n̩m̩(?)] (*wамн'а-м(?)*, *wамн'а-м*) ACC.SG (см. Табл. 5 и Приложение 2, Рис. (11Я')); (12Я) [páj̩χ̩m̩(?)] / [páj̩χ̩m̩(?)] (*рау°ха-м*) ACC.SG (см. Табл. 5 и Приложение 2, Рис. (12Я')) [ОЛЛ, ОХХ, ЯМГ].

Таблица 5

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
1Я'	<i>wamn'am(?)</i> [wám̩n̩m̩]	0,096	85,11 (84,38)	145	0,049	82,97 (82,69)	161	ОЛЛ
2Я'	<i>rajχam(?)</i> (<i>raj°χam(?)</i>) [páj̩χ̩m̩?]	0,106	83,53 (82,54)	170-161 (163)	0,050	82,53 (82,40)	163-171 (167)	ОЛЛ

В ямальском диалекте Т ненец., помимо подробно рассмотренных нами выше, встречаются также другие фонетически двусложные непроеизводные имена слоговой структуры [CáCCa], в которых ударение падает на первый слог:

а) [CaCCa]

párka [pár̩k̩], *парка* 'пárка (верхняя меховая одежда мужчины)' [Терещенко 1965, 2008: 448], *parka* (N *a*→∅), PARXA [Salminen 1998: 183], O, Sj. *pārkk̩p̩* 'Pelzüberrock des Mannes von der Art eines Sowiks, aber verziert und aus dünnhaarigem Herbstfell des Renttierkalbs gefertigt; wird von den Ostjaken und Wogulen getragen, wenn sie gut gekleidet sein wollen' <'меховая верхняя одежда мужчины, изготовленная из осенних телячьих²⁹ шкур', M *šē,raǰko pārkk̩æ* 'weisshaariger Sowikpelz' <'белый совик, совик из белых шкур' [Lehtisalo 1956: 346a]; ср. Л *pālka* 'верхняя меховая мужская одежда' [Попова 1978: 90]³⁰ < ПС **pårkå* 'Kleid, Pelz' <'одежда, шкура' [Janhunen 1977: 116];

tárka [tár̩k̩], *тарка* 'отросток; ответвление, разветвление; развилка' [Терещенко 1965, 2008: 634], *tarka* (N *a*→yi ~ →∅), TARXA [Salminen 1998: 183, 517], O, Sj. *tārkk̩p̩*, OP *tārkk̩p̩*, M *tārkk̩æ* 'Gabelung (z. B. am Baum, des Weges), Gabelholz (z. B. an den Hals des Renttiers gehängt), Gabel (der Russen beim Essen)' <'ответвление (ветка дерева, развилка дороги), деревянное разветвление (которое вешается на шею оленю), вилка' [Lehtisalo 1956: 471b]; ср. Л *та́рка* 'отросток, ветвь, ответвление' [Бармич, Вэлло 2002: 122], *'talka* [tá⁰l̩k̩] 'отросток' [Попова 1978: 125], Lj. *tārǰkk̩p̩*, Nj. *tarǰkk̩p̩* 'Holzgabel, die dem Fahrrentier an den Hals gehängt wird (wenn es wild ist oder damit es nicht durchgeht)' <'деревянная вилка (деревянное разветвление), которая(-ое) вешается на шею оленю' [Lehtisalo 1956: 471b] < ПСС **tårká* ~ **cårká* [Janhunen 1977: 152];

²⁹ Здесь и далее под «телячьими» шкурами понимаются шкуры трех-четырёхмесячных оленят.

³⁰ Однако это существительное засвидетельствовано только в [Попова 1978] и не представлено в [Бармич, Вэлло 2002].

б) [CaCC'a]

táns'a [tánzʰɔ], ямал. **танзя** 'пар, испарение (от чего-либо горячего)' [Терещенко 1965, 2008: 627] (~ б.-з., м.-з. *танзэ* 'пар, испарение; туман' [Терещенко 1965, 2008: 626]), *tancya* (N *ya*→*yi*), TAHSYØ→yA [Salminen 1998: 229] (~ *tancyo* (N *yo*→*yu*), TAHSYØ→yO [Salminen 1998: 307]), M *tān'* (*Dz'*é 'Dampf' <'пар, испарение'), Sj. *jēdān_tān'* (*t'š'è* 'der aus dem Topf aufsteigende Dampf' <'из котла поднимающийся пар') [Lehtisalo 1956: 473b]; (? ср. Л *танчал* 'пасмурный' [Бармич, Вэлло 2002: 124]);

в) [C'aCCa]

l'ábta [l'ábtɔ] / [l'áptɔ], **лябта** 'широкий и низкий (например, о чуме)' [Терещенко 1965, 2008: 207], *lyabta* (N *a*→*yi*), LYAPTA [Salminen 1998: 215];

l'ámpra [l'ámbrɔ] / [l'ámpɔ], **лямпа** 'движение воздуха, ветер (вызванные быстрым движением, взмахиванием руки и т. п.)' [Терещенко 1965, 2008: 208], *lyampa* (N *a*→*yi*), LYAMPØ→A [Salminen 1998: 200]; (ср. ? Л *l'ampap, ta(š)* 'повеять (ветром)' [Попова 1978: 40], Nj. *l'ámpraš* 'schwimmen (von einem schwimmkundigen Menschen)' <'плавать') [Janhunen 1977: 82] < ПС **lámprâ-* 'schwimmen' <'плавать, плыть') [Janhunen 1977: 82];

l'árca (**l'ársa**) [l'ártɔ] / [l'ártɔ], ямал. **лярца** 'паук' [Терещенко 1965, 2008: 212] (~ б.-з. *лярцо* [Терещенко 1965, 2008: 212]), *lyarca* (N *a*→*ø*), LYARSA [Salminen 1998: 173] (~ *lyarco* (N *o*→*u*), LYARSO [Salminen 1998: 294]), O₂, T₁, Sj. *l'ār(š)ɔ*, T₂ *l'ār(š)æ*, T₅ *l'ār(š)æ* 'Spinne' <'паук') [Lehtisalo 1956: 231a]; ср. Л *l'arsa* [l'áʁsɔ] 'паук' [Попова 1978: 40]³¹;

n'ámpra [n'ámbrɔ] / [n'ámpɔ], **нямпа** 'темя' [Терещенко 1965, 2008: 347], *nyampa* (N *a*→*yi*), NYAMPA [Salminen 1998: 200], O *n'ámpr'ɔ*, OP *n'ámpɔ*, Sj. *n'ámpɔ*, K *n'ámpɔ* 'vorderer Teil des Scheitels (beim Menschen, Renntier, Hund usw.; darin befindet sich eine schwache Stelle; beim Kind ist diese weich)' <'темя (у человека, оленя, собаки и т. д.)...') [Lehtisalo 1956: 306b]; ср. Л *нямпа* 'лоб' [Бармич, Вэлло 2002: 88], *'námpra* [n'ámprɔ] 'лоб человека — теменная часть' [Попова 1978: 60], S *n'ámpɔ*, Nj. *n'ámpɔ*, P *n'ámpɔ* 'Stirn (des Menschen, der Tiere)' <'лоб (человека, животного)') [Lehtisalo 1956: 306b] < ПС **námprâ* (? **námprâ* ~ **námprâ*) 'Scheitel' <'темя') [Janhunen 1977: 99];

s'ámna [s'ámnrɔ], ямал. **сямна** 'отдаленный шум (едущих людей или идущих оленей)' [Терещенко 1965, 2008: 600], *syamna* (N *a*→*yi*), SYAMNA [Salminen 1998: 199]; ср. Л *ша* 'шум' [Бармич, Вэлло 2002: 152];

jábtá [jábtrɔ] / [jáptɔ], **ябта** 'тонкий, узкий; тонкий, высокий; тонкий, прямой, стройный; прямо стоящий, прямо держащийся; (перен.) скудный; бедный, бедненький (употребляется при выражении сожаления)' [Терещенко 1965, 2008: 822], *yabta* (N *a*→*yi* (~ →*ø*)), YAPTA [Salminen 1998: 215], O, MB *jáptɔ*, T₃ *jáptæ*, OP *jápt'ɔ* 'schlank, hager, dünn' <'тонкий, стройный, худой') [Lehtisalo 1956: 102a]; ср. Л *дянта* 'узкий, тонкий; высокий; тонкий, прямой, стройный; тощий' [Бармич, Вэлло 2002: 37], *'háptá* [hápt'ɔ] 'тонкий' [Попова 1978: 16], Nj. *jěáptɔ*, P *d'áptɔ* 'schlank, hager, dünn' <'тонкий, стройный, худой') [Lehtisalo 1956: 102a] < ПС **jáptá* (? **jáptá*) 'dünn' <'тонкий') [Janhunen 1977: 38].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 6*.

Таблица 6

[CaCCa]		
([CáCCa], [CáCC'a], [CáC'Ca], [C'áCCa])		
á первого слога		а второго слога
Д1	>	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	= / >	ЧОТ2

Наши выводы о большей длительности и большей интенсивности ударного гласного первого слога в рассмотренных выше словах структуры [CaCCa] в ямальском диалекте подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для обдорского (O, O₂) и нижнеобского (OP) говоров ямальского диалекта:

[CaCCa]

(8Я) O *χámpɔ* [Lehtisalo 1956: 169]; (9Я) O *ɲārkkɔ* (но OP *ɲārkkɔ*^á) [Lehtisalo 1956: 16b]; (10Я) O *šārβɔ* [Lehtisalo 1956: 404b];

O *pārkkɔ* [Lehtisalo 1956: 346a]; O *tārkkɔ*, OP *tārkkɔ* [Lehtisalo 1956: 471b];

³¹ Это слово не представлено в [Бармич, Вэлло 2002].

[C'aCCa]

O₂ l'ār̄t̄s̄p̄ [Lehtisalo 1956: 231a]; O n'āmB^fp̄, OP η'āmp̄p̄ [Lehtisalo 1956: 306b]; O j̄āpt̄p̄, OP j̄āB^ft̄t̄æ [Lehtisalo 1956: 102a].

Таким образом, в словаре [Lehtisalo 1956] *á* первого слога в этих словах в говорах O (O₂) и OP обозначается символами *ā* (между твердыми согласными, C_C) и *ā̄* (после мягкого согласного перед твердым, C'_C), т. е. с указанием на долготу (длительность) этого гласного по сравнению с гласным второго слога³². Следует, однако, указать на форму ηār̄kk̄p̄³ в нижеобском говоре (OP), в которой не отмечена длительность гласного первого слога, в отличие от обдорской формы (O ηār̄kk̄p̄); диакритика над *ā* в этом случае неоднозначна. Гласный второго слога передается в этих словах в [Lehtisalo 1956] чаще всего как *p̄* (O, O₂, OP) или реже как *æ* (только в говоре OP, после *t̄*) и *p̄³* (только в говоре OP), что дает нам право говорить о меньшей интенсивности и, следовательно, редукции гласного второго слога (*a*) по сравнению с *á* первого слога не только в современном ямальском диалекте, но и в ямальском диалекте времен записи Т. Лехтисало.

Единственное слово структуры [CáCCa] в ямальском диалекте, которое выбивается из общего принципа, описанного выше, по данным словаря Т. Лехтисало, — O p̄ā'ìχ̄ā [Lehtisalo 1956: 344b] (слово 12Я). Здесь мы видим маркирование гласного последнего, а не первого слога по долготе, однако данные по другим диалектам тундрового ненецкого языка в словаре Т. Лехтисало противоречат этой обдорской форме: Sj. p̄ā'ìχ̄ā, K p̄ā'ìχ̄p̄, U, U-Ts. p̄ā'ìχ̄æ [Lehtisalo 1956: 344b—345a], — свидетельствуя, скорее, о темпоральной выделенности первого гласного. Наши полевые данные, рассмотренные выше, не позволяют усомниться в том, что ударение в слове p̄aj̄χ̄a (p̄aj̄^oχ̄a) падает на первый слог, который и по длительности, и по интенсивности выделен сильнее, чем последний.

2.1.3. В ямальском диалекте Т ненец. имеются также слова слоговой структуры [CaC(C)aC(C)], представленной подвидами [CaCaC(C)] (CaCaC^o)³³, [CaCaCC] (CaCaCC^o), [CaCCaC] (CaCCaC^o), где все согласные твердые, и [C'aCaCC] (C'aCaC^oC) и [C'aCCaC] (C'aCCaC^o), где первый согласный мягкий. Ниже мы подробно разберем просодические характеристики фонетических слов, относящихся к подвиду слоговой структуры [CaCaCC] — [CaCaC?] с гортанным смычным согласным в абсолютном конце (так называемым «глухим» гортанным смычным, обозначаемым в словаре Н. М. Терещенко как *ʔ*, а в записи Т. Салминена — как *q*). В Таблице 7 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных *a* в первом и втором слогах фонетических слов с закрытым конечным слогом структуры [CaCaC?].

По нашим полевым данным, эта слоговая структура представлена в ямальском диалекте словом (13Я) *ɲawad* 'подреберье; поясница; область таза; зад, задняя часть туловища (животного)' [Терещенко 1965, 2008: 368], *ngawad^o* (N ∅≡), NGAWATØ [Salminen 1998: 55, 497], O ηāββād 'Gürtelgegend, Taille' <'поясница, талия'>, OP ηāββād 'Gürtelgegend auf beiden Seiten' <'поясница с обеих сторон'>, Sj. ηāββād^ʔ, K ηāββād^ʔ, U-Ts. āββād^ʔ 'Rücken bei der Gürtelgegend (Stelle, wo der Rücken zu schmerzen pflegt)' <'спина в области поясницы'> [Lehtisalo 1956: 14b]; ср. Л Nj. nāmmā^ʔt 'Rücken bei der Gürtelgegend (Stelle, wo der Rücken zu schmerzen pflegt)' <'спина в области поясницы'>, P nāmmāt 'Gürtelgegend' <'поясница'> [Lehtisalo 1956: 14b]. Спектрограммы (всего 4) см. в Приложении 1, (13Я).

В словарях Н. М. Терещенко и Т. Салминена это существительное зафиксировано без гортанного смычного в конце: *ɲawad* [Терещенко 1965, 2008: 368]; *ngawad^o* (N ∅≡), NGAWATØ [Salminen 1998: 55, 497]. В словаре Т. Лехтисало это слово отмечено с гортанным смычным в конце только в большеземельском диалекте (Sj. ηāββād^ʔ)³⁴, но не в ямальском (O ηāββād, OP ηāββād) [Lehtisalo 1956: 14b]. Гортанный смычный не отмечается и для когната этого тундрового слова в лесном ненецком языке: Л ненец. Nj. nāmmā^ʔt, P nāmmāt [Lehtisalo 1956: 14b].

Следует также оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слово (13Я) является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру CaCaC^o: *ngawad^o* (N ∅≡), NGAWATØ [Salminen 1998: 55, 497]. Подобная интерпретация, возможно, опирается в том числе на произношение этого слова

³² Что касается слов структуры [CaCC'a], то существительное (11Я) *wamn'a* не представлено в словаре [Lehtisalo 1956], а слово *tāns'a* [tānz'ɔ] зафиксировано в [Lehtisalo 1956] только для западных и центральных говоров (но не для восточного, ямальского диалекта): M t̄ān'ġ'z'è, Sj. t̄ān'ġ'z'è [Lehtisalo 1956: 473b], — однако и там отмечается долгота гласного первого слога.

³³ Здесь в круглых скобках приводится запись слоговых структур в фонологической интерпретации Т. Салминена, по данным [Salminen 1998].

³⁴ Глухой гортанный смычный согласный в словаре [Lehtisalo 1956] обозначается символом *ʔ*.

с гласным призвуком в абсолютном конце в большеземельском и малоземельском диалектах Т ненец. в записи Т. Лехтисало: К $\eta\tilde{a}\beta\beta\tilde{a}\delta^{\circ}$, U-Ts. $\tilde{a}\beta\beta\tilde{a}\delta^{\circ}$ [Lehtisalo 1956: 14b].

Что касается наших полевых материалов по ямальскому диалекту Т ненец., то на спектрограммах и на слух мы обнаруживаем не гласный звук или призвук, а гортанный смычный согласный в абсолютном конце слова (13Я), поэтому далее мы рассматриваем это имя как двусложное (по крайней мере фонетически), т. е. как фонетическое слово слоговой структуры [CaCaC(C)].

Таблица 7

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a—a</i>)								
[CaCaC(C)] ([CaCaC?]) // CaCaC° (CaCaC°), по [Salminen 1998: 55, 497]								
13Я	$\eta awad^?$ ($\eta awad^{\circ}(?)$) [$\eta aw\acute{a}d^?$]	0,121	82,60 (81,98)	195-182 (190)	0,150	78,65 (77,83)	157	ЯМГ (1)
	$\eta awad^?$ ($\eta awad^{\circ}(?)$) [$\eta w\acute{a}d^?$]	0,082	79,86 (78,75)	192-182 (184)	0,114	81,02 (80,20)	191-184 (188)	ЯМГ (2)
	$\eta awad^?$ ($\eta awad^{\circ}(?)$) [$\eta aw\acute{a}d^?$]	0,130	85,05 (83,61)	211-178	0,131	82,78 (81,70)	163-158-172 (162)	ЯМГ (3)
	$\eta awad^?$ ($\eta awad^{\circ}(?)$) [$\eta aw\acute{a}d^?$]	0,107	83,87 (82,74)	198-173	0,133	83,89 (82,66)	194-163	ЯМГ (4)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных *a* первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Так как данное слово заканчивается на согласный звук, определение длительности гласного последнего слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. В трех из четырех произнесений слова $\eta awad^?$ ($\eta awad^{\circ}(?)$) диктором ЯМГ длительность гласного *a* второго слога превосходит длительность гласного *a* первого слога примерно на 0,03 сек. (30 мсек.), и только в одном произнесении (произн. 3) оба гласных сопоставимы по длительности. Таким образом, отношение длительности гласного *a* первого слога к длительности гласного *a* второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в четырех рассмотренных произнесениях составляет: 1:1,2 [ЯМГ: 1]; 1:1,4 [ЯМГ: 2]; 1:1 [ЯМГ: 3]; 1:1,2 [ЯМГ: 4], — т. е. обычно длительность гласного *a* второго слога превосходит длительность гласного *a* первого слога в 1,2—1,4 раза.

Можно отметить некоторые колебания в соотношении интенсивности гласных первого и второго слогов: 1) максимальная и средняя интенсивность первого гласного превышают интенсивность второго на 2 дБ (произн. 3) и даже на 4 дБ (произн. 1); 2) максимальная и средняя интенсивность обоих гласных численно сопоставимы, одинаковы (произн. 4); 3) максимальная и средняя интенсивность второго гласного превосходят интенсивность первого примерно на 1 дБ (произн. 2). При этом разница между максимальной и средней интенсивностью как первого, так и второго гласного составляет примерно 0,6—1,4 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается не быстрее и не значительно, чем на протяжении произнесения первого гласного.

На протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов тон обычно остается ровным, несколько понижаясь к концу фонетического слова. Колебания по частоте основного тона незначительны.

Таким образом, для рассмотренного выше слова структуры [CaCaC(C)] характерно ударение на гласном *a* второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного не первого слога в первую очередь оказывается большая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом параметр интенсивности отходит на второй план, и его можно считать дополнительным акустическим коррелятом словесного акцента, но не основным, что связано с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец. Изменение частоты основного тона в словах структуры [CaCaC(C)] также не является акустическим коррелятом ударения, т. к. тон остается практически ровным на протяжении всего фонетического слова.

О том, что ударение в слове (13Я) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа: [ɲawád³m(?)] / [ɲɔwád³m(?)] (*ngawad^o-m*) ACC.SG [ОХХ, ЯМГ].

В ямальском диалекте Т ненец., помимо подробно рассмотренного нами выше, встречаются также другие фонетически двусложные имена слоговой структуры [CaC(C)aC(C)] (*CaC(C)aC(C)^o*, *CaC(C)aC^o(C)*), в которых также ударение падает на второй слог³⁵:

а) [CaC(C)aC(C)] (*CaC(C)aC(C)^o*)

nawáŋk (*nawáŋk^o*) [nawáŋk] / [nɔwáŋk], **наванг** ‘жировая пленка в брюшине упитанного животного’ [Терещенко 1965, 2008: 281], *nawangk^o* (N $\emptyset \equiv$), NAWAHXØ [Salminen 1998: 72], ОП *ɲàββàŋk^k* ‘Fett in den Eingeweiden’ ‘внутренний жир’ [Lehtisalo 1956: 282b]; ср. Л Lj., S *nāmmāk*, Kis. *nāmmāk^ɲ*, P *nāmmāŋk* ‘Fett in den Eingeweiden’ ‘внутренний жир’ [Lehtisalo 1956: 282b];

wantád (*wantád^o*) [wandád] / [wɔndád], **вантад** ‘нарта для легковой езды с низкими перекладами’ [Терещенко 1965, 2008: 40], *wantad^o* (N $\emptyset \equiv \sim \rightarrow o$), WAHTATØ [Salminen 1998: 55], О *βàntāδ*, Sj., К *βāntāδ* ‘mit Seitenbrettern versehener Renntierschlitten mit vier hohen Streben (darin werden Esswaren aufbewahrt)’ [Lehtisalo 1956: 55a]; ср. Л *βāntat* [βāntāt.] ‘нарта для легковой езды с низкими перекладами’ [Попова 1978: 145]³⁶;

tawád (*tawád^o*) [tawád] / [tɔwád] (< *táwa* [táwɔ], ср. *мава* ‘кишечный жир’ [Терещенко 1965, 2008: 613]), *tawad^o* (N $\emptyset \equiv$), TAWA¹TØ [Salminen 1998: 55] (< *tawa* (N *a*→*i*), TAWA¹ [Salminen 1998: 226]), ОП *tàββāD* ‘Speck auf dem Bauch (beim Renntier, beim Menschen)’ (< ОП *tāββɔ* ‘Speck auf dem Bauch (beim Renntier, beim Menschen)’ [Lehtisalo 1956: 468b];

б) [C'aC(C)aC(C)] (*C'aC(C)aC^o(C)*)

t'aŋkád (*t'aŋkád^o*) [t'aŋgád] / [t'ɔŋgád], **тянгат** ‘мускул на руке, бицепс; оголенная рука’ [Терещенко 1965, 2008: 703], *tyangkad^o* (N $\emptyset \equiv$), TYAHXATØ [Salminen 1998: 54] (ср. в форме GEN.SG: ОП *t'aŋkā-δaŋ_ŋamŋsæ* ‘der zweiköpfige Armmuskel, Biceps’ ‘мускул на руке, бицепс’ [Lehtisalo 1956: 503a]); ср. Л *t'aŋkat* [hãŋkāt.] ‘мускул, бицепс’ [Попова 1978: 127], P *t'sëŋkāt* ‘Unterarm’ ‘предплечье’ [Lehtisalo 1956: 503a];

jarád? (*jarád^o?*) [jarád?] / [jɔrád?], **ярад”(д)** ‘белая полоска на носках пимов’ [Терещенко 1965, 2008: 851], *yarad^oq* (N *t*+*o*), YARATØT [Salminen 1998: 318], О *jārād^{sd}*, Sj., МВ *jārād^{sd}* ‘Seitenstreifen des Fussblattes am Beinlingsstiefel (wird aus weissem Beinlingsfell hergestellt)’ ‘полоска на носках пимов, сделанная из белого меха’, ОП *jārāD^{sd}* ‘Seitenstreifen des Fussblattes am Beinlingsstiefel (wird aus weissem Beinlingsfell hergestellt); weisses Beinlingsfell des Renntiers’ [Lehtisalo 1956: 95a]; ср. Л *halata, ta* ‘белый передок пимов’ [Попова 1978: 12], S *jèrrāt^{sd}*, Nj. *jèrrā^{sd}ttat*, P *jěállāt* ‘Seitenstreifen des Fussblattes am Beinlingsstiefel (wird aus weissem Beinlingsfell hergestellt)’ ‘полоска на носках пимов, сделанная из белого меха’ [Lehtisalo 1956: 95a].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 8*.

Таблица 8

[CaC(C)áC(C)]		
<i>a</i> первого слога		<i>á</i> второго слога
Д1	<	Д2
И1	(> /) = / <	И2
ЧОТ1	= / >	ЧОТ2

Наши выводы о длительности и темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренных выше словах структуры [CaC(C)áC(C)] в ямальском диалекте подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта (О и ОП):

[CaC(C)aC(C)] (*CaC(C)aC(C)^o*)

(13Я) О *ɲāββād*, ОП *ɲāββāD* [Lehtisalo 1956: 14b] (ср. также сходную запись этого слова, с указанием на длительность как первого, так и второго гласного, в большеземельском диалекте, для которого отме-

³⁵ Здесь мы не ограничиваемся уже только непроеизводными именами в строгом понимании этого термина.

³⁶ Это слово не зафиксировано в [Бармич, Вэлло 2002].

чается наличие гортанного смычного согласного в абсолютном конце, в отличие от ямальских форм, в записи Т. Лехтисало: Sj. $\eta\bar{\alpha}\beta\beta\bar{\alpha}\delta^{''j}$ [Lehtisalo 1956: 14b];

OP $\eta\bar{\alpha}\beta\beta\bar{\alpha}\eta k^z$ [Lehtisalo 1956: 282b]; O $\beta\bar{\alpha}nt\bar{\alpha}\delta$ [Lehtisalo 1956: 55a]; OP $\tau\bar{\alpha}\beta\beta\bar{\alpha}\delta$ (< OP $\tau\bar{\alpha}\beta\beta\eta$) [Lehtisalo 1956: 468b];

[C'aC(C)aC(C)] (C'aC(C)aC°(C))

OP $\tau\bar{\alpha}\eta k\bar{\alpha}\delta\bar{\alpha}\eta$ (GEN.SG) [Lehtisalo 1956: 503a]; O $j\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}\delta^{''j}$, OP $j\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}\delta^{''j}$ [Lehtisalo 1956: 95a].

Таким образом, есть три возможных варианта записи слов этой слоговой структуры в словаре Т. Лехтисало:

1) с указанием на долготу (длительность) обоих гласных — как первого, так и второго слога (O $\eta\bar{\alpha}\beta\beta\bar{\alpha}\delta$, OP $\eta\bar{\alpha}\beta\beta\bar{\alpha}\delta$; O $j\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}\delta^{''j}$, OP $j\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}\delta^{''j}$);

2) с указанием на долготу (длительность) только второго гласного (O $\beta\bar{\alpha}nt\bar{\alpha}\delta$; OP $\tau\bar{\alpha}\beta\beta\bar{\alpha}\delta$; OP $\tau\bar{\alpha}\eta k\bar{\alpha}\delta\bar{\alpha}\eta$ GEN.SG), при этом гласный первого слога может обозначаться символом с диакритикой грависа ($\grave{\alpha}$), возможно, свидетельствующей об ином просодическом выделении;

3) без указания на долготу (длительность) обоих гласных — как первого, так и второго слога (OP $\eta\bar{\alpha}\beta\beta\bar{\alpha}\eta k^z$), — однако с диакритиками грависа над символами для обоих гласных ($\grave{\alpha}$).

Все эти варианты записи указывают на темпоральную выделенность гласного второго слога: второй вариант записи свидетельствует об этом напрямую, а первый и третий — косвенно, указывая на «равнозначность» гласных первого и второго слогов, а не «превалирование» первого гласного (при том что начальный слог фонетического слова всегда имеет большую интенсивность, такова общая речевая тенденция). Если бы ударение в этих словах падало на первый слог, ожидалась бы запись с отмеченной редукцией второго гласного (как в пп. 2.1.1. и 2.1.2.), но в этих случаях редукция нигде не отмечена.

О том, что в этих словах ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салмином: $ngawad^{\circ}$ (N $\emptyset\equiv$), NGAWATØ [Salminen 1998: 55, 497]; $nawangk^{\circ}$ (N $\emptyset\equiv$), NAWAHXØ [Salminen 1998: 72]; $wantad^{\circ}$ (N $\emptyset\equiv \sim \rightarrow o$), WANTATØ [Salminen 1998: 55]; $tawad^{\circ}$ (N $\emptyset\equiv$), TAWA¹TØ [Salminen 1998: 55]; $tyangkad^{\circ}$ (N $\emptyset\equiv$), TYAHXATØ [Salminen 1998: 54]; $yarad^{\circ}q$ (N $t+o$), YARATØT [Salminen 1998: 318]. Как мы уже говорили выше, по мнению Т. Салмина, слог, предшествующий слогу с фонемой / $\emptyset$ /, является ударным [Salminen 2007: 350]. Таким образом, в системе Т. Салмина a второго слога в рассмотренных нами словах оказывается ударным, что согласуется с нашими полевыми данными.

Подводя итог, можно сказать, что в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка акустическими коррелятами словесного акцента в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего подъема, являются большая длительность (темпоральная выделенность) и большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного. В словах с ударением не на первом слоге параметр экспираторной выделенности отходит на второй план в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное маркирование ударного гласного остается в таком случае доминирующим акустическим коррелятом словесного акцента.

2.2. Акцентные характеристики фонетических слов с гласными среднего подъема переднего ряда [e] в первом и втором слогах в ямальском диалекте

2.2.1. В Таблице 9 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных [e] в первом и втором слогах фонетических слов, где оба слога открытые, т. е. имеющих слоговую структуру [CeCe]. Как пример слова такой слоговой структуры нами было выбрано для анализа имя (14Я) [s'εxe] / [s'εye] (пять спектрограмм см. в Приложении I, (14Я)):

(14Я) *сехэ* 'большой ком снега; твердый снег' [Терещенко 1965, 2008: 550], *суеха* (N $a\rightarrow yi$), SYEXA¹ [Salminen 1998: 227, 512], O $\xi\grave{\epsilon}\chi\grave{\epsilon}$, OP $\xi\grave{i}\chi\grave{\epsilon}$, Sj. $\xi\grave{\epsilon}\chi\grave{\epsilon}$ 'harter Schnee' <'твердый снег'> [Lehtisalo 1956: 435b].

В первую очередь следует оговорить, что для этого слова (и аналогично для ряда других подобных) Т. Салминен избирает фонологическую интерпретацию конечного гласного не как e , а как a : *суеха* (N $a\rightarrow yi$), SYEXA¹ [Salminen 1998: 227, 512], — на что указывает отмеченное типичное чередование a/i (N $a\rightarrow yi$)³⁷. Однако в ямальском диалекте мы имеем дело с фонетической последовательностью

³⁷ Здесь мы не приводим для анализа слова, в которых вокалический состав слоговой структуры [CeCe] является исконно однородным, а не получившимся в результате прогрессивной дистантной ассимиляции, т. к. таких производных (на уровне ненецкого языка) двусложных имен нами не было обнаружено.

[sʲeχe] / [sʲeɣe] с однородным вокалическим составом, а не [sʲeχa] / [sʲeɣa] (вариант [sʲeχa] / [sʲeɣa] характерен, например, для канинского диалекта Т ненец.), что подтверждают данные словарей: *сехэ* [Терещенко 1965, 2008: 550], О *šëχë*, ОР *šixë* (ср. также Sj. *šëχë*) [Lehtisalo 1956: 435b].

На фонетическую последовательность [sʲeχe] / [sʲeɣe] с однородным вокалическим составом (а не [sʲeχa] / [sʲeɣa]) в ямальском диалекте указывают также средние данные по числовым значениям первой (F1) и второй (F2) формант гласных: так, F1 гласного второго слога в произнесении диктора ОТО составляет в среднем 380 Гц, что однозначно указывает на средний, а никак не нижний подъем; также и F1 гласного второго слога в произнесении диктора ЛСЯ оказывается значительно меньше величин, характерных для *a*, а показатели F2 однозначно указывают на передний ряд (2300—2400 Гц).

Таким образом, здесь мы имеем дело с проявлением прогрессивной дистантной ассимиляции гласных после *χ*, что неоднократно отмечалось для ненецкого языка, например, в работах Н. М. Терещенко (особенно в отношении падежных аффиксов локатива-инструменталиса и аблатива единственного и множественного числа, а также ряда других форм) [Терещенко 1966: 378; Терещенко 1965, 2008: 864—865].

Таблица 9

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
слова с [e] в 1С и 2С ([e]—[e]) // (e—a), по [Salminen 1998: 227, 512]								
[CeCe] ([C'eCe]) // CeCa (C'eCa), по [Salminen 1998: 227, 512]								
14Я	[sʲeɣe]	0,078	87,12 (84,85)	260-234- 198	0,201	86,17 (83,78)	149	ОТО (1)
	[sʲeɣe]	0,052	82,91 (82,05)	236-199	0,126	80,79 (78,38)	178-159 (169)	ЛСЯ (1)
	[sʲeɣe]	0,081	82,24 (81,10)	234-168	0,121	77,33 (74,62)	161	ЛСЯ (2)
	[sʲeɣe]	0,060	81,56 (80,07)	144-118	0,159	78,92 (74,97)	113	ОХХ (1)
	[sʲeχe]	0,050	74,12 (71,87)	142-118	0,168	73,92 (70,30)	117	ОХХ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных [e] первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Длительность гласного второго слога, являющегося открытым и конечным, превышает длительность первого гласного на 0,04—0,07 сек. (40—70 мсек.) в произнесениях диктора ЛСЯ и даже значительно более — примерно на 0,1—0,12 сек. (100—120 мсек.) в произнесениях дикторов ОТО и ОХХ, что, однако, можно отнести к расслабленному, протяжному произношению слова перед паузой. Во всех случаях длительность гласного конечного открытого слога оказывается больше длительности гласного первого слога.

Следует, однако, отметить, что гласный второго слога, хоть и произносимый длительно, звучит со значительно меньшей интенсивностью, чем гласный первого слога (и даже «расслабленно»). Так, максимальная интенсивность гласного первого слога обычно превосходит пиковую интенсивность гласного второго слога на 1—2,5 дБ и даже на 5 дБ (в одном из произнесений диктора ЛСЯ), а средняя интенсивность — на 1—3,5 дБ (диктор ОТО; диктор ЛСЯ, произн. 1; диктор ОХХ, произн. 2), на 5 дБ (диктор ОХХ, произн. 1) и даже на 6,5 дБ (диктор ЛСЯ, произн. 2). При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,9—2,2 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 2,5—4 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного.

При этом интересен тот факт, что сами носители ямальского диалекта однозначно воспринимают первый слог как более выделенный и даже склонны считать второй слог кратким по сравнению с первым (по словам диктора ОХХ). Для носителя русского языка, привыкшего во многом соотносить ударение с длительностью, такая интерпретация места словесного акцента носителем ненецкого языка может показаться нетривиальной (о значимости темпорального параметра при определении места словесного акцента для «русского уха» см. подробнее в [ЛЭС 1990: 530])³⁸.

³⁸ «Эксперименты показали, что (...) носители рус(ского) и англ(ийского) языков, считающихся языками с динамич(еским) У. (ударением), воспринимают долгие гласные (...) как ударные, т. е. интенсивность для них — единств(енный) признак У. (ударения.) Установлено, в частности, что для рус. У. (ударения) длительность — важ-

Что касается динамики частоты основного тона на протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов, то она резко (примерно на 25—65 Гц) падает на гласном первого слога, после чего тон остается ровным, равномерно понижаясь к концу фонетического слова (условно движение тона можно изобразить как ___) ³⁹.

Сопоставив данные по всем просодическим признакам, можно заключить, что для рассмотренного выше слова структуры [CeCe] характерно ударение на гласном первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного первого слога в данном случае в первую очередь оказывается не бóльшая длительность (темпоральная выделенность), а бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Видимо, как дополнительный акустический коррелят ударения в этих фонетических словах можно рассматривать высокий тон и его падение на ударном гласном первого слога. На то, что словесный акцент маркирует гласный первого, а не второго слога, указывает также и явление прогрессивной дистантной ассимиляции гласных после *χ*, в результате которого гласный второго слога «подстраивается» под гласный первого.

О том, что ударение в слове (14Я) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа (о том, что ударение не перетягивается на слог вправо в форме accusativa единственного числа, подробно см. выше): [s'éχem(?) / [s'éχem(?)] (*syexa-m*) [ОТО, ЛСЯ, ОХХ] (см. Табл. 10 и Приложение 2, Рис. (14Я')).

Таблица 10

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
14Я'	[s'éχem]	0,077	83,20 (81,90)	240-194	0,071	83,60 (82,54)	210-226	ЛСЯ
	[s'éχem]	0,069	76,12 (75,59)	141-108	0,068	75,28 (75,02)	111	ОХХ (1)
	[s'éχem]	0,062	73,50 (72,63)	117-107 (111)	0,074	71,50 (70,08)	110	ОХХ (2)

В ямальском диалекте Т ненец., помимо подробно рассмотренного нами выше, встречаются также другие фонетически двусложные непроезводные имена слоговой структуры [CéCe], в которых также ударение падает на первый слог (фонологическая интерпретация Т. Салминена для этих слов также подразумевает, что гласный второго слога в этих словах не *e*, а *a*, *ø* (*ə*) или *°*; однако данные словаря Н. М. Терещенко и часто словаря Т. Лехтисало указывают на фонетические последовательности с однородным вокалическим составом):

[t'éχe] / [t'éχe], *mexə* 'тот дальний, тот отдаленный (о месте или времени)' [Терещенко 1965, 2008: 652], *tyexa*⁴⁰ (N *a*→*ø*), ТУЕХА [Salminen 1998: 227, 521], О t'èχē, ОР t'ixāp, Sj. t'èχē, К t'ixī, U, U-Ts. t'èχī 'jener dort' <'тот (дальний)') [Lehtisalo 1956: 504a]; ср. Л *chaxi* 'тот, та, то (дальний)' [Бармич, Вэлло 2002: 143], t'ixə 'тот дальний' [Попова 1978: 132] < ПС der. korr. *tä(-) ~ *te(-) [Janhunen 1977: 152];

[s'éχe] / [s'éχe], *səχə*⁴¹ 'дикий, пугливый, чуждающийся других (о птице, звере); (перен.) нелюдимый, необщительный' [Терещенко 1965, 2008: 587], *sex°* (N *ø*→*o*), SEXØ [Salminen 1998: 151], О sèχē, ОР sèχē 'menschenscheu (Vogel, Tier; auch Mensch, der andere Menschen meidet)' <'чуждающийся других (о животном, птице, также о человеке, избегающем других людей)') [Lehtisalo 1956: 409a]; ср. Л 'hexä [x'èχä] 'дикий, пугливый (о животном)' [Попова 1978: 139].

Аналогичная ситуация наблюдается и в случае фонетических слов подобной слоговой структуры, где первый гласный — звук не среднего, а средне-нижнего подъема, условно обозначаемый как [æ], а согласный, следующий после него, — тот же [χ]. Для этих слов Т. Салминен дает фонологическую интерпретацию второго гласного как *°*,

нейший компонент, поэтому русские склонны воспринимать чеш(ские) слова с долгим 2-м слогом типа *motyl* 'бабочка' как имеющие У. (ударение) на 2-м слоге, хотя в действительности У. (ударение) в чеш(ском) яз(ыке) всегда на 1-м слоге» [ЛЭС 1990: 530].

³⁹ Более низкая общая частота основного тона в речи диктора ОХХ (чем в речи дикторов ОТО и ЛСЯ) обусловлена гендерными характеристиками.

⁴⁰ Символ *a* с подчеркиванием в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *a*, но, возможно, также с *ø* [Salminen 1998: 18].

⁴¹ Обращаем внимание на указание на краткость второго гласного в [Терещенко 1965, 2008], что в очередной раз свидетельствует о безударности второго слога и ударности первого.

а Н. М. Терещенко приводит фонетическую запись этих слов, при этом не всегда указывая, что первый гласный — [æ] (= э, т. е. э с точкой сверху), а не [e] (= э), но часто обозначая краткость гласного второго слога. Ниже мы приводим эти имена списком, не останавливаясь на них подробно:

нэхэ 'балык крупной рыбы или осетра, юкола' [Терещенко 1965, 2008: 507], **пæх°** (N $\sigma \rightarrow o$), **РÆХØ** [Salminen 1998: 151], O, OD **рǎѣхѣ**, OP **рǎѣхѣ**, T₅, Sj. **рǎѣхѣ** 'an der Luft getrockneter grösserer Fisch, der im Rücken gespalten und entgrätet ist', U-Ts. **рǎѣхѣ** 'an der Luft getrockneter Fisch' ('вяленая рыба') [Lehtisalo 1956: 350a]; ср. Л **нэхэ** 'сушеная рыба, юкола' [Бармич, Вэлло 2002: 118], **рǎ'хэ** 'юкола, сушеная рыба' [Попова 1978: 96], Lj. **рǎѣхǎѣ**, P **рǎхǎѣ** 'an der Luft getrockneter Fisch' ('вяленая рыба') [Lehtisalo 1956: 350a];

сэхэ 'ложбина, вырытый ручьями овраг; очищенное, расчищенное пространство (например, яма, промывая водой в береговой насыпи; вырубка в лесу); зачищенное место (на концах лука, на дереве и т. п.); (перен.) время, когда не бывает чего-либо (например, рыбы — от одной путины до другой); (перен.) затруднение, беда' [Терещенко 1965, 2008: 587], **сæх°** (N $\sigma \rightarrow o$), **SÆXØ**¹ [Salminen 1998: 151], O, Sj., K **сехѣ**, T₅ **сѣхǎ** 'vom Wasser in die Uferwand genagter Graben; baumlose Linie, Schneisse im Walde; Aushau für den Stellbogen; Kerbe in Holz; schmale Stelle eines Gegenstands; Verlegenheit, schwere Situation', M **сѣхѣ** 'Grube im Erdboden; Schneisse im Wald; Kerbe (z. B. in einen Knüttel geschnittene)' [Lehtisalo 1956: 409a]; ср. Л 'хэ хǎ [x'эххǎ] 'ложбина' [Попова 1978: 140], Nj. **јѣхѣрǎ** 'schmale Stelle auf einer Kiefernheide' [Lehtisalo 1956: 409b];

хэхэ (этно.) хэхэ (дух-покровитель; дух непогоды); идол; (карт.) козырь' [Терещенко 1965, 2008: 804], **хæх°** (N $\sigma \rightarrow o$), **XÆXØ**¹ [Salminen 1998: 151], O **хǎѣхѣ** 'Geist (u. a. Gewittergeist); Götze; Heiligenbild; Trumpf im Kartenspiel' ('дух (например, дух грозы); идол; изображение святого; козырь в карточной игре'), Sj. **хǎѣхѣ**, OP, I **хǎѣхæ**, T₁ **хǎѣхѣ**, U **хǎѣхѣ**, Oks., U-Ts., N **хǎѣхѣ** 'Geist (u. a. Gewittergeist); Götze; Heiligenbild' ('дух (например, дух грозы); идол; изображение святого') [Lehtisalo 1956: 179a]; ср. Л **кэхэ** 'идол, божок' [Бармич, Вэлло 2002: 55], **каѣ'хэ** 'идол' [Попова 1978: 34], Lj₂, P **кахрǎ**, S **кǎ'хǎѣ**, Kis. **крǎхр** 'Geist; Geisterbild; Götze' ('дух; изображение духа; идол') [Lehtisalo 1956: 179a] < ПС ***кǎѣкǎ** 'Geist (?)' ('дух (?)') [Janhunen 1977: 51].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов структуры [CéCe] обобщены нами в *Таблице 11*.

Таблица 11

[CéCe] ([C'éCe], [CéCe], где второй согласный — χ)		
[é] первого слога		[e] второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наши выводы о том, что в ямальском диалекте ударный гласный первого слога в рассмотренном выше слове структуры [CéCe] не выделен темпорально по сравнению с гласным открытого второго слога, подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров ямальского диалекта (O и OP):

[C'eCe]

(14Я) O **сѣхѣ**, OP **сѣхѣ** [Lehtisalo 1956: 435b];

O **т'ѣхѣ**, OP **т'и'хǎр** [Lehtisalo 1956: 504a];

[CeCe]

O **сехѣ**, OP **сехѣ** [Lehtisalo 1956: 409a].

Во всех этих словарных фиксациях не отмечена долгота (длительность) гласного первого слога, а даже, наоборот, встречается запись, свидетельствующая о длительности второго гласного в абсолютном конце слова после χ (O **ѣ**, OP **ǎр**). Следует также обратить внимание на переход **C'eCV > C'iCV** в нижнеобском говоре (OP) ямальского диалекта, по данным словаря Т. Лехтисало.

Ср. также запись слов аналогичной слоговой структуры с гласным [æ] средне-нижнего подъема в первом слоге в словаре Т. Лехтисало, в этих случаях также иногда отмечается долгота (длительность) второго гласного в абсолютном конце слова после χ в говорах O и OD ямальского диалекта: O, OD **рǎѣхѣ** (но OP **рǎѣхѣ**) [Lehtisalo 1956: 350a]; O **сехѣ** [Lehtisalo 1956: 409a]. Подробнее об этих словах см. выше.

2.2.2. В ямальском диалекте Т ненец. имеются также слова слоговой структуры [CeC(C)eC(C)] (CeC(C)eC°(C)), представленной подвидами [C'eCeC'] (C'eCeC°), где первый и третий согласные мягкие, а второй твердый, [C'eCCeC'] (C'eCCeC°) с двумя согласными между первым и вторым гласным и [C'eC'eC'(C)] (C'eC'eC°(C)), где три согласных мягкие. В Таблице 12 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных *e* в первом и втором слогах фонетических слов слоговой структуры [C'eCeC'] (C'eCeC°). Как пример слова такой слоговой структуры нами было выбрано для анализа имя (15Я) *jedej* (*jedej*°) (спектрограммы см. в Приложении 1, (15Я)):

(15Я) *edəj* 'новый; молодой (недавно появившийся)' [Терещенко 1965, 2008: 89], *yedey*° (N ø≡), ЎЕТЕЎ(Ø) [Salminen 1998: 160, 539], О *jēdāi*, ОР *jēdāēi*, Т₁ *jēdāi*, U *jēdāi*, N *jēdēi* 'neu' <'новый'> [Lehtisalo 1956: 120a]; ср. Л *dety* 'новый; свежий' [Бармич, Вэлло 2002: 26, 226], *he'taj* 'новый' [Попова 1978: 21].

Следует, однако, оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слово (15Я) является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру CeCeC° с: *yedey*° (N ø≡), ЎЕТЕЎ(Ø) [Salminen 1998: 160, 539]. Что касается наших полевых материалов по ямальскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука, поэтому далее мы рассматриваем это имя как двусложное (по крайней мере фонетически), т. е. как фонетическое слово слоговой структуры [C'eCeC'].

Таблица 12

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
слова с <i>e</i> в 1С и 2С (<i>e—e</i>) // (<i>e—e—e</i> °), по [Salminen 1998: 160, 539]								
[CeCeC] ([C'eCeC']) // CeCeC° (C'eCeC°), по [Salminen 1998: 160, 539]								
15Я	<i>jedej</i> (<i>jedej</i> °) [jedéj]	0,044	86,02 (83,91)	186	0,096	88,34 (85,87)	188-222	ОЛЛ (1)
	<i>jedej</i> (<i>jedej</i> °) [jedéj]	0,069	85,89 (84,68)	192-175 (180)	0,090	85,68 (84,34)	176-196 (191)	ОЛЛ (2)
	<i>jedej</i> (<i>jedej</i> °) [jedéj]	0,063	86,87 (84,58)	184	0,093	85,73 (84,05)	186-207	ОЛЛ (3)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных *e* первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Так как данное слово фонетически заканчивается на согласный звук, определение длительности гласного последнего слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. Во всех трех произнесениях слова *jedej* (*jedej*°) диктором ОЛЛ длительность гласного *e* второго слога превосходит длительность гласного *e* первого слога на 0,02—0,05 сек. (20—50 мсек.). Таким образом, отношение длительности гласного *e* первого слога к длительности гласного *e* второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в трех рассмотренных произнесениях составляет: 1 : 2,2 [ОЛЛ: 1]; 1 : 1,3 [ОЛЛ: 2]; 1 : 1,5 [ОЛЛ: 3], — т. е. обычно длительность гласного *e* второго слога превосходит длительность гласного *e* первого слога в 1,3—1,5 раза, а иногда даже в 2,2 раза.

Можно отметить некоторые колебания в соотношении интенсивности гласных первого и второго слогов: 1) максимальная интенсивность первого гласного превышает пиковую интенсивность второго на 1 дБ, а средняя интенсивность — на 0,5 дБ (произн. 3); 2) максимальная и средняя интенсивность обоих гласных практически численно сопоставимы, почти одинаковы (произн. 2); 3) максимальная и средняя интенсивность второго гласного превосходят интенсивность первого примерно на 2 дБ (произн. 1). При этом разница между максимальной и средней интенсивностью как первого, так и второго гласного составляет примерно 1,2—2,5 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается не быстрее и не значительно, чем на протяжении произнесения первого гласного.

На протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов тон немного (на 20—40 Гц) повышается на втором слоге.

Таким образом, для рассмотренного выше слова структуры [CeCeC] характерно ударение на гласном *e* второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного не пер-

вого слога в первую очередь оказывается бóльшая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом параметр интенсивности отходит на второй план, и его можно считать дополнительным акустическим коррелятом словесного акцента, но не основным, что связано с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец. Изменение частоты основного тона в словах структуры [CeCéC] также может являться дополнительным акустическим коррелятом ударения, т. к. тон плавно повышается на втором слоге.

О том, что ударение в слове (15Я) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствует также форма сравнительной степени (в которой ударение также никогда не перетягивается на слог вправо): [jedéj³rka] (*yedey^o-rka*) COMP [ОЛЛ, ОХХ].

В ямальском диалекте Т ненец., помимо подробно рассмотренного нами выше, встречаются также другие фонетически двусложные имена слоговой структуры [CeC(C)eC(C)] (*CeC(C)eC^o(C)*), в которых также ударение падает на второй слог:

а) [C'eCeC'] (*C'eCeC^o*)

n'enéj (*n'enéj^o*) [n'enéj], **ненэй** 'настоящий, подлинный; ненецкий', 'серебро; (зап.) деньги; серебряный' [Терещенко 1965, 2008: 299, 300], *nyeny^o* (N yø≡), NYENA→eÿ(Ø) [Salminen 1998: 161, 493], O *n'ènnài*, OP *n'èññaj*, Oks. *n'èññäei*, N *n'áññäei*, Sj. *n'èññäei* 'richtig, echt; Silber, Silbergeld' <'настоящий, действительный; серебро, серебряные деньги'> [Lehtisalo 1956: 317]; ср. Л *ненэй* 'настоящий, подлинный; истинный', 'ненецкий', 'серебряный' [Бармич, Вэлло 2002: 81], *he'naj* [h'ennai] 'настоящий' [Попова 1978: 65], Nj. *n'èññäej* 'richtig; Silber' <'настоящий; серебро'> [Lehtisalo 1956: 317a] < ПС **enâjâ* (? ~ **enâjlâ*) < der. ПС **enâ-* [Janhunen 1977: 23];

n'eséj (*n'eséj^o*) [n'eséj], **несэй** 'новый, иной, другой' [Терещенко 1965, 2008: 305], *nyesey^o* (N yø≡), NESEÿ(Ø) [Salminen 1998: 162], OP *n'eššäei* 'neu' <'новый'> [Lehtisalo 1956: 321b]; ср. Л *несы* 'свежий' [Бармич, Вэлло 2002: 81];

б) [C'eCCeC'] (*C'eCCeC^o*)

t'enkéj (*t'enkéj^o*) [t'enkéj], **теуэкэй** 'пимы без узора' [Терещенко 1965, 2008: 650], *tyengkey^o* (N 0~jð), TYENXE+ÿ(Ø) [Salminen 1998: 160], O *t'èñG^lai pīββy*, OP *t'enkäei pīββy*, Sj. *t'enkäi pīββy* 'unverzierter Beinlingsstiefel (von Jungen und Mädchen oder als Arbeitsstiefel <...>)' [Lehtisalo 1956: 507b] (ср. Л ненец. S, P *t'š'ienkāk*, Kis. *t'š'ienkāk^N* 'für Kinder aus Fellstückchen genähter unverzierter Beinlingsstiefel' [Lehtisalo 1956: 507b]);

в) [C'eC'eC'(C)] (*C'eC'eC^o(C)*)

s'er'és' (?) (*s'er'és'^o(?)*) [s'eriés'] / [s'eriés'²], **сересь** ~ **сересь'(н)** 'напильник' [Терещенко 1965, 2008: 547], *syeryesy^o* (N yø≡), SYERYESYØ [Salminen 1998: 156, 512] ~ *syeryesy^oh* (N ng+yé⁴²), SYERYESYØNG [Salminen 1998: 264], O, Sj. *šērēš* 'Feile' <'напильник'> [Lehtisalo 1956: 438b]; ср. Л *шелеша* 'напильник' [Бармич, Вэлло 2002: 152], *še't'eñš(añ)* 'подпилоч' [Попова 1978: 117], S *š'èl'liš'ī*, Kis. *š'èl'liš'ē*, Nj. *š'èr'ieš*, P *š'èl'ēn'š* 'Feile' <'напильник'> [Lehtisalo 1956: 438b].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 13*.

Таблица 13

[CeC(C)eC(C)] ([C'eCeC'], [C'eCCeC'], [C'eC'eC'(C)])		
<i>e</i> первого слога		<i>é</i> второго слога
Д1	<	Д2
И1	(> /) = / <	И2
ЧОТ1	<	ЧОТ2

Наши выводы о длительности и темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренных выше словах структуры [CeC(C)eC(C)] в ямальском диалекте частично подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говора ОР и (реже) для говора О ямальского диалекта:

⁴² Символ *e* с подчеркиванием не в первом слоге в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *e*, но, возможно, также с *i* [Salminen 1998: 18].

[C'eCeC']

(15Я) О *jēḍàì*, OP *jìèḍǎēi* [Lehtisalo 1956: 120a];

О *n'èñḅàì*, OP *ñ'èñḅàj* [Lehtisalo 1956: 317]; OP *ñ'eššǎēi* [Lehtisalo 1956: 321b];

[C'eCCeC']

О *ᶜēḅḅḅàì*, OP *ᶜēḅḅḅēi* [Lehtisalo 1956: 507b];

[C'eC'eC']

О *šērēš* [Lehtisalo 1956: 438b].

В трех случаях из четырех гласный второго слога в этих словах в говоре OP передается как дифтонг (*ǎē* или *ǎē* после *ḍ*), что говорит о его длительности; исключение — OP *ñ'èñḅàj*, где не отмечена долгота обоих гласных, однако при этом с помощью диакритики грависа все же указано некоторое просодическое выделение второго гласного. Следует, однако, отметить, что в одном случае гласный первого слога также передан как дифтонг (*ìè*), что, возможно, связано с позицией после *j*, в другом — как долгий гласный (*ē*); при этом в третьем случае гласный первого слога все же не маркирован по долготе (*e*). В формах, зафиксированных Т. Лехтисало для обдорского говора (О) ямальского диалекта Т ненец., длительность второго гласного обычно не обозначена: О *jēḍàì*, О *ᶜēḅḅḅàì*, О *n'èñḅàì* (а также OP *ñ'èñḅàj*, однако с дифтонгом во втором слоге в западных и центральных говорах: Oks. *n'èñḅàēi*, N *n'ǎñḅàēi*, Sj. *n'èñḅàēi* [Lehtisalo 1956: 317]), — где в двух случаях из трех отмечена длительность первого гласного, но не второго. В одном слове в записи Т. Лехтисало отмечается также долгота обоих гласных в обдорском говоре: О *šērēš* [Lehtisalo 1956: 438b]. Здесь, однако, следует помнить об общей речевой тенденции произносить начало слова с большей интенсивностью и отчетливостью, чем его конец.

Однако о том, что в этих словах ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салмином: *yedey*^o (N $\emptyset \equiv$), *ŸETEŸ*($\emptyset$) [Salminen 1998: 160, 539]; *nyenyey*^o (N $y\emptyset \equiv$), NYENA $\rightarrow$ eŸ($\emptyset$) [Salminen 1998: 161, 493]; *nyesey*^o (N $y\emptyset \equiv$), NESEŸ($\emptyset$) [Salminen 1998: 162]; *tyengkey*^o (N $\underline{0}\text{-}y\emptyset$), TYEHXE+Ÿ($\emptyset$) [Salminen 1998: 160]; *syeryesy*^o (N $y\emptyset \equiv$), SYERYESY $\emptyset$ [Salminen 1998: 156, 512] ~ *syeryesy*^o*h* (N $ng+y\emptyset$), SYERYESY $\emptyset$ NG [Salminen 1998: 264]. Напомним (см. подробнее выше), что, по мнению Т. Салмина, слог, предшествующий слогу с фонемой / $\emptyset$ /, является ударным [Salminen 2007: 350, 359]. Таким образом, в системе Т. Салмина *e* второго слога в рассмотренных нами словах должно считаться ударным, т. к. находится перед слогом с фонемой / $\emptyset$ /, что согласуется с нашими полевыми данными.

Подводя итог, можно сказать, что в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка акустическими коррелятами словесного акцента в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными среднего подъема переднего ряда ([e]), являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность) и бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного. В словах с ударением не на первом слоге параметр экспираторной выделенности отходит на второй план в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное маркирование ударного гласного остается в таком случае доминирующим акустическим коррелятом словесного акцента. В словах с ударением на первом слоге и открытым вторым (конечным) слогом параметр экспираторной выделенности, наоборот, оказывается доминирующим. Возможно, что параметр тональной выделенности ударного гласного более высоким тоном по сравнению с безударным оказывается в словах с таким однородным вокалическим составом дополнительным акустическим коррелятом словесного акцента.

2.3. Акцентные характеристики фонетических слов с гласными среднего подъема заднего ряда [o] в первом и втором слогах в ямальском диалекте

2.3.1. В ямальском диалекте Т ненец. имеются слова слоговой структуры [CoCo], представленной подвидами [CoCo], где оба согласных твердые (16Я), [CoC'o], где первый согласный твердый, а второй мягкий, [C'oCo], где первый согласный мягкий, а второй твердый, а также слоговой структуры [CoCo?] с «глухим» гортанным смычным в абсолютном конце (-" в записи Н. М. Терещенко, *q* в записи Т. Салмина). В *Таблице 14* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных [o] в первом и втором слогах фонетических слов слоговых структур [CoCo] и [CoC'o]. Как примеры слов этих слоговых структур нами были выбраны для анализа имена (16Я) [похo]/[поуo] (с неисконно однородным вокалическим составом),

(17Я) *mor'o* и (18Я) *pos'o* (с исконно однородным вокалическим составом); см. восемь спектрограмм в Приложении 1, (16Я), (17Я) и (18Я):

(16Я) *нохо* 'песец' [Терещенко 1965, 2008: 317], *ноха* (N *a*→*yi*), NOXA [Salminen 1998: 227], O, T₁, U, Oks. *noχò*, Sj., U-Ts. *nòχò*, K, M *nòχò* 'Polarfuchs, Eisfuchs' <'песец'> [Lehtisalo 1956: 289b—290a]; ср. Л *нохо* 'песец' [Бармич, Вэлло 2002: 84], *но'хо* 'песец' [Попова 1978: 68], Lj., Nj. *noχpə*, P *noχòv* 'Polarfuchs, Eisfuchs' <'песец'> [Lehtisalo 1956: 290a] < ПС *nokā [Janhunen 1977: 84];

(17Я) *морё* 'жар, горячие угли' [Терещенко 1965, 2008: 259], *moryo* (N *yo*→*yu*), MORØ¹→yO [Salminen 1998: 312], O *mōr'ù*, T₇ *mōr'ò*, Sj., K *mōr'ò* 'Feuerbrand' <'головня'> [Lehtisalo 1956: 262a]; ср. Л *'mōl'u* [m⁰ʹʹʹʹʹ] 'жар' [Попова 1978: 56]⁴³;

(18Я) *носё* 'вздутие (например, живота); пузырь (например, на поверхности воды)' [Терещенко 1965, 2008: 480], *posyo* (N *yo*→*yu*), POSØ→A→yO [Salminen 1998: 313], O *pōš'šù*, M *pōš'šù* 'Luftblase des Fisches' <'воздушный пузырь рыбы'> [Lehtisalo 1956: 361b]; ср. Л *нос* 'шар; шишка (от ушиба)' [Бармич, Вэлло 2002: 113], *'poš'ũko* [p⁰əš'ũ^hkø] 'пузырь' [Попова 1978: 106].

Следует оговорить, что для слова (16Я) [noχo] / [noχo], как и для (14Я) [s'ieχe] / [s'ieye] и ряда других подобных, Т. Салминен избирает фонологическую интерпретацию конечного гласного как *a*: *ноха* (N *a*→*yi*), NOXA [Salminen 1998: 227], — на что указывает отмеченное типичное чередование *a/i* (N *a*→*yi*). Однако в ямальском диалекте мы имеем дело с фонетической последовательностью [noχo] / [noχo] с однородным вокалическим составом, а не [noχa], что подтверждают данные словарей: *нохо* [Терещенко 1965, 2008: 317], O *noχò* (ср. также T₁, U, Oks. *noχò*, Sj., U-Ts. *nòχò*, K, M *nòχò*) [Lehtisalo 1956: 289b—290a].

На фонетическую последовательность [noχo] / [noχo] с однородным вокалическим составом (а не [noχa]) в ямальском диалекте указывают также средние данные по числовым значениям первой (F1) и второй (F2) формант гласных: так, F1 гласного второго слога оказывается значительно меньше величин, характерных для *a*, а числовые показатели F1 и F2 гласных первого и второго слогов сопоставимы друг с другом в произнесении диктора ЯМГ. Таким образом, здесь мы имеем дело с проявлением прогрессивной дистантной ассимиляции гласных после *χ* (см. подробнее выше).

Таблица 14

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
слова с [o] в 1С и 2С ([o]—[o]) // (o—a), по [Salminen 1998: 227] [CoCo] ([CoCo]) // CoCa (CoCa), по [Salminen 1998: 227]								
16Я	[nóχo]	0,064	81,74 (80,89)	199-174	0,125	79,23 (77,78)	202-166 (186)	ЯМГ
	[nóχo]	0,057	87,67 (85,97)	194-175	0,120	85,23 (83,31)	162-135 (154)	ОЛЛ
слова с o в 1С и 2С (o—o) [CoCo] ([CoC'o])								
17Я	<i>mor'o</i> [mório]	0,147	82,25 (81,08)	133	0,113 (0,207) ⁴⁴	80,94 (76,90)	131	OXX (1)
	<i>mor'o</i> [mório]	0,106	80,86 (80,48)	126	0,115 (0,279) ⁴⁵	79,29 (74,11)	122	OXX (2)
	<i>mor'o</i> [mório]	0,128	80,23 (79,43)	127	0,125 (0,254) ⁴⁶	81,09 (75,59)	120	OXX (3)
18Я	<i>pos'o</i> [pósio]	0,109	84,75 (83,28)	148	0,113 (0,181) ⁴⁷	81,35 (76,57)	132	OXX (1)
	<i>pos'o</i> [pósio]	0,117	83,42 (81,79)	136	0,103 (0,155) ⁴⁸	76,31 (72,44)	122	OXX (2)
	<i>pos'o</i> [pósio]	0,091	79,56 (77,67)	137-125 (131)	0,071	71,43 (69,58)	144-129-120 (126)	OXX (3)

⁴³ Это слово не зафиксировано в словаре [Бармич, Вэлло 2002].

⁴⁴ Основное ядро звука (до «сбоя» формант и резкого понижения интенсивности) составляет 0,113 сек. (113 мсек.).

⁴⁵ Основное ядро звука (до «сбоя» формант и резкого понижения интенсивности) составляет 0,115 сек. (115 мсек.).

⁴⁶ Основное ядро звука (до «сбоя» формант и резкого понижения интенсивности) составляет 0,125 сек. (125 мсек.).

⁴⁷ Основное ядро звука (до «сбоя» формант и резкого понижения интенсивности) составляет 0,113 сек. (113 мсек.).

⁴⁸ Основное ядро звука (до «сбоя» формант и резкого понижения интенсивности) составляет 0,103 сек. (103 мсек.).

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных [o] первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Длительность гласного второго слога, являющегося открытым и конечным, превышает длительность первого гласного примерно на 0,06 сек. (60 мсек.) в произнесениях слова (16Я) дикторами ЯМГ и ОЛЛ. Общая длительность гласного второго слога (открытого и конечного) также превышает длительность первого гласного в произнесениях слов (17Я) и (18Я) диктором ОХХ — на 0,04—0,06 сек. (40—60 мсек.) и даже более 0,1 сек. (100 мсек.), однако это верно при учете длинного «хвоста» второго гласного после «сбоя» формант и резкого падения интенсивности, т. е. с учетом длительного отрезка гласного, который уже еле слышен и произносится почти совсем без интенсивности. Без учета такого «гласного хвоста» длительность первого гласного может превышать длительность основного «ядра» второго гласного (до «сбоя» формант и резкого падения интенсивности) — на 0,014—0,034 сек., т. е. на 14—34 мсек. (слово (17Я), произн. 1; слово (18Я), произн. 2 и 3) — или быть численно сопоставимой с ней (слово (17Я), произн. 3; слово (18Я), произн. 1). Отметим, что при быстром произнесении слова, когда нет возможности «тянуть» гласный конечного открытого слога, длительность первого гласного превышает длительность второго — на 0,02 сек., т. е. на 20 мсек. (см. слово (18Я), произн. 3).

Следует отметить, что гласный второго слога, хоть и произносимый длительно, звучит с меньшей интенсивностью, чем гласный первого слога. Так, максимальная интенсивность гласного первого слога в произнесениях слова (16Я) дикторами ЯМГ и ОЛЛ превосходит пиковую интенсивность гласного второго слога на 2,5 дБ, а средняя интенсивность — на 2,5—3 дБ. В произнесениях слов (17Я) и (18Я) диктором ОХХ максимальная интенсивность первого гласного обычно превышает пиковую интенсивность второго гласного примерно на 1,3—3,5 дБ (слово (17Я), произн. 1 и 2; слово (18Я), произн. 1) и даже на 7—8 дБ (слово (18Я), произн. 2 и 3), а средняя интенсивность — примерно на 4 дБ (слово (17Я), произн. 1 и 3) и даже чаще на 6,5—9,5 дБ, что является значительной величиной (слово (17Я), произн. 2; слово (18Я), произн. 1—3). При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,5—2 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1,5—5,5 дБ (чаще 4—5,5 дБ в произнесениях диктора ОХХ), что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного.

Интересен тот факт, что, как и в случае со словом (14Я) [sʲeχe] / [sʲeχe], разобранным выше, сами носители ямальского диалекта однозначно воспринимают первый слог как более выделенный. Для носителя русского языка, привыкшего во многом соотносить ударение с длительностью, такая интерпретация места словесного акцента носителем ненецкого языка может показаться нетривиальной.

На протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов тон остается ровным, равномерно понижаясь к концу фонетического слова — на 30—60 Гц в произнесениях ОЛЛ и ЯМГ и даже менее 20 Гц в произнесениях диктора ОХХ. Колебания по частоте основного тона незначительны. В произнесении слова (16Я) диктором ОЛЛ, в отличие от произнесения диктора ЯМГ, тон наблюдается на протяжении всего фонетического слова: происходит озвончение [χ] > [y] в интервокальной позиции.

Сопоставив данные по всем просодическим признакам, можно заключить, что для рассмотренных выше слов структуры [CoCo] характерно ударение на гласном первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного первого слога в данном случае в первую очередь оказывается не бóльшая длительность (темпоральная выделенность), а бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. На то, что словесный акцент маркирует гласный первого, а не второго слога в слове (16Я), указывает также и явление прогрессивной дистантной ассимиляции гласных после χ, в результате которого гласный второго слога «подстраивается» под гласный первого.

О том, что ударение в словах (16Я)—(18Я) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также следующие формы: (16Я) [nóχom(?)] / [nóχom(?)] (*noxa-m*) ACC.SG; (17Я) [móχom(?)] (*mor'o-m(?)*, *toru-o-m*) ACC.SG; (18Я) [pósχom(?)] (*pos'o-m(?)*, *posyo-m*) ACC.SG (см. Табл. 15 и девять спектрограмм в Приложении 2, Рис. (16Я'), (17Я'), (18Я')) [ОЛЛ, ОХХ, ЯМГ]. При произнесении слов (17Я') и (18Я') диктором ОХХ длительность первого гласного превышает длительность второго на 0,015—0,05 сек. (15—50 мсек.); при произнесении слов (16Я'), (17Я') и (18Я') дикторами ОЛЛ, ЯМГ, ОХХ максимальная интенсивность гласного первого слога часто превосходит пиковую интенсивность второго гласного на 2,5—4,5 дБ и даже на 7—8,5 дБ, а средняя — часто на 1—2,5 дБ и даже на примерно 5—8 дБ.

Таблица 15

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
16Я'	[nóχom]	0,095	90,04 (88,15)	193-186-207-202 (199)	0,096	82,69 (80,79)	238-248-230 (242)	ОЛЛ (1)

	[nóɣom]	0,067	90,46 (88,94)	192-202-193 (197)	0,085	83,56 (82,57)	237-226 (232)	ОЛЛ (2)
	[nóɣom]	0,064	75,90 (75,07)	115-108 (111)	0,074	73,41 (72,44)	110-124 (120)	OXX
17Я'	[mór'iom]	0,101	84,66 (83,95)	134	0,076	83,54 (82,37)	156	OXX (1)
	[mór'iom]	0,119	83,86 (82,93)	147-158 (153)	0,079	84,58 (82,98)	147	OXX (2)
	[mór'iom]	0,124	82,29 (80,62)	139	0,109	83,29 (80,44)	135	OXX (3)
	[mór'iom]	0,105	75,87 (74,98)	126	0,084	76,07 (73,98)	126	OXX (4)
18Я'	[pós'iom]	0,105	82,77 (81,62)	140-126 (133)	0,054	78,27 (76,90)	147-123 (131)	OXX (1)
	[pós'iom]	0,102	81,48 (80,13)	128	0,054	72,97 (72,24)	126	OXX (2)

В ямальском диалекте Т ненец., помимо подробно рассмотренных нами выше, встречаются также другие фонетически двусложные непроезженные имена слоговых структур [CóCo] и [CóCo?], в которых также ударение падает на первый слог (фонологическая интерпретация Т. Салминена для двух слов из списка, приведенного ниже, подразумевает, что гласный второго слога в них не *o*, а *a* или, возможно, *ø* (*a*); однако данные словаря Н. М. Терещенко и частично словаря Т. Лехтисало указывают на фонетические последовательности с однородным вокалическим составом и в этих случаях):

а) [CoCo]

lõxo [lõxo] / [lõyo], **лохо** 'угол', 'выступ берега в водоеме, кулига' [Терещенко 1965, 2008: 193], *loxo* (N *o*→*u*), LOXO [Salminen 1998: 306] (~ *loxe* (N *e*→*i*), LOXE [Salminen 1998: 238]), O *loxē*^{3J} 'Winkel (z. B. in einem Zimmer, in einem langgestreckten See)' <'угол (например, в комнате...)'>, T₂ *loxē*, O₂, Oks. *loxō*, Sj. *loxō*, U-Ts. *loxō* 'Winkel, Ecke' <'угол'> [Lehtisalo 1956: 228a]; ср. Л *лоху*⁴⁹ 'угол' [Бармич, Вэлло 2002: 57, 274], *lo'xo* [lõxhɔ] 'угол' [Попова 1978: 47], P *lox^{op}ēi*, Nj. *loxī* 'Winkel, Ecke' <'угол'>, S *loxī*, Nj. *loxī*, P *lox^{op}ēi* 'schmale Seebucht, Biegung eines Flusses (курья) (in solchen ruhen sich die Fische aus; man fischt darin mit dem Zugnetz, nachdem der Eingang mit einem Netz verschlossen ist)' <'узкий залив, изгиб реки (курья)...'> (<ostj.) <хант.) [Lehtisalo 1956: 228a];

[sõxo] / [sõyo], **сохо** 'высокая остроконечная сопка с широким основанием' [Терещенко 1965, 2008: 567], *soxa* (N *a*→*yi*, ~ →*ø*), SOXA [Salminen 1998: 227, 510], OP *soxo* 'hoher, runder, spitz zulaufender Erdhügel' <'высокая остроконечная сопка'> [Lehtisalo 1956: 415a]; ср. Л *šo'xo* [šõxɔ] 'гора' [Попова 1978: 122], Lj. *šõxãð*, Kis. *šõxɔ*, Nj. *šõxɔð*, P *soxor* 'hoher, runder, spitz zulaufender Erdhügel' <'высокая остроконечная сопка'> [Lehtisalo 1956: 415a] <ПС *sok (~ *sokã, ? *sokã) [Janhunen 1977: 143];

б) [C'oCo]

t'õxo [t'õxo] / [t'õyo], **тõхо** 'ответвление от глубокого места в большом водоеме, проходящее по широкому мелководью (эти места обычно изобилуют рыбой)' [Терещенко 1965, 2008: 655], *tyoxo* (N *o*→*u*), TYOXO [Salminen 1998: 306], O₁ *t'õxō*, O₂ *t'õxō* 'schmale Wasserrinne zwischen einer Untiefe und dem Ufer im Ob' <'узкий фарватер среди мелководья'>, OP *t'õxō* 'Seitenbett des Obs; Wasserrinne bei einer Untiefe im Ob (ein ergiebiger Platz beim Fischen mit dem Zugnetz, weil die Delfine die Fische nach der Untiefe getrieben haben)' [Lehtisalo 1956: 517a]; ср. Л *t'o'xo* [hõxhɔ] 'ответвление от глубокого места, широкое мелководье' [Попова 1978: 133], P *t'šixū^b* 'kleine Flussbucht' <'небольшой речной залив'>, S *marrãð-t'šexū* 'vom Fluss in den Ufersand vorgeschobene "Wassergrube" (ist beim Ziehen des Zugnetzes hinderlich)' [Lehtisalo 1956: 517a];

[nõxo] / [nõyo], **нõхо** 'пот' [Терещенко 1965, 2008: 308], *nyoxa* (N *a*→*yi*), NYOXA [Salminen 1998: 227]; ср. Л *нõхо* 'пот' [Бармич, Вэлло 2002: 82, 245], *no'xo* 'пот' [Попова 1978: 68] <ПС *nõjkã ~ *nijkã (? *nõjkã (~ *nõjkã) ~ *nijkã (~ *nijkã)) [Janhunen 1977: 103];

в) [CoCo?]

tõxo? [tõxo?] / [tõyo?], **тохо** "(с) 'материя, ткань' [Терещенко 1965, 2008: 673], *toxoq* (N *s*+*o*), TOXO^{3S} [Salminen 1998: 335] (~ *toxeq* (N *s*+*o*), TOXES [Salminen 1998: 325]), O *tõxē*^{3J}, Sj. *tõxo*^{3J}, M *tõxō*^{3J},

⁴⁹ В [Бармич, Вэлло 2002: 57, 274] это слово отмечено с *л*, а не *л* в начале слова.

N $to\chi\bar{o}^{''\bar{d}}$ ‘Kattun’ [Lehtisalo 1956: 489b]; ср. Л $to'xoš$ ‘материя’ [Попова 1978: 133], Nj. $tuxis$ ‘dickes Gewebe (nicht Tuch)’ ‘плотная ткань’, Р $tux\bar{i}^{''\bar{d}}$ ‘Leinwand, Leinen’ [Lehtisalo 1956: 489b].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 16*.

Таблица 16

[CóCo(?)] ([CóCo], [CóC'o], [C'óCo], [CóCo?])			
[ó] первого слога			[o] второго слога
Д1	[CóCo], где второй согласный — χ	<	Д2
	[CóCo], где второй согласный — не χ	> (/ = / <)	
И1	>		И2
ЧОГ1	= / >		ЧОТ2

Наши выводы о том, что в ямальском диалекте Т ненец. ударный гласный первого слога в рассмотренных выше словах структуры [CóCo(?)]) не выделен темпорально по сравнению с гласным открытого или закрытого гортанным смычным второго слога, подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров О (O₁, O₂) и ОР ямальского диалекта:

[CoCo]

(16Я) О $no\chi\bar{o}$ [Lehtisalo 1956: 289b];

О $lo\chi\bar{e}^{''\bar{d}}$, O₂ $lo\chi\bar{o}$ [Lehtisalo 1956: 228a]; ОР $so\chi\bar{o}$ [Lehtisalo 1956: 415a];

[C'oCo]

O₁ $t^{\bar{e}}o\chi\bar{o}$, O₂ $t'o\chi\bar{o}$, ОР $t'o\chi\bar{o}$ [Lehtisalo 1956: 517a];

[CoCo?]

О $to\chi\bar{e}^{''\bar{d}}$ [Lehtisalo 1956: 489b].

В фиксациях слов структуры [CóCo(?)]) в [Lehtisalo 1956] 1) либо не отмечена длительность обоих гласных, при этом с диакритикой грависа над символом для второго гласного (О $no\chi\bar{o}$, ОР $so\chi\bar{o}$, ОР $t'o\chi\bar{o}$), 2) либо отмечена долгота гласного второго слога (О $lo\chi\bar{e}^{''\bar{d}}$, O₂ $lo\chi\bar{o}$; O₁ $t^{\bar{e}}o\chi\bar{o}$, O₂ $t'o\chi\bar{o}$; О $to\chi\bar{e}^{''\bar{d}}$), что характерно, однако, только для говора О (O₁, O₂), но не для ОР (обратим внимание на то, что это как раз те слова, для которых Т. Салминен дает фонологическую интерпретацию с *o* во втором слоге, а не с *a* или возможным $\emptyset$ ($\bar{a}$)).

Что касается слов структуры [CóCo], где второй согласный — не χ , то в словаре Т. Лехтисало находится подтверждение нашему выводу о том, что ударный гласный первого слога в этих случаях в ямальском диалекте Т ненец. превосходит второй гласный как по длительности, так и по интенсивности: О $m\bar{r}'\bar{u}$ [Lehtisalo 1956: 262a]; О $p\bar{o}\bar{s}'\bar{u}$ [Lehtisalo 1956: 361b]. В этих словарных фиксациях для обдорского говора (О) первый гласный передается символом с диакритикой долготы ($\bar{o}$), также обозначена и редукция гласного второго слога ($\bar{u}$, $\bar{u}$), т. е. переход $C'o\# > C'u$.

2.3.2. В *Таблице 17* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных *o* в первом и втором слогах фонетического слова слоговой структуры [CoCoC] ($CoCoC^{\circ}$), представленной подвидом [CoCoC'] ($CoCoC^{\circ}$), где первый и второй согласные твердые, а третий мягкий. Как пример слова такой слоговой структуры нами было выбрано для анализа имя (19Я) $\eta\bar{r}\bar{o}\bar{j}$ ($\eta\bar{r}\bar{o}\bar{j}^{\circ}$); спектрограмму см. в *Приложении 1*, (19Я):

(19Я) $\eta\bar{r}\bar{o}\bar{j}$ (числ. колич.) ‘один, одна, одно’ [Терещенко 1965, 2008: 398], $\eta\bar{r}\bar{o}\bar{r}\bar{o}^{\circ}$ (N $\theta\sim\bar{y}\bar{o}$, $\sim\bar{y}\bar{o}\equiv$), $NGOPO\leftarrow MPO+Y(\bar{O})$ [Salminen 1998: 168, 498], O, T₁, S_j., I $\eta\bar{r}\bar{r}\bar{o}\bar{i}$, ОР $\eta\bar{r}\bar{r}\bar{o}\bar{j}$, U-Ts., Oks. $\bar{o}\bar{r}\bar{r}\bar{o}\bar{i}$, U, N, S_jo. $\bar{a}\bar{r}\bar{r}\bar{o}\bar{i}$ ‘einer’ ‘один’ [Lehtisalo 1956: 39a]; ср. Л $\eta\bar{r}\bar{o}\bar{n}$, $\eta\bar{r}\bar{o}\bar{n}\bar{o}\bar{i}$ ‘один, одна, одно’ [Бармич, Вэлло 2002: 97], $\eta\bar{r}\bar{o}\bar{p}(\bar{r})$ [$\eta\bar{r}\bar{o}\bar{p}(\bar{r})$] = ($\eta\bar{r}\bar{o}\bar{p}\bar{o}\bar{j}$) [$\eta\bar{r}\bar{o}\bar{p}\bar{o}\bar{j}$] ‘один’ [Попова 1978: 82], L_j., N_j., N_i., Р $\eta\bar{r}\bar{o}\bar{p}$ ‘eins, einer’ ‘один’ [Lehtisalo 1956: 38b] < der. ПС $*op$ (? $*o\bar{a}\bar{p}$) < der. ПС $*o-$ (? $*o\bar{a}-$) [Janhunen 1977: 28]⁵⁰.

⁵⁰ Здесь мы рассматриваем это слово в ряду производных в современном тундровом ненецком языке, т. к. считаем его дериватом прасамодийского уровня.

Следует, однако, оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слово (19Я) является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру $CoCoC^{\circ}$: $ngorou^{\circ}$ ($N \theta \sim j\theta, \sim y\theta \equiv$), $NGOP0 \leftarrow MPO + \dot{Y}(\theta)$ [Salminen 1998: 168, 498]. Что касается наших полевых материалов по ямальскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука, поэтому далее мы рассматриваем это имя как двусложное (по крайней мере фонетически), т. е. как фонетическое слово слоговой структуры [CoCoC].

Таблица 17

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
слово с <i>o</i> в 1С и 2С ($o \rightarrow o$) // ($o \rightarrow o^{\circ}$), по [Salminen 1998: 168, 498] [CoCoC] ([CoCoC']) // $CoCoC^{\circ}$ ($CoCoC'^{\circ}$), по [Salminen 1998: 168, 498]								
19Я	<i>горой</i> (<i>горой</i> ^o) [gorój]	0,059	84,11 (82,94)	(85)-173-153	0,094	88,31 (85,83)	213	ОЛЛ

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных *o* первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Так как данное слово фонетически заканчивается на согласный звук, определение длительности гласного последнего слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. В приведенном здесь для примера произнесении слова *горой* (*горой*^o) диктором ОЛЛ длительность гласного *o* второго слога превосходит длительность гласного *o* первого слога на 0,035 сек. (35 мсек.). Таким образом, отношение длительности гласного *o* первого слога к длительности гласного *o* второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в рассмотренном произнесении составляет 1 : 1,6, т. е. длительность гласного *o* второго слога превосходит длительность гласного *o* первого слога в 1,6 раза.

При этом гласный второго слога оказывается маркирован также и по параметру экспираторной выделенности: максимальная интенсивность второго гласного превосходит пиковую интенсивность первого примерно на 4 дБ, а средняя — на 3 дБ.

На протяжении произнесения фонетического слова *горой* (*горой*^o) диктором ОЛЛ тон несколько (примерно на 40 Гц) повышается на втором слоге.

Таким образом, для рассмотренного выше слова структуры [CoCoC] характерно ударение на гласном *o* второго слога. Акустическими коррелятами словесного акцента при выделении гласного не первого слога в данном случае оказываются все три просодических признака: большая длительность (темпоральная выделенность), большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным, а также повышение тона на ударном гласном. При этом параметр темпоральной выделенности можно считать основным акустическим коррелятом ударения, а экспираторное и тональное маркирование — дополнительными, второстепенными.

О том, что ударение в слове (19Я) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа: [gorójm(?) / [gorój³m(?)] (*ngorou^o-m*) [ОЛЛ, ОХХ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных проанализированного фонетического слова данной слоговой структуры обобщены нами в *Таблице 18*.

Таблица 18

[CoC6C] ([CoC6C'])		
<i>o</i> первого слога		<i>ó</i> второго слога
Д1	<	Д2
И1	<	И2
ЧОТ1	<	ЧОТ2

Наши выводы о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове структуры [CoC6C] в ямальском диалекте подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говора ОР ямальского диалекта: ОР *gorroj* [Lehtisalo 1956: 39a], где отмечена краткость первого гласного (*o*) по сравнению со вторым (*o*). Возможно, что об экспираторной или тональной выделенности гласного второго слога в обдорском говоре ямальского диалекта говорит диакритика над вторым гласным (*o*) в словарной фиксации Т. Лехтисало: О *gorro^o* [Lehtisalo 1956: 39a].

О том, что в этом слове ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этого имени, сделанная Т. Салминеном: *ngorou*^o (N *0~y̅ø, ~y̅ø*≡), *NGOP0←MPO+Y̅(Ø)* [Salminen 1998: 168, 498]. По мнению Т. Салминена, слог, предшествующий слогу с фонемой /^o/, является ударным [Salminen 2007: 350, 359]. Таким образом, в системе Т. Салминена гласный *o* второго слога в рассмотренном нами слове должен считаться ударным, что согласуется с нашими полевыми данными.

Подводя итог, можно сказать, что в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка акустическими коррелятами словесного акцента в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными среднего подъема заднего ряда (*o*), являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность) и бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного. В словах с ударением на первом слоге и открытым вторым (конечным) слогом (или закрытым гортанным смычным согласным) параметр экспираторной выделенности оказывается доминирующим, а параметр темпоральной выделенности отходит на второй план. В словах с ударением не на первом слоге темпоральное маркирование ударного гласного, наоборот, оказывается доминирующим акустическим коррелятом словесного акцента, а экспираторная и тональная выделенность ударного гласного большей интенсивностью и более высоким тоном по сравнению с безударным, скорее всего, дополнительными.

Можно отметить также общность в комбинаторике просодических признаков, релевантных для словесного акцента в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными среднего подъема переднего ([e]) и заднего ([o]) рядов. Так, в фонетических словах с ударением на первом слоге и открытым вторым (конечным) слогом (или закрытым гортанным смычным согласным) параметр экспираторной выделенности оказывается доминирующим, а параметр темпоральной выделенности отходит на второй план как в случае со слоговой структурой [CéCe], так и [CóCo(?)]; это положение оказывается верным для произнесений разных информантов: ОТО, ЛСЯ, ОЛЛ, ЯМГ, ОХХ. В словах с ударением не на первом слоге темпоральное маркирование ударного гласного, наоборот, оказывается доминирующим акустическим коррелятом словесного акцента как в словах с вокалическим составом *e—e*, так и *o—o*, а экспираторная и тональная выделенность ударного гласного большей интенсивностью и более высоким тоном по сравнению с безударным — дополнительными. Однако возможно, что тональное маркирование ударного гласного второго слога присуще не всем информантам, эта особенность четко прослеживается в произнесениях диктора ОЛЛ.

2.4. Акцентные характеристики фонетических слов с краткими гласными *ə* в первом и втором слогах в ямальском диалекте

2.4.1. В ямальском диалекте Т ненец. имеются также слова слоговой структуры [CəCə], представленной подвидом [CəCə], где оба согласных твердые, и слоговой структуры [CəCəʔ], где два первых согласных твердые, и третий — «звонкий» гортанный смычный (-ʔ в записи Н. М. Терещенко, *h* в записи Т. Салминена). В *Таблице 19* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных [ə] в первом и втором слогах фонетических слов слоговой структуры [CəCəʔ]. Как пример слова этой слоговой структуры нами было выбрано для анализа имя (20Я) [pəxəʔ] / [pəxəʔ] (шесть спектрограмм см. в *Приложении 1*, (20Я)):

(20Я) *пахəʔ(н)* ‘корень (дерева); основание’ [Терещенко 1965, 2008: 454], *pəx^oh* (N *ng→y̅+0*), PØXØNG [Salminen 1998: 257], O *pəxā^ʔ*, Sj. *pəxā^ʔ* ‘Wurzelende (eines Baumes, des Geweihs)’ ‘корень, основание (дерева)’ [Lehtisalo 1956: 335a]; ср. Л *паху* ‘корень’ [Бармич, Вэлло 2002: 107], *pa'xaj* ‘нижняя часть ствола дерева’, ‘основание чего-либо’ [Попова 1978: 96], Lj. *paχāđ*, Kis₂, Nj. *pə^hχəđ*, P *paχaj^ʔ* ‘Wurzelende (eines Baumes, des Geweihs)’ ‘корень, основание (дерева)’, S *paχāđ* ‘Wurzelende (eines Baumes, des Geweihs); auch Baumstumpf’ ‘корень, основание (дерева); также пень’ [Lehtisalo 1956: 335a].

Отметим, что в словаре [Терещенко 1965, 2008] гласный первого слога обозначен как *a*, а не как *ə* (*ä*), в отличие от фиксации этого слова в работе Т. Салминена, где первый гласный обозначен как *ø* (= *ə*), а второй — как ^o. Наши полевые данные позволяют нам согласиться с точкой зрения Т. Салминена: длительность гласного первого слога в слове (20Я) составляет в среднем 0,05—0,09 сек. (50—90 мсек.), что характерно скорее для *ə*, чем для *a* (см. *Табл. 19* и *20*).

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных [ə] первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Длительность гласного второго слога, закрытого «звонким» гортанным смычным, чаще превышает длительность первого гласного — примерно на 0,03—0,06 сек. (30—60 мсек.) в произнесениях дикторов ЯМГ и ОХХ. Однако в *Таблице 20* представлено также произнесение (диктор ОХХ, произн. 1), где длительность первого гласного превосходит длительность второго на 0,018 сек. (18 мсек.).

Таблица 19

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
слова с <i>ə</i> в 1С и 2С (<i>ə—ə</i>) // (<i>ə—°</i>), по [Salminen 1998: 257] [CəCəʔ] ((CəCəʔ) // CəC°C (CəC°C), по [Salminen 1998: 257]								
20Я	[pəʔəʔ]	0,088	80,28 (78,77)	132-108 (122)	0,070	71,34 (68,84)	90	ОХХ (1)
	[pəʔəʔ]	0,088	81,31 (78,65)	133-114 (122)	0,119	76,38 (73,03)	127	ОХХ (2)
	[pəʔəʔ]	0,055	83,88 (82,54)	153-133 (141)	0,086	75,43 (73,57)	104	ОХХ (3)
	[pəʔəʔ]	0,052	84,33 (82,72)	207-194 (199)	0,111	79,72 (77,96)	194-183-187- без голоса (185)	ЯМГ (1)
	[pəʔəʔ]	0,056	81,70 (80,49)	213-183-166 (188)	0,092	77,14 (75,50)	174-180-192 (177)	ЯМГ (2)
	[pəʔəʔ]	0,060	79,70 (78,57)	209-174	0,104	74,30 (72,51)	175-184-223 (187)	ЯМГ (3)

Гласный второго слога при этом всегда звучит с меньшей интенсивностью, чем гласный первого слога. Так, максимальная интенсивность гласного первого слога превосходит пиковую интенсивность гласного второго слога примерно на 4,5—5,5 дБ (диктор ЯМГ, произн. 1—3; диктор ОХХ, произн. 2) и даже на 8,5—9 дБ (диктор ОХХ, произн. 1 и 3), а средняя интенсивность — на 4,7—6 дБ и даже 9—10 дБ соответственно, что является значительной величиной. При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 1—2,5 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1,5—3,3 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного.

На протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов тон обычно понижается на первом слоге на 20—40 Гц, а затем равномерно убывает к концу слова (условно движение тона можно изобразить как ___). Тон в произнесениях слова (20Я) диктором ОХХ чаще, чем в произнесениях диктора ЯМГ, наблюдается на протяжении всего фонетического слова: происходит озвончение [χ] > [ʏ] в интервокальной позиции.

Сопоставив данные по всем просодическим признакам, можно заключить, что для рассмотренного выше слова структуры [CəCəʔ] характерно ударение на гласном первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного первого слога в данном случае в первую очередь оказывается не бóльшая длительность (темпоральная выделенность), а бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным (особенно экспираторное маркирование ударного гласного характерно для речи диктора ОХХ).

О том, что ударение в слове падает на первый слог, а не на второй, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа: [pəʔəmʔ] / [pəʔəmʔ] (*pəx^h-m*) ACC.SG (см. Табл. 20 и две спектрограммы в Приложении 2, Рис. (20Я')) [ОХХ]. При произнесении фонетических слов (20Я') диктором ОХХ максимальная интенсивность гласного первого слога превосходит пиковую интенсивность второго гласного примерно на 1,7 и 5,5 дБ, а средняя — на 1 и 4,2 дБ соответственно.

Таблица 20

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
20Я'	[pəʔəmʔ]	0,073	81,38 (79,56)	139-108	0,088	75,98 (75,32)	120	ОХХ (1)
	[pəʔəmʔ]	0,063	76,88 (75,60)	130-111 (118)	0,085	75,16 (74,49)	117	ОХХ (2)

В ямальском диалекте Т ненец., помимо подробно рассмотренного нами выше, встречаются также другие фонетически двусложные непроезженные имена слоговых структур [CəCəʔ] и [CəCəʔ], в которых также ударение падает на первый слог (фонологическая интерпретация Т. Салминена для этих слов, как и для имени (20Я), подразумевает, что гласный первого слога в них — *ə*, а второго — *°*; как и в слове (20Я), Н. М. Терещенко обозначает первый гласный как *a*, а второй — как *ä*):

а) [CəCə]

[təχə] / [təχə], *maxä* ‘стон’ [Терещенко 1965, 2008: 641], *təx^o* (N $\emptyset \equiv$), TØXØ [Salminen 1998: 151]; ср. Л *'taxä* ‘стон’ [Попова 1978: 128]⁵¹;

б) [CəCəʔ]

[təχəʔ] / [təχəʔ], *maxä'(h)* ‘защитная снежная завалинка вокруг чума (для того, чтобы нижние края ююков не развевало ветром и в чум не заносило снега); основание, фундамент (например, дома, чума); подножие (горы)’ [Терещенко 1965, 2008: 642], *təx^oh* (N *ng*→*y*+0), TØXØNG [Salminen 1998: 257], O *tāχā*^ʔ ‘schützender Schneewall um das Zelt; Erdbank um die Hütte’ ‘защитные снежные насыпи вокруг чума...’, Sj., U-Ts. *tāχā*^ʔ, OP *tāχā*^ʔ, K *tāχā*^ʔ ‘schützender Schneewall um das Zelt’ ‘защитные снежные насыпи вокруг чума’ [Lehtisalo 1956: 469a]; ср. Л *maxaŋ, maxa* ‘основание, фундамент (дома, чума)’ [Бармич, Вэлло 2002: 127], S *tāⁿχpə*^ʔ, P *taχaŋ*^ʔ ‘schützender Schneewall um das Zelt’ ‘защитные снежные насыпи вокруг чума’, Nj. *tāⁿχpə*^ʔ ‘schützender Schneewall um das Zelt; die Stelle am Fuss der Zeltstangen’ ‘защитные снежные насыпи вокруг чума; основание дома’ [Lehtisalo 1956: 469a] (ср. также *ta'xō(š)* [təχxš] ‘засыпать снегом’ [Попова 1978: 128]).

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 21*.

Таблица 21

[CəCəʔ]		
([CəCə], [CəCəʔ], где второй согласный — χ)		
[ə] первого слога		[ə] второго слога
Д1	> / <	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наши выводы о том, что в ямальском диалекте Т ненец. ударный гласный первого слога в рассмотренных выше словах структуры [Cəχəʔ] не всегда выделен темпорально по сравнению с гласным закрытого гортанным смычным второго слога, подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров О и ОР ямальского диалекта:

(20Я) O *pāχā*^ʔ [Lehtisalo 1956: 335a];

O *tāχā*^ʔ, OP *tāχā*^ʔ [Lehtisalo 1956: 469a].

Так, в этих случаях в словаре [Lehtisalo 1956] может отмечаться как долгота первого гласного (O *ā*), так и долгота второго гласного (O *ā*); также встречается фиксация совсем без диакритик долготы для говора ОР (OP *tāχā*^ʔ).

2.4.2. В *Таблице 22* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных ə в первом и втором слогах фонетических слов слоговой структуры [CəCəC(C)] (CəCəC^o, CəCəC^o), представленной подвидами [CəC'əC(C)] (CəC'əC^o, CəC'əC^o) и [C'əC'əC] (C'əC'əC^o, C'əC'əC^o). Как пример слова слоговой структуры [CəC'əC(C)] нами было выбрано для анализа имя (21Я) *χəjəlʔ* (*χəjəlʔ*), см. три спектрограммы в *Приложении 1*, *Рис. (21Я)*:

(21Я) *χəjəl* ‘слеза’ [Терещенко 1965, 2008: 761], *xəyəl^o* (N $\emptyset \equiv$), XØYØLØ [Salminen 1998: 77, 529], O *χəjəjəl*^ʔ, K *χəjəjəl*^ʔ, U-Ts. *χəjəjəl*^ʔ ‘Träne’ ‘слеза’ [Lehtisalo 1956: 165a] < ПС *kāñālā (? *kājnālā ~ *kājālā) [Janhunen 1977: 53].

Следует прежде всего указать на разницу в фонологической интерпретации этого слова в словаре Н. М. Терещенко, где оно представлено как *χəjəl* [Терещенко 1965, 2008: 761], и в словаре Т. Салминена, где оно зафиксировано как *xəyəl^o* (N $\emptyset \equiv$), XØYØLØ [Salminen 1998: 77, 529], т. е. как трехсложное (а не двусложное) слово с фонемой /^o/ в третьем, последнем, слоге. Фонологическая интерпретация Т. Салминена согласуется с прасамодийской реконструкцией этого слова как трехсложного (ПС *kāñālā (? *kājnālā ~ *kājālā) [Janhunen 1977: 53]), однако не находит подтверждения в записи диалектных вариантов этого имени, представленной в словаре Т. Лехтисало: O *χəjəjəl*^ʔ, K *χəjəjəl*^ʔ, U-Ts. *χəjəjəl*^ʔ [Lehtisalo 1956: 165a]. Кроме того, для ямальского и большеземельского диалекта в словаре Т. Лехтисало приведены варианты этого слова с долгим гласным в первом слоге, что не согласуется ни с данными Н. М. Терещенко и Т. Салминена, ни с прасамодийской реконструкцией этого слова, сделанной Ю. Янхуненом, ни с нашими полевыми данными.

⁵¹ Это слово не зафиксировано в словаре [Бармич, Вэлло 2002].

Здесь мы рассматриваем слово (21Я) как фонетически двусложное — [χəjəlʔ] (возможно, в форме NOM.PL, которая, однако, была дана нам информантами как исходная); в записи Т. Салминена форма NOM.PL для этого слова должна выглядеть как *xøyøl^oq*. Что касается наших полевых материалов по ямальскому диалекту, то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука после сонорного *l* (который перед гортанным смычным произносится с голосом даже не на всем протяжении своего звучания).

Таблица 22

№	слово	Д1	И1	ЧОТ1	Д2	И2	ЧОТ2	инф.
слова с <i>ə</i> в 1С и 2С (<i>ə—ə</i>) // (<i>ə—ə—^o</i>), по [Salminen 1998: 77, 529]								
[CəCəCC] ([CəC'əCʔ]) // CəCəC ^o C (CəC'əC ^o C), по [Salminen 1998: 77, 529]								
21Я	<i>χəjəlʔ</i> (<i>χəjəl^oʔ</i>) [χəjəlʔ]	0,059	81,93 (81,22)	216-204 (210)	0,067	80,94 (80,44)	191-185 (188)	ЯМГ (1)
	<i>χəjəlʔ</i> (<i>χəjəl^oʔ</i>) [χəjəlʔ]	0,058	78,98 (77,78)	214-187 (197)	0,076	78,94 (78,17)	181-170 (174)	ЯМГ (2)
	<i>χəjəlʔ</i> (<i>χəjəl^oʔ</i>) [χəjəlʔ]	0,055	76,01 (75,07)	210-192-172 (182)	0,061	73,94 (73,63)	165	ЯМГ (3)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных *ə* первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В трех рассмотренных произнесениях слова (21Я) диктором ЯМГ длительность второго гласного превышает длительность первого всего на 0,006—0,018 сек. (6—18 мсек.). Стоит, однако, отметить, что при длительности гласных примерно в 0,06 сек. (60 мсек.) разница в 0,018 сек. (18 мсек.) уже может считаться релевантной. Таким образом, отношение длительности гласного первого слога к длительности гласного второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в этих рассмотренных произнесениях составляет: 1:1,1 [ЯМГ: 1]; 1:1,3 [ЯМГ: 2]; 1:1,1 [ЯМГ: 3] — т. е. длительность гласного [ə] второго слога превосходит длительность гласного [ə] первого слога в 1,1—1,3 раза.

Средняя интенсивность гласного второго слога может как превосходить среднюю интенсивность первого [ə], хотя и незначительно (на 0,4 дБ, произн. 2), так и уступать ей (на 0,8 дБ в произн. 1 и даже на 1,5 дБ в произн. 3). Максимальная интенсивность гласного второго слога при этом либо численно сопоставима с пиковой интенсивностью первого [ə] (произн. 2), либо уступает ей (на 1 дБ в произн. 1 и на 2 дБ в произн. 3). Чем заметнее выделен гласный второго слога темпорально, тем значительнее он маркирован и экспираторно. Следует также помнить об общей речевой тенденции произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец. При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,7—1,2 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго — 0,3—0,8 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается медленнее, чем на протяжении произнесения первого.

На протяжении произнесения слова (21Я) диктором ЯМГ тон остается ровным, равномерно понижаясь к концу фонетического слова (обычно на 30—45 Гц); колебания по частоте основного тона при этом незначительны.

Таким образом, для рассмотренного выше слова (21Я) характерно ударение на гласном [ə] второго слога. Акустическими коррелятами словесного акцента при выделении гласного не первого слога в данном случае оказываются большая длительность (темпоральная выделенность) и большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным, при этом темпоральная выделенность является основным коррелятом ударения, а экспираторная — дополнительным.

О том, что ударение в слове (21Я) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа: [χəjəl^omʔ] / [χəjəl^omʔ] (*xøyøl^o-m*) ACC.SG [ЯМГ, ОХХ].

В ямальском диалекте Т. ненец., помимо подробно рассмотренного нами выше, встречаются также другие фонетически двусложные имена слоговой структуры [CəCəC] (*CəCəC^o*, *CəCəC^o*), в которых также ударение падает на второй слог (обращаем внимание на обозначение второго гласного как *я* или как *e* в словаре Н. М. Терещенко):

а) [CəC'əC] (CəC'əC°, CəC'əC°)

pəjək (*pəjək*°) [pəjək], *пйяк* ‘вошь, только что вылупившаяся из гниды’ [Терещенко 1965, 2008: 455], *pəyək*° (N ə≡), PØŸØQXØ [Salminen 1998: 60], Oks. *pəjjeĸ* ‘Nisse’ ⟨‘гнида’⟩ [Lehtisalo 1956: 335a];

б) [C'əC'əC] (C'əC'əC°, C'əC'əC°)

s'əjəm (*s'əjəm*°) [s'əjəm], вост. *сйем* ‘веревка’ [Терещенко 1965, 2008: 597], *syøyəm*° (N ə≡), SYØŸØMØ [Salminen 1998: 82], T₂ *šəjĵem* ‘Seil’ ⟨‘веревка’⟩ [Lehtisalo 1956: 423a]; ср. Л *šajm* ‘толстая веревка’ [Попова 1978: 114]⁵², Lj. *šəjĵəm*, Kis. *šəjĵəm*, P *šəjĵm*°^d, Nj. *šējmməḍ* ‘dickes Seil (z. B. zu einem Lasso taugliches)’ ⟨‘толстая веревка’⟩ [Lehtisalo 1956: 423a].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных проанализированных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 23*.

Таблица 23

[CəC'əC(C)] ([CəC'əC(C)], [C'əC'əC])		
ə первого слога		ə второго слога
Д1	<	Д2
И1	(> /) = / <	И2
ЧОТ1	= / >	ЧОТ2

Наши выводы о темпоральной выделенности ударного гласного ə второго слога в рассмотренном выше слове (21Я) в ямальском диалекте не подтверждаются данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для обдорского говора ямальского диалекта: О *χājĵæĵ*°^d [Lehtisalo 1956: 165a], — где диакритика, обозначающая долготу, маркирует первый гласный, а не второй (ср., однако, вариант этого слова в большеземельском диалекте, для которого не отмечается долгота первого гласного: U-Ts. *χājĵel*°^d [Lehtisalo 1956: 165a]).

Тем не менее, о том, что в этих словах ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салмином: *xəyəl*° (N ə≡), XØŸØLØ [Salminen 1998: 77, 529]; *pəyək*° (N ə≡), PØŸØQXØ [Salminen 1998: 60]; *syøyəm*° (N ə≡), SYØŸØMØ [Salminen 1998: 82]. По мнению Т. Салмина, слог, предшествующий слогу с фонемой /ə/, является ударным [Salminen 2007: 350, 359]. Таким образом, в системе Т. Салмина гласный второго слога в рассмотренных нами словах должен считаться ударным, что согласуется с нашими полевыми данными.

Подводя итог, можно сказать, что в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка акустическими коррелятами словесного акцента в словах с однородным вокалическим составом, представленным краткими гласными [ə], являются большая длительность (темпоральная выделенность) и большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного. В словах с ударением не на первом слоге параметр экспираторной выделенности отходит на второй план в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное маркирование ударного гласного остается в таком случае доминирующим акустическим коррелятом словесного акцента. В словах с ударением на первом слоге и вторым слогом, открытым или закрытым гортанным смычным, параметр экспираторной выделенности, наоборот, оказывается доминирующим.

3. Заключение

Акустические корреляты ударения в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъемов, в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка

Проанализировав акцентные характеристики фонетических слов с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъемов, в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка, мы пришли к следующим выводам.

⁵² Это слово не зафиксировано в словаре [Бармич, Вэлло 2002].

1) Ударение на первом слоге характерно для фонетических слов, имеющих слоговую структуру $CVC(C)V$, а также $CVC(C)VC$, где последний согласный — «звонкий» или «глухой» гортанный смычный, т. е. в нашей записи — $CVC(C)V^?$ и $CVC(C)V^?$.

В ямальском диалекте тундрового ненецкого языка основным акустическим коррелятом ударения для слов с любым вокалическим составом, в которых конечный слог открытый или закрытый гортанным смычным, является большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного первого слога по сравнению с безударным гласным второго слога. Для слов с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего подъема (например, $CáCa$, $CáCCa$), имеющими большую ингерентную длительность, можно выделить два основных акустических коррелята ударения — экспираторную и темпоральную выделенность. Отметим особую значимость экспираторного маркирования ударного первого гласного в идиолекте некоторых дикторов (например, информанта ЯМГ и особенно ОХХ).

Однако параметр темпоральной выделенности ударного гласного первого слога часто отходит на второй план, если конечный второй слог является открытым (длительность второго гласного может значительно варьироваться перед паузой), при этом он, безусловно, является важным дополнительным акустическим коррелятом словесного акцента в этих случаях. В словах слоговых структур $[Céxe]$, $[Cóxo]$ и $[Céxə]$ (часто неисконно однородного вокалического состава), где второй согласный — x , длительность второго гласного даже всегда превышает длительность первого (в отличие от интенсивности), хотя именно второй гласный «подстраивается» под первый в результате дистантной прогрессивной ассимиляции после x .

Ударный гласный первого слога обычно не выделяется повышением частоты основного тона в ямальском диалекте, т. к. тон обычно остается ровным на протяжении всего фонетического слова, равномерно понижаясь к его концу. В словах слоговых структур $[Céxe]$ и $[Céxə]$ (часто неисконно однородного вокалического состава) иногда наблюдается понижение тона на первом слоге с ровным тоном на втором (условно движение тона можно изобразить как $\backslash$ ___).

В общем виде комбинаторика акустических параметров, релевантных для акцентного выделения гласного первого слога в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъемов, в ямальском диалекте, представлена в Табл. 24, где Д1, И1, ЧОТ1 — длительность, интенсивность и частота основного тона гласного первого слога соответственно, а Д2, И2, ЧОТ2 — длительность, интенсивность и частота основного тона гласного второго слога соответственно. В столбце 1 приводится запись слоговых структур фонетических слов, в круглых скобках — фонологическая интерпретация слоговых структур по [Salminen 1998]. В столбцах 2—4 приводятся наиболее типичные соотношения длительности, интенсивности и частоты основного тона гласных первого и второго слогов рассмотренных фонетических слов; полужирным шрифтом с подчеркиванием выделены наиболее значимые для словесного акцента акустические параметры. В столбце 5 приводятся символы, которыми передаются гласные первого слога в говорах ямальского диалекта в [Lehtisalo 1956], а в столбце 6 — символы, которыми передаются гласные второго слога в этом же издании. В квадратных скобках в столбцах 5 и 6 обозначены позиции, а в круглых скобках указаны конкретные говоры ямальского диалекта по [Lehtisalo 1956]. Наиболее распространенные варианты приводятся как основные, без скобок, а единичные или редкие — в круглых скобках после отбивки.

2) В ямальском диалекте тундрового ненецкого языка ударение на втором слоге характерно в первую очередь для фонетических слов, имеющих слоговую структуру $CVC(C)VC(C)$ (в фонологической интерпретации Т. Салминена — $CVC(C)VC(C)^\circ$ и $CVC(C)VC^\circ(C)$). Иными словами, второй слог обычно оказывается ударным, если он фонетически закрытый или, по мнению Т. Салминена, если он предшествует слогу с фонемой $^{\circ}/$.

В ямальском диалекте тундрового ненецкого языка основным акустическим коррелятом ударения для слов данной слоговой структуры является большая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного второго слога по сравнению с безударным гласным первого слога. При этом экспираторная выделенность ударного гласного второго слога оказывается второстепенным, дополнительным акустическим коррелятом словесного акцента: во многих случаях интенсивность второго гласного превышает интенсивность первого, однако часто они могут быть численно сопоставимы или, наоборот, интенсивность первого гласного может превосходить интенсивность второго, что связано с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова с большей громкостью и более экспираторно выделенно, чем его конец.

Что касается выделения ударного гласного второго слога с помощью частоты основного тона, то повышение тона может быть факультативным коррелятом ударения, свойственным конкретным дикторам (например, информанту ОЛЛ). В большинстве случаев тон остается ровным, равномерно понижаясь к концу фонетического слова.

Таблица 24

1	2	3	4	5	6	
слоговая структура	длительность	интенсивность	частота основного тона	гласный 1С, по [Lehtisalo 1956]	гласный 2С, по [Lehtisalo 1956]	
[CáCa] (CaCa)	<u>Д1 > Д2</u>	<u>И1 > И2</u>	ЧОТ1 = / > ЧОТ2	$\bar{a}$ [C_C] (O, OP), $\bar{a}$ [C'_C] (O, OP), $\bar{a}$ [C'_C] (O, OP), $\bar{a}$ [C'_C] (O, OP) (à [C_χ] (O))	$\bar{v}$ [C_#] (O, OP), e [C'_#] (O, OP) (æ [tδ_#] (OP), à [C_#] (O), ð ^p [C_#] (OP), ā [χ_#] (O) è [C'_#] (O), ð ^p [C'_#] (OP))	
[CáCCa] (CaCCa, CaC°Ca)				$\bar{a}$ [C_C] (O, OP), $\bar{a}$ [C'_C] (O, OP) (à [C_C] (OP))	$\bar{v}$ [C_#] (O, OP), (æ [t_#] (OP), ð ^p [C_#] (OP))	
[CéCe] = [CéCe] (CeCa, CeCa, CeC° = Cexa, Cexa, Cex°)	Д1 < Д2		ЧОТ1 > ЧОТ2	$\bar{e}$ [C_χ] (O, OP), $e, è$ [C'_χ] (O), i [C'_χ] (OP)	$\bar{e}, è$ [χ_#] (O), $\bar{e}, è, \bar{e}, \bar{e}p$ [χ_#] (OP)	
[CóCo], где второй согласный — не χ (CoCo)	Д1 > (/ = / <) Д2		ЧОТ1 = / > ЧОТ2	$\bar{o}$ [C'_C] (O)	$\bar{u}, \bar{u}$ [C'_#] (O)	
[CóCo(?)] = [Cóχo(?)]	(CoCa, CoCa = Coχa, Coχa) (CoCo, CoCo? = Coχo, Coχo?)			Д1 < Д2	$\bar{o}$ [C_χ] (O, OP)	$\bar{o}$ [χ_#] (O, OP)
					$\bar{o}$ [C_χ] (O, O ₂), $\bar{o}$ [C_χ] (O), $\bar{o}$ [C'_χ] (O ₁ , O ₂ , OP)	$\bar{o}$ [χ_#] (O ₁ , O ₂), $\bar{e}$ [χ_#] (O), $\bar{o}$ [χ_#] (OP)
[CáCá(?) = [Cáχá(?) (CøC°, CøC°² = Cøx°, Cøx°²)	Д1 > / < Д2	ЧОТ1 > ЧОТ2	$\bar{a}, \bar{a}$ [C_χ] (O), $\bar{a}$ [C_χ] (OP)	$\bar{a}, \bar{a}$ [χ_#] (O), $\bar{a}$ [χ_#] (OP)		

В общем виде комбинаторику акустических параметров, релевантных для акцентного выделения гласного второго слога в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъёмов, в ямальском диалекте, можно представить следующим образом.

Таблица 25

1	2	3	4	5	6
слоговая структура	длительность	интенсивность	частота основного тона	гласный 1С, по [Lehtisalo 1956]	гласный 2С, по [Lehtisalo 1956]
[CaC(C)áC(C)] (CaC(C)aC(C)°; CaC(C)aC°(C))	<u>Д1 < Д2</u>	И1 = / < И2	ЧОТ1 = / > ЧОТ2	$\bar{a}$ [C_C] (O, OP), $\bar{a}$ [C_C] (O, OP), $\bar{a}$ [C'_C] (OP), $\bar{a}$ [C'_C] (O, OP)	$\bar{a}$ [C_C] (O, OP) (à [C_C] (OP))
[CeC(C)éC(C)] (CeC(C)eC°(C))				$e, \bar{e}$ [C'_C] (OP), $\bar{e}$ [C'_C] (O), $\bar{e}$ [C_C], [C'_C] (O, OP)	$\bar{a}, \bar{a}$ [C'_C] (O), $\bar{a}, \bar{a}, \bar{a}, \bar{a}$ [C'_C] (OP), $\bar{e}$ [C'_C] (O)
[CoCóC] (CoCoC°)		(И1 > И2)	(ЧОТ1 < ЧОТ2)	$\bar{o}$ [C_C] (O), $\bar{o}$ [C_C] (OP)	$\bar{o}$ [C'_C] (O) (где в 1С o), $\bar{o}$ [C'_C] (OP) (где в 1С ð)
[CэCáC(C)] (CøCøC°(C))				$\bar{a}$ [C'_C] (O)	æ [C'_C] (O)

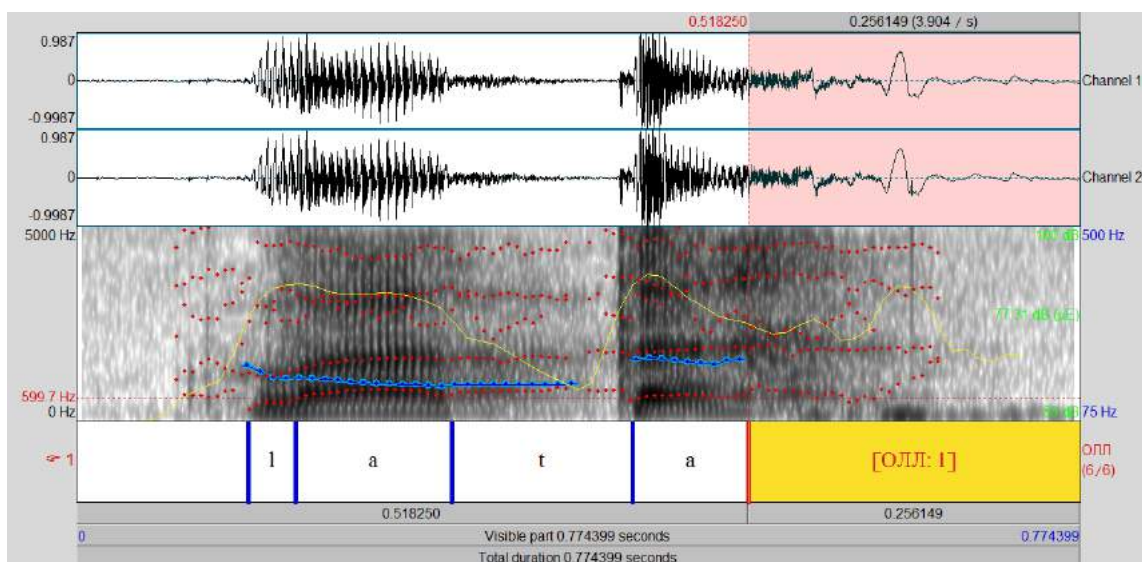
Подводя итог, можно сказать, что ударение в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка является **экспираторно-квантитативным**, т. е. основными акустическими коррелятами словесного акцента в ямальском диалекте являются большая длительность (темпоральная выделенность) и большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом для маркирования ударного гласного первого слога на первый план выходит экспираторный параметр, а для маркирования ударного гласного второго слога — темпоральный параметр, что связано с общими речевыми тенденциями (длительного произношения конечного открытого слога и более громкого и интенсивного произношения начала фонетического слова по сравнению с его концом соответственно).

Во второй части статьи нами будут рассмотрены фонетические слова с однородным вокалическим составом, представленным гласными верхнего подъема. Отметим, что для фонетических бисиллабов с гласными верхнего подъема характерно большее разнообразие слоговых структур и просодических возможностей.

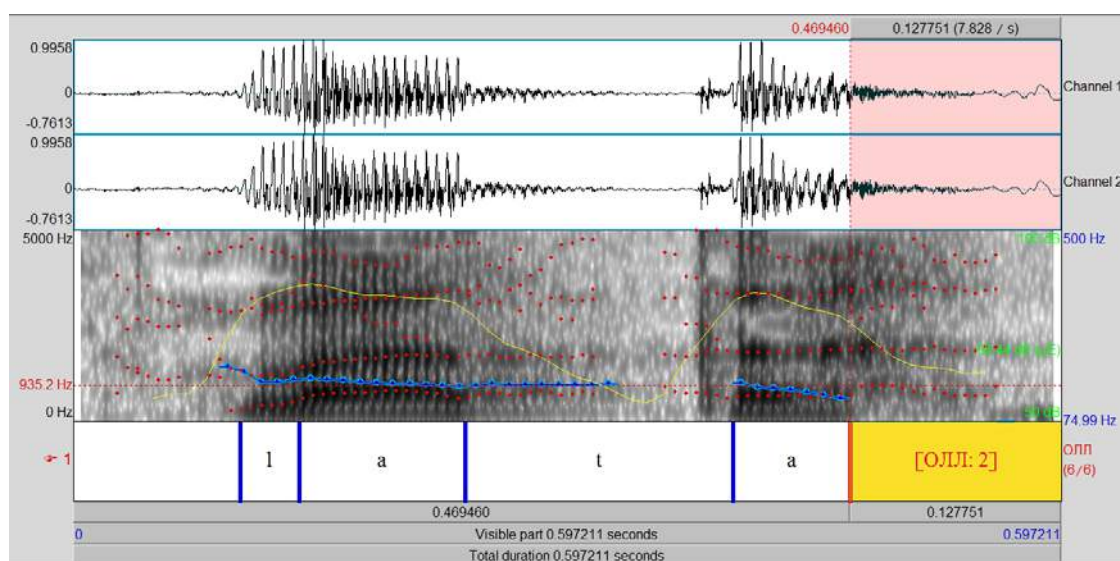
Приложение 1

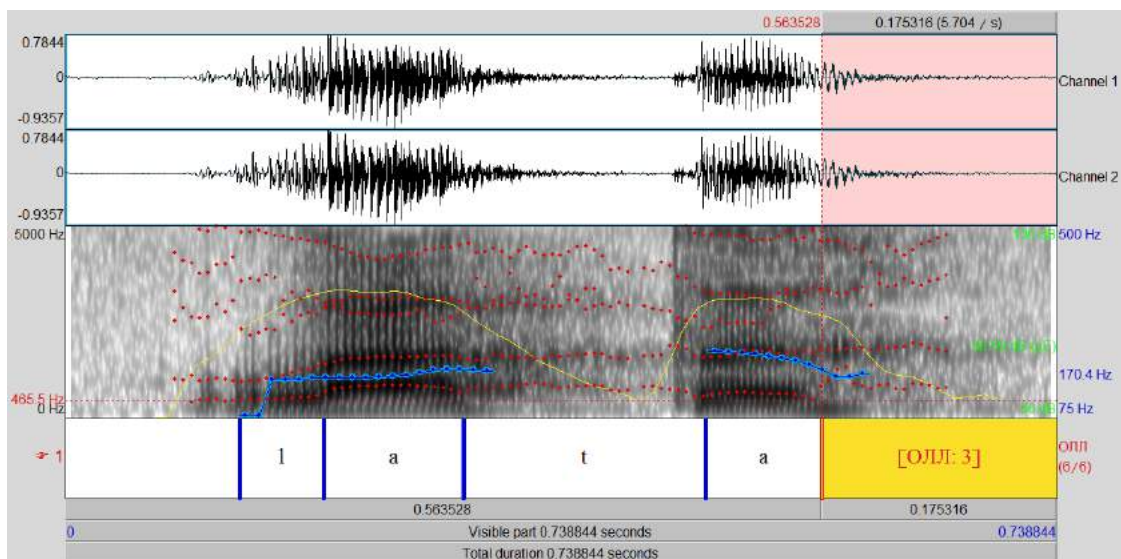
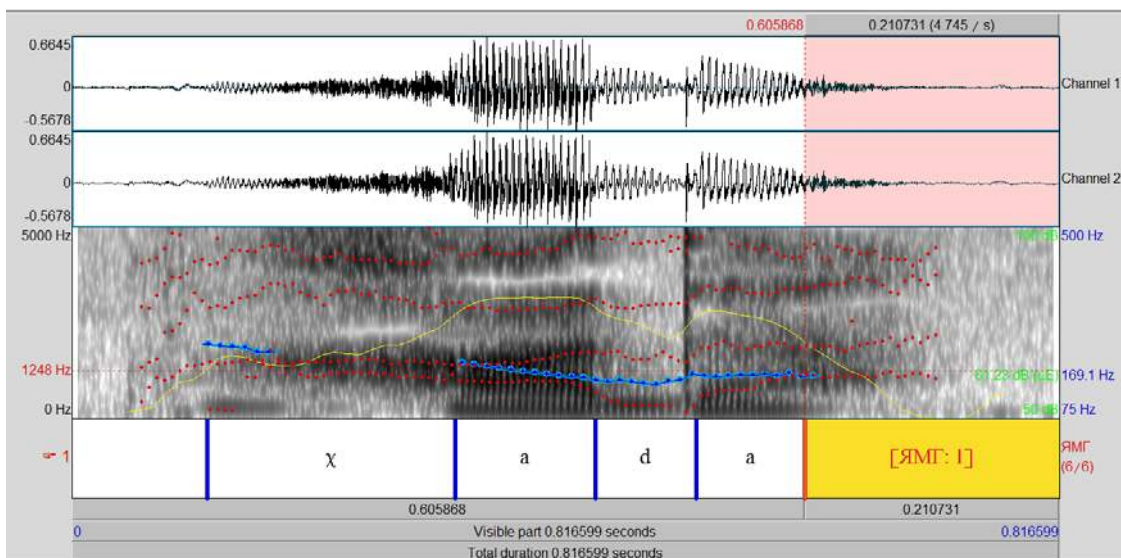
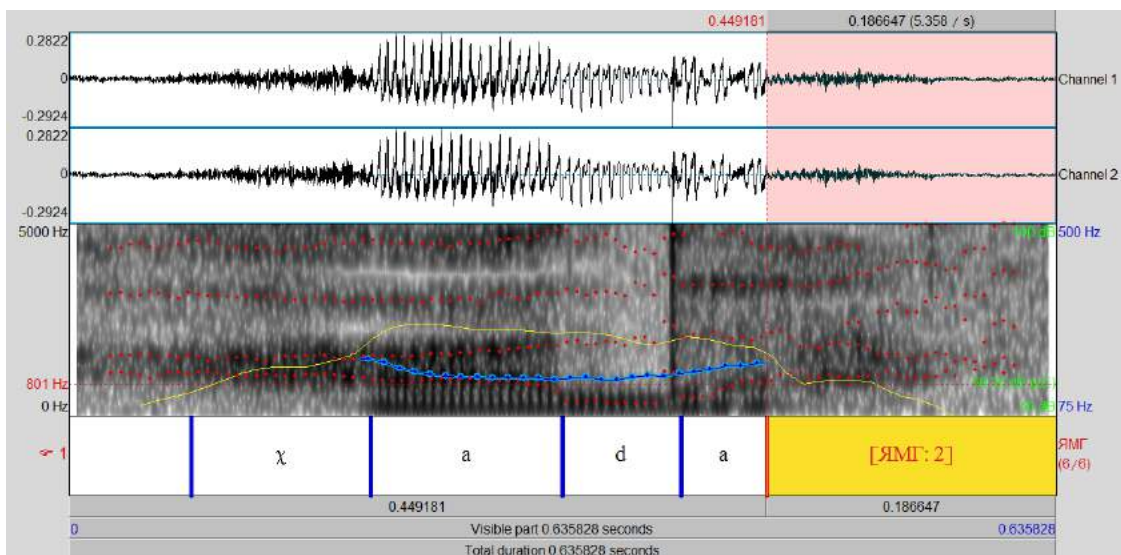
1. Фонетические слова с гласными нижнего подъема (а) в первом и втором слогах

(1Я) Т ямал. [látv] *lata* [ОЛЛ: 1]

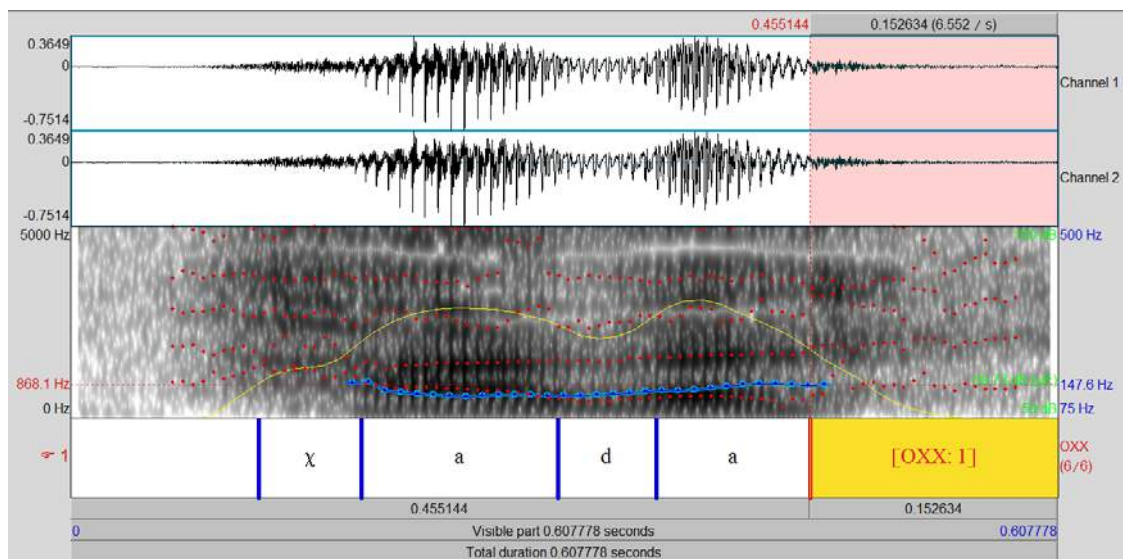

(1Я) Т ямал. [látv] *lata* [ОЛЛ: 2]

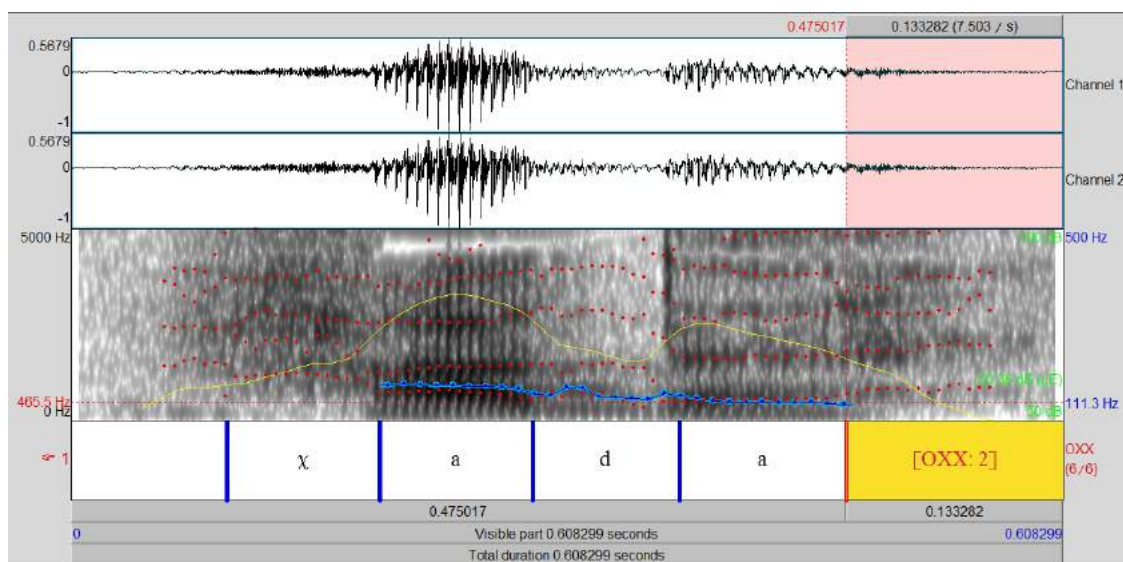

(1Я) Т ямал. [látɔ] *lata* [ОЛЛ: 3](2Я) Т ямал. [χáɔɔ] *χada* [ЯМГ: 1](2Я) Т ямал. [χáɔɔ] *χada* [ЯМГ: 2]

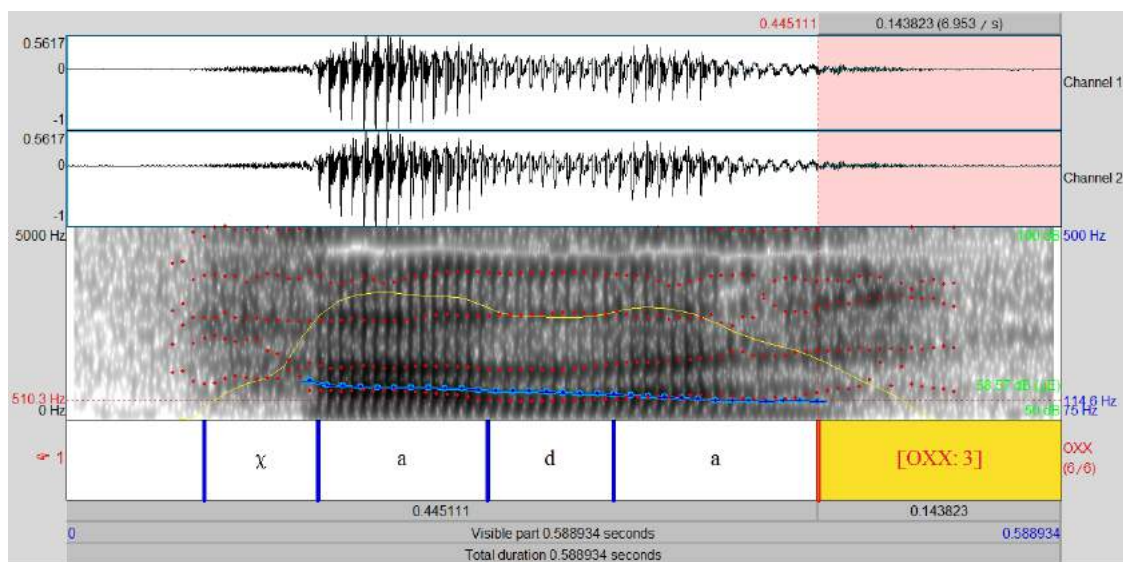
(2Я) Т ямал. [χáɖə] χada [OXX: 1]

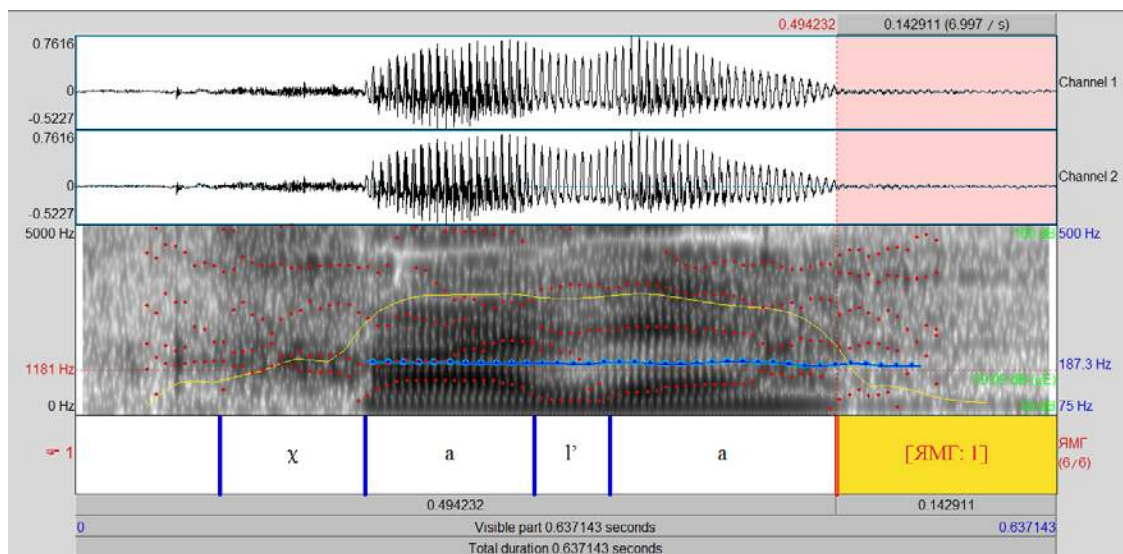
(2Я) Т ямал. [χáɖə] χada [OXX: 2]

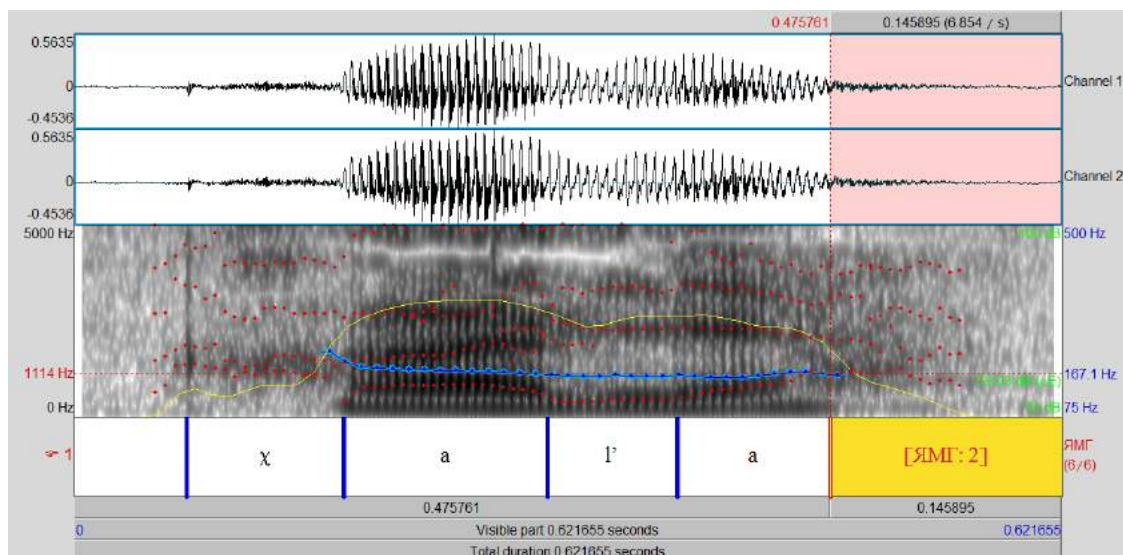
(2Я) Т ямал. [χáɖə] χada [OXX: 3]

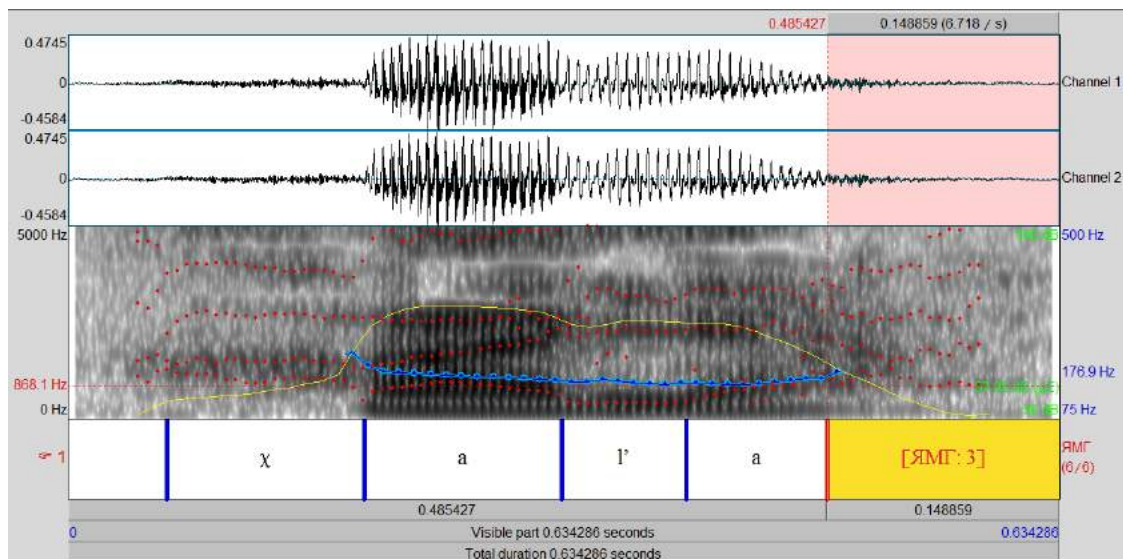
(ЗЯ) Т ямал. [χáɫʲɔ] χal'a [ЯМГ: 1]

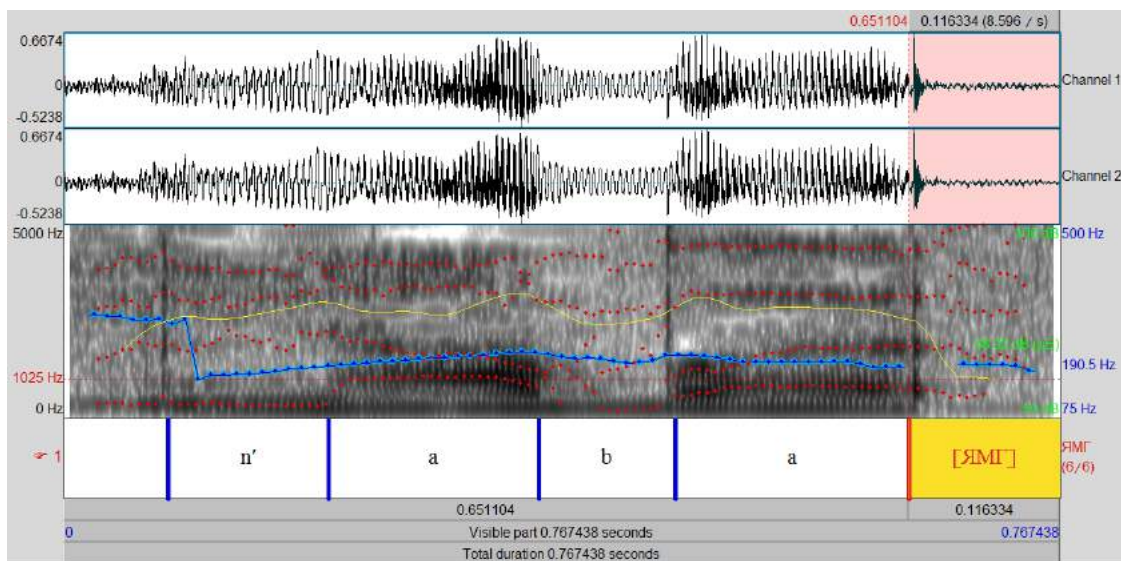
(ЗЯ) Т ямал. [χáɫʲɔ] χal'a [ЯМГ: 2]

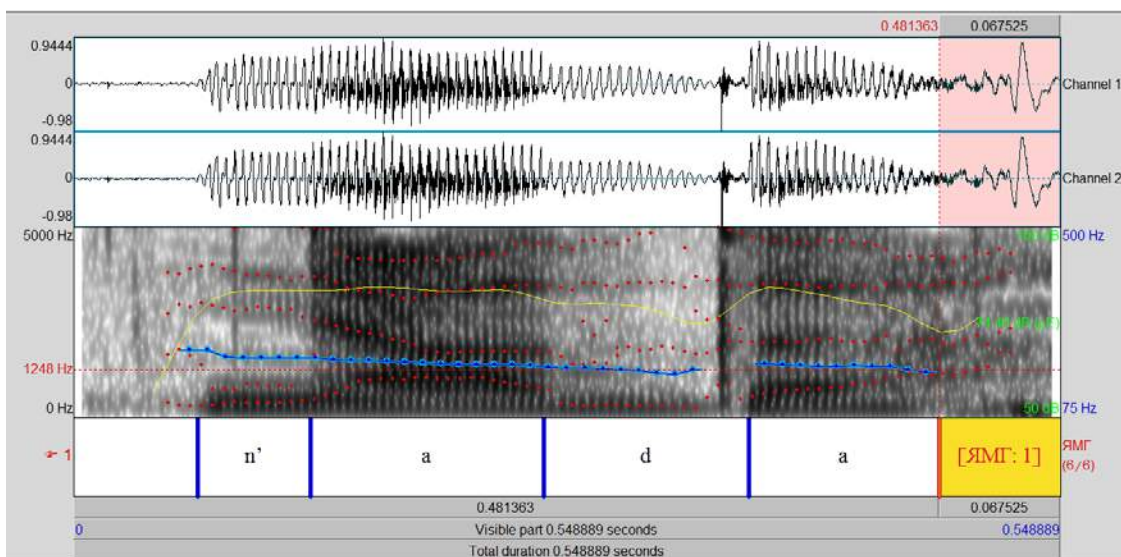
(ЗЯ) Т ямал. [χáɫʲɔ] χal'a [ЯМГ: 3]

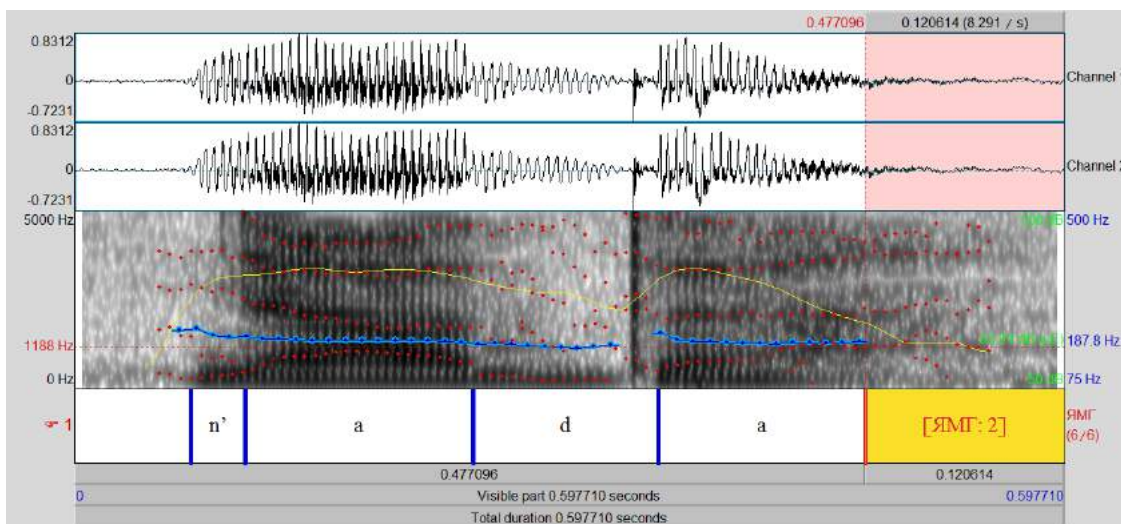
(4Я) Т ямал. [n'ábv] n'aba [ЯМГ: 1]

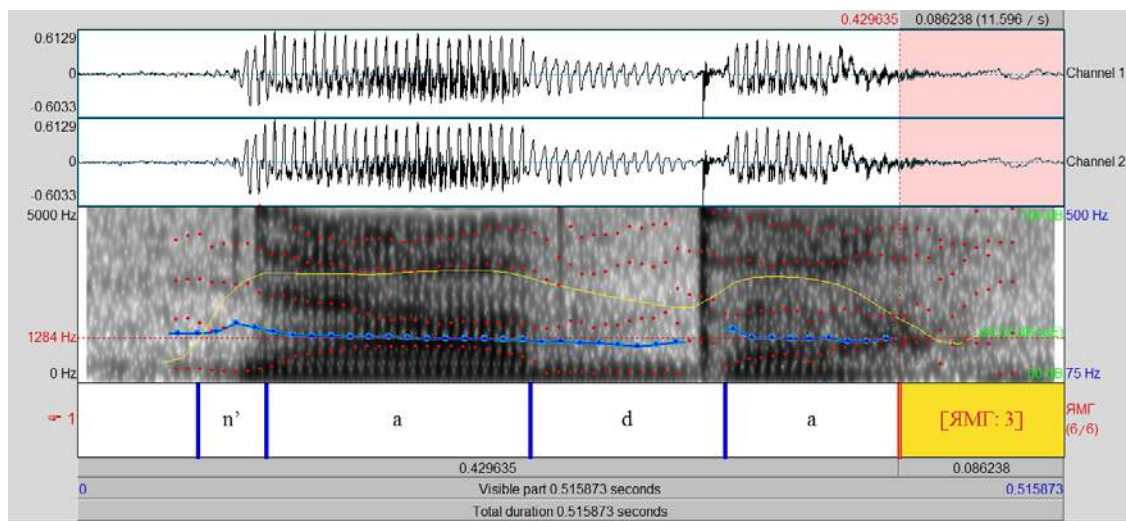
(5Я) Т ямал. [n'ádv] n'ada [ЯМГ: 1]

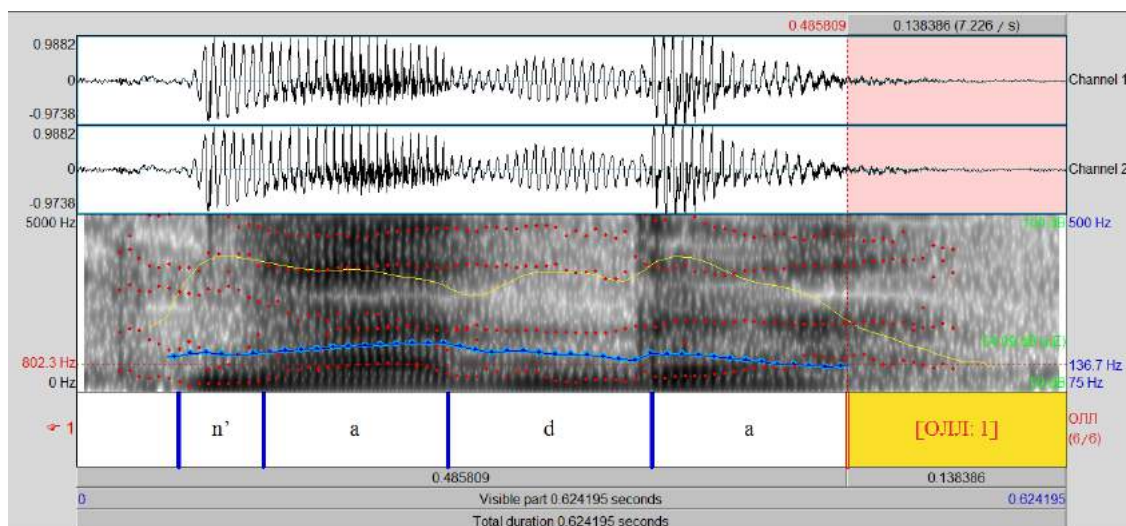
(5Я) Т ямал. [n'ádv] n'ada [ЯМГ: 2]

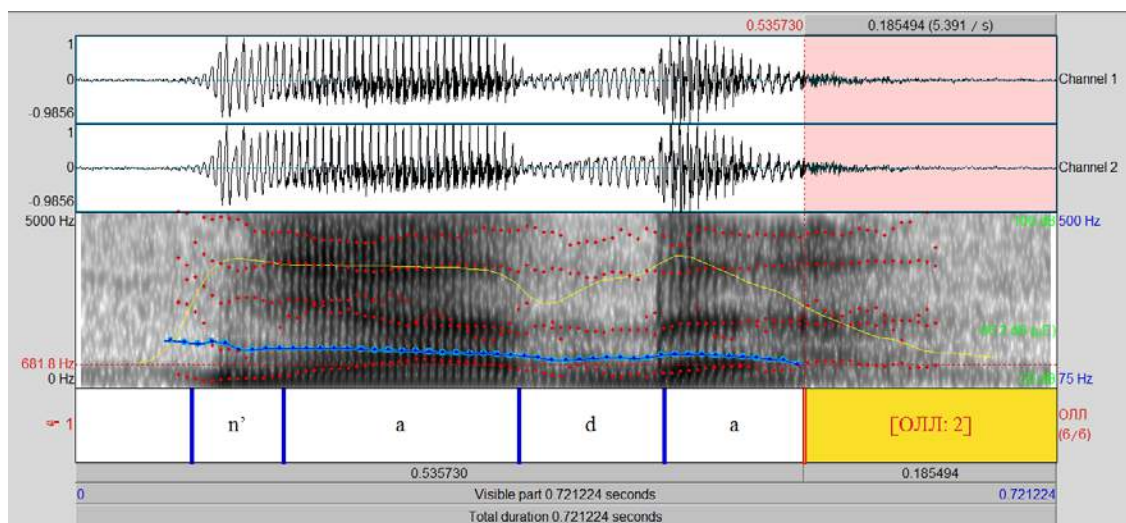
(5Я) Т ямал. [n'áɖɔ] n'ada [ЯМГ: 3]

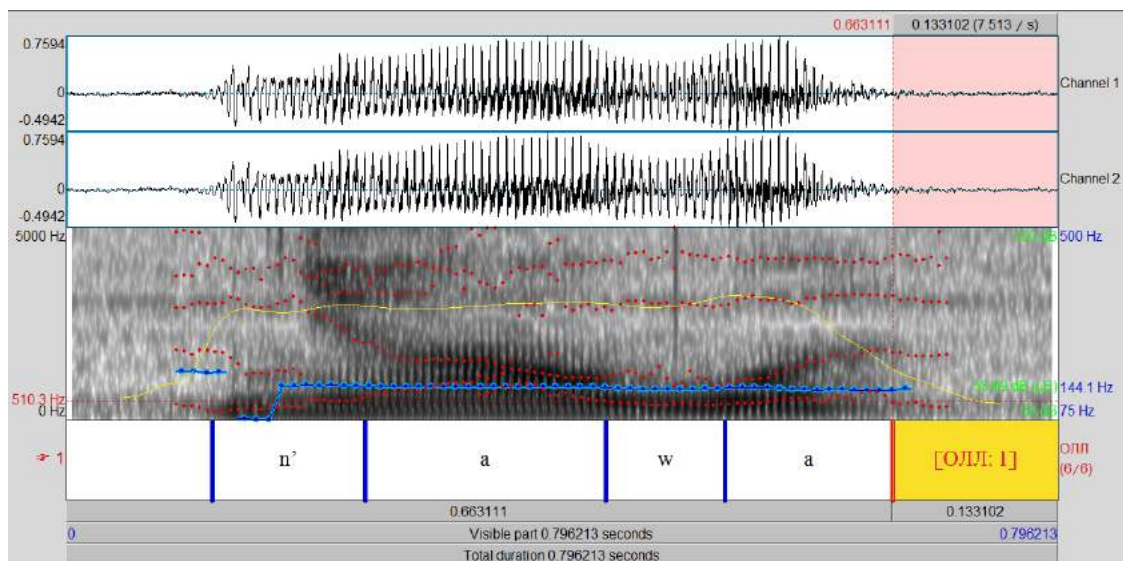
(5Я) Т ямал. [n'áɖɔ] n'ada [ОЛЛ: 1]

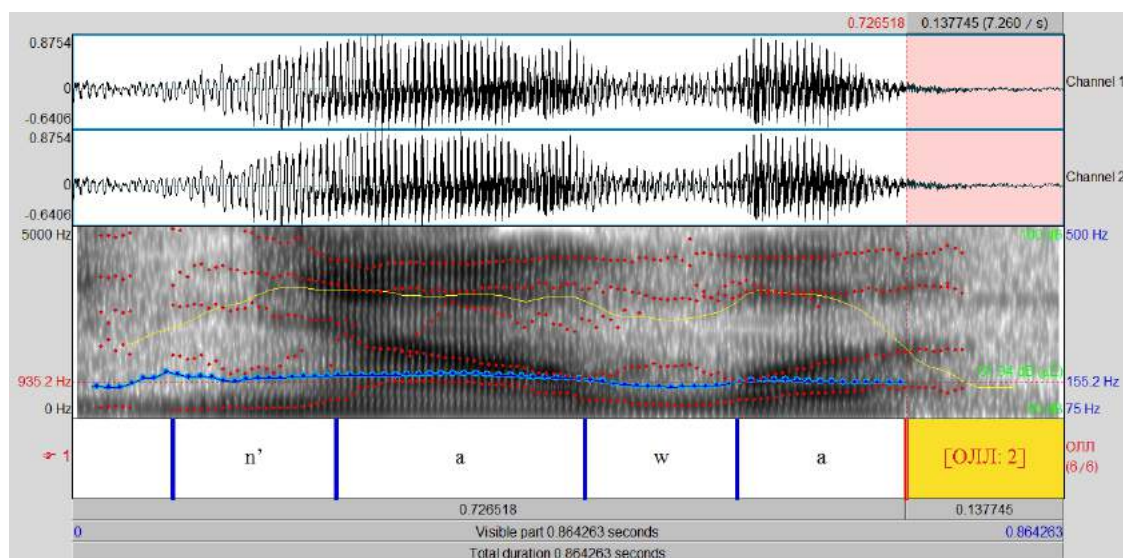
(5Я) Т ямал. [n'áɖɔ] n'ada [ОЛЛ: 2]

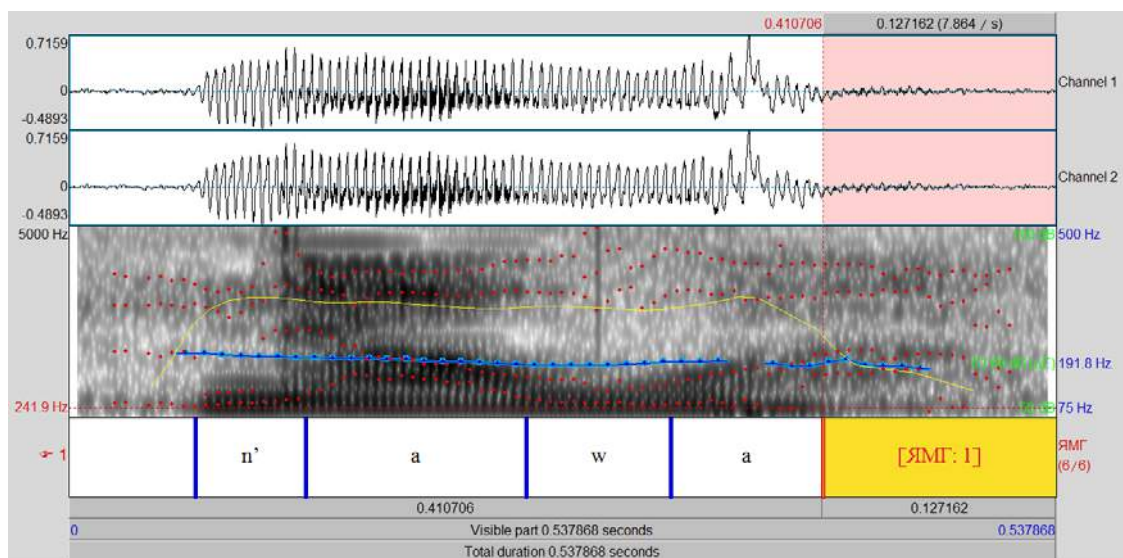
(6Я) Т ямал. [n'áwɔ] n'awa [ОЛЛ: 1]

(6Я) Т ямал. [n'áwɔ] n'awa [ОЛЛ: 2]

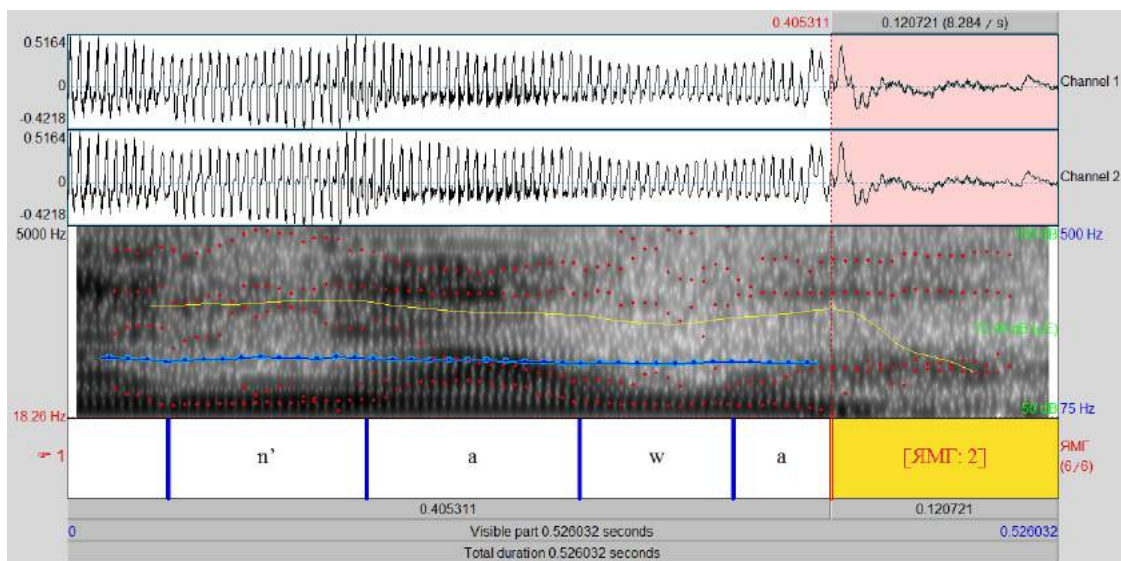

(6Я) Т ямал. [n'áwɔ] n'awa [ЯМГ: 1]

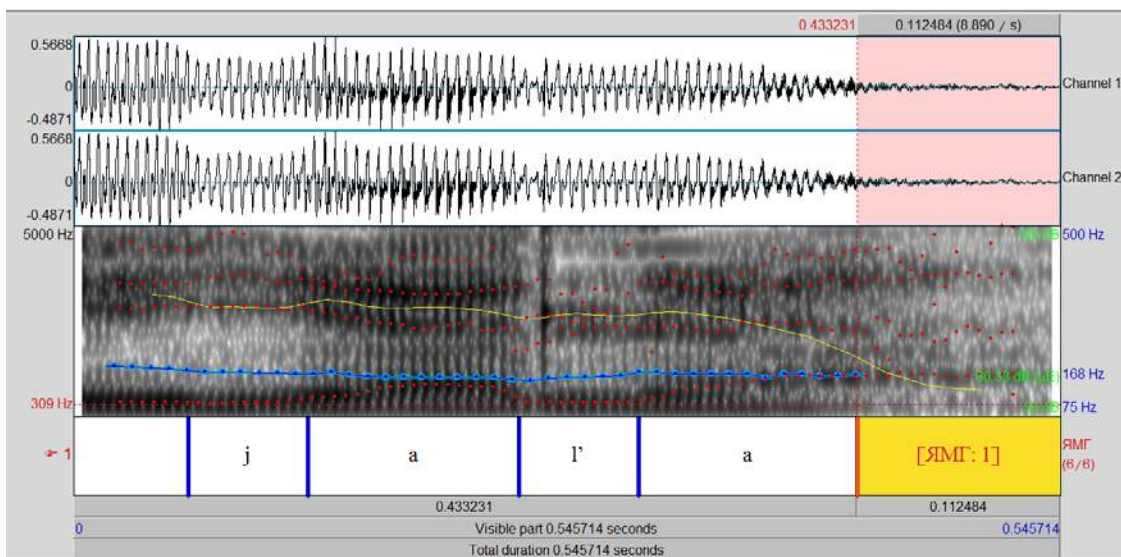

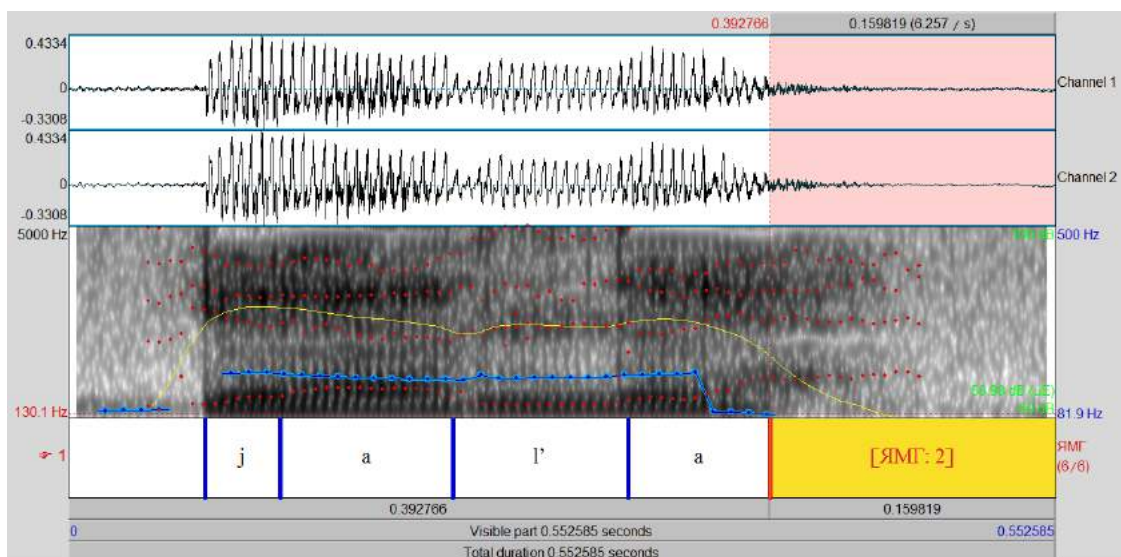
(6Я) Т ямал. [n'áwɔ] n'awa [ЯМГ: 2]

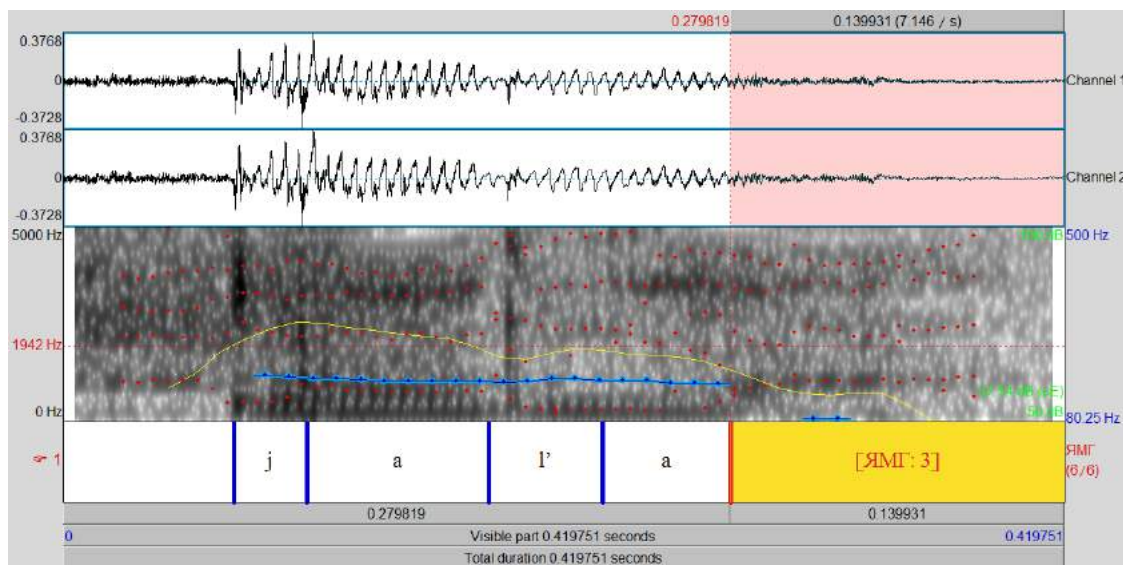
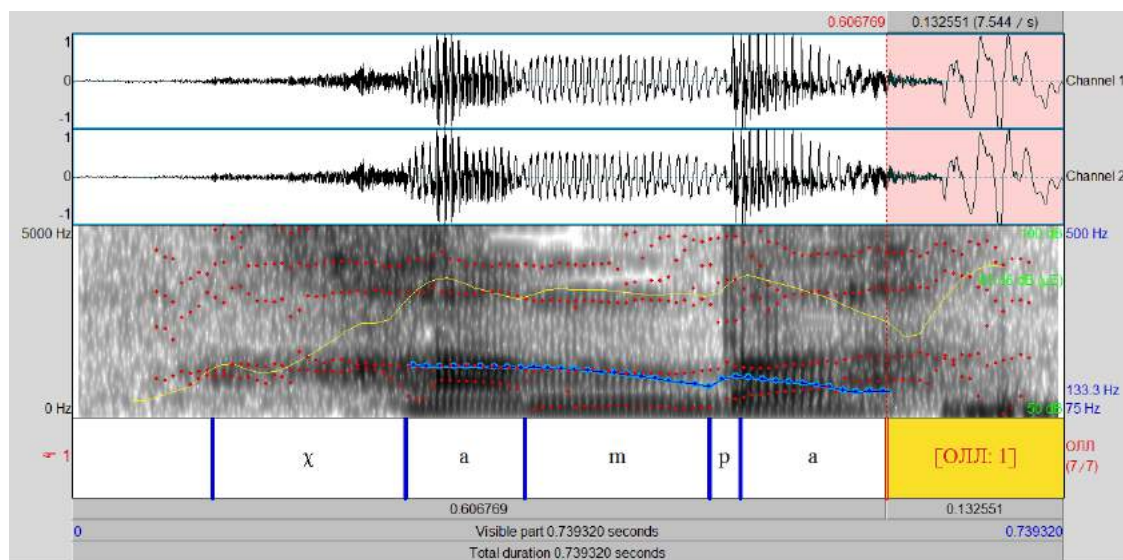
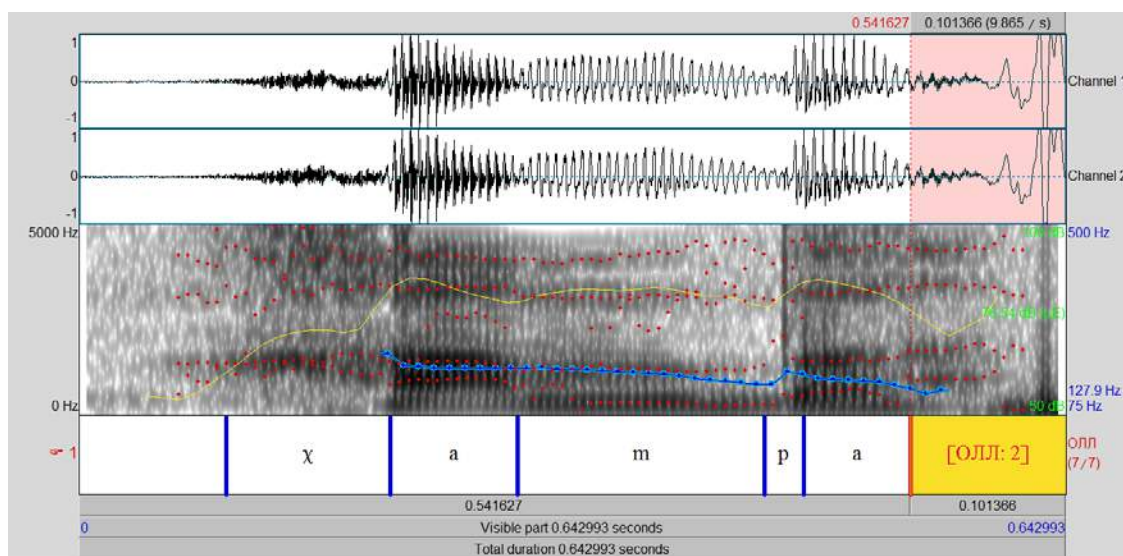

(7Я) Т ямал. [jálʷ] jal'a [ЯМГ: 1]

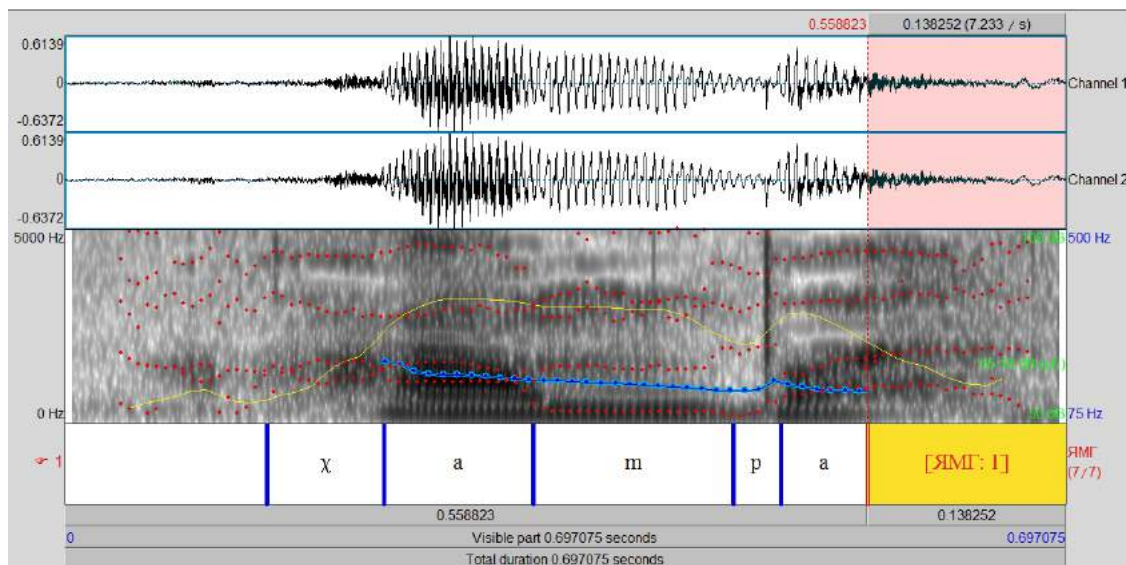

(7Я) Т ямал. [jálʷ] jal'a [ЯМГ: 2]

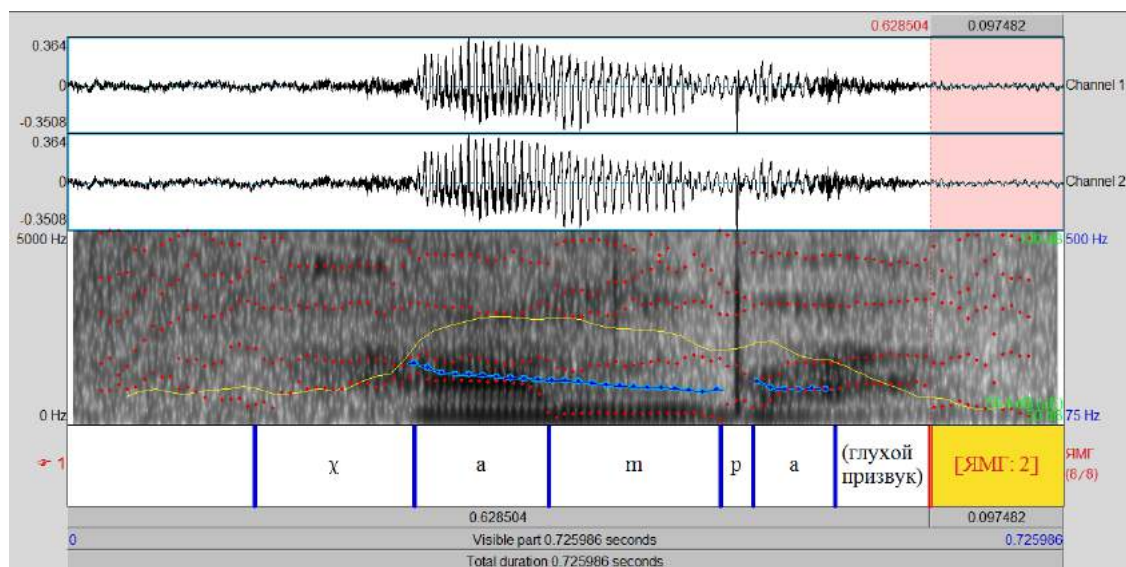

(7Я) Т ямал. [jálʷ] *jal'a* [ЯМГ: 3](8Я) Т ямал. [χámʷ] *χатра* [ОЛЛ: 1](8Я) Т ямал. [χámʷ] *χатра* [ОЛЛ: 2]

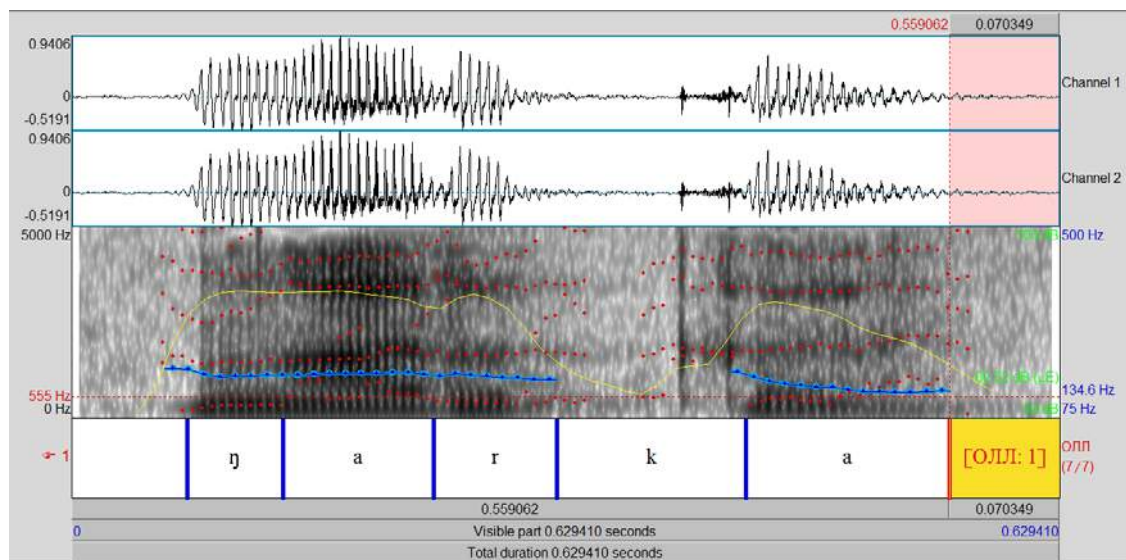
(8Я) Т ямал. [χáтврə] χатра [ЯМГ: 1]

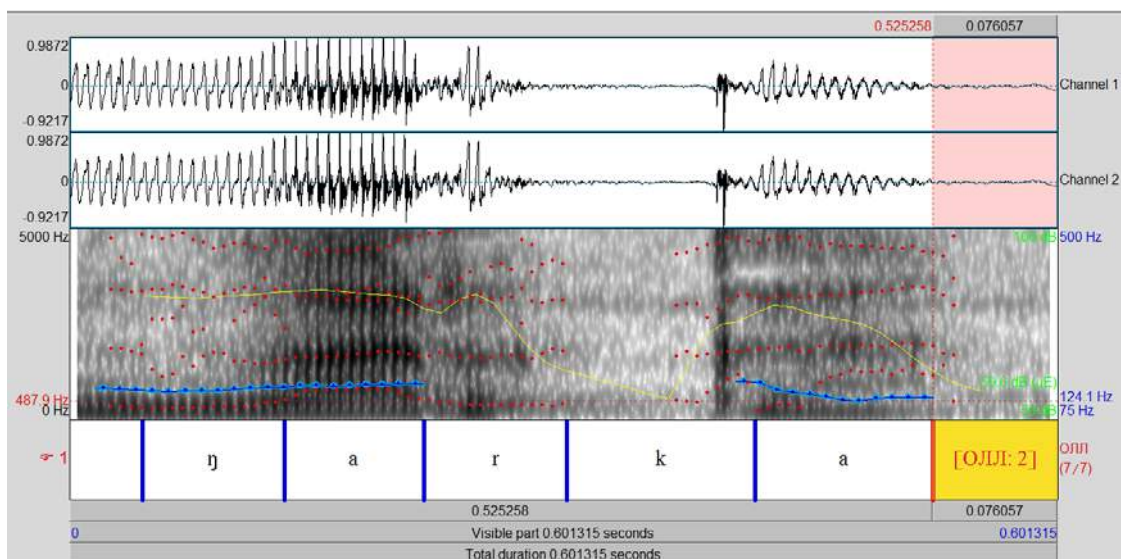
(8Я) Т ямал. [χáтврə] χатра [ЯМГ: 2]

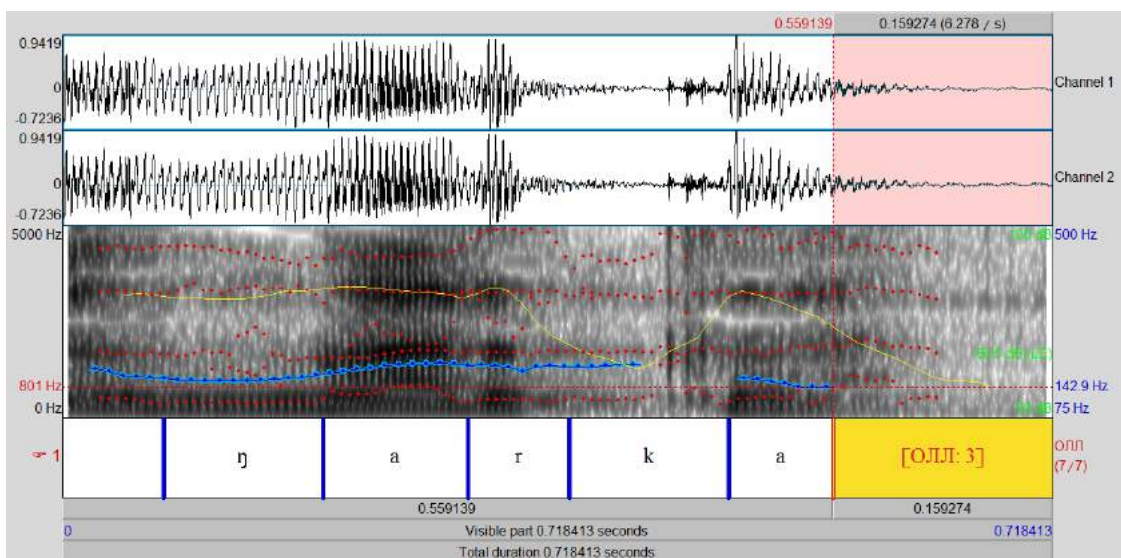
(9Я) Т ямал. [ηáркə] ηарка [ОЛЛ: 1]

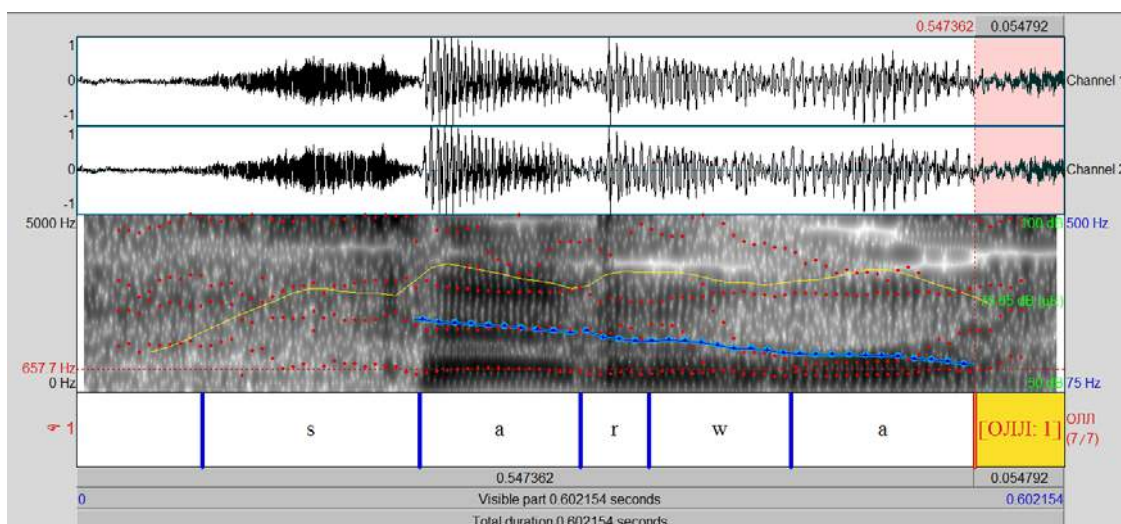
(9Я) Т ямал. [ɲárkə] *ɲarka* [ОЛЛ: 2]

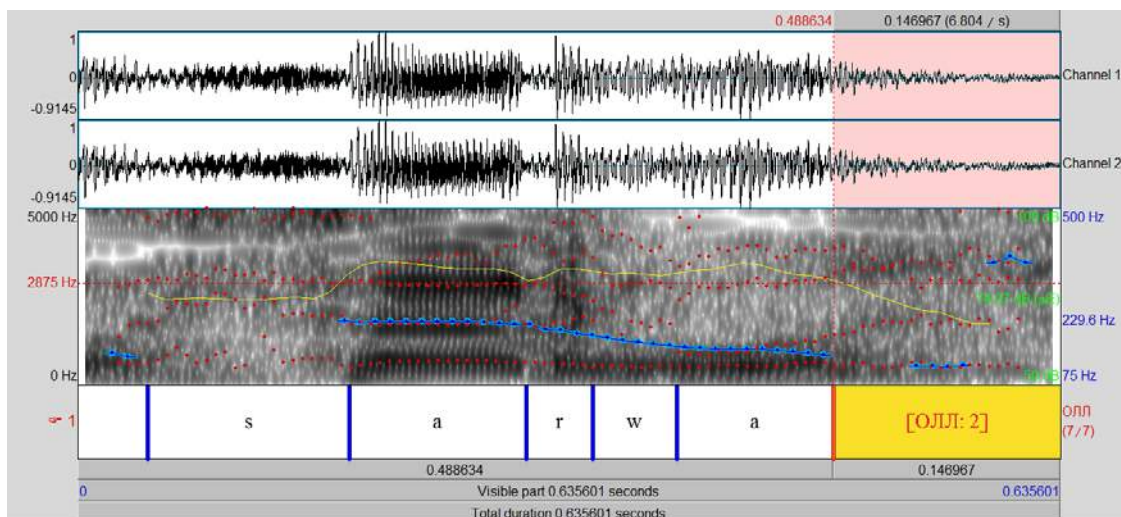
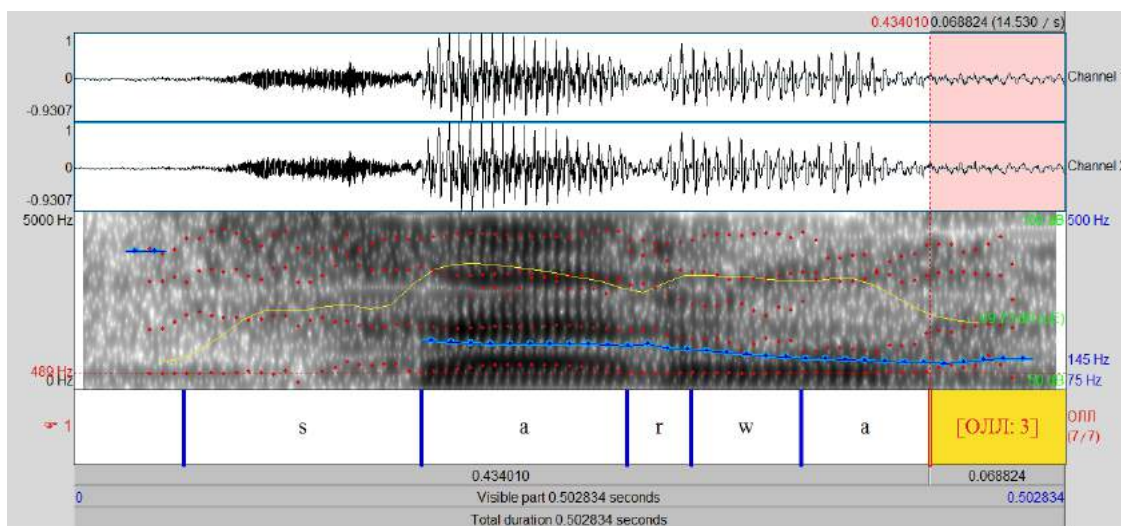
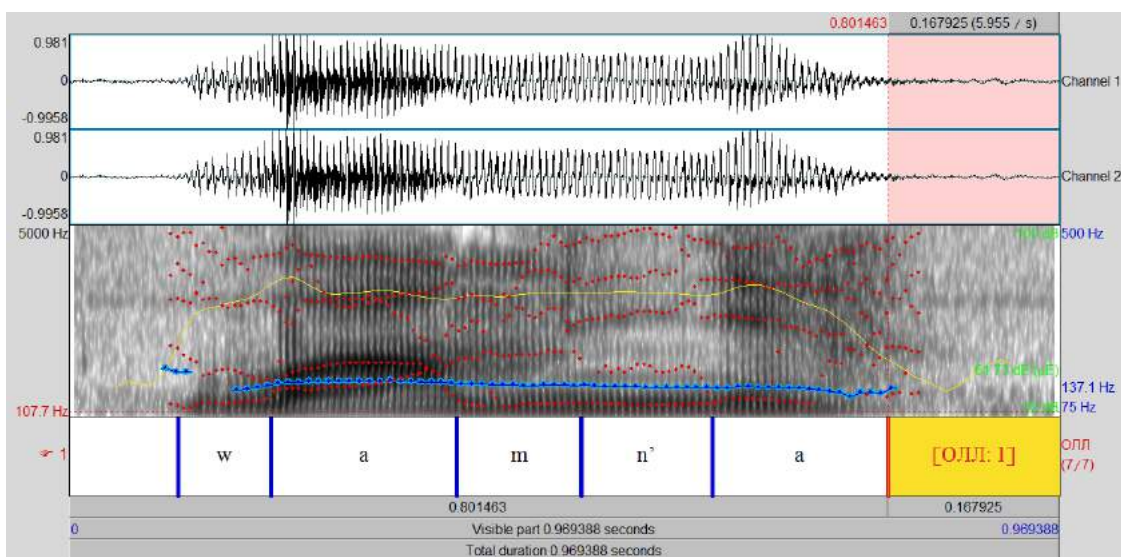

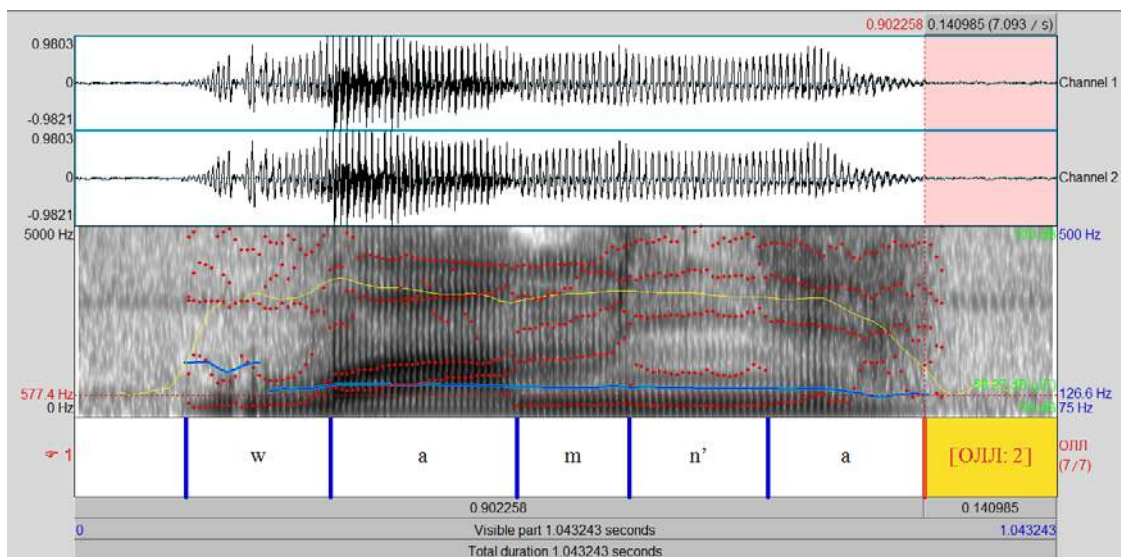
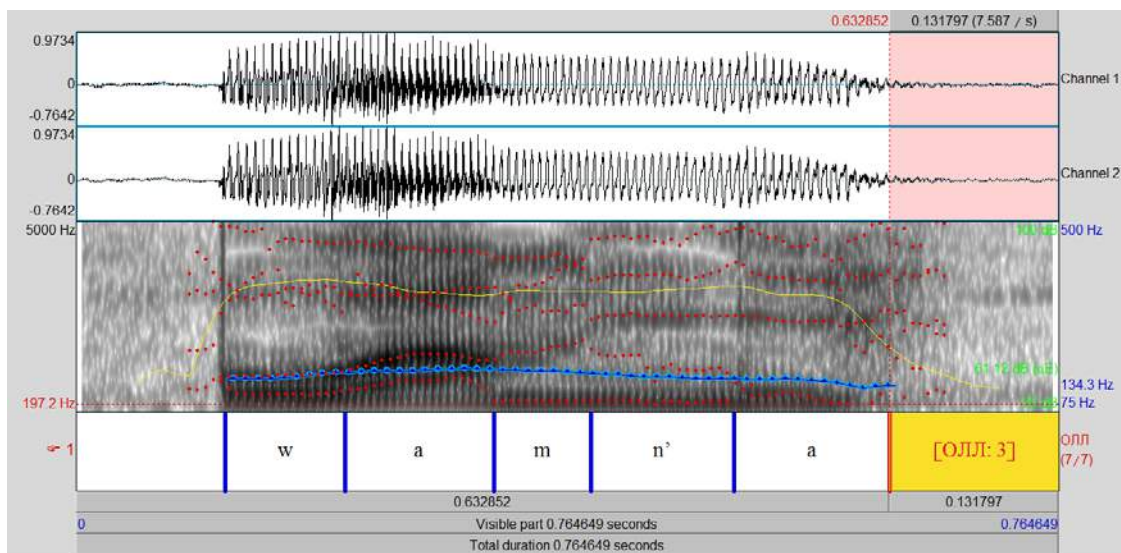
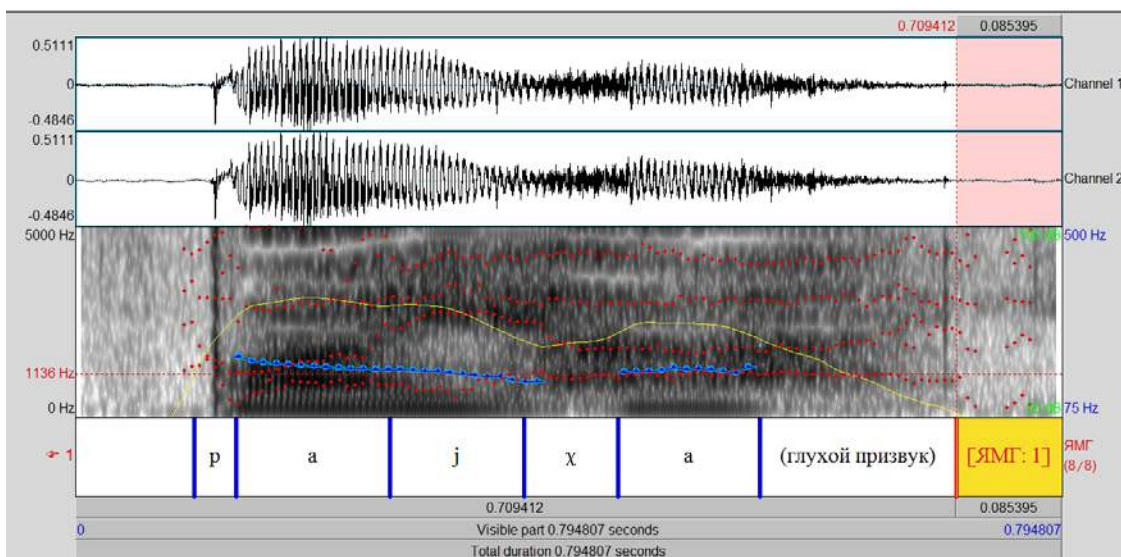
(9Я) Т ямал. [ɲárkə] *ɲarka* [ОЛЛ: 3]

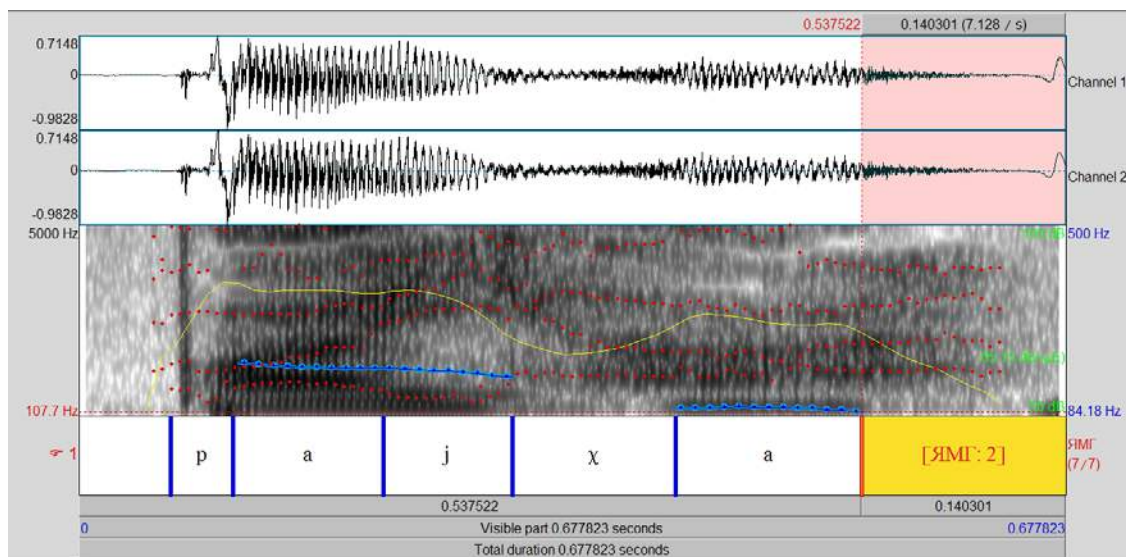
(10Я) Т ямал. [sárwə] *sarwa* [ОЛЛ: 1]

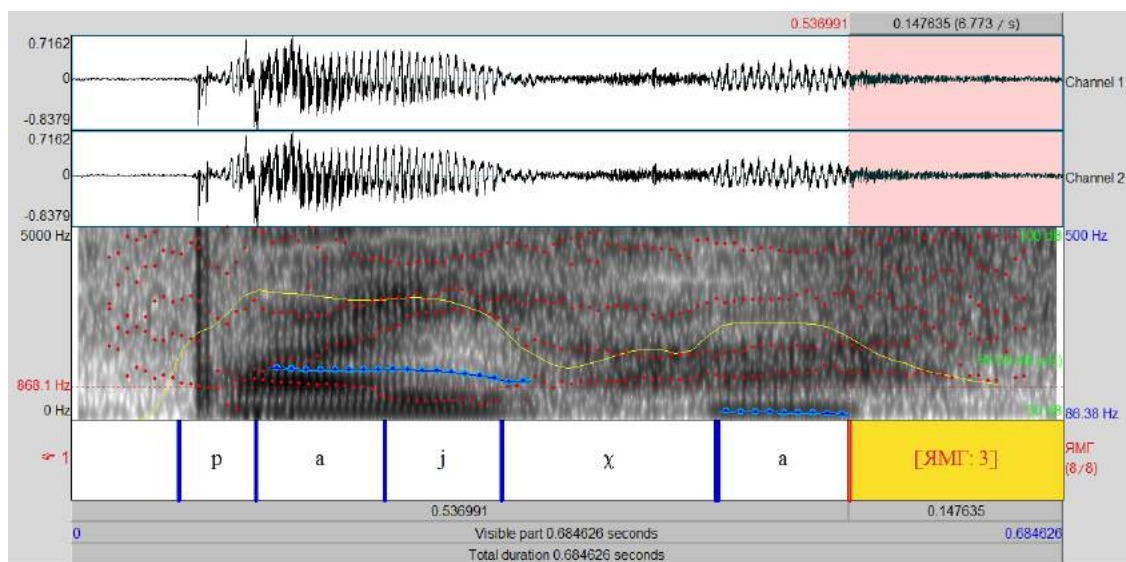
(10Я) Т ямал. [sárwo] *sarwa* [ОЛЛ: 2](10Я) Т ямал. [sárwo] *sarwa* [ОЛЛ: 3](11Я) Т ямал. [wám'nʷ] *wam'n'a* [ОЛЛ: 1]

(11Я) Т ямал. [wámɲʲə] *wamɲ'a* [ОЛЛ: 2](11Я) Т ямал. [wámɲʲe] *wamɲ'a* [ОЛЛ: 3](12Я) Т ямал. [rájχə] *rajχa* (raj°χa) [ЯМГ: 1]

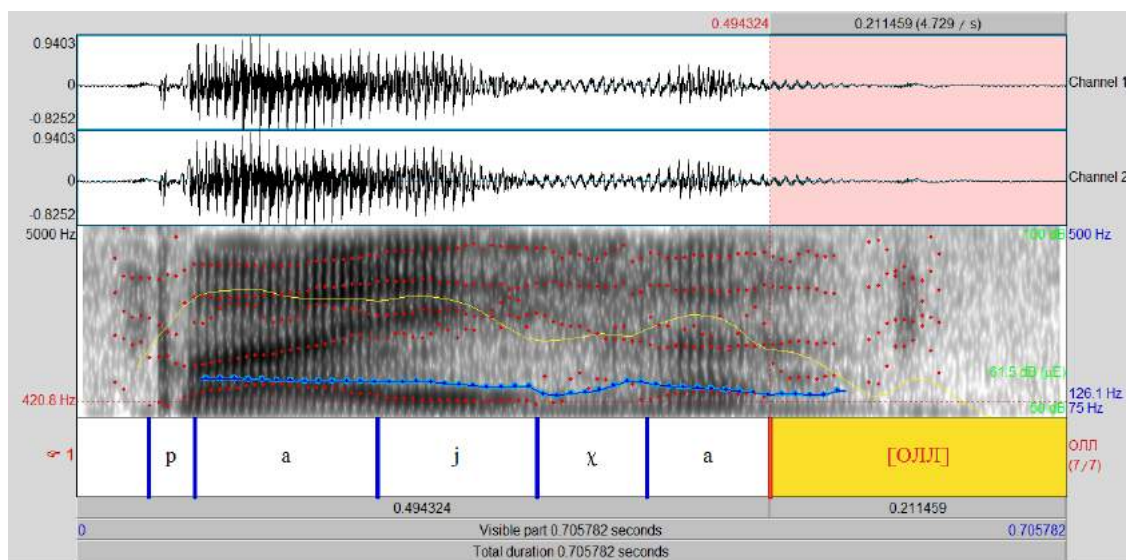
(12Я) Т ямал. [pájχp] pајχа (pај°χа) [ЯМГ: 2]

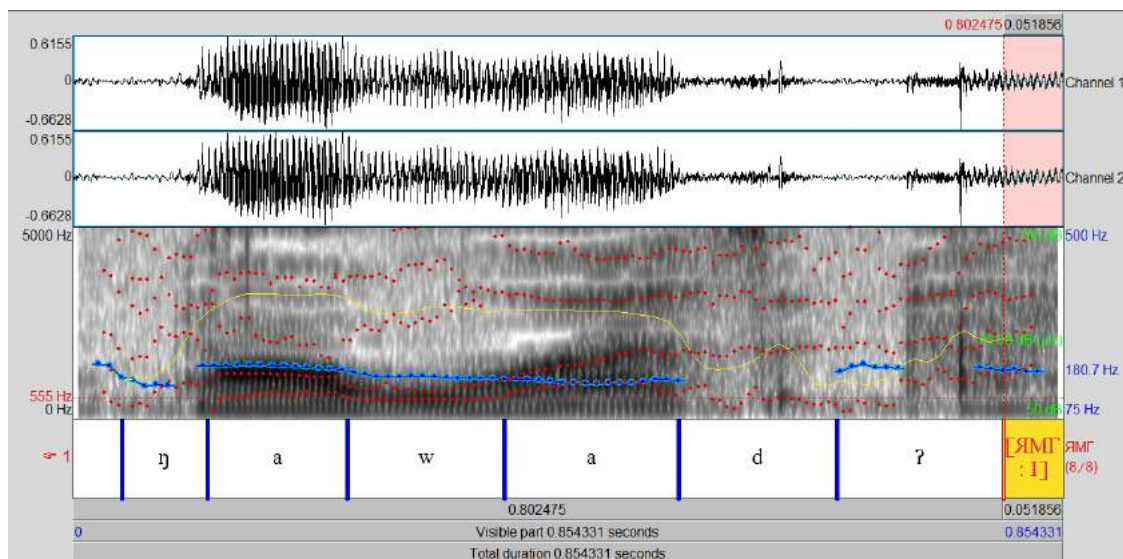
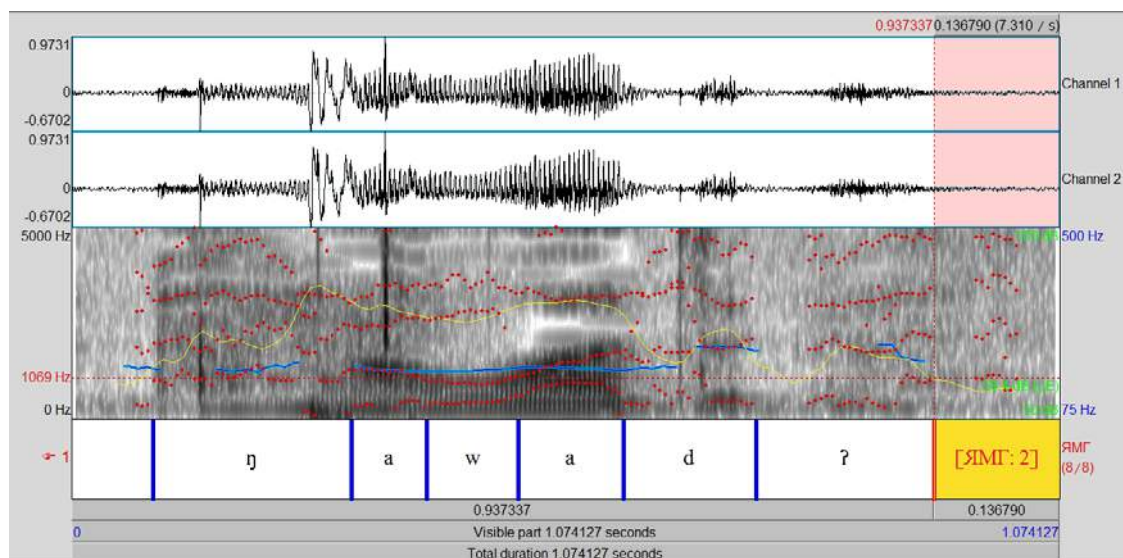
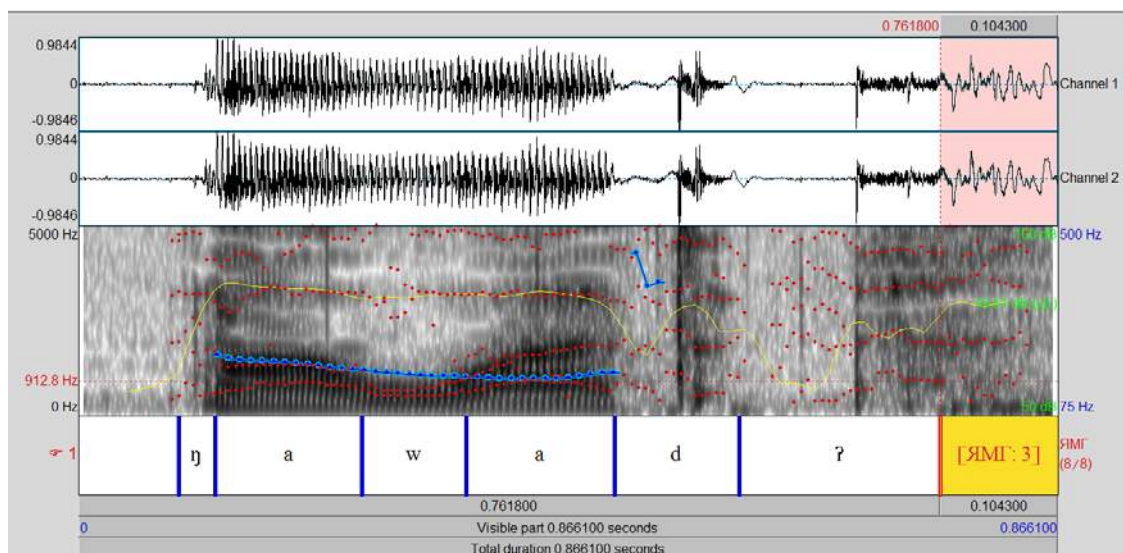

(12Я) Т ямал. [pájχp] pајχа (pај°χа) [ЯМГ: 3]

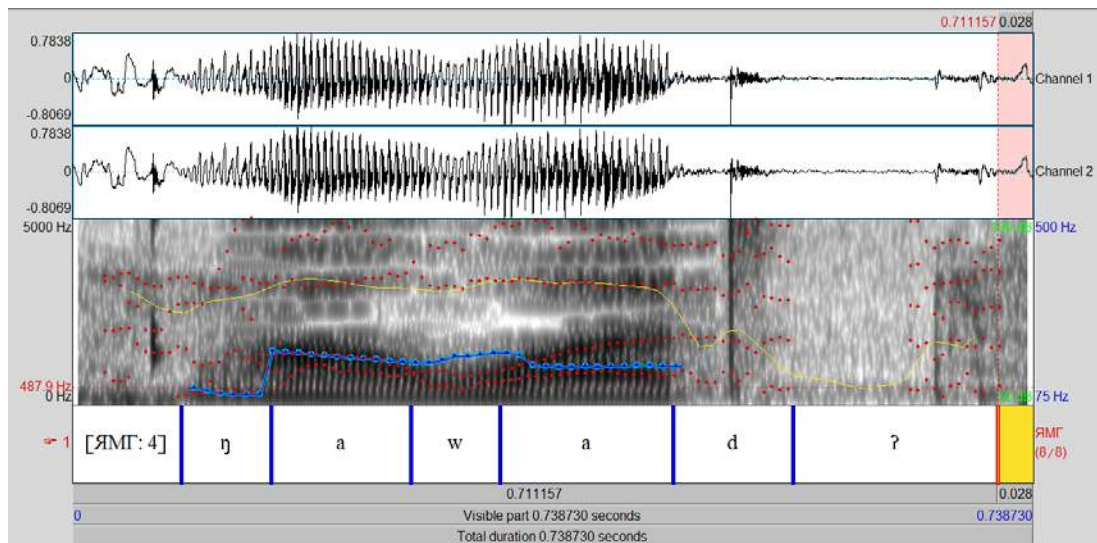
(12Я) Т ямал. [pájχp] pајχа (pај°χа) [ОЛЛ: 1]

(13Я) Т ямал. [ɲawádʔ] *ɲawadʔ* (*ɲawad°(ʔ)*) [ЯМГ: 1](13Я) Т ямал. [ɲawádʔ] *ɲawadʔ* (*ɲawad°(ʔ)*) [ЯМГ: 2](13Я) Т ямал. [ɲawádʔ] *ɲawadʔ* (*ɲawad°(ʔ)*) [ЯМГ: 3]

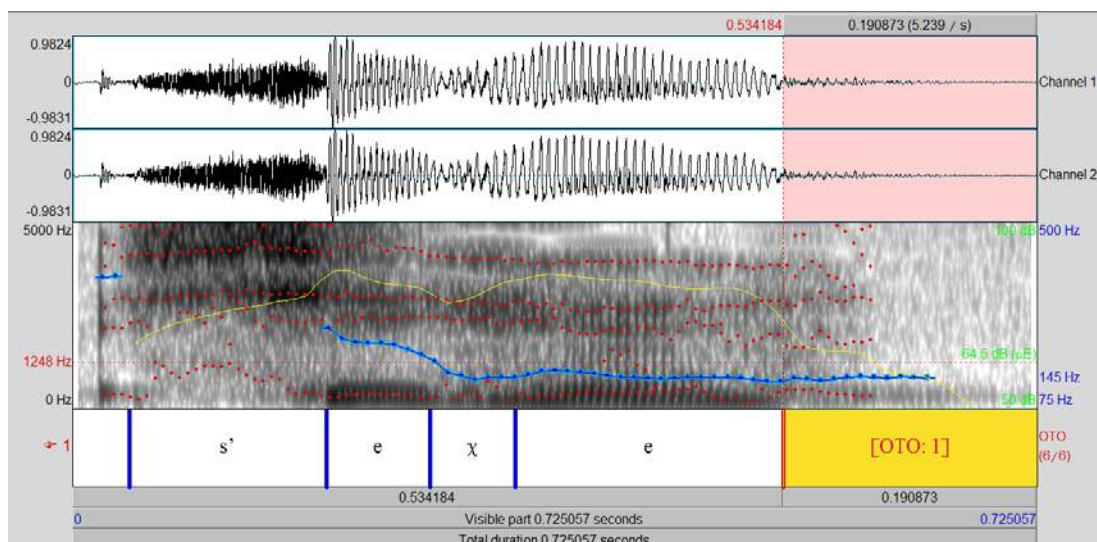

(13Я) Т ямал. [ɲawádʔ] *ɲawadʔ* (*ɲawadʔ(?)*) [ЯМГ: 4]

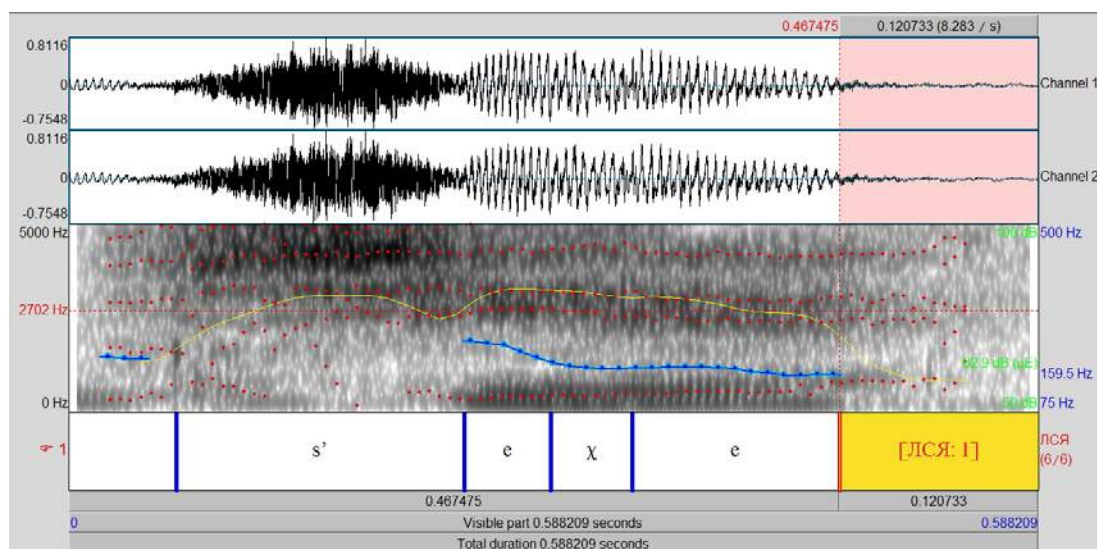

2. Фонетические слова с гласными среднего подъема переднего ряда [e] в первом и втором слогах

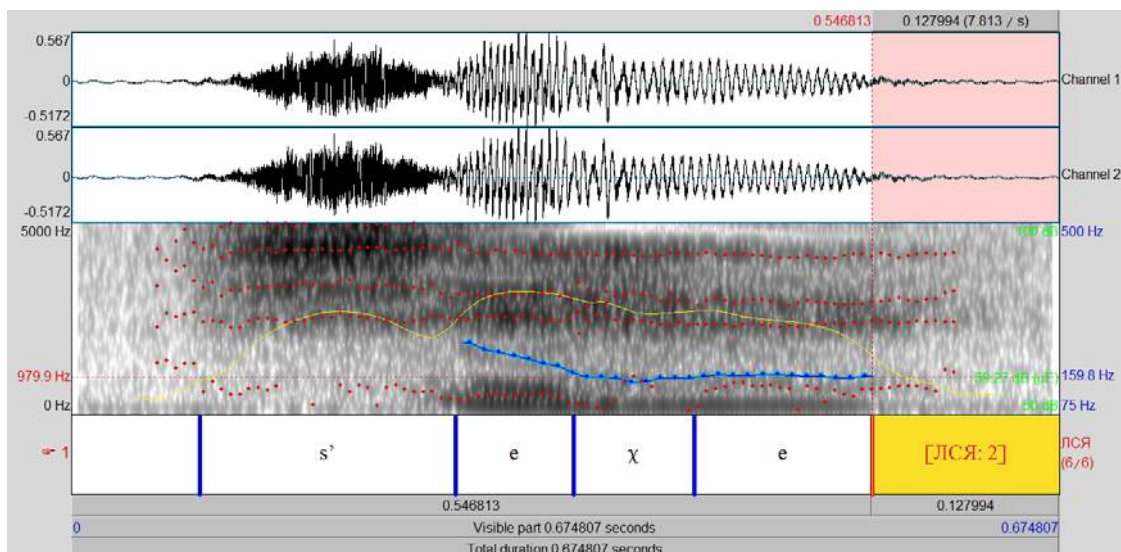
(14Я) Т ямал. [sieye] [ОТО: 1]

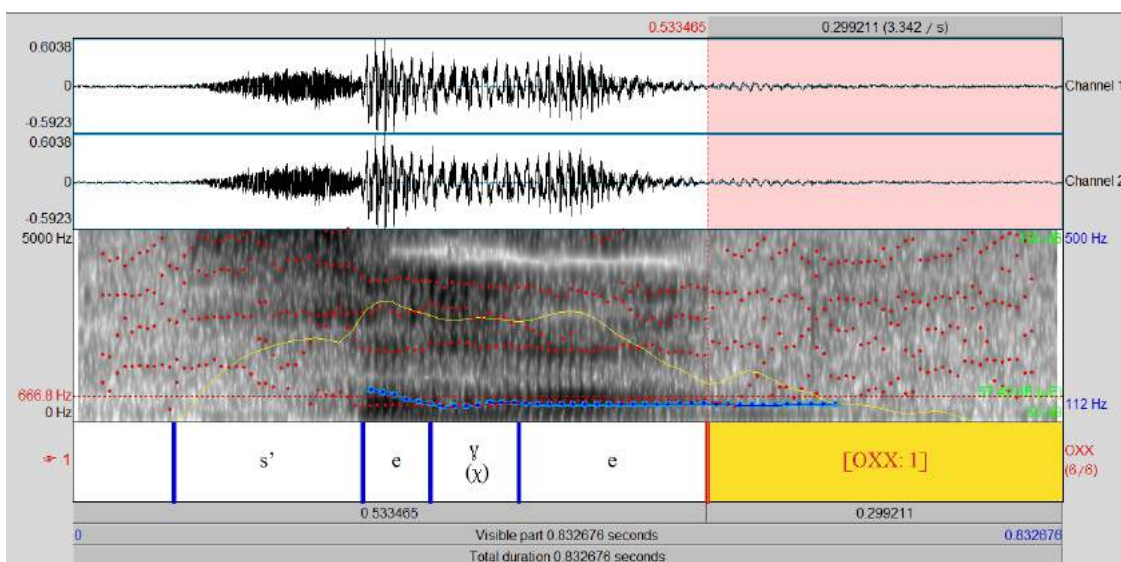
(14Я) Т ямал. [sieye] [ЛСЯ: 1]

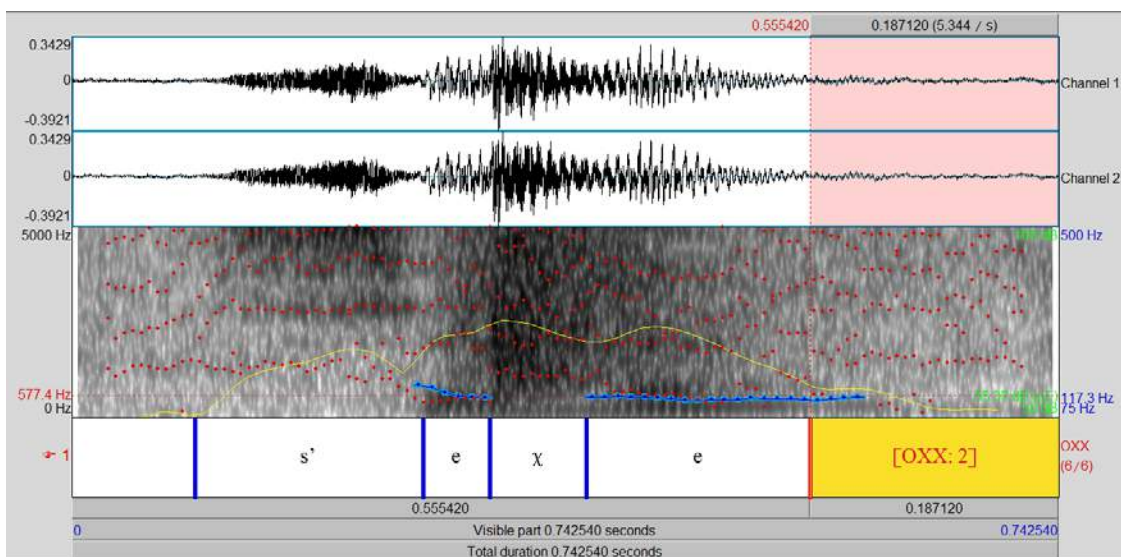
(14Я) Т ямал. [sieye] [ЛСЯ: 2]

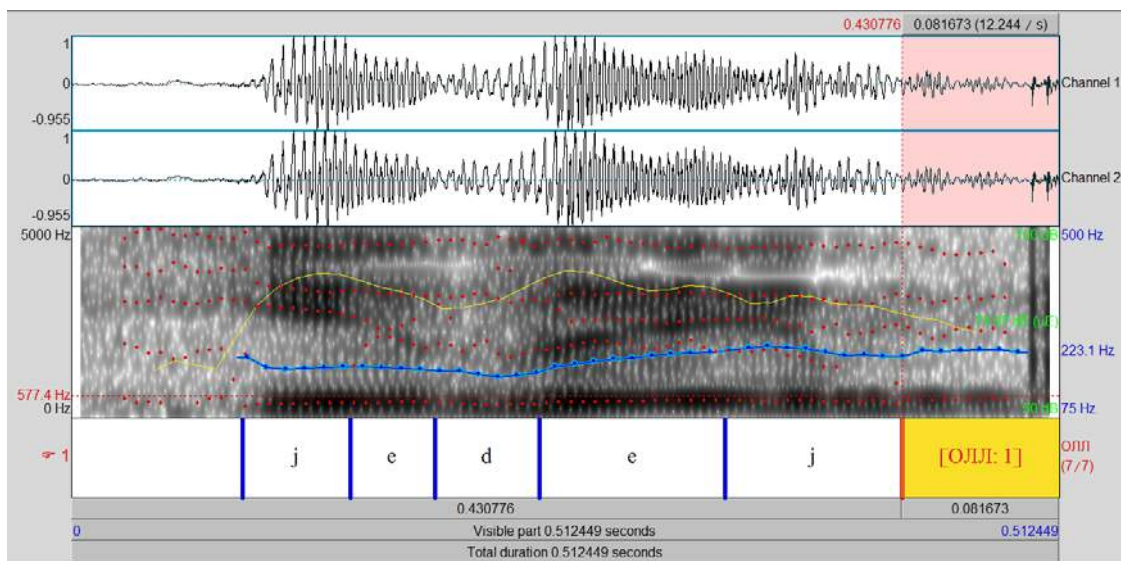
(14Я) Т ямал. [sieye] [ОХХ: 1]

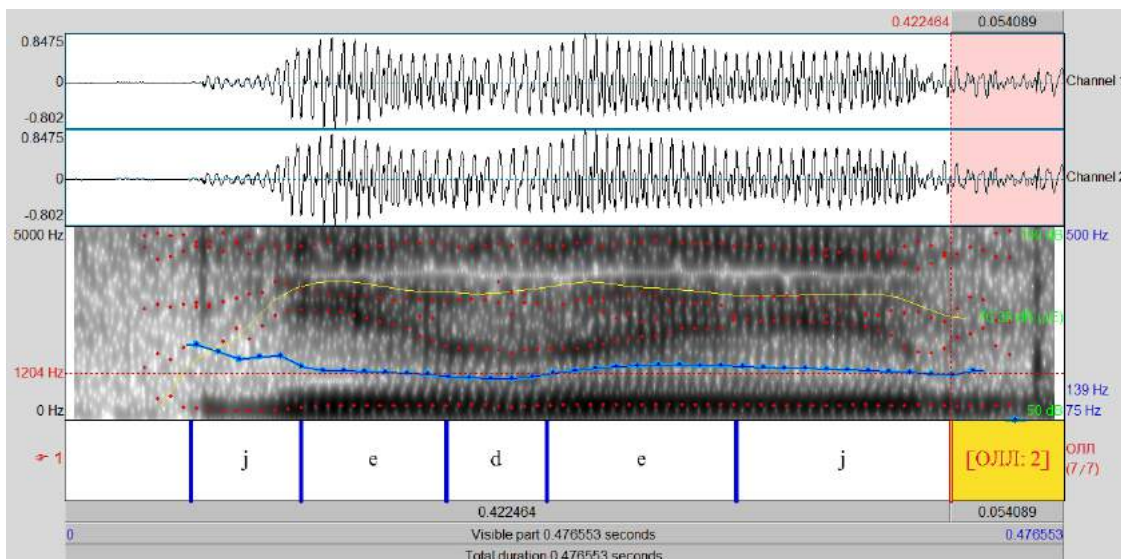
(14Я) Т ямал. [sieye] [ОХХ: 2]

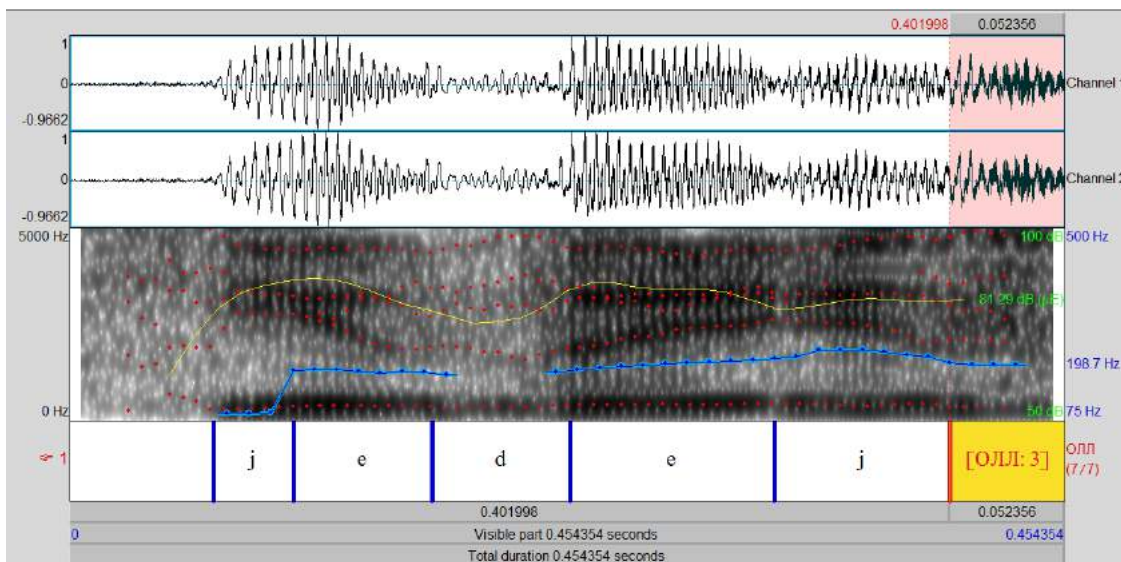
(15Я) Т ямал. [jedéj] jedej (jedej°) [ОЛЛ: 1]

(15Я) Т ямал. [jedéj] jedej (jedej°) [ОЛЛ: 2]

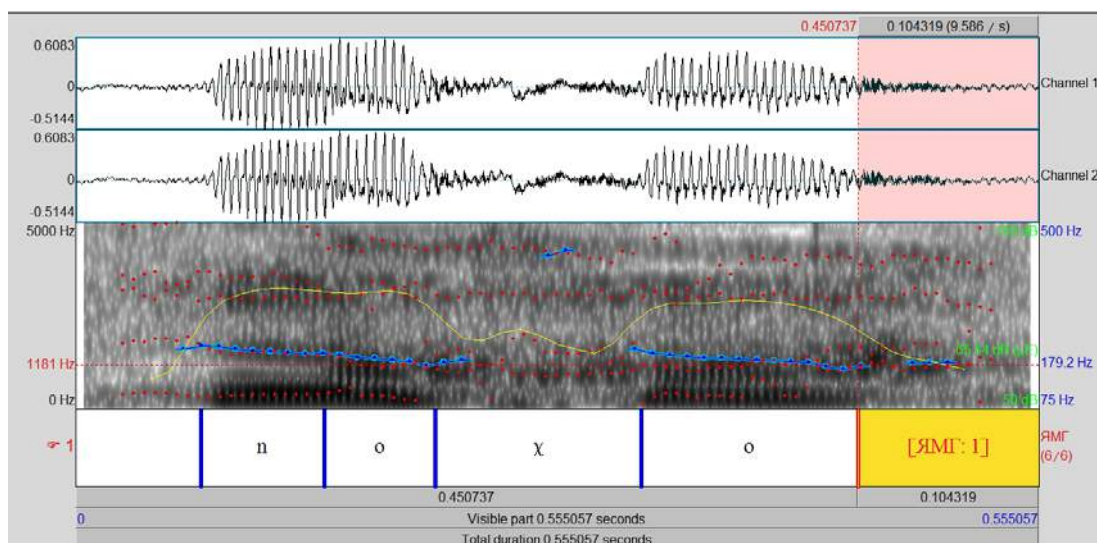

(15Я) Т ямал. [jedéj] jedej (jedej°) [ОЛЛ: 3]

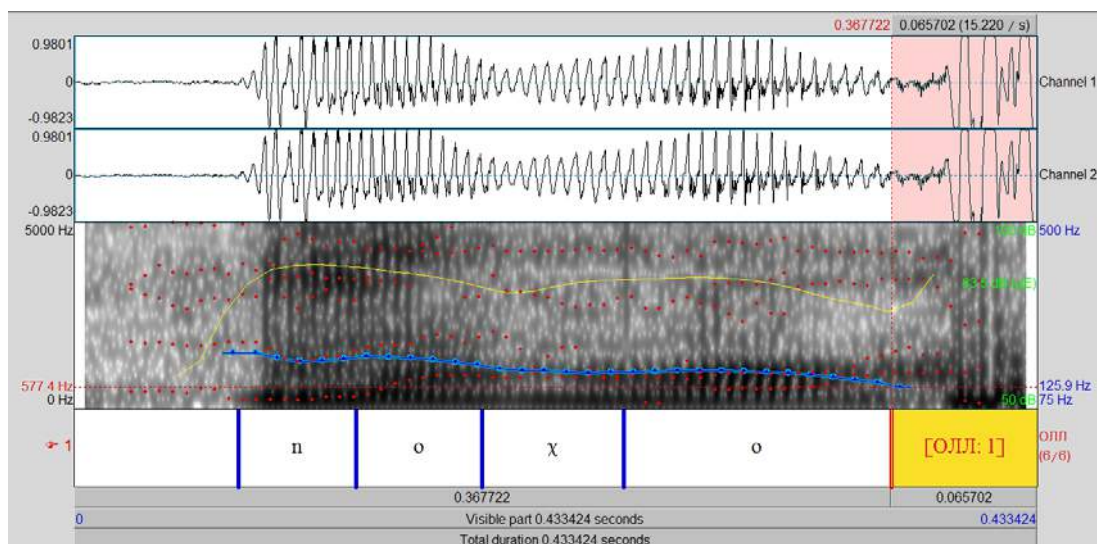
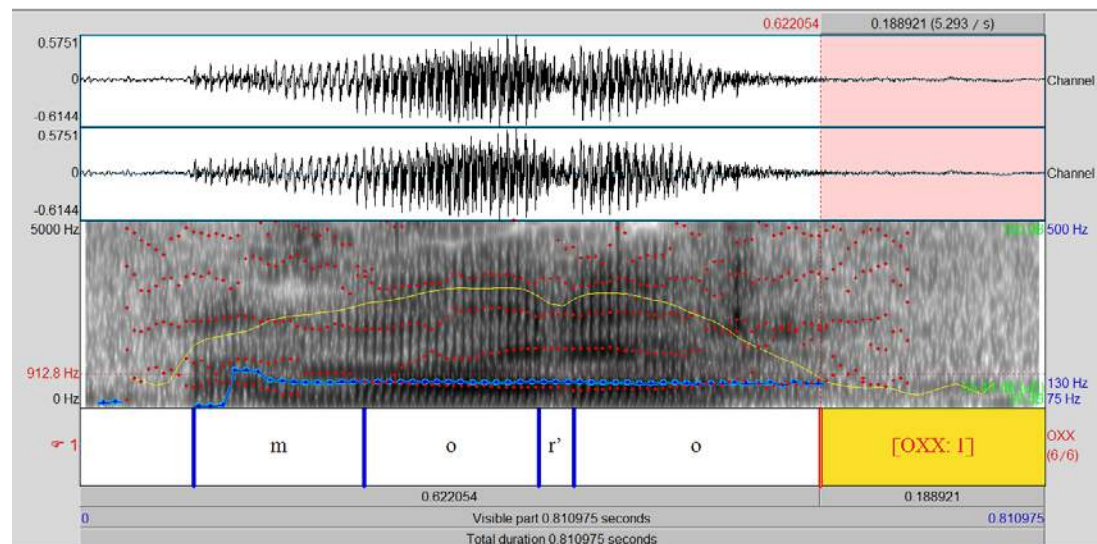

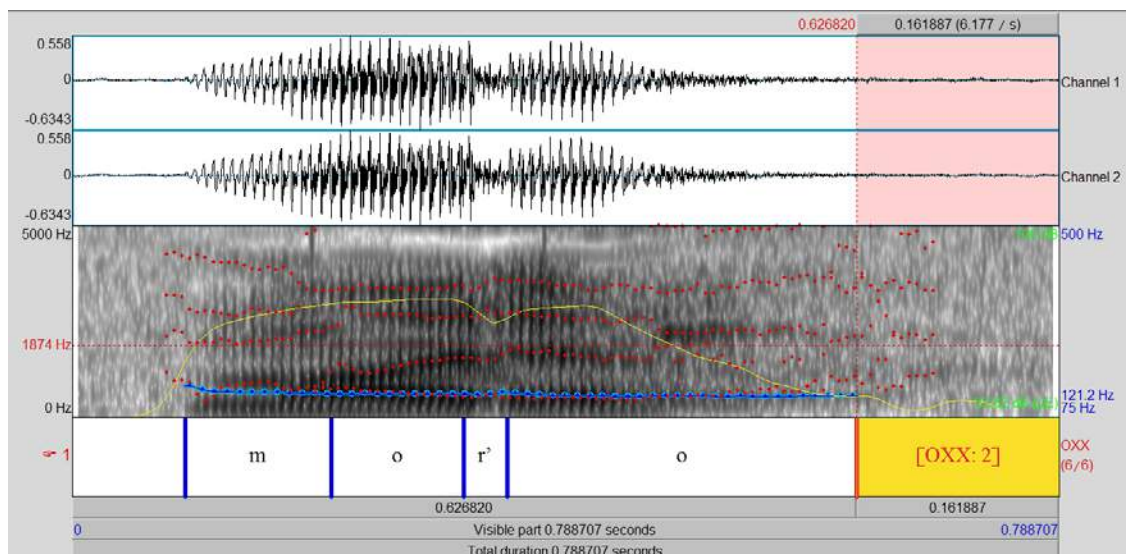
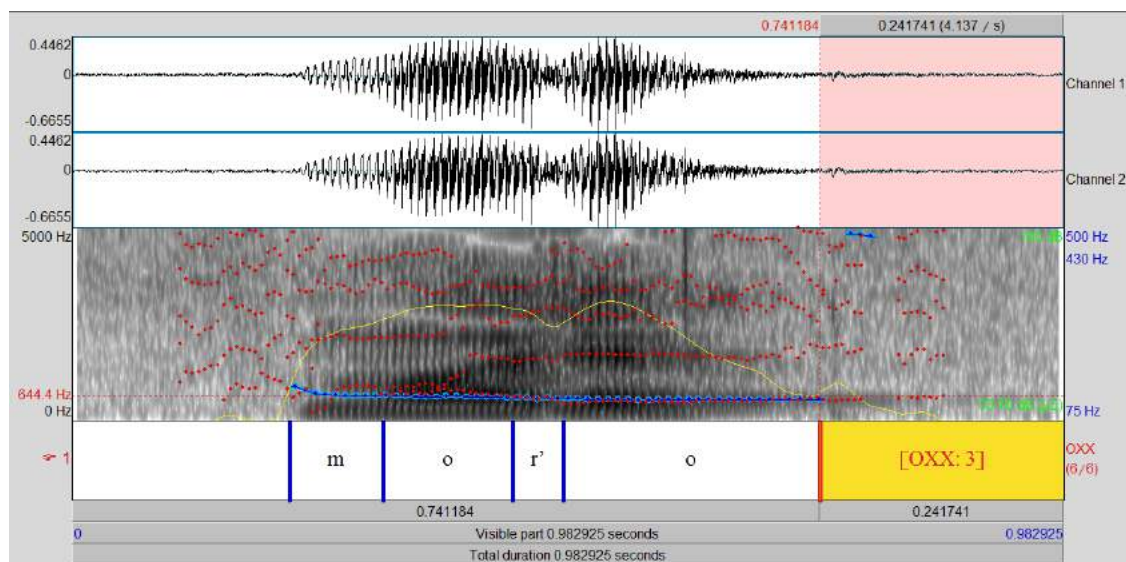
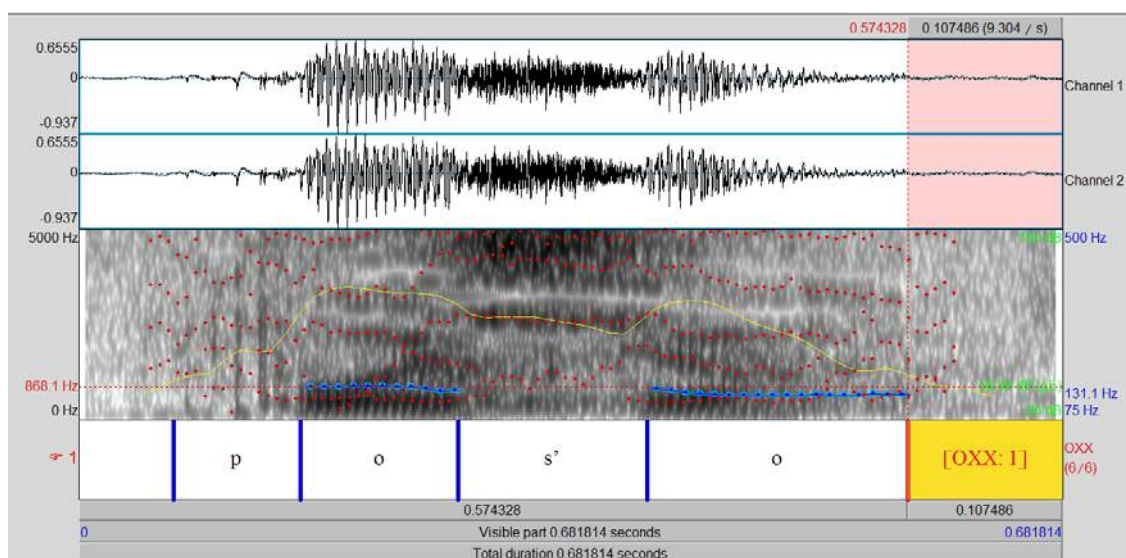
3. Фонетические слова с гласными среднего подъема заднего ряда [o] в первом и втором слогах

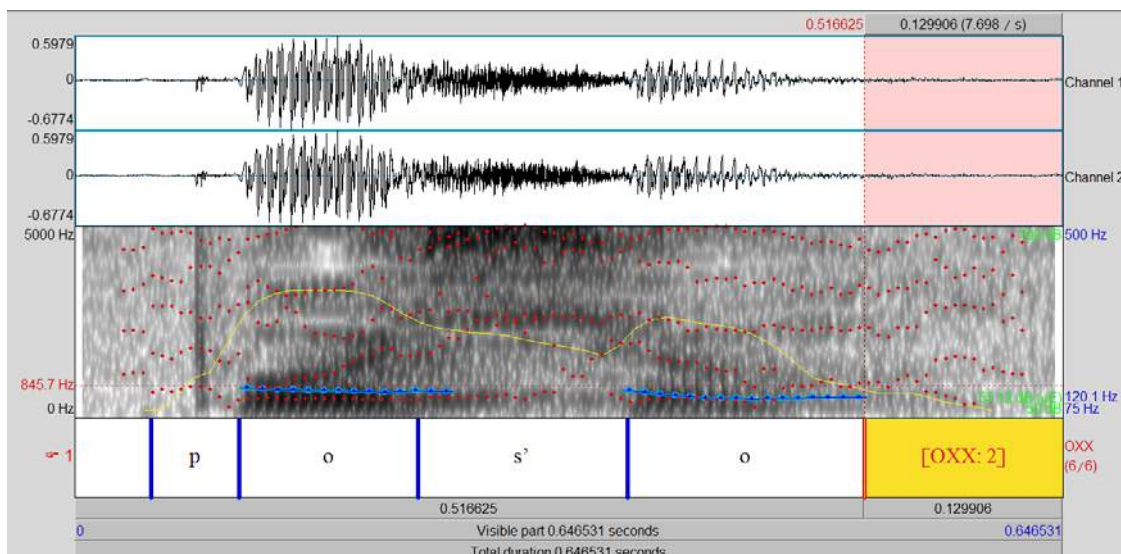
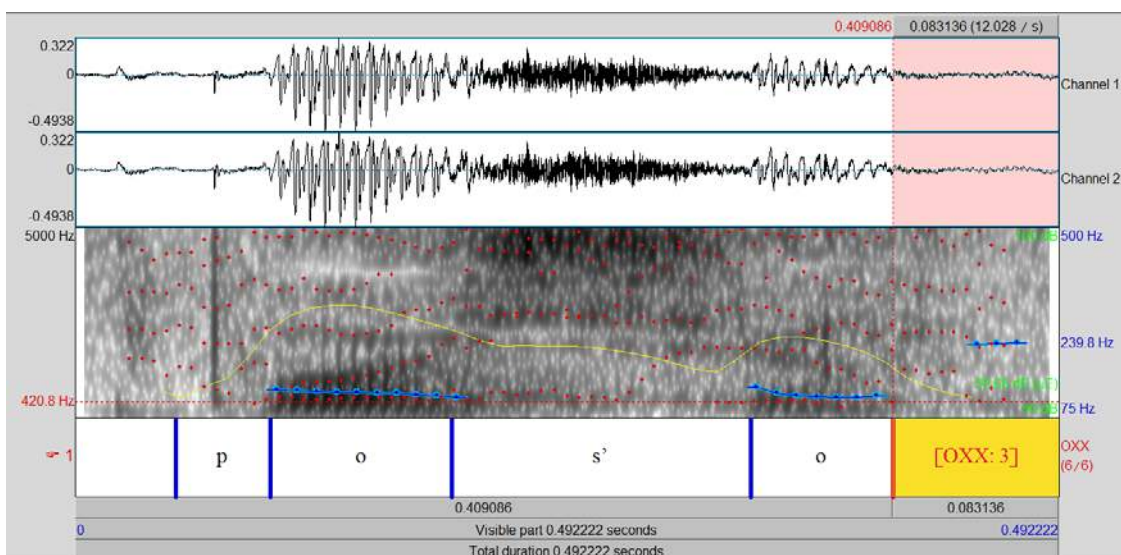
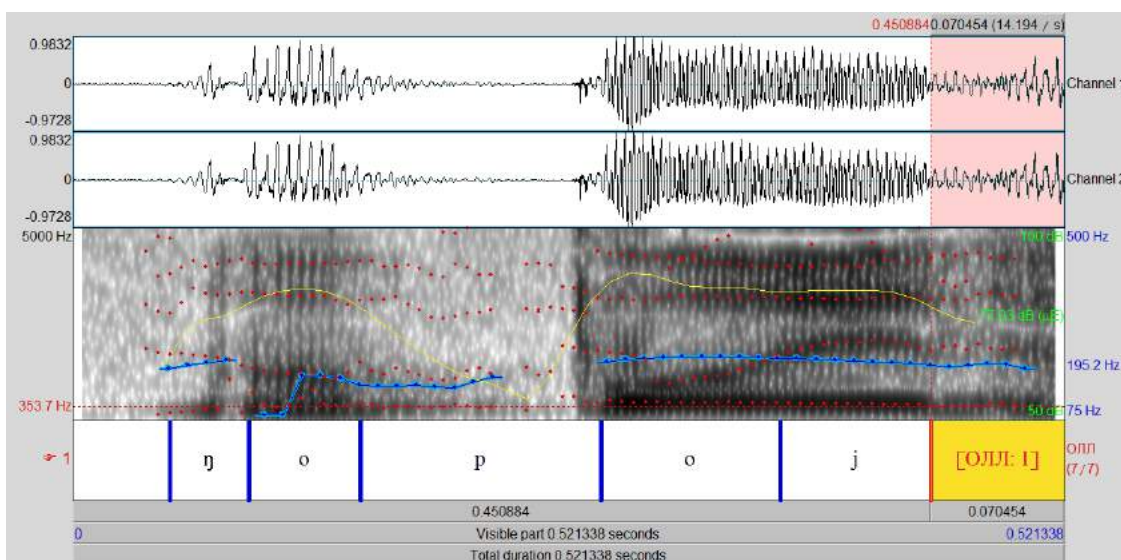
(16Я) Т ямал. [nóxo] [ЯМГ: 1]

(16Я) Т ямал. [nóyo] [ОЛЛ: 1]

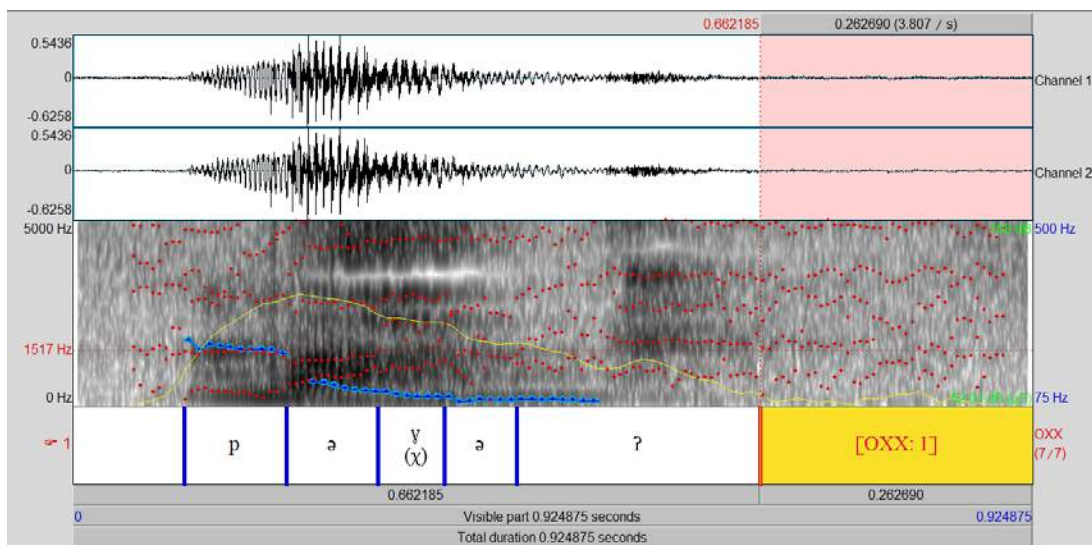
(17Я) Т ямал. [móyo] *mor'o* [ОХХ: 1]

(17Я) Т ямал. [móɣio] *mor'o* [OXX: 2](17Я) Т ямал. [móɣio] *mor'o* [OXX: 3](18Я) Т ямал. [pósio] *pos'o* [OXX: 1]

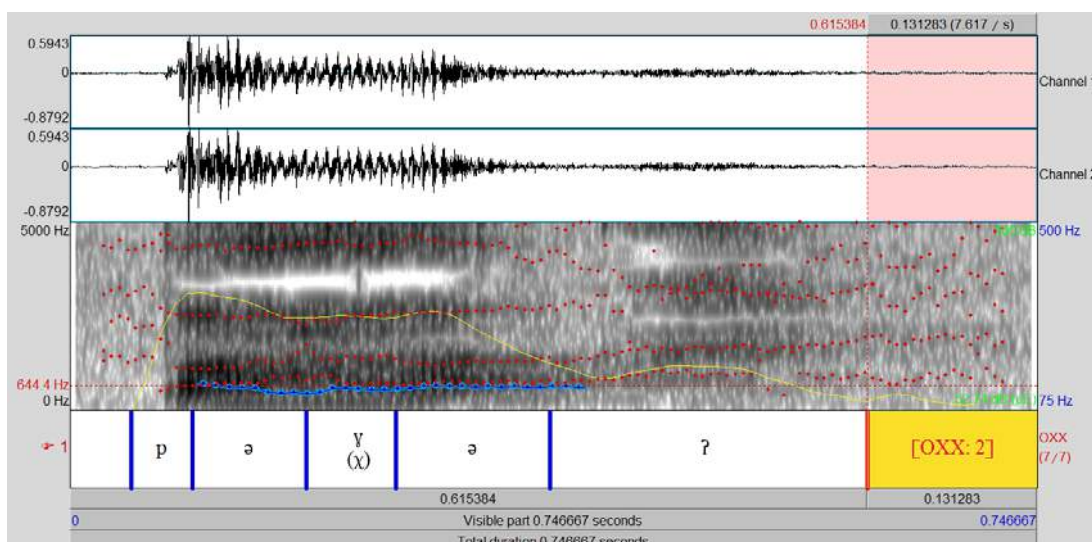
(18Я) Т ямал. [pósio] *pos'ó* [OXX: 2](18Я) Т ямал. [pósio] *pos'ó* [OXX: 3](19Я) Т ямал. [ɥorój] *ɥorój* (*ɥorój*^o) [OJJ: 1]

4. Фонетические слова с краткими гласными ə в первом и втором слогах

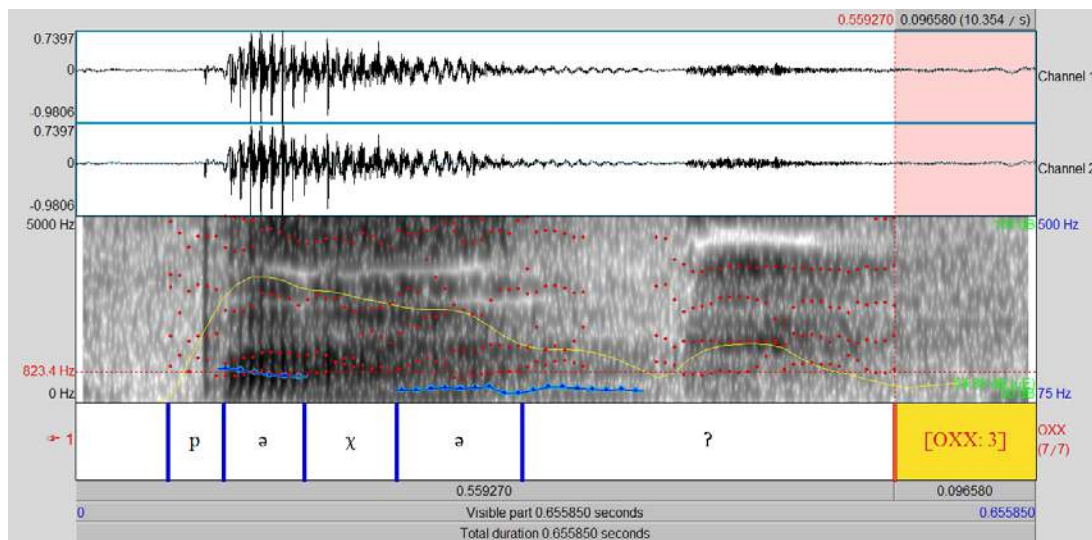
(20Я) Т ямал. [рəуəʔ] [OXX: 1]

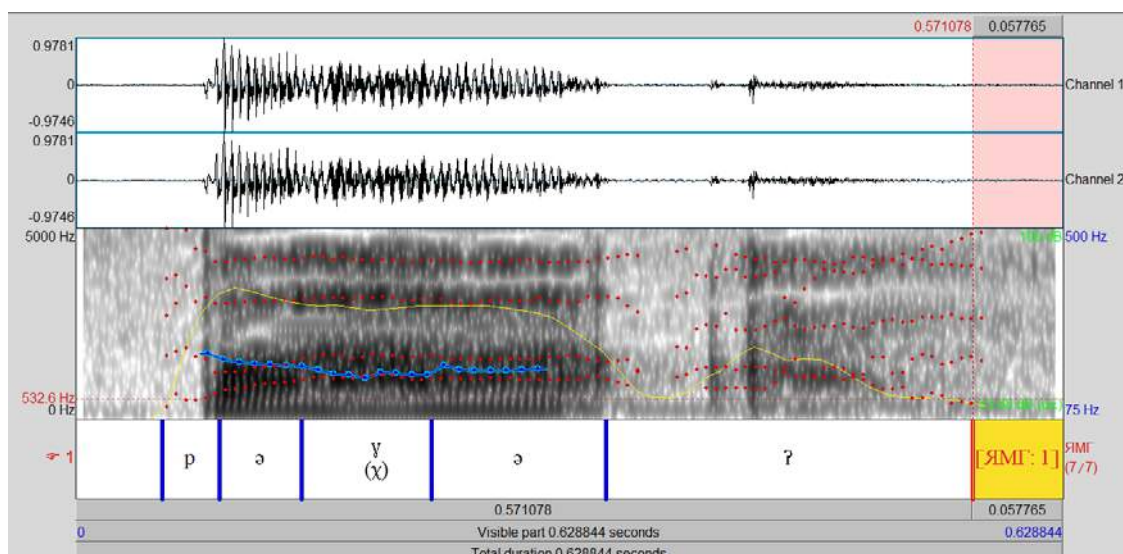
(20Я) Т ямал. [рəуəʔ] [OXX: 2]

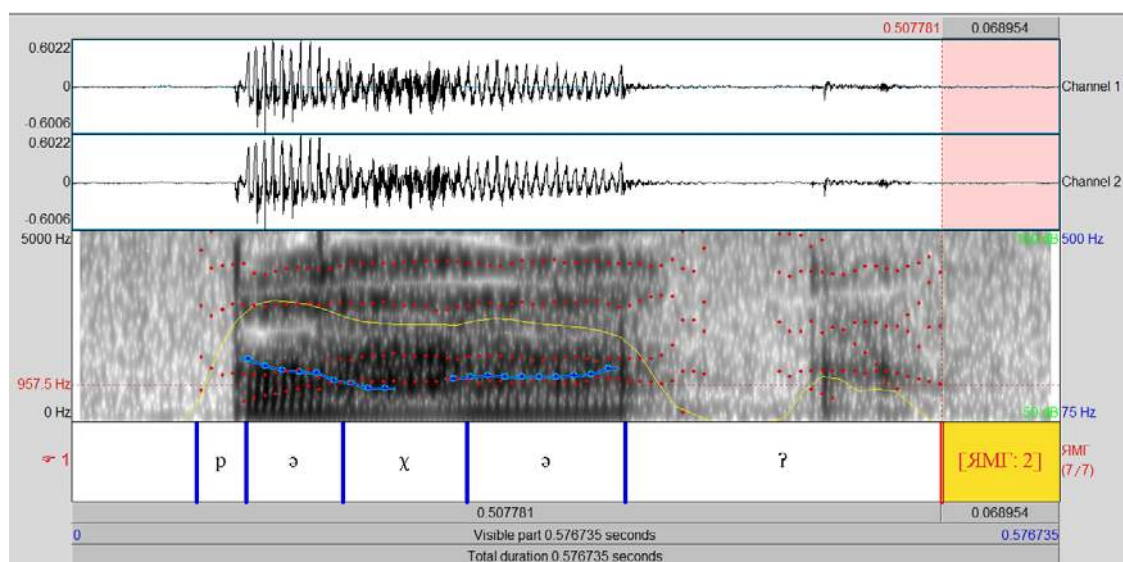
(20Я) Т ямал. [рəхəʔ] [OXX: 3]

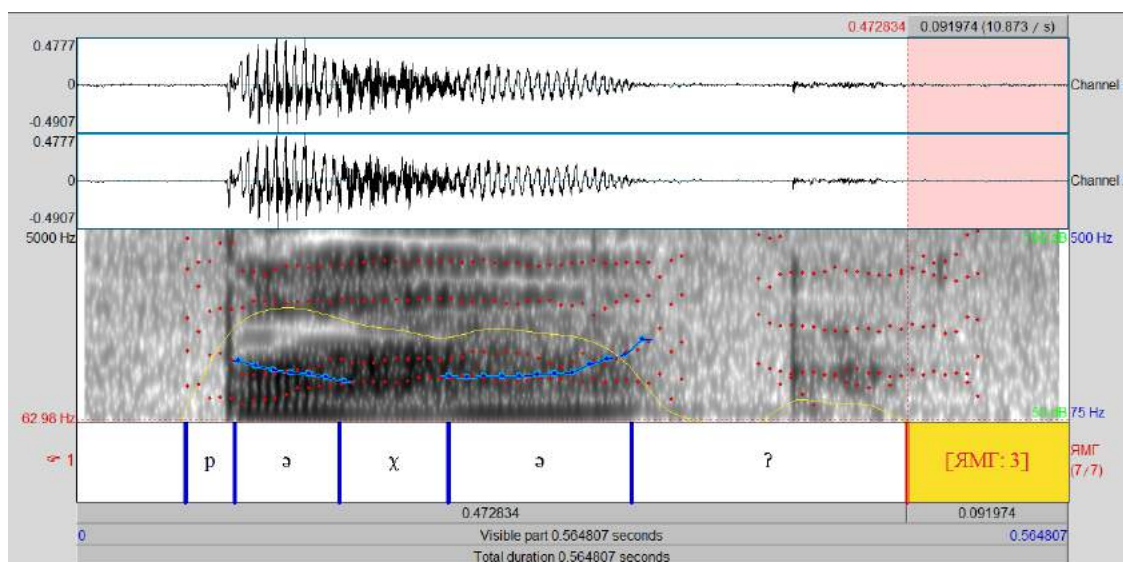
(20Я) Т ямал. [р'эуэ²] [ЯМГ: 1]

(20Я) Т ямал. [р'эхэ²] [ЯМГ: 2]

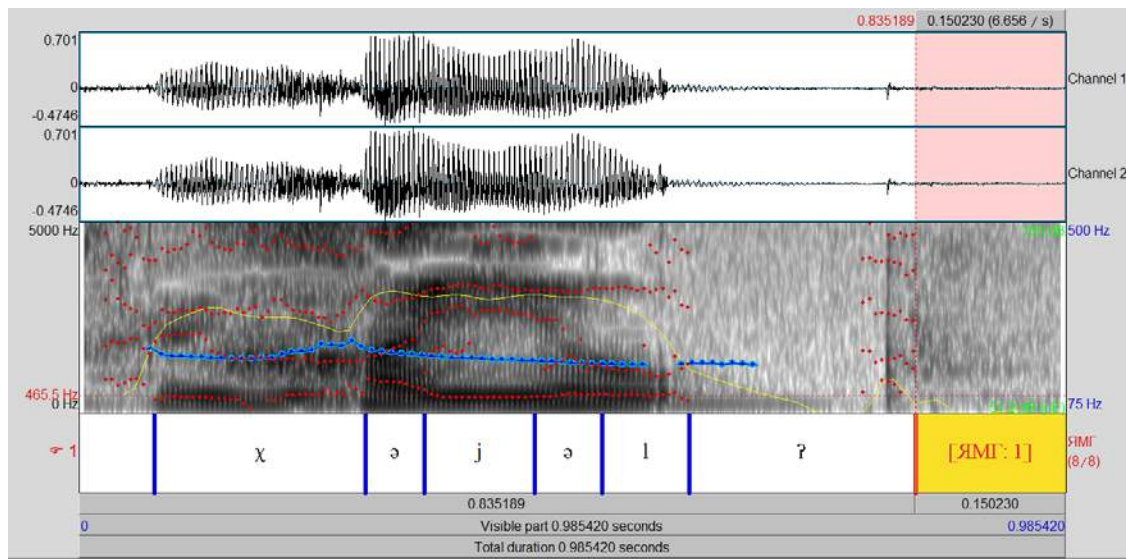

(20Я) Т ямал. [р'эхэ²] [ЯМГ: 3]

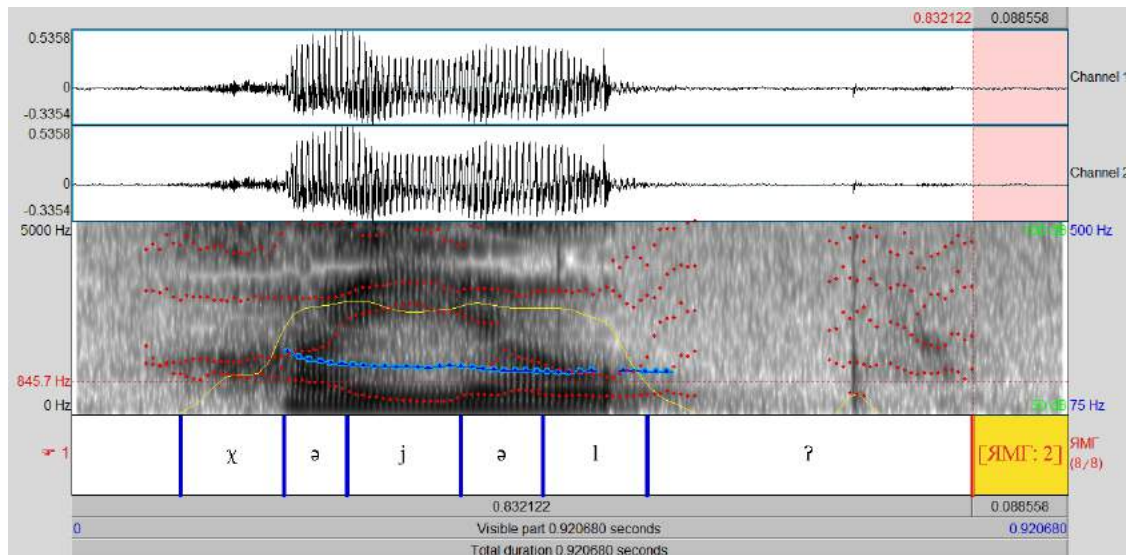

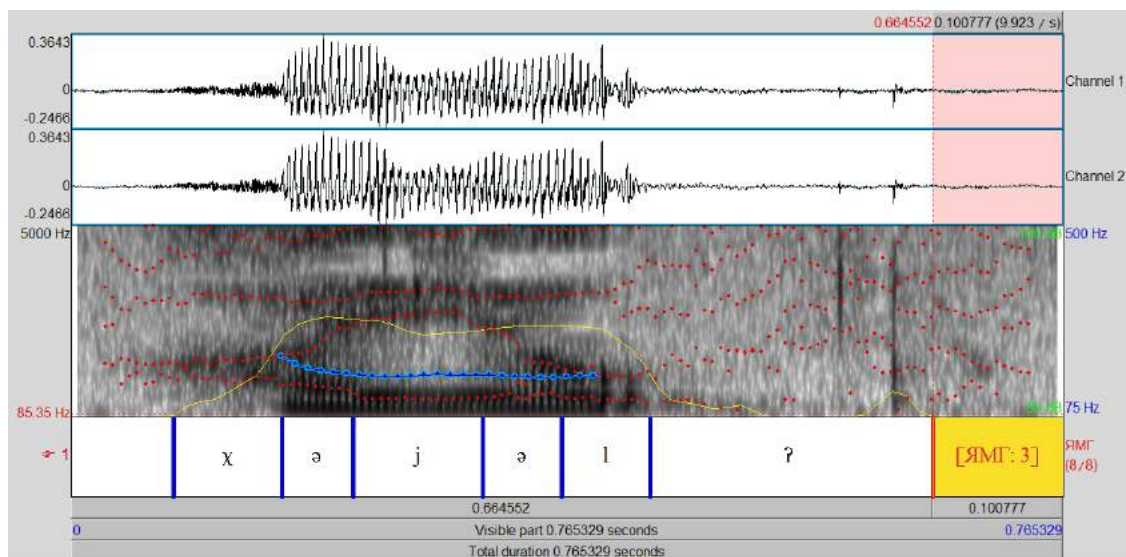
(21Я) Т ямал. [χəjəlʔ] χəjəlʔ (χəjəlʔ) [ЯМГ: 1]

(21Я) Т ямал. [χəjəlʔ] χəjəlʔ (χəjəlʔ) [ЯМГ: 2]

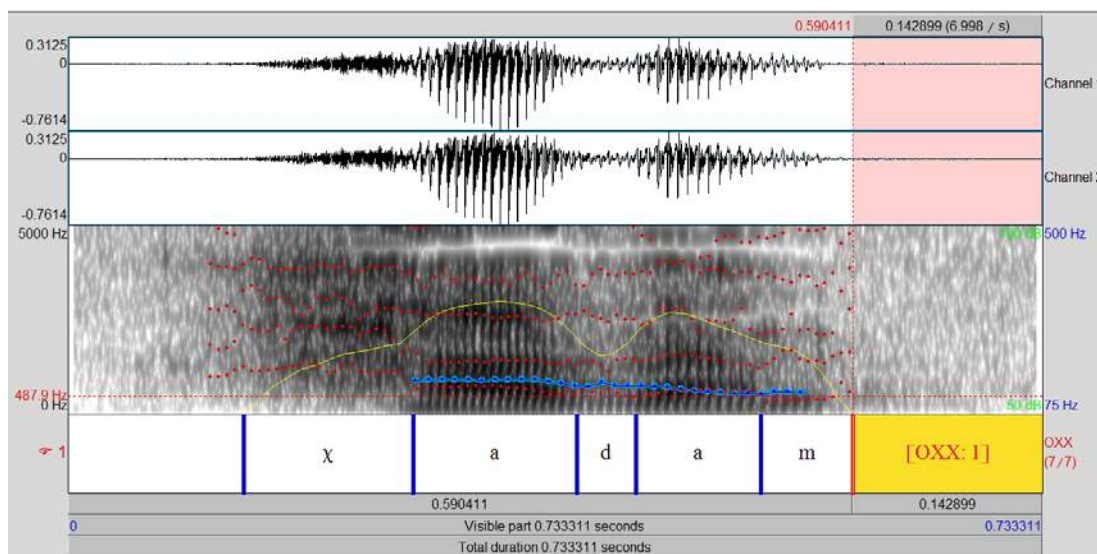

(21Я) Т ямал. [χəjəlʔ] χəjəlʔ (χəjəlʔ) [ЯМГ: 3]

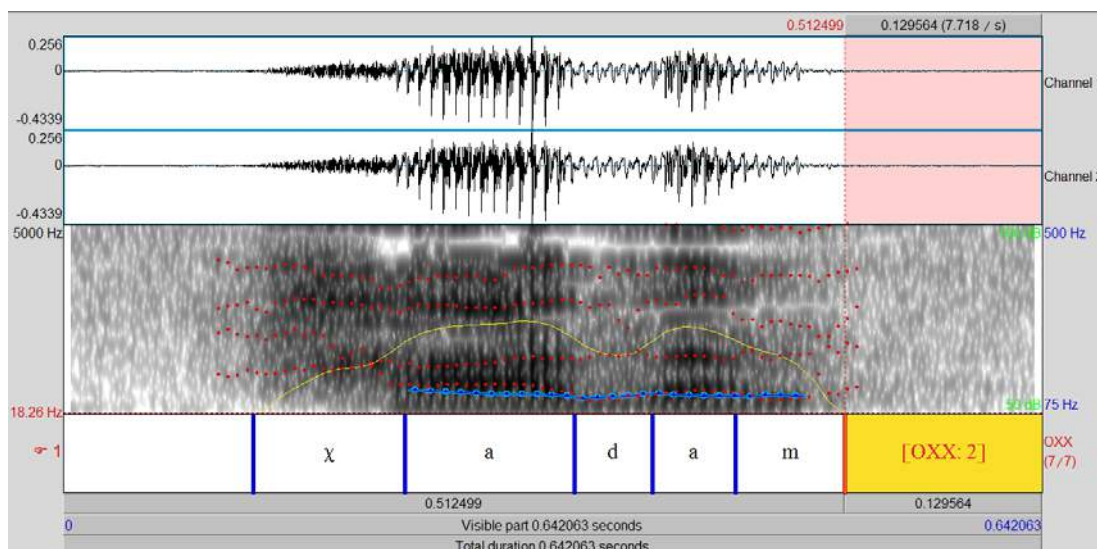

Приложение 2

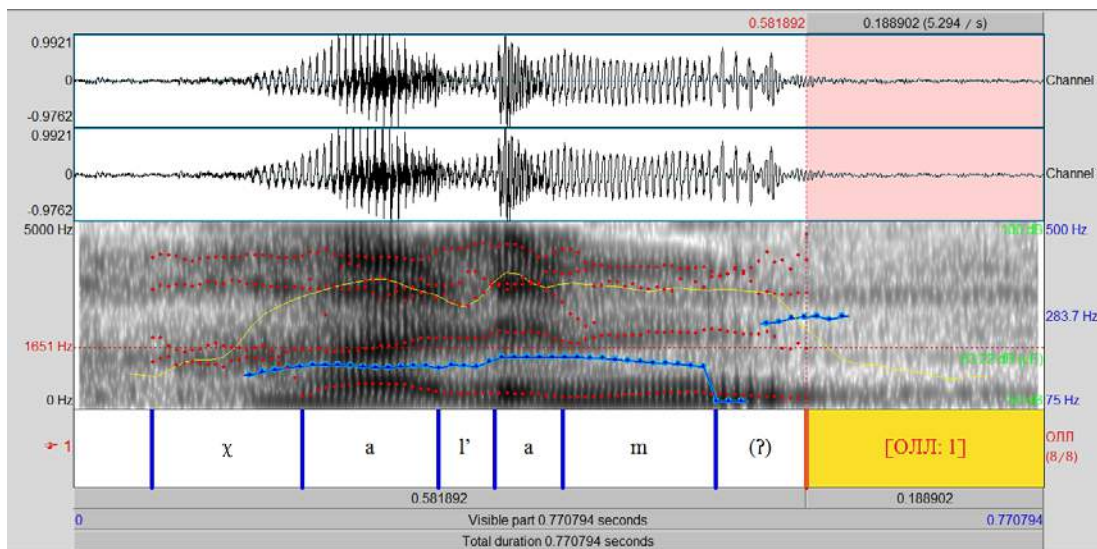
(2Я') Т ямал. [χáðm] χada-m(?) [ОХХ: 1]

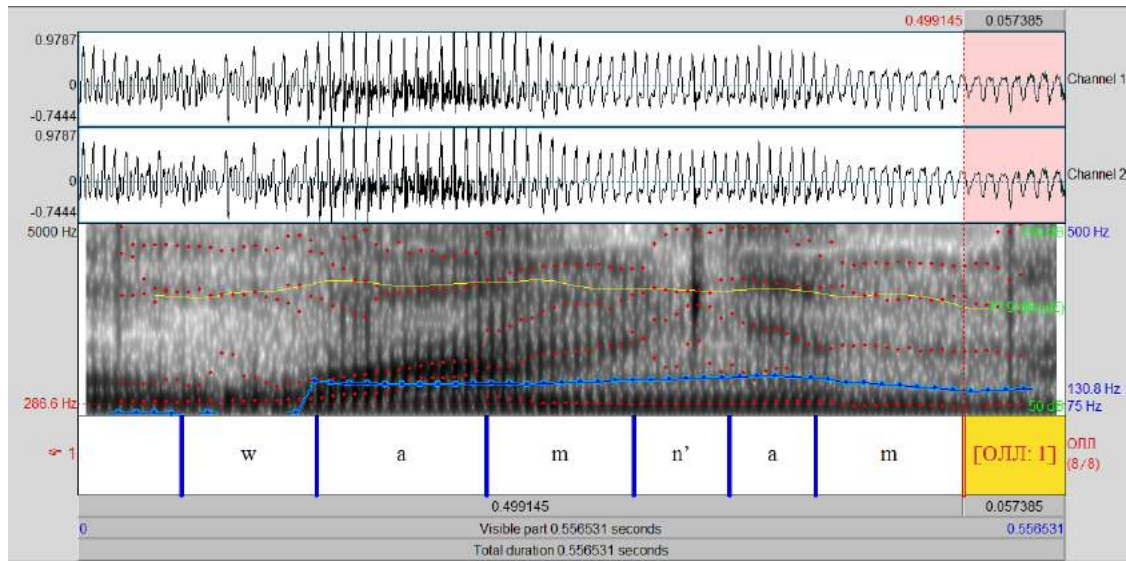
(2Я') Т ямал. [χáðm] χada-m(?) [ОХХ: 2]

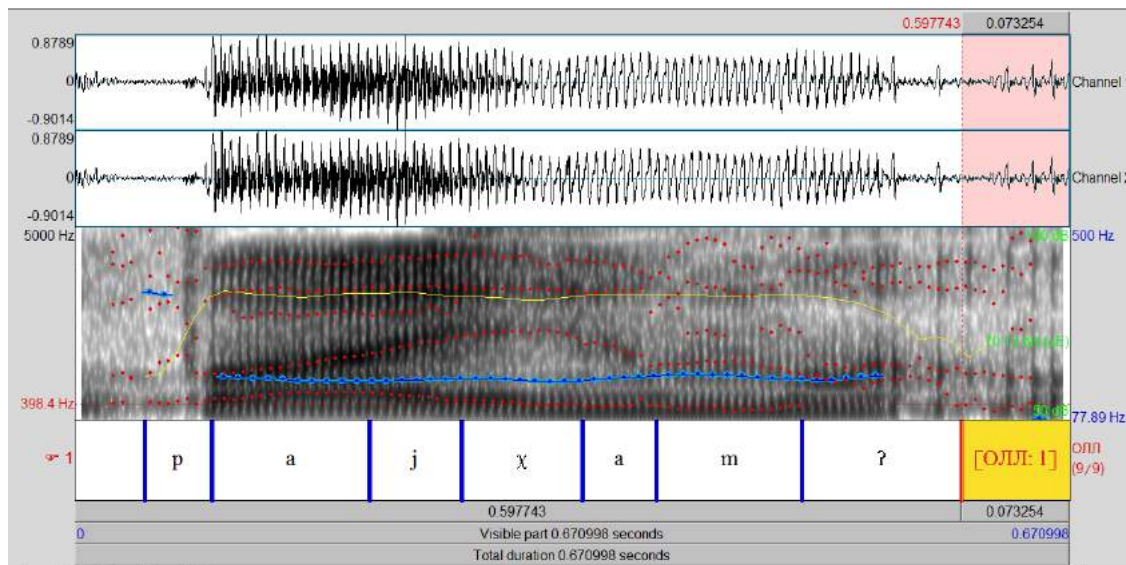
(3Я') Т ямал. [χáɫm?] χal'a-m(?) [ОЛЛ: 1]

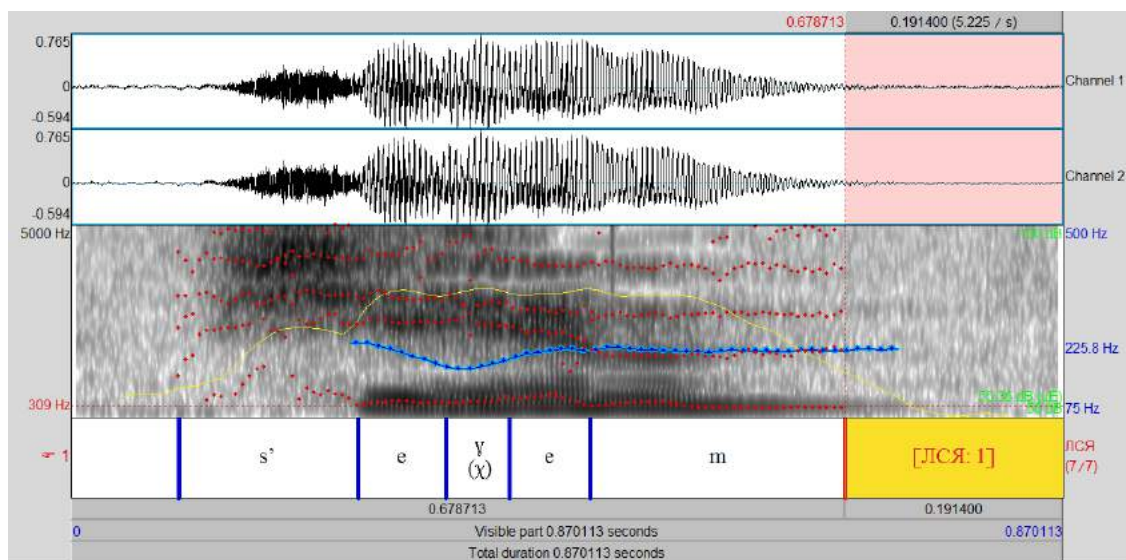
(11Я') Т ямал. [wámɲɔm] wamɲ'a-m(?) [ОЛЛ: 1]

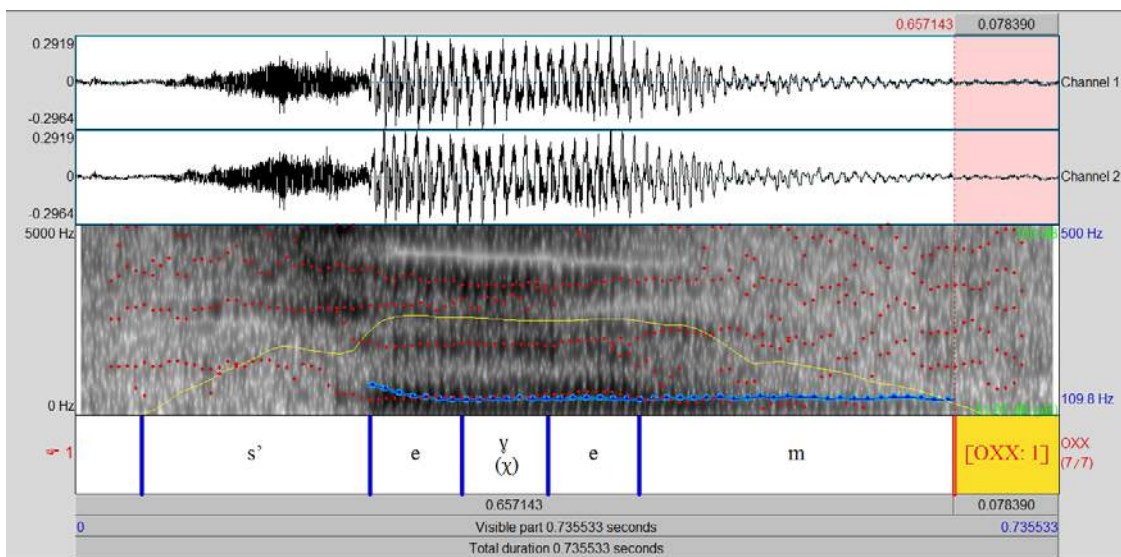
(12Я') Т ямал. [rájʊɔmʔ] rajɕa-m(?) (raj°ɕa-m(?)) [ОЛЛ: 1]

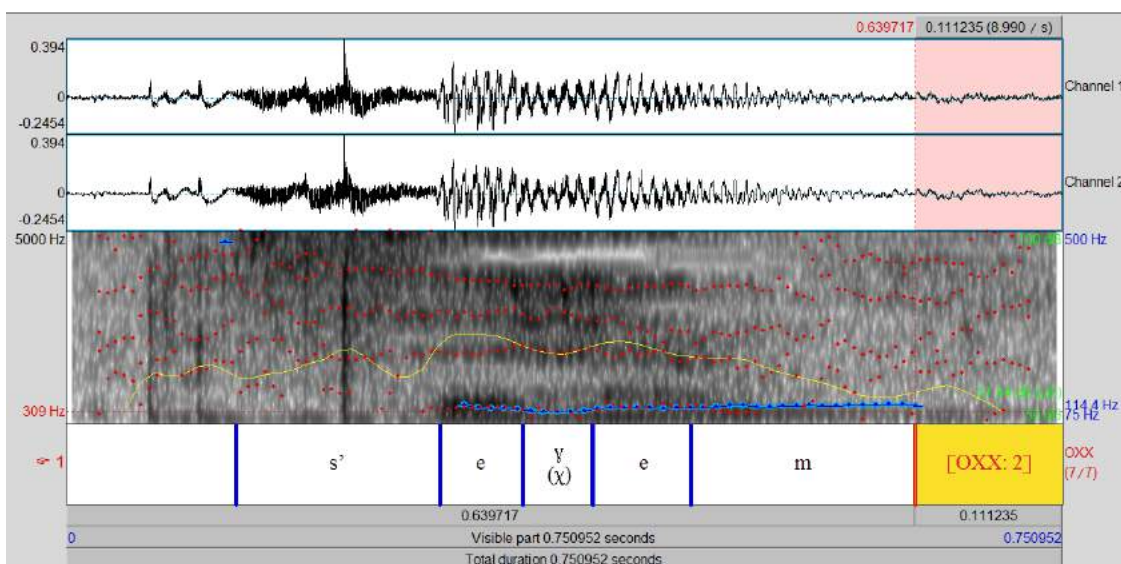
(14Я') Т ямал. [s'ɛʊem] [ЛСЯ: 1]

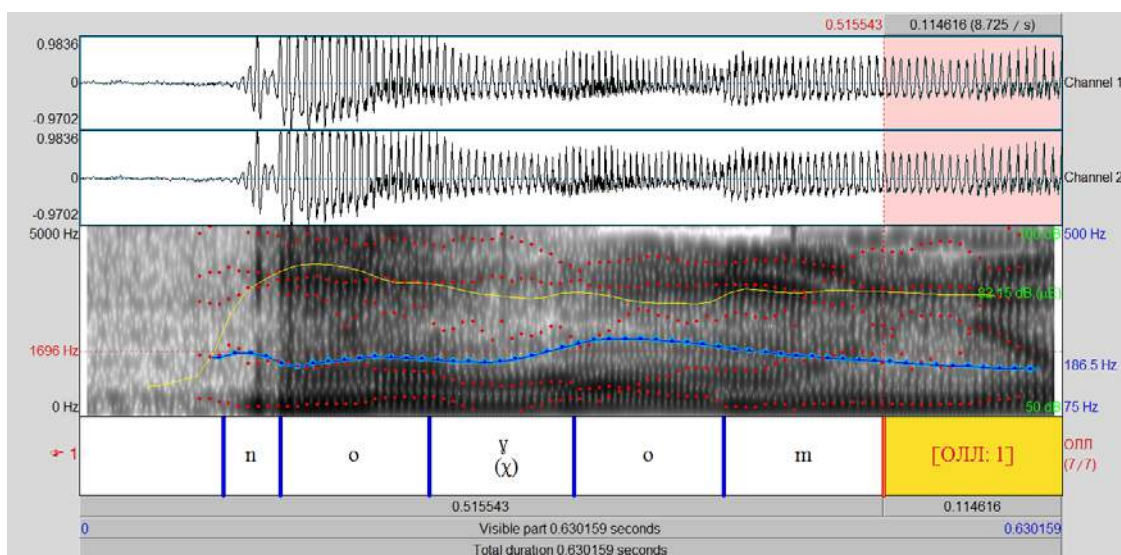
(14Я') Т ямал. [s'éyem] [OXX: 1]

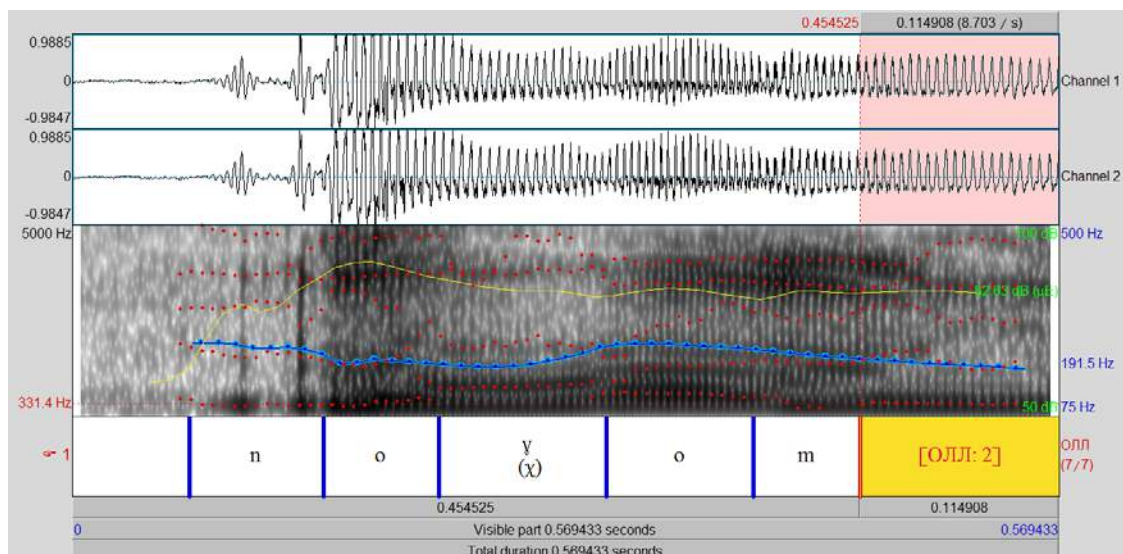
(14Я') Т ямал. [s'éyem] [OXX: 2]

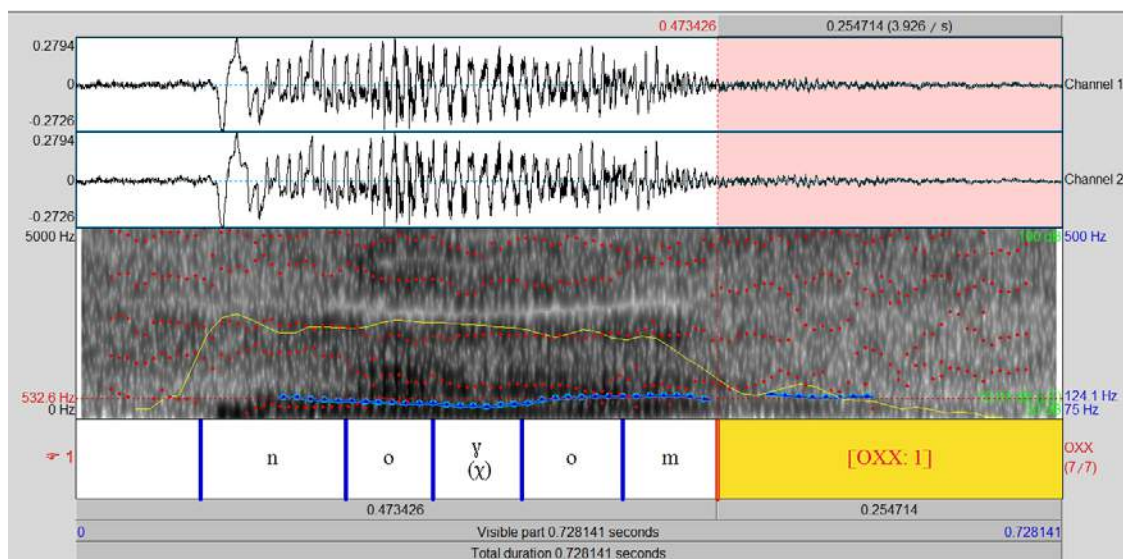
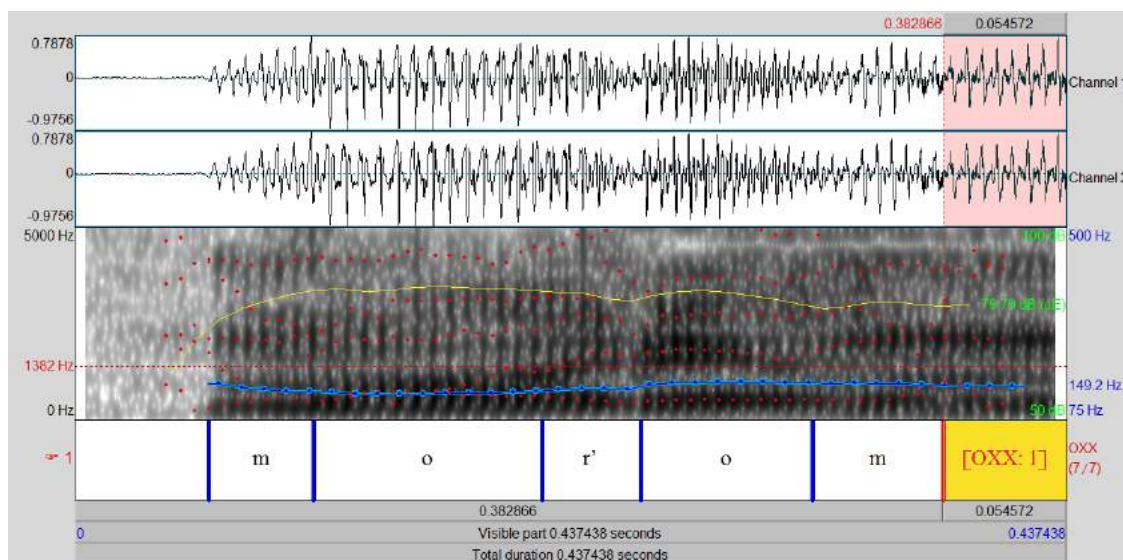
(16Я') Т ямал. [nóyom] [OЛЛ: 1]

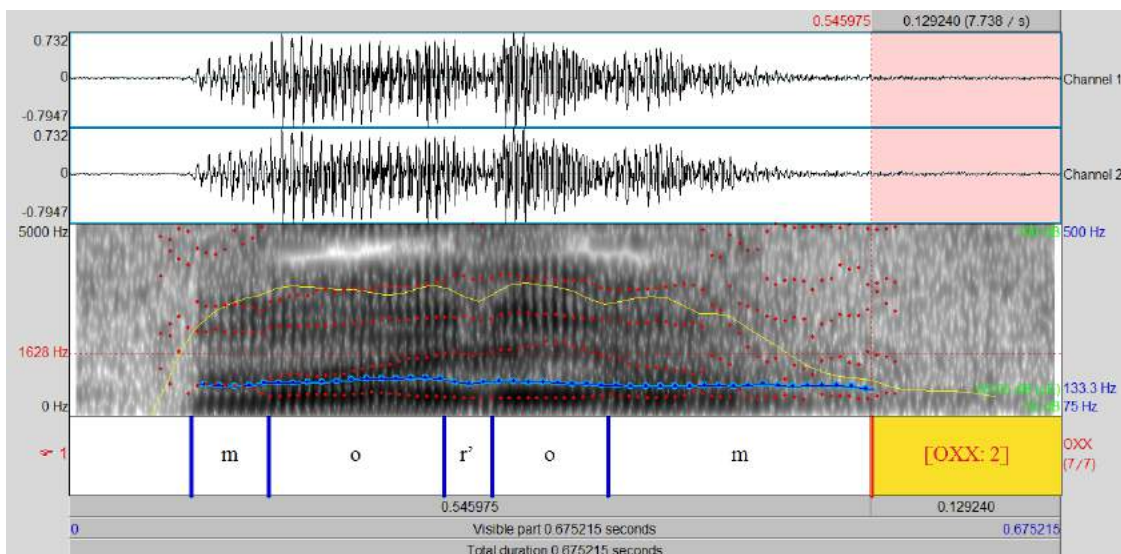
(16Я') Т ямал. [пóуом] [ОЛЛ: 2]

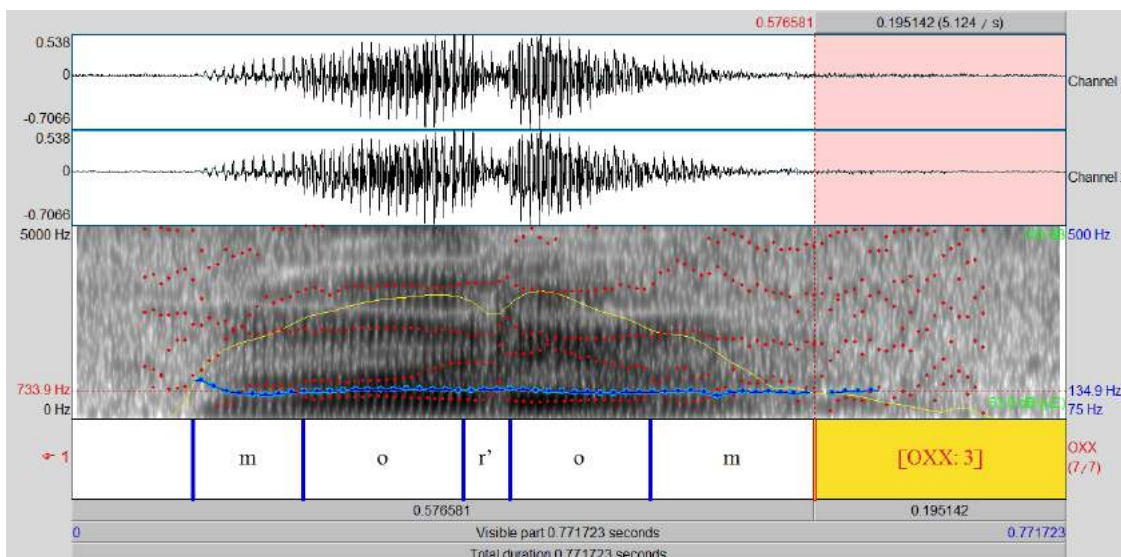
(16Я') Т ямал. [пóуом] [ОХХ: 1]

(17Я') Т ямал. [пóуом] *mor'o-m(?)* [ОХХ: 1]

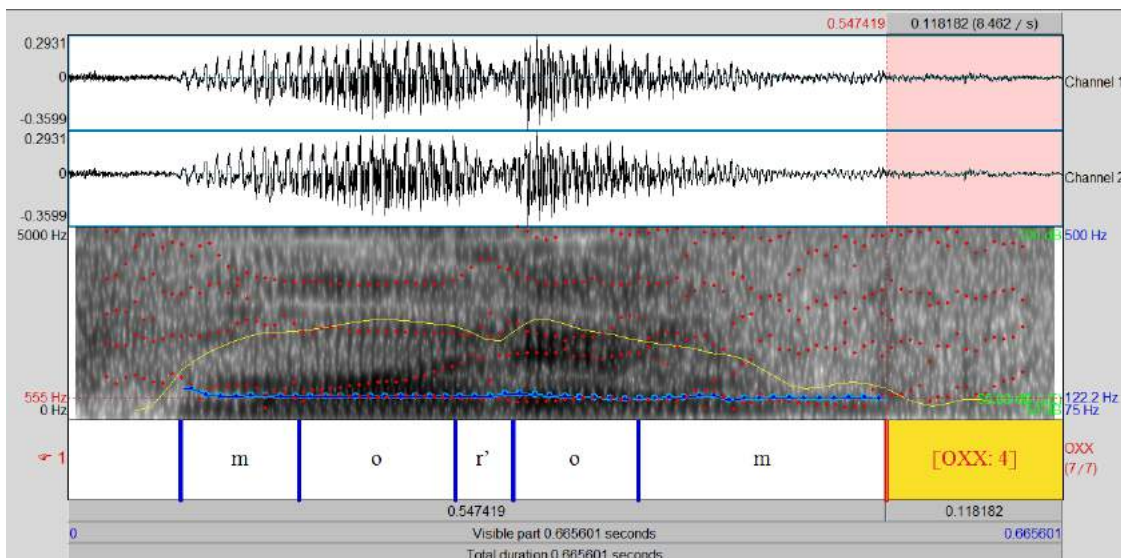
(17Я') Т ямал. [móɽjom] *mor'o-m(?)* [OXX: 2]

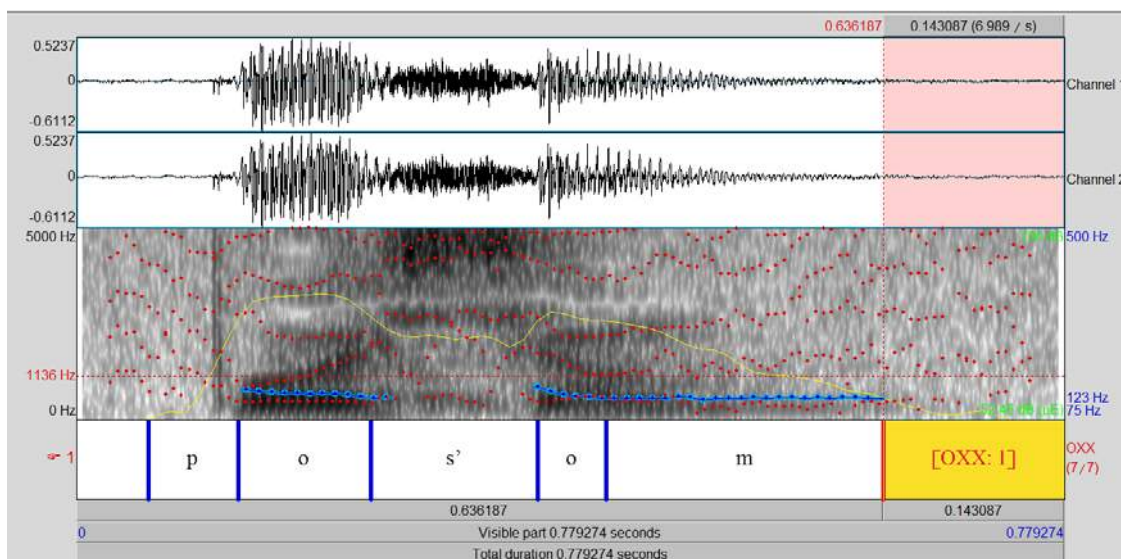
(17Я') Т ямал. [móɽjom] *mor'o-m(?)* [OXX: 3]

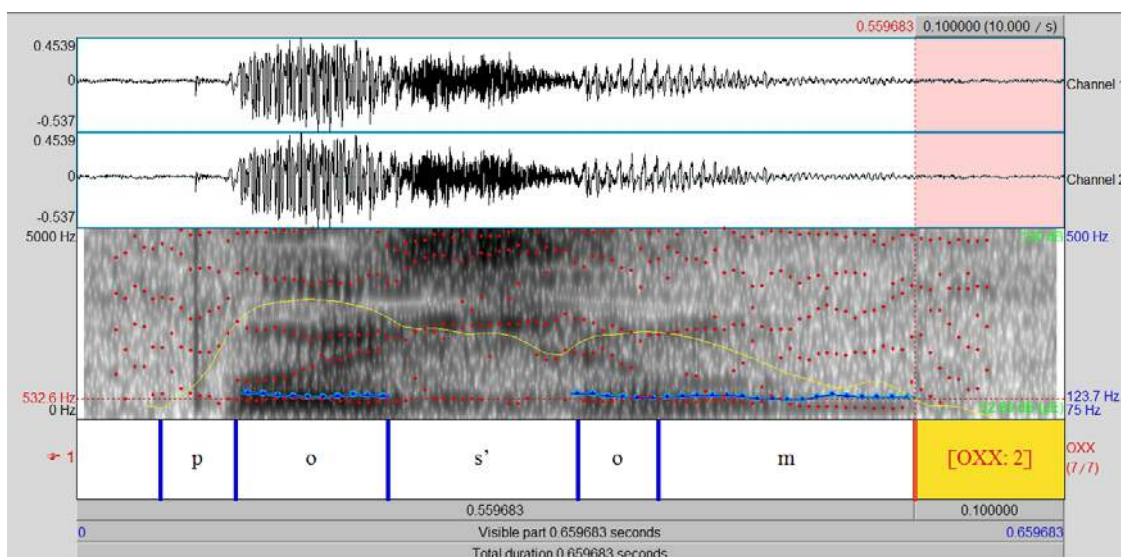
(17Я') Т ямал. [móɽjom] *mor'o-m(?)* [OXX: 4]

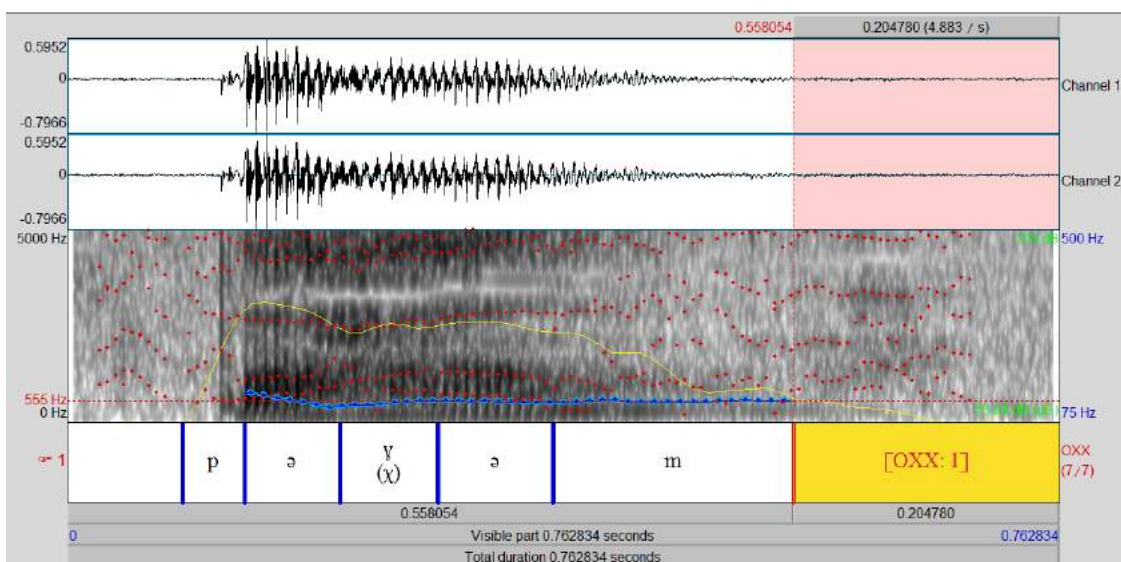
(18Я') Т ямал. [pósiom] pos'o-m(?) [OXX: 1]

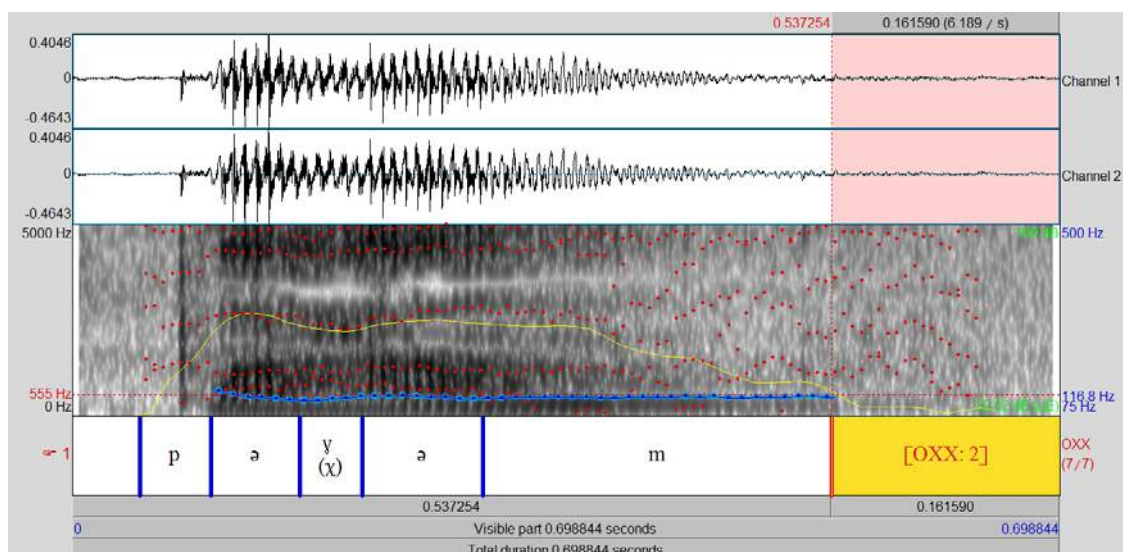
(18Я') Т ямал. [pósiom] pos'o-m(?) [OXX: 2]

(20Я') Т ямал. [póyem] [OXX: 1]

(20Я') Т ямал. [р'эуэм] [ОХХ: 2]

Сокращения

Языки и диалекты

ненец. — ненецкий

Л — лесной ненецкий

Kis. — говор по р. Киселёвская (идиолект *k̄l'l'əz βīɛn-ŋam̄ʂʂp*) [Lehtisalo 1956]Kis₂ — говор по р. Киселёвская (идиолект *jennä³kk̄ ḡāḡann̄j*) [Lehtisalo 1956]Lj. — ляминский говор (идиолект *jīʂʂu n'ē³tʂu*) [Lehtisalo 1956]Lj₂ — ляминский говор (идиолект Андрея *ḡāḡann̄j*) [Lehtisalo 1956]Ni. — говор по реке *n⁷t'ʂe''ej* [Lehtisalo 1956]

Nj. — нялинский говор [Lehtisalo 1956]

P — пуровский говор (идиолект *βāʂʂəp ḡāḡiββāʂetp*) [Lehtisalo 1956]P₂ — пуровский говор (идиолект *ʂl̄m̄yk ḡāḡiββāʂetp*) [Lehtisalo 1956]

S — говор по р. Сахалинская [Lehtisalo 1956]

Т — тундровый ненецкий

б.-з. — большеземельский диалект

I — ижемский говор (идиолект носителя, жившего в населенном пункте Ижма) [Lehtisalo 1956]

K — колвинский говор (идиолект носителя, жившего в населенном пункте Колва) [Lehtisalo 1956]

Sj. — говор по реке *ʂ'òìðp* (Полярный Урал) [Lehtisalo 1956]

U — устьинский (пустозерский) говор [Lehtisalo 1956]

вост. — восточные диалекты

надым. — надымский диалект

приур. — приуральский диалект

таз. — тазовский диалект

T₁ — говор района Тазовской губы (идиолект Ивана Хаби) [Lehtisalo 1956]T₂ — говор района Тазовской губы (идиолект *n'ēmB⁷āðp ʂāb̄j*) [Lehtisalo 1956]T₃ — идиолект Василия Тёра [Lehtisalo 1956]T₄ — говор района Тазовской губы (идиолект *māʂʂ'ērū βāḡḡā*) [Lehtisalo 1956]T₇ — говор по р. Таз (идиолект *βāk t'õr*) [Lehtisalo 1956]T₉ — говор района Тазовской губы (фольклорные тексты) [Lehtisalo 1956]

тайм. — таймырский (енисейский) диалект

T₅ — говор по р. Енисей [Lehtisalo 1956]

ям. (= ямал.) — ямальский диалект

O (= O₁) — обдорский говор (идиолект Максима Ядопцева, Maxim Jadoptsew) [Lehtisalo 1956]O₂ — обдорский говор (идиолект Константина Тохо, Konstantin Toho) [Lehtisalo 1956]OD — говор района Обской губы (идиолект *χā⁶t'ēβāi¹i χūd'e³*) [Lehtisalo 1956]

OP — говор нижней Оби (идиолект Матвея Ядне, Matwei Jadnje) [Lehtisalo 1956]

зап. — западные диалекты

крайне-зап. — крайнезападные диалекты

кан. (= канин.) — канинский диалект

М — мезенский говор [Lehtisalo 1956]

МВ — идиолект Катерины Выучейской (?) [Lehtisalo 1956]

N — говор с. Несь [Lehtisalo 1956]

Sjo. — сёмжинский говор [Lehtisalo 1956]

м.-з. — малоземельский диалект

Oks. — оксинский говор [Lehtisalo 1956]

U-Ts. — идиолект Ofimja $\zeta\delta B^{\Gamma} al' \dot{\iota} \beta$ [Lehtisalo 1956]

ПС — прасамодийский

рус. — русский (= russ. [Lehtisalo 1956])

ПСС — прасеверносамодийский

хант. — хантыйский (= ostj. [Lehtisalo 1956])

Информанты

ЛСЯ — Лаптандер Софья Яхочевна, 1968 г. р. (род. в Тамбейской тундре; 10 кл., незаконч. сред. спец. образ. — музыкальное училище; швея; до 1994 г. жила в Тамбейской тундре, с 1994 г. живет в с. Сё-Яха)

ОЛЛ — Окотэтто Людмила Лаулевна, 1978 г. р. (род. в Яптиксалинской тундре; 9 кл., сред. спец. образ. — зоотехник; до 2000-х гг. жила в Яптиксалинской тундре, с 2000-х гг. живет в с. Сё-Яха)

ОТО — Окотэтто Тамара Очевна, 1943 г. р. (род. в Сёяхинской тундре; 4 кл.; зверовод; постоянно живет в с. Сё-Яха)

ОХХ — Окотэтто Хадри Хаволэвич (Артем Игоревич), 1992 г. р. (урож. Тамбейской тундры; 11 кл.)

ЯМГ — Яунгад (урожд. Тусида) Мельне Григорьевна, 1979 г. р. (род. в Тамбейской тундре; 11 кл.; до 2007 г. жила в Тамбейской тундре, с 2007 г. живет в с. Сё-Яха)

Общие

БГ — безударный гласный

Гц — герц

Д — длительность

Д1 — длительность гласного первого слога

Д2 — длительность гласного второго слога

дБ — децибел

зоол. — зоологическое

И — интенсивность

И1 — интенсивность гласного первого слога

И2 — интенсивность гласного второго слога

инф. — информант

карт. — карточное

мсек. — миллисекунда

отсут. — отсутствует

перен. — переносное значение

ПМАЯ 2010 — полевые материалы автора по ямальскому диалекту тундрового ненецкого языка (ЯНАО, Ямальский район, с. Сё-Яха и Тамбейская тундра; апрель—сентябрь 2010 г.)

придых. — придыхание

произн. — произнесение

сек. — секунда

УГ — ударный гласный

ФС — фонетическое слово

числ. колич. — количественное числительное

ЧОТ — частота основного тона

ЧОТ1 — частота основного тона гласного первого слога

ЧОТ2 — частота основного тона гласного второго слога

этно. — этнографический термин

АСС — аккузатив (винительный падеж)

С — любой согласный

COMP — сравнительная форма

DAT — датив (дательный падеж)

der. — дериват

F1 — первая форманта

F2 — вторая форманта

GEN — генитив (родительный падеж)

korrel. — korrelativ [Janhunen 1977]

LAT — латив (направительный падеж)

N — имя

NOM — номинатив (именительный падеж)

PL — множественное число

POSS — посессивный аффикс

PROS — просекутив (продольный падеж)

SG — единственное число

V — любой гласный

1 — первое лицо

2 — второе лицо

1C — первый слог

2C — второй слог

Литература

Баданова 2007 — Баданова Т. А. Акустические параметры словесного ударения в русском, алтайском и других тюркских языках // <http://www.e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2007/01/15.pdf>, 2007. {Badanova T. A. Acoustic parameters of the lexical stress in Russian, Altaic and other Turkic languages // <http://www.e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2007/01/15.pdf>, 2007.}

Бармич, Вэлло 2002 — *Бармич М. Я., Вэлло И. А.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {*Barmich M. Ja., Vello I. A.* Nenets-Russian and Russian-Nenets Dictionary (Forest dialect): approximately 6500 words. A textbook for elementary school. 2nd ed. SPb., 2002.}

Бондарко 1977 — *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. {*Bondarko L. V.* Acoustic build of the modern Russian language. M., 1977.}

Венцов, Малинникова 1981 — *Венцов А. В., Малинникова Т. Г.* Моделирование субъективного механизма сравнения длительностей // Исследование моделей речеобразования и речевосприятия. Л., 1981. {*Ventsov A. V., Malinnikova T. G.* Modeling the subjective mechanism for comparing durations // Studying the models for speech production and perception. L., 1981.}

Кодзасов 1991 — *Кодзасов С. В.* Пространство просодических возможностей и акцентная эволюция // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика: К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. М., 1991. С. 108—112. {*Kodzasov S. V.* The realm of prosodic possibilities and accent evolution // Slavic studies. Indo-European studies. Nostratic studies: on account of V. A. Dybo's sixtieth birthday. M., 1991. P. 108—112.}

Кодзасов, Кривнова 2001 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001. {*Kodzasov S. V., Krivnova O. F.* General phonetics. M., 2001.}

Кривнова 1991 — *Кривнова О. Ф.* Препаузальное продление гласных в связном тексте // Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара «АРСО—16». М., 1991. С. 153—154. {*Krivnova O. F.* Pre-pausal vowel extension in a coherent text. // Theses for the reports made on All-USSR school-seminar “ARSO—16”. M., 1991. P. 153—154.}

Кривнова 2004 — *Кривнова О. Ф.* Длительность как средство реализации словесного ударения в тексте (сопоставительный анализ разных способов оценки выраженности ударения в слове) // Язык и речь: Проблемы и решения. М., 2004. С. 77—99. {*Krivnova O. F.* Duration as a tool for making a word stress in a text (comparative analysis of different ways to estimate the intensity of stress in a word) // Language and speech: Problems and solutions. M., 2004. P. 77—99.}

ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *Ярцева В. Н.* М., 1990. {Thesaurus of linguistics / Ed. *Jartseva V. N.* M., 1990.}

Попова 1966а — *Попова Я. Н.* Заметки о системе вокализма ямальского диалекта ненецкого языка // Вопросы языка и литературы. Вып. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1966. С. 47—58. {*Popova Ja. N.* Essays on the vocalism system of the Nenets language Yamal dialect // Issues in language and literature. Is. 1. Part 2. Novosibirsk, 1966. P. 47—58.}

Попова 1966б — *Попова Я. Н.* Некоторые особенности системы консонантизма ямальского диалекта ненецкого языка // Вопросы языка и литературы. Вып. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1966. С. 59—68. {*Popova Ja. N.* Some features of the Nenets language Yamal dialect's consonantism system. // Issues in language and literature. Is. 1. Part 2. Novosibirsk, 1966. P. 59—68.}

Попова 1966в — *Попова Я. Н.* Фонетическая система ямальского диалекта ненецкого языка // Тезисы докладов научно-технической конференции молодых ученых и специалистов: Секция «Гуманитарные науки». Новосибирск, 1966. С. 52—54. {*Popova Ja. N.* Phonetic system of the Nenets language Yamal dialect // Theses for the reports made on Scientific and Technical conference of the young scientists and specialists: Humanities section. Novosibirsk, 1966. P. 52—54.}

Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. Szeged, 1978. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1978, 12). {*Popova Ja. N.* Nenets-Russian dictionary: Forest dialect. Szeged, 1978. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1978, 12).}

Терещенко 1956 — *Терещенко Н. М.* Материалы и исследования по языку ненцев. М.—Л., 1956. {*Tereshchenko N. M.* Materials and studies on the Nenets language. M.—L., 1956.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. M., 1965.}

Терещенко 1966 — *Терещенко Н. М.* Ненецкий язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 376—395. {*Tereshchenko N. M.* The Nenets language // Languages of the peoples of the USSR. Vol. 3. Finno-Ugric and Samoyedic languages. M., 1966. P. 376—395.}

Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. SPb., 2008.}

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (= *Castrenianumin toimitteita*, 17.)

Klatt 1976 — *Klatt D.* Linguistic uses of segmental duration in English: Acoustic and perceptual evidence // *Journal of the Acoustical Society of America*. 1976, 59. P. 1208—1221.

Lehiste 1970 — *Lehiste I.* Suprasegmentals. Cambridge, 1970.

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, XIII.)

Salminen 1997 — *Salminen T.* Tundra Nenets inflection // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 227. Helsinki, 1997.

Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998.

Salminen 2007 — *Salminen T.* Notes on Forest Nenets phonology // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 2007. P. 349—372. (= *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 253.)

Staroverov 2006 — *Staroverov P.* Vowel deletion and stress in Tundra Nenets // *Proceedings of the First Central European Student Conference in Linguistics / Ed. Gyuris B.* // http://www.nytud.hu/cescl/proceedings/Peter_Staroverov_CESCL.pdf, 2006.

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье к исследованию привлекаются полевые данные автора, полученные в ходе работы с носителями ямальского диалекта тундрового ненецкого языка в Тамбейской тундре и с. Сё-Яха Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа в апреле—сентябре 2010 г. Данная статья посвящена вопросам супraseгментной фонетики этого диалекта (говора с. Сё-Яха и Тамбейской тундры Ямальского района ЯНАО). В ней выявлены основные и второстепенные акустические корреляты ударения в фонетически двусложных непроеизводных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъёмов, в ямальском диалекте. В статье проанализирована комбинаторика основных и второстепенных акустических коррелятов ударения в ямальском диалекте и представлен вывод, что ударение в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка является экспираторно-квантитативным, т. е. основными акустическими коррелятами словесного акцента являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность) и бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом для маркирования ударного гласного первого слога на первый план выходит экспираторный параметр, а для маркирования ударного гласного второго слога — темпоральный параметр, что связано с общими речевыми тенденциями (длительного произношения конечного открытого слога и более громкого и интенсивного произношения начала фонетического слова по сравнению с его концом соответственно).

SUMMARY

The article takes into account the field data collected by the author during work with native speakers of the Yamal dialect of Tundra Nenets in the Tambey tundra and Syo-Yakha (Yamalsky municipal district, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) in April—September 2010. The article deals with the problems of suprasegmental phonetics of the Yamal dialect (idiom of Syo-Yakha and the Tambey tundra of the Yamalsky municipal district). In it, basic and secondary acoustic correlates of stress (word accent) in the disyllabic underived nouns with homogeneous vocalic structure (with low and middle vowels) in the Yamal dialect are considered. The combinatorics of the primary and secondary acoustic correlates of stress in the Yamal dialect is also considered and the conclusion is made that the word accent in the Yamal dialect is expiratory and quantitative, i. e. the main acoustic correlates of stress are temporal marking and expiratory marking of a stressed vowel compared with the unstressed. While marking of a stressed vowel of the first syllable is mainly based on the expiratory emphasis, marking of a stressed vowel of the second syllable is based on the temporal emphasis, and that is explained by the general language tendencies (long pronunciation of the final open syllable and more loud and intense pronunciation of the beginning of a phonetic word compared with the end).

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, ямальский диалект, ударение, словесный акцент, акустические корреляты ударения

Keywords: Tundra Nenets, the Yamal dialect, stress, word accent, acoustic correlates of stress

Амелина Мария Константиновна, Институт языкознания РАН (Москва); neamelina@gmail.com

Maria K. Amelina, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); neamelina@gmail.com

Надписи и тамги горы Дэл-ула (к речевым и культурным особенностям Центральной Монголии в VIII—X вв.)

Тюркологической наукой надежно установлено существование особой формы письменной речи, общей для азиатских рунических памятников. Этот ранний литературный язык, так называемое руническое койне, отличается обработанностью (отчетливый наддиалектный характер, полученный сплавом нескольких морфологических начал и строгой фонетической нормированности, богатая и устойчивая фразеологическая формульность, функционально-стилистическая вариативность и др.) [Тенишев 1976а, 1976б, 1979, 1983, 1988; 2005: 78—91; 2006а: 36—52, 178—186, 203—217; 2006б: 151—160; 2011: 155—159]. Тем самым, при проведении исторических исследований в языкознании следует ясно осознавать: рунические надписи отражают правильную межнациональную речь образованного сословия раннего средневековья и этим противостоят разговорным народным языкам того времени. Прямое сопоставление письменной речи, зафиксированной руническими памятниками, с любым живым разговорным языком наших дней способно выявить, прежде всего, лишь общее типологическое сходство тюркских языков как таковых.

Однако в единый литературный язык памятников рунической письменности иной раз все же попадали местные особенности и диалектизмы, свойственные устной речи раннесредневековых писарей. Выявление таких черт разговорных языков и их анализ составляет самостоятельную задачу тюркской рунологии в целом и ее отдельных отраслей в частности. Работа над этим проводилась и проводится [Древние тюркские диалекты 1971; Тенишев 1976а; 2006б: 151—160; Кызласов 2003а, 2003б, 2015]. Новые находки продолжают пополнять наши знания в этой важной области. Быть может, особенно интересны и важны здесь лишённые эпитафийной каноничности наскальные рунические надписи, представляющие одну из областей хотя и сакрального, но массового применения письма.

В 1987 г. в пади Баруун Билун горы Дэл-ула (Ульзийт сомон Среднегобийского аймака) сотрудники Института истории Академии наук Монголии Д. Хуухэнбаатар и Т. Санжмятав обнаружили расположенные на одной скальной поверхности изображения, многочисленные тамги и две рунические надписи. В 1995 г. воспроизведение письменного памятника было издано в монографии Т. Санжмятава (недоступной для меня). В том же 1995 г. граффити были скопированы студентом-историком Монгольского госуниверситета Ю. Болдбаатаром, а в 1997 г. им же опубликованы в хорошей прорисовке. В том же и следующем году две работы этому руническому памятнику посвятил Ц. Баттулга (обе публикации остаются мне неизвестными). Оправданное стремление ввести новые надписи в широкий научный оборот побудило Ю. Болдбаатара прислать отгиску своей публикации и хорошие фотоснимки надписей автору этих строк. Результатом стала предварительная публикация нового варианта прочтения надписей Дэл-ула I и II [Кызласов 1999а: 183—184]. Вскоре историю обнаружения и издания строк Дэл-ула, их автографию (в четыре строки), транслитерацию, прочтение и перевод на казахский язык обнародовал Н. Базылхан [Базылханулы 2000: 74—76]. Из его статьи мною и почерпнуты ныне сведения по монгольской части библиографии предмета исследования. В 2004 г. вышла моя подробная разработка начертаний горы Дэл-ула, основанная только на предоставленных к тому времени данных Ю. Болдбаатара [Кызласов 2004а].

Исследование Ю. Болдбаатара [Болдбаатар 1997: 26—36] проведено наиболее подробно. Надписи воспроизведены в нем точным руническим набором, предложены их прочтение (транскрипция) и перевод на русский язык, а также подробный палеографический, лексический и исторический комментарий. Произведен и сравнительный анализ близлежащих тамговых знаков. Нельзя не отметить, что молодой ученый применил правильный и хорошо отработанный им подход к древнему письменному памятнику.

Обе надписи читаются Ю. Болдбаатаром как связанный текст: (I) *tjirik(a)n(i)m : ig (ä)t(ü)k(ä)n : buŋ(a)k j(o)k* (II) *(ä)lig (ä)r (a)b(i)či : t(ü)l(ü)k : (a)č j(a) (a)lp(i)n : (a)ltim(i)s kul(a)n öl(ü)rtim : (a)li t(ä)g t(ä)bi öl(ü)rt(i)m : jig(ä)rmi böri öl(ü)rt(i)m* '(I) Хан Небо и гений (дух) Этюкен без скорби (сделайте). (II) Хозяин улуса муж Абичи, величественный, Меткий богатырь Хорчи (стрелок) убили шестьдесят куланов, бурого горного козла, дикого верблюда и двадцать волков'.

Сходным образом воспринимает две надписи как единый текст и Н. Базылхан. Следует заметить, что, предлагая иную транслитерацию и транскрипцию ряда мест, этот исследователь не во всем следует собственной вполне точной автографии рунических знаков [Базылханулы 2000: 75]: (I) *t(e)ŋri q(a)n(i)m a ig (ö)tük(e)n a buŋ(i)m joq a* (II) *(e)lik (e)r b(a)ši a tuluq a (ü)č (a)j (a)lp(i)n a (a)ltm(i)š qul(a)n öl(ü)rtim a (a)li t(e)g(i) t(e)bi öl(ü)rt(i)m a j(e)g(i)rmi böri öl(ü)rt(i)m a*. Предложенный Н. Базылханом перевод приво-

дить не буду: для казахского текста мне не достает шрифтов, изложение по-русски неизбежно станет истолкованием. Чтение надписей Дэл-ула монгольским и казахским тюркологами следует сравнивать не столько друг с другом, сколько с самими руническими надписями (Рис. 1—3). Мое понимание камнеписных строк горы Дэл-ула отличается от мнения этих исследователей.

Судя по фотографиям, раннесредневековые тамги и надписи (а ранее их всех — антропоморфные фигуры) были нанесены не на отвесную скалу, а на плоский выход сланцевой породы, едва возвышающийся над поверхностью. Подобное размещение рисунков и надписей не характерно для Южной Сибири, но вполне обычно для Северо-Западной Монголии (см., например, [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj 2001, v. II]) и прилегающей части Горного Алтая, известно в южном Казахстане (Тамгалы, Арпаузен, Кульжабасы) и в Киргизии на Тянь-Шане (Саймалы-Таш, Чолпон-Ата) [Tashbayeva 2001: fig. 1, 41, 45, 56, 63, foto 1, 3, 5—8; Памятники 2004: 43, ф. 4, 2, 5, 48, ф. 5, 2, 88, ф. 8, 3, 122, ф. 14, 1, 2]. В нашем случае люди подходили к камню с двух сторон и, соответственно, по-разному ориентировали изображения и знаки.

Взаимное размещение этих изображений и знаков на плоскости свидетельствует о том, что рунические строки нанесены здесь позднее и рисунков, и тамговых отметок. Первая короткая надпись вырезана на краю справа, когда поверхность камня уже была занята петроглифами. Вторая длинная строка поворачивается направо, уклоняясь от стреловидных фигур, измельчается в средней части, чтобы миновать угловатую тамгу, и обходит выбитую фигуру лучника (Рис. 1).

Учитывая редкость улан-баторского издания, воспроизвожу помещенную в нем прорисовку этого камня (Рис. 2). Должен сказать, что перед нами копия, не тождественная камнеписному памятнику. Сравнение с фотоснимками выявляет условность размещения на рисунке составляющих писаницу частей (прежде всего тамг, а также рисунков и надписей). Сами же знаки (и тамги, и рунические буквы) переданы Ю. Болдбаатаром довольно точно. На фотоснимках, они, судя по всему, чем-то тонированы.

1. Надпись Дэл-ула II

Строка состоит из 63 хорошо сохранившихся знаков и читается справа налево. Для удобства обсуждения предлагаемого прочтения в транскрипцию введены порядковые номера рунических букв.

Транскрипция¹:

(e)lig (er) b5(a)šī {a} tū10 (a)lqu {a} (a)č[a] (a)j15(i)l(i)p(a)n {a} (a)l20tim(i)š q25ul(a)n ö130(ü)rtim {a}35 j(?)iti t40(e)bā ö1(ü)r45t(i)m {a} j(e)g50(i)rmi bō55ri ö1(ü)r60t(i)m {a}

Перевод:

Предводителем пятидесяти воинов все полностью и откровенно рассказано: «Шестьдесят куланов я убил, семь (?) верблюдов я убил, двадцать волков я убил».

Разбор.

1—7. Слово *er* в значении ‘воин’ хорошо известно в эпоху рунического письма [Кызласов 1996а: 82—84]. Насколько знаю, полусотня как отдельное воинское подразделение здесь впервые упоминается в памятнике рунического письма². Названный в надписи командир был профессиональным воином среднего ранга.

8, 13, 19, 35, 48, 63. В этих случаях руна *a / ä* не имеет звукового значения, она последовательно выполняет роль словоразделительной отметки (обособляя словосочетания) и знака окончания надписи. Эта

¹ В транскрипции две подчеркнутые буквы передают один рунический знак.

² Деление на пятьдесят воинов на Дальнем Востоке, вероятно, связано с системой управления страной через каждые пять дворов. Позднее рассматриваемого времени войсковые пятерки, например, составляли десятки и сотни у чжурчжэней в XI в. В источнике читаем: «Группа в пятьдесят человек образовывала самостоятельный отряд» [Кычанов 1966: 276, 278]. Не берясь за решение вопроса, замечу, что в последующие века, возможно, не без воздействия чжурчжэньских традиций на устройство монгольской армии, «у монголов было тяготение к цифрам 50, 500, — передавшееся, очевидно, через татар и Московскую Русь: в стрелецком войске — еще в конце XVII в. — были и пятидесятник, и пятисотный». Однако явление в целом не приходится связывать лишь с монгольской эпохой и государственностью. К XI в. такое войсковое членение существовало у сырдарьинских огузов, поскольку сельджуки принесли его в Малую Азию, с начальниками-пятидесятниками (элли баши, накиб). Отряды по 50 человек еще в XVIII в. имели здесь отдельные знамена. В XIX в. войсковые пятидесятники-пянжабаши были и в Бухаре. Тем самым, с давних времен и в разных землях «организация воинских частей в Азии исходила часто из числа 50». Вместе со всем этим, нельзя не принять во внимание, что, по мысли исследователя, «на какой-то ступени у тюрков была пятидесятиричная система, сложившаяся под посторонним, восточно-азиатским, влиянием» [Гордлевский 1945: 139, 142]. Лежит ли здесь разрешение вопроса? Дело за будущими разработками.

особенность письма хорошо известна в енисейских надписях Русского и Монгольского Алтая и служит их отличительным палеографическим признаком.

9—12. Первое (*tii*) и второе (*alqu*) слова близки по значению: ‘весь, каждый, всякий’. Поскольку *alqu* может выступать в качестве существительного [ДТС 1969: 39, 594], все выражение допустимо рассматривать как парное словосочетание.

14—18. Вновь парное словосочетание, состоящее из глагольных основ: *ač-* ‘открывать, разъяснять, доверить’ и *aj-* ‘рассказывать, толковать’. Первое слово обычно входит в устойчивое выражение в форме деепричастия относительного времени сопровождения [ДТС 1969: 3, 25, 29], показатель которого (*-a*) в нашем случае пропущен писавшим. Второе слово — деепричастие относительного времени предшествования, образованное с помощью аффикса *-ipan* от глагола в страдательном залоге (*ajil-*).

Три последующие части надписи (20—34, 36—47, 49—62) передают прямую речь и содержат перечень охотничьей добычи. Построены они одинаково: числительное — существительное — глагол *öl-* в побудительном залоге (*-ür-*), прошедшем времени 1-го лица ед. числа (*-tim*). Благодаря этому и равносложности каждой из частей (имеющих по 8 слогов), они воспринимаются как рефрен общепринятой фольклорной повествовательной формы.

20—24. Привлекает внимание совершенно ясное написание здесь числительного ‘шестьдесят’ не в виде привычного *altmiš*, а как трехсложного слова *altimiš*, не отмеченного «Древнетюркским словарем». Среди современных языков эта форма слова существует только в киргизском (*алтымыш*) и караимском (*алтымыш* и *алтымыс*) [Юдахин 1965: 52; Севортьян 1974: 141], а также, как один из вариантов, — в сарларском (*alt'imuš*) [Тенишев 1963: 24; 1975: 121]³. Э. В. Севортьян писал об этом: «Форма *алтымыш* должна быть исторически старше *алтмыш*, хотя нельзя исключить и возможность эпентезы в этой фонетической модификации рассматриваемой основы» [Севортьян 1974: 141]. Наша надпись, хотя и является, по-видимому, древнейшей фиксацией формы *altimiš* (или, согласно рунической орфографии, *altimis*), не поможет, вероятно, разрешить вопрос о времени ее возникновения. Если вставка гласного произошла, то ранее IX—X вв., поскольку этим периодом в самом общем виде может быть датирована публикуемая надпись. Существенным кажется иное.

Altimiš отличает нашу надпись от лексических норм литературного языка рунических памятников, следовательно, эта форма связана с разговорной речью писавшего. При учете палеографических особенностей, обсуждаемых далее, автор камнеписного текста был местным жителем, следовательно, в разбираемом случае мы встречаем особенность одного из тюркских языков Центральной Монголии. Принимая во внимание историю Азии, не следует, очевидно, считать случайной лексическую близость анализируемой надписи к языку современных кыргызов. Задумываясь над этим вопросом, необходимо учесть комментарии к знакам 1-5 разбираемой ниже надписи Дэл-ула I.

36—42. Единственное сложное место в разборе надписи. Мое прочтение этих рун противоречит форме знаков как в прорисовке Ю. Болдбаатара, так и Н. Базылхана. Оправданием вносимых изменений служит оговоренное выше единство построения завершающих надпись фраз. Так же, как названные исследователи, я исхожу из того, что перед глаголом должно быть названо животное — объект охоты. Однако видеть *k* вместо ясно прописанного согласного *b*² (характерный облик которого во всем подобен руне 53 в слове *böri* ‘волк’), как это делают предшественники, ошибочно. Допуская значительно меньшую и от того более вероятную правку, я полагаю, что у руны 42 на изданных копиях не отмечен нижний левый отводок (меняющий букву *i* на *a*), и читаю знаки 40—42 как *t(e)bä* ‘верблюд’.

Единственное числительное, которое может быть записано четырьмя предшествующими рунами (36—39) — *jiti* ‘семь’ (фонетический вариант более обычного *jeti*). В этом случае непривычен прямой ствол руны 39 (в прорисовке и на фото Ю. Болдбаатара, но не в передаче Н. Базылхана) и лишним выглядит второй ее штрих. К тому же, по фото (Рис. 1), он нанесен неоправданно близко к верхнему — в других словах руна *g* выведена иначе: см. буквы 3 и 50. Таким образом, буква *g* прорисовок воспринимается мною как *i*. Остается думать, что копиистами неточно распознан и первый знак слова — *j*² (*j*¹?) (36), понятый как *l*¹.

В предлагаемом прочтении этой части надписи могло бы насторожить упоминание верблюдов, когда в тексте речь идет об убийстве диких животных. Но в отношении Монголии это вполне понятно. До сих пор в юго-западной части этой страны («в западной половине эдзингольской Гоби», как писал Г. Н. Потанин) и в пустынях Восточного Туркестана двугорбые бактрианы сохранились в диком состоянии [Потанин: 279'; Лакоза 1971: 524].

53—57. Среди объектов богатырской охоты, характеризующей героя енисейских эпитафий, волки (*böri*) названы дважды. Не всегда указывается, сколько добыл прославляемый на вечном камне умерший

³ На этот факт мне указал Л. Р. Кызласов.

(Е 98)⁴, важнее заметить, что в посмертную заслугу ставилось даже убийство семи этих хищников (Е 11, стк. 4). Поскольку в изучаемой наскальной надписи речь идет о двадцати зверях, несложно понять, насколько удачным был названный в ней охотник.

Охота на куланов (независимо от того, какое животное — дикий осел или лошадь — подразумевается под этим словом в нашей надписи, знаки 25—28) обычно была коллективной [Клеменц, Хангалов 1910: 123, 124]; на волков, как известно, также устраивались облавы. Вполне вероятно, что начальник полусотни, упомянутый в надписи, участвовал в таких конных охотах во главе воинского подразделения. Однако, судя по числу добычи, надпись указывает не результат одной облавы, а итог многолетних личных охотничьих достижений. Эти данные могут, конечно, привлекаться для характеристики фауны тысячелетнего прошлого, но важнее понять цель нанесения на камень надписи такого содержания.

В этом, думается, может помочь анализ окружающих ее иных раннесредневековых граффити: надписи Дэл-ула I и тамговых знаков.

2. Надпись Дэл-ула I

Короткая строка, состоящая из 22 рун, несомненно, является самостоятельным лаконичным текстом. Транскрипция:

t(ä)ñiri5 q(a)n(i)m {a} i10g tük(ä)n {a}15 bun(i)m j20oq {a}

Перевод:

Мой Небесный Повелитель, (хвала Тебе), (поскольку) болезни завершились, у меня нет печали!

Разбор.

1—5. Форма слова, применяемая здесь для обозначения бога, необычна по огласовке. Хорошо известному по руническим памятникам построению слова *täjri* (в написании — *tjri*) в материалах «Древнетюркского словаря» противостоят редкие производные от двусложной основы, фонетически сопоставимой с нашим случаем (*teñir+kän* и *teñir+lik*) [ДТС 1969: 544, 545, 552]. Слова, близкие по звучанию, довольно широко бытуют в современных языках: казахском, каракалпакском, кумандинском — *teñir*, сарыг-югурском — *teñir*, *tejer*, *tejyr*, тувинском — *dejer* и хакасском — *tigir*. Однако это все же не вполне сопоставимо с формой, встреченной в наскальной надписи.

Подобны ей, пожалуй, только варианты, завершающиеся открытым слогом и известные лишь у двух родственных тюркоязычных народов: кыргызов (*teñiri*) и алтайцев (*teñeri*, ср. кумандинское *teñere*) [Татаринцев 1984: 73; Мусаев 1997: 59]. Такое сопоставление (имеющее в виду и бурятское *тэнгэри*) порождает мысль о былом бытовании субстратного для монгольских языков тюркского слова **teñiri* (**teñere* ~ **täñärä*⁵) — формы, возможно, существовавшей в Западной Монголии в рунические времена.

В литературе встречается мнение общего историко-лексического характера: «Форма *täjri*, скорее всего, восходит к **täñiri* с узким гласным второго слога...» [Татаринцев 1984: 80; Хелимский 1986а, 1986б; Хелимский 2000: 248, 257, 260]. Однако с этой позиции сложно объяснить позднее появление изучаемой разновидности слова в рунической надписи, по-видимому, относящейся к IX—X вв.

Существует и иной обоснованный взгляд (обнародованный уже в 1986 г., но не отраженный в работе К. М. Мусаева), находящий сугубо фонетические закономерности происхождения слова *täjri* ‘небо, бог’ от *täjiz* ‘море’. Гипотеза все меняет местами. Исходя из логики замены первоначального *z* на *r* «только в составе консонантного сочетания», следует считать *täjiri* не исходной формой для слова *täjri*, а производной от него: «... допустимо предположить даже вторичность узкого гласного в “несинкопированных” формах» [Хелимский 1986а: 41, 44, 46; 1986б; Хелимский 2000: 248, 257, 260, 262, 263].

Порожденное строкой Дэл-ула I предположение об определенной локальной значимости слова *teñiri* согласуется с отмеченной в надписи Дэл-ула II другой редкой лексической особенностью, сближающей надпись именно с современным кыргызским языком (см. выше разбор знаков II, 20—24).

6—8. Слово *qan* ‘хан, правитель, повелитель’, хорошо известное в рунических эпитафиях, применено здесь с показателем принадлежности 1 лица ед. числа и, судя по предшествующему определению, обозначает бога. Начинаясь надпись словосочетание можно вполне точно передать русским ‘Господи, Боже мой’.

9, 15, 22. Руна *a / ä*, как и в предыдущей надписи (см. выше комментарий к знакам II, 8, 13, 19 и пр.), играет здесь словоразделительную роль и служит знаком окончания предложения.

10—11. Слово *ig* ‘болезнь’ [ДТС 1969: 203] может быть переведено формой как единственного, так и множественного числа.

⁴ Здесь и далее применены общепринятые сокращенные обозначения памятников енисейского письма: Е, порядковый номер надписи, номер строки текста (стк.).

⁵ К **täñärä* предположительно возводят якутское *танара* [Татаринцев 1984: 76].

12—14. Перед нами возвратный залог (-*n*) от глагола *tükä-* ‘завершаться, кончаться’ [ДТС 1969: 595]. Для привычной конструкции здесь, быть может, не достаёт аффикса прошедшего времени *-di*.

16—19. Нередкое в енисейских надписях имя существительное *buŋ* ‘скорбь, печаль’ наделено здесь аффиксом принадлежности 1 лица единственного числа (-*m*).

20—21. Этими знаками записано известное в рунических надписях отрицание *joq* ‘нет’ [ДТС 1969: 124, 272].

3. Палеография и орфография надписей

Сравнение двух надписей горы Дэл-ула создаёт ситуацию, очень интересную для историка ранне-средневековой культуры Азии.

Палеографически изучаемые надписи чрезвычайно близки. Они выполнены не орхонским, а енисейским руническим письмом (на что указывает облик букв t^1 , b^2 , η , m), точнее говоря, его алтайским изводом. О том свидетельствует применение в строке II характерной руны в виде трезубца (II, 6) для обозначения звука ξ [Васильев 1983: табл. 26, 15; Кызласов 1994: табл. XXIV, 34]. Существенная и редкая примета обеих изучаемых надписей — руна b^2 с основанием в виде вертикали — сближает строки Дэл-ула с енисейской эпитафией Бегире (E 11, Тува). На единственной этой стеле последовательно используется для разграничения словосочетаний и фраз не только обычный для эпитафий знак-двоеточие, но и, как на обеих наших наскальных надписях, руна $a/\ddot{a}$. По всей видимости, текст этой эпитафии составил пришлый на Верхний Енисей писец. В обоих изучаемых наскальных текстах горы Дэл-ула знак $a/\ddot{a}$ применяется также в качестве показателя окончания надписи. Соблюдение такой своеобразной традиции словораздела объединяет наскальные тексты Русского и Монгольского Алтая в единую письменную область и отличает их от прочих рунических надписей Южной Сибири и Центральной Азии.

Ю. Болдбаатар [1997: 29] справедливо отметил своеобразие знаков для b^1 , присущее обоим изучаемым строкам (I, 16; II, 5). Эта особенность, возникающая при манере вырезать букву двумя встречными росчерками, несомненно, указывает не на простое почерковое сходство двух наскальных текстов. Она служит индивидуальным признаком писца: кроме Дэл-ула знаки такого вида неизвестны нигде. По фотоснимку сходство почерков обеих надписей, пожалуй, подтверждается и характерными деталями знаков для oq (I, 21; II, 12), r^2 (I, 4; II, 4, 31, 45, 51, 56, 60) и m (I, 8, 19; II, 23, 34, 47, 52, 62).

Енисейская палеография Горного Алтая знает примеры схожести почерков разных надписей, вырезанных на одной скальной плоскости (особенно ясно проявляющейся на разных скальных плоскостях горы Ялбак-Таш близ устья Чуи). Можно полагать, что писавшие получили руническое образование в одном учебном заведении [Кызласов 2003в: 6—8; 2004б: 118—123]. Однако рассматриваемый монгольский случай демонстрирует ещё большую степень сходства — даже без изучения подлинника допустимо заключить, что обе надписи горы Дэл-ула нанесены одним человеком.

Этот вывод поддерживают орфографические особенности надписей. Прежде всего, мы встречаем в обеих довольно редкое для енисейских текстов явление — хотя и непоследовательную, но явную тенденцию к полногласному написанию. Излишнее с позиций классического правописания обозначение узкого негубного гласного $i/\ddot{i}$ отмечается как в начальных, так и в срединных слогах, как в аффиксах, так и в основах слов: (*e*)*lig* (I, 1—3), (*a*)*ltim(i)š* (I, 20—24), *öl(ü)rtim* (I, 29—34), *j(?)iti* (I, 36—39), *t(ä)ŋiri* (II, 1—5), *ig* (II, 10—11). В обеих надписях проявилась привычка к строгому обозначению границ слов и их сочетаний руной $a/\ddot{a}$ (I, 8, 13, 19, 35, 48; II, 9, 15), что привело к появлению у нее функции знака окончания текста (I, 63; II, 22).

4. Тамги близ надписей Дэл-ула

Тамги, вырезанные на камне близ рунических строк, прямо не связаны с анализируемыми руническими надписями. Об этом свидетельствует уже размещение геральдических знаков на каменной плоскости — как было показано в начале статьи (Рис. 1, 2), оно явно свидетельствует, что тамги нанесены ранее текстов. Таким образом, установление времени начертания самих тамг может помочь датировке надписей.

Наиболее примечательны знаки в виде широкой дуги, отходящей от косою основания. Исходя из давно установленного лично-фамильного характера тамговых знаков раннего средневековья и закономерностей изменения их вида от поколения к поколению [Кызласов 1960, 1965], следует безо всякого сомнения заключить, что из семьи, владевшей тамгами, вырезанными на горе Дэл-ула, происходили резчики известных памятных стел Уйгурского каганата — Терхинской и Моюн-чура (50—60 гг. VIII в.), а также, возможно, и Тэсинской [Кляшторный 1980: 95, табл. 1; Кляшторный 1987: табл. 2]. Судя по воспроизведению и фотографии Ю. Болдбаатора (Рис. 2, 3), тамги Дэл-ула принадлежали отцу и сыну

(Рис. 4, 3, 4). Особенно важно, что тамга сына тождественна знаку, известному по стеле Моюн-чура (Могойн Шине Усу), следовательно, относится к 50—60-м гг. VIII в. На фотографии обсуждаемой писаницы (Рис. 3) виден третий знак этого знаменитого рода. Следуя закону видоизменения лично-семейных тамговых знаков, заключаем, что он отделен от старшей тамги двумя поколениями (Рис. 4, 1). Недостающее звено этой генеалогической цепи, возможно, также вырезано на камне: часть тамги попала в кадр Ю. Болдбаатара (Рис. 3, слева).

Так или иначе, но здесь впервые появляется возможность проследить тамги семьи создателей орхонских стел в четырех поколениях, т. е. не менее чем за столетие (Рис. 4). Учитывая размещение названных памятников на землях Монголии, ареал тамг этого типа выглядит весьма значительным. Однако нет оснований связывать владельцев этих тамг с енисейскими надписями. Напротив, надежно установлена связь этих людей с аристократическими памятниками орхонского письма уйгурского периода.

Еще шире оказывается распространение тамг в виде обращенного направо угла (Рис. 2, 3). Они обнаружены не только в Монголии, но и на Горном Алтае. К уйгурской эпохе в Центральной Азии принадлежит подобная тамга, вырезанная в центре плиты Шивет-улан по соседству с тамгами типа стелы Моюн-чура [Ramstedt, Granö, Aalto 1958: 81]. Дополнительные элементы этого знака по публикации не могут быть определены точно. Ю. Болдбаатар приводит три тамги, встреченные у надписи Гурван Мандал, две из которых тождественны знакам Дэл-ула (Рис. 5, 4, 10), а одна принадлежит иной ветви этой же семьи (Рис. 5, 5). Один из подобных знаков (Рис. 5, 4) вырезан среди тамг близ енисейской наскальной надписи Бага Ойгор III [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj 2001, V. II: 389, fig. 997]. Сразу 9 тамг этого типа вырезаны среди прочих на плоскости I горы Ялбак-Таш на Горном Алтае [Кызласов 2004а: рис. 9]. И хотя этот утес содержит 29 енисейских рунических надписей (составляющих 31 строку), ни одна из них прямо не связана с изолированно размещенными тамгами.

Выстраивая геральдический материал в цепочки поколений (Рис. 5), понимаем, что, по крайней мере, четвертое из них могло принадлежать к эпохе распространения на Алтае и в Монголии енисейского письма (Рис. 5, 10—12). Однако именно знак четвертого поколения предшествует на писанице енисейской надписи Дэл-ула II.

Третий тип тамг, который встречен на горе Дэл-ула и может быть датирован, представляет круг с противоположными отводками (Рис. 1, 2). Все подобные знаки отмечены в Монголии. Самый сложный знак этого типа (Рис. 6, 9) высечен рядом с двумя прочими на вершине все той же стелы Моюн-чура (760 г.). Однако он выбит на камне позднее самой памятной надписи, поскольку частично перекрывает ее линовку и размещен на оставшемся свободном тесном участке поверхности [Ramstedt 1913: taf. II, N]. Тамга, вполне сопоставимая с ним по построению, соседствует с енисейской наскальной надписью Тэс I (Рис. 6, 10) и, судя по всему, предшествует этой строке, стесненной на плоскости камня. Показательно, что она выбита рядом с наиболее ранним геральдическим знаком этой серии (Рис. 6, 1), следовательно, до появления надписей скала почиталась несколькими поколениями одной и той же семьи [Шинехуу 1976: рис. 2, 3, 4; Кляшторный 1978: фото 1]. Четвертая встреча енисейской рунической надписи и тамги этого типа, наиболее близкой дэл-улинскому знаку (Рис. 6, 5), это Шарбулак I / 1. Здесь тамга, высеченная ранее, также не позволила тексту занять нужное место (одну из пропущенных букв пришлось дописать под строкою) [Шинехуу 1971: рис. 2]. Таким образом, известные геральдические знаки этой семьи ныне, пожалуй, представляют три из пяти поколений (Рис. 6), а наиболее поздние ступени в их графическом развитии относятся к уйгурскому времени и предшествуют нанесению на скалы енисейских рунических надписей.

Как видим, все три серии тамг, соседствующих с руническими надписями Дэл-ула, относятся к уйгурскому периоду местной раннесредневековой истории, т. е. к середине VIII — началу IX в. Следует заключить, что обычай отмечать личными тамгами почитаемые скалы на Монгольском и Русском Алтае восходит к этому времени и предшествует созданию здесь енисейских по алфавиту надписей. На основании этого обе рунические строки Дэл-ула следует отнести к IX—X вв. В целом же их появление на камне продолжает местную, еще дописьменную, знаковую традицию горных поклонений.

Ради полноты картины остается рассмотреть единственный знак, подобный рунической букве r^2 , нанесенный на камень правее нижнего излома строки Дэл-ула II⁶ (Рис. 2). В его определении нет уверен-

⁶ Н. Базылхан [Базылханулы 2000: 76, 77] публикует автографии еще трех рунических надписей, вырезанных на иных плоскостях горы Дэл-ула (обозначая их II, III и IV). Все они начертаны енисейским алфавитом (см. облик рун s^1 / s^1 , t^1 , m). Последняя из них, многострочная, судя по различному начертанию одних и тех же букв, может оказаться скоплением разнородных кратких написаний. Лаконичность публикации не позволяет уверенно разбирать все эти надписи. Замечу только, что в стк. 4 надписи IV знак в виде трезубца, судя по разобранному выше случаю (Дэл-ула II, 6), означает не $\dot{ic}$ или $\dot{c}$, а $\dot{s} / s$, т. е. на скале написано $s(a)r(i)y \dot{c}or : b(e)n$ 'Я — Сарыг-чор' (личное имя и титул).

ности. С одной стороны, он встречается среди явных тамг на упомянутой плите Шивет-улан, т. е. может быть геральдической отметкой. С другой стороны, он известен как несомненная краткая надпись на скале Ялбак-Гаш на Алтае (строка ХХХ), на трех горах в Хакасии (Тепсей, Майдаши, Перевозная) и на одной в Туве (Хая-Бажи XIV) [Кызласов 1999б: 101, 102]. Читается он как *(e)r* и обозначает свободного полноправного мужчину. Вероятно, всюду это личные подписи, не содержащие указания имен. По отраженному в них мировоззрению безымянной личности они, как думается, сопоставимы с более пространственными енисейскими манихейскими надписями, которые, также не называя имени, указывают лишь на принадлежность писавшего к грешному человечеству: *kīši oyl(i)ŋ* ‘твой сын человеческий’ (Алтай, Бичикту-Бом II / 2) [Кызласов 1996б: 128, рис. 2; Кызласов 1997: 180, 181, рис. 8; Кызласов 2000: 90—97, рис. 4—7], *t(ä)ŋri qulī* ‘раб божий’ (Монголия, Гурвалжин-ула) [Кляшторный 1978: 155, фото 2] или *isiz qul* ‘недостойный раб (божий)’ (Тува, Хая-Бажи X, Е 24 / 10) [Кызласов, Кызласов 1994: 40—44, рис. 6, 7]. Аналогии позволяют заключить, что надписи, состоящие из одного слова *(e)r*, оставлены людьми, подчеркивавшими свою обыденность и, как следствие, бренность и греховность, т. е. манихейми. Они были уверены: бог сам знает того, кто к нему обращает молитвы.

5. Манихейское содержание надписей Дэл-ула

Обращение к богу как к господину, предмет благодарения, алфавит и правописание надписи Дэл-ула I — все это определяет ее место среди рунических наскальных молитвенных отметок верующих-манихеев [Кызласов 1997: 165—177; Кызласов 2001: 245, 247, 251, 254, 259; Кызласов 2003в]. Палеографические особенности, как показано, свидетельствуют, что строка II на писанице создана тем же автором. Следовательно, для понимания содержания и назначения обеих надписей Дэл-ула надлежит обратиться к манихейским наскальным надписям. Таковы, прежде всего, камнеписные тексты того же культурного круга — выполненные алтайским вариантом енисейского письма с применением руны *a / ä* в качестве словоразделителя.

Поскольку подробный разбор этого вопроса уже опубликован мною [Кызласов 2004а: 117—121], ограничусь здесь кратким изложением итогов.

Рунические надписи не оставляют сомнения в том, что в манихейских общинах Южной Сибири и Центральной Азии существовали духовники, проводившие регулярные исповедальные обряды [Кызласов 1994: 189, рис. 21; Кызласов 2001а: 248, 249, 255, рис. 4, 3; Кызласов 2003в]. Такой духовник только и мог нанести на камень обе строки Дэл-ула, одновременно содержащие и личное благодарение богу, и рассказ о раскаянии третьего лица. Специальное изучение манихейских исповедальных текстов, предназначенных для литургии, установило, что при обряде покаянные формулы зачитывались священником и лишь подхватывались молившимися мирянами [Виденгрэн 2001: 126—128]. Эта богослужебная практика, очевидно, объясняет отмечаемые в наскальных рунических надписях Горного Алтая упоминания о третьих лицах, за которых молились писавшие [Кызласов 2001а: 246, 248, рис. 1, 1, 4, 2, 6, 1, 7; Кызласов 2003в].

Сказанное позволяет увидеть в надписи Дэл-ула II рассказ проповедника о покаянии, принесенном ему воином и удалым охотником — ведь было «все полностью и откровенно рассказано». Грех состоял в совершенных им ранее убийствах живых существ. Здесь отражено одно из главных установлений манихейства. По словам ал-Бируни, Мани «самым красноречивым образом запрещал резать животных и причинять им боль, а также наносить ущерб огню, воде и растениям», поскольку учил, что «души не умирают и что при своих странствиях они принимают подобие любой оболочки, которую они надевают, и любого животного, в которое они воплощаются, и подобие любой формы, внутри которой они бывают помещены» до тех пор, пока светлое начало не освободится от плоти [Бируни 1957: 211; Бируни 1995: 91, 467]. Манихейскими праведниками эти предписания выполнялись неукоснительно. Тот же хорезмийский ученый приводит рассказ ал-Джахиза о двух манихеях, под побоями промолчавших о проглотившем яхонт страусе, ибо они «считали за грех обречь страуса на смерть» [Ал-Бируни 1963: 41—42].

Для истолкования строки Дэл-ула I учтем существование других наскальных енисейских надписей, благодарящих за прекращение болезней ($\text{𐰪 𐰺 𐰽 𐰾} \Rightarrow \text{𐰪 𐰺 𐰽 𐰾}$) *isiz qul bitmiš (e)s(ä)n* ‘Недостойный раб (божий) написал (это) (и стал) здоров (~ в знак того, что стал здоров) — Тува, Хая-Бажи X, Е 24 / 10; $\text{𐰪 𐰺 𐰽 𐰾} \Rightarrow \text{𐰪 𐰺 𐰽 𐰾}$ *tü(ö)p(e)k* : *(a)lp sol b(i)t(i)d(i)m (e)s(ä)n ol(u)rt(i)m* ‘Я — Тюпек (~ Тёпек?) Алп Сол написал, благополучным (букв. невредимым) я (здесь) поселился’ — Монголия, Тэс II) [Кызласов, Кызласов 1994: 40—44, рис. 6, 7; Кызласов 1994: 189, 192]. Вероятно, к отметкам такого содержания можно отнести и енисейское граффито на стенной штукатурке жилой пещеры в Яр-хото (Турфанский оазис): $\text{𐰪 𐰺 𐰽 𐰾} \Rightarrow \text{𐰪 𐰺 𐰽 𐰾}$ *(e)s(ä)n b(i)tid(i)m* ‘я, невредимый (~ здоровый) или: Эсен — имя собств.) написал’ [Кызласов 1994: 197, рис. 29].

По широко распространенным воззрениям, болезни были следствием власти демонической силы над грешным человеком. Так же они представлялись и манихейам. О болезнях как неотъемлемой черте земного мира повествует наскальная надпись Ялбак-Таш XXII (Горный Алтай): MCTIXY9P9Y XUHEGLXU9 $j(e)rd(\ddot{a})qi$ (ig) $(i)t(i)r$ $b(e)\eta k\ddot{u}$ $j(e)rd(\ddot{a})ki$ $(a)\eta(a)r$ 'Если на земле находящиеся болезни исчезнут, на вечной земле находящиеся (люди ~ существа) придут в замешательство' [Кызласов 1998а: 54; Кызласов 2003в: 78—80, рис. 27]. Излечение от недуга было равнозначно освобождению от грехов, уменьшению в человеке темного и возрастанию светлого начала. Историки религии полагают, что восприятие бога как главного целителя, как Врача, в манихействе восходит к древнейшей месопотамской традиции, начинающейся еще в шумерской культуре [Виденгрэн 2001: 28—30]. Наскальные енисейские надписи неоспоримо свидетельствуют: подобным образом понимали болезни и чтили бога как всемогущего врачевателя приверженцы северного ответвления манихейства в Южной Сибири и Центральной Азии.

В памятниках енисейской рунической письменности известны примеры знакомства сибирских манихейских книжников с литературой Древнего Востока [Кызласов 1999б: 108—115]. Ныне, читая на горе Дэл-ула о покаянии воина в его охотничьих деяниях и благодарение проповедника за избавление от болезней, следует задуматься о причинах соседства этих двух тем.

Один из так называемых «манихейских фрагментов», уцелевший в песках Турфанского оазиса, повествует о роковой для Мани аудиенции у шаханшаха Варахрана I в 276 г. Царь обвинил пророка в ничемности, поскольку тот не ценил главных мужских занятий — войны и охоты. Мани же считал своей заслугой освобождение людей от демонов лжи и излечение от болезней. И был осужден венценосцем [Виденгрэн 2001: 66, 67]. Вполне очевидно, что автор ритуальных писаний на скале Дэл-ула, будучи адептом веры Света, знал повествование о судьбоносном для пророка Мани диспуте. Поэтому соединение в соседних наскальных надписях двух тем торжествующего манихейства — победившего врачевания и посрамленной военно-охотничьей удали — не кажется случайным. Тем самым, изучение надписей Дэл-ула еще раз убеждает в том, что енисейские рунические надписи не только имеют непосредственную связь с ближневосточной манихейской книжностью, но и доносят до нас свидетельства о ней — воспринятой и преобразованной в тюркоязычной среде раннего средневековья.

Распространение в Южной Сибири и Центральной Азии манихейского мировоззрения, с начала 60-х гг. VIII в. воздействовавшего на местное общество со всей возможной силой официальной религии [Кызласов 1998б, 2001б], и привело к вытеснению и замене многих традиционных воззрений. Среди них, вероятно, оказался и чуждый новому благочестию быллой образ лихого воина и удачливого охотника, получивший вследствие этого столь незначительное отражение в эпитафийных енисейских надписях. Да и сам обряд письменного закрепления на стоящих каменных стелах древних поминальных плачей, распространившийся на Енисее с приходом манихейского возвеличивания письма и грамоты, с дальнейшим укоренением и развитием религии Света был полностью оставлен на Саяно-Алтайском нагорье уже в XI в. [Кызласов 2003г].

Итак, изучение двух наскальных надписей Дэл-ула в Монголии, оставленных в IX—X вв. местным манихейским проповедником, предоставляет редкие материалы, отразившие особенности устной речи. Обе лексические формы — $(a)ltim(i)\dot{s}$ и $t(\ddot{a})\etairi$ — в равной мере имеют фонетические свойства, которые и по сей день присущи современному кыргызскому языку. Глубинные пласты истории национальной культуры кыргызов, выявленные археологией, этнографией и языкознанием, дополнены в этом случае несомненным распространением у раннесредневековых предков кыргызского народа манихейской идеологии — одной из наиболее книжных мировых религий того времени.

Литература

Ал-Бируни 1963 — *Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед*. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. *Беленицкий А. М.*, 1963. {*Al-Biruni Abu-r-Raihan Muhammed ibn Ahmed. Sobranie svedenij dl'a poznaniija dragotsennostej* (Mineralogija). Transl. *A. M. Belenitskij.* М., 1963.}

Базылханулы 2000 — *Базылханулы Н.* Моңғолияда жаңадан табылған түрік бітік жазулары // Известия Министерства образования и науки — Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия обществ. наук. № 5. Алматы, 2000. С. 68—78. {*Bazykhanuly N.* Моңғолияда жаңадан табылған түрік бітік жазулары // *Izvestija Ministerstva obrazovanija i nauki* — Nacional'noj akademii nauk Respubliki Kazahstan. Serija obshestv. nauk. № 5. Almaty, 2000. P. 68—78.}

Бируни 1957 — *Бируни Абу-рейхан*. Избранные произведения. Т. 1. Памятники минувших поколений / Пер. *Салье М. А.* Ташкент, 1957. {*Biruni Abureihan*. *Izbrannye proizvedenija*. Vol. 1. Pam'atniki minuvshih pokolenij. Transl. *Sal'e M. A.* Tashkent, 1957.}

- Бируни 1995 — *Бируни Абу Рейхан*. Индия / Пер. Халидов А. Б. и Завадовский Ю. Н. М., 1995. {*Biruni Abu Reihan. India / Transl. Halidov A. B., Zavadovskij Yu. N. M., 1995.*}
- Болдбаатар 1997 — *Болдбаатар Ю.* Руническая письменность горы Дэл-Ула // Научные работы студентов. Монгольский госуниверситет. № 1. Улаанбаатар, 1997. С. 26—37. {*Boldbaatar Yu. Runic writing of Del-Ula mountain // Scientific works of the students. Mongolian State University. № 1. Ulaanbaatar, 1997. P. 26—37.*}
- Васильев 1983 — *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983. {*Vasil'ev D. D. Grafic fund of the monuments of Turkic runic writing in Asia. M., 1983.*}
- Виденгрен 2001 — *Виденгрен Г.* Мани и манихейство. СПб., 2001. {*Videngren G. Mani and Manichaeism. SPb., 2001.*}
- Гордлевский 1945 — *Гордлевский В. А.* Числительное 50 в турецком языке (К вопросу о счёте в тюркских языках) // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка, 1945. Т. IV. Вып. 3—4. С. 135—147. {*Gordlevskij V. A. Numerical 50 in the Turkish language (on account of counting in Turkic languages) // Reports of AS USSR. Dep. of literature and language, 1945. Vol. IV. Is. 3—4. P. 135—147.*}
- ДТС 1969 — *Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Боровкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Летягина Н. И., Тугушева Л. Ю. Л., 1969.* {*Old Turkic dictionary / Ed. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M., Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormushin I. V., Let'agina N. I., Tugusheva L. Ju. L., 1969.*}
- Древние тюркские диалекты 1971 — *Древние тюркские диалекты и их отражение в современных тюркских языках / Ред. Батманов И. А. Фрунзе, 1971.* {*Old Turkic dialects and their reflection in the modern Turkic languages / Ed. Batmanov I. A. Frunze, 1971.*}
- Клеменц, Хангалов 1910 — *Клеменц Д. А., Хангалов М. Н.* Общественные охоты у северных бурят // Материалы по этнографии России. Т. I. СПб., 1910. С. 117—154. {*Klements D. A., Hangalov M. N. Social huntings of North Buryats // Materials on Russian ethnography. Vol. I. SPb., 1910. P. 117—154.*}
- Кляшторный 1978 — *Кляшторный С. Г.* Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 151—158. {*Kl'ashtornyj S. G. Runic rock inscriptions of Mongolia // Turkological digest. 1975. M., 1978. P. 151—158.*}
- Кляшторный 1980 — *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись. Предварительная публикация // Советская тюркология. 1980, 3. С. 82—95. {*Kl'ashtornyj S. G. The Terhin inscription. Preliminary publication // Soiet Turkology. 1980, 3. P. 82—95.*}
- Кляшторный 1987 — *Кляшторный С. Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 19—37. {*Kl'ashtornyj S. G. The inscription of Uyghur Begu-Khagan in the northeastern Mongolia // Central Asia. Newfound monuments of writing and art. M., 1987. P. 19—37.*}
- Кызласов 1960 — *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология, 1960, 3. С. 93—120. {*Kyzlasov L. R. New dating of the monuments of the Yeniseian writing // Soviet archeology, 1960, 3. P. 93—120.*}
- Кызласов 1965 — *Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, 1965, 3. С. 38—49. {*Kyzlasov L. R. On dating the monuments of the Yeniseian writing // Soviet archeology, 1965, 3. P. 38—49.*}
- Кызласов 1994 — *Кызласов И. Л.* Рунические памятники евразийских степей. М., 1994. {*Kyzlasov I. L. Runic monuments of the Eurasian steppes. M., 1994.*}
- Кызласов 1996а — *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // Российская археология. 1996, 3. С. 73—89. {*Kyzlasov I. L. Materials on the early Turks' history. I. Earliest information on the army // Russian archeology. 1996a, 3. P. 73—89.*}
- Кызласов 1996б — *Кызласов И. Л.* Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996. С. 124—136. {*Kyzlasov I. L. Three types of the Old Turkic runic orthography // 90-year anniversary of N. A. Baskakov. M., 1996. P. 124—136.*}
- Кызласов 1997 — *Кызласов И. Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. L. Budapest, 1997. С. 163—184. {*Kyzlasov I. L. Types of Old Turkic runic orthography. Reflection of the manichaeian written culture in the Enisei and Orkhon written monuments // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. L. Budapest, 1997. P. 163—184.*}
- Кызласов 1998а — *Кызласов И. Л.* Священная земля тюрков по руническим надписям // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тезисы докладов. М., 1998. С. 53—55. {*Kyzlasov I. L. Turks' holy land according to the runic inscriptions // Ancient civilizations of Eurasia. History and culture. Report theses. M., 1998. P. 53—55.*}
- Кызласов 1998б — *Кызласов Л. Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. История. 1998, 3. С. 8—35. {*Kyzlasov L. R. Northern*

Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia. // *Moscow University Bulletin. History.* 1998, 3. P. 8—35.}

Кызласов 1999а — *Кызласов И. Л.* Наскальная история Западной Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Тезисы докладов IV Международной научной конференции. Томск, 1999. С. 182—183. {*Kyzlasov I. L.* Rock history of the Western Mongolia // Natural conditions, history and culture of the Western Mongolia and neighboring regions. Report theses of the 4th International scientific conference. Tomsk, 1999. P. 182—183.}

Кызласов 1999б — *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999, 4. С. 99—118. {*Kyzlasov I. L.* Materials on the early history of the Turks. IV. Education in the age of runic writing. // RA. 1999, 4. P. 99—118.}

Кызласов 2000 — *Кызласов И. Л.* Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. № 5. Горно-Алтайск, 2000. С. 82—112. {*Kyzlasov I. L.* Runic writing monuments in the collection of Gorno-Altai republic local history museum // Antiquities of Altai. № 5. Gorno-Altai, 2000. P. 82—112.}

Кызласов 2001а — *Кызласов И. Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 243—270. {*Kyzlasov I. L.* Change of world-view in the Southern Siberia in the Early Middle Ages (an idea of monotheism in Yenisei inscriptions) // Ancient civilizations of Eurasia. History and culture. M., 2001. P. 243—270.}

Кызласов 2001б — *Кызласов Л. Р.* Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. 2001, 5. С. 83—90. {*Kyzlasov L. R.* Siberian Manichaeism // Ethnographic digest. 2001, 5. P. 83—90.}

Кызласов 2003а — *Кызласов И. Л.* Местные речевые особенности енисейских надписей // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003. С. 283—286. {*Kyzlasov I. L.* Local speech specifics in the Yenisei inscriptions // Desht-i Kipchak and the Golden Horde in the cultural development of the Eurasian peoples. M., 2003. P. 283—286.}

Кызласов 2003б — *Кызласов И. Л.* Отличительные особенности рунической письменности Тувинской котловины // Письменное наследие тюрков. Кызыл, 2003. С. 17—20. {*Kyzlasov I. L.* Otlichitel'nye osobennosti runicheskoj pis'mennosti Tuvinskoj kotlovinj // Pis'mennoe nasledie t'urkov. Kyzyl, 2003. P. 17—20.}

Кызласов 2003в — *Кызласов И. Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М., 2003. {*Kyzlasov I. L.* Novosti t'urkskoj runologii. Is. 1. Enisejskie nadpisi na gore Jalbak-Tash (Gornyj Altaj). M., 2003.}

Кызласов 2003г — *Кызласов И. Л.* Роль религии в развитии письменности: енисейские рунические надписи // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003. С. 43—52. {*Kyzlasov I. L.* Role of religion in the development of writing: Yenisei runic writing // Buddhism and Christianity in the cultural heritage of the Central Asia. Bishkek, 2003. P. 43—52.}

Кызласов 2004а — *Кызласов И. Л.* Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 104—122. {*Kyzlasov I. L.* Boldness of a knight and piety of a priest (Shahanshah Varahran I, prophet Mani and runic inscriptions of the Del-ula mountain in Mongolia) // Monuments of archaeology and ancient art of Eurasia. M., 2004. P. 104—122.}

Кызласов 2004б — *Кызласов И. Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л. Р. Кызласова. М., 2004. С. 111—129. {*Kyzlasov I. L.* Manichaeian monasteries in Gornj Altaj // Antiquities of the East. Collected articles on account of 80-year anniversary of professor L.R. Kyzlasov. M., 2004. P. 111—129.}

Кызласов 2015 — *Кызласов И. Л.* К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII—XII вв. // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov.* Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова. М., 2015. С. 195—206. {*Kyzlasov I. L.* On selecting the autochthonic runic monuments of Tuva in 8th-12th centuries. // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov.* Collected articles on account of 80-year anniversary of D. M. Nasilov. M., 2015. P. 195—206.}

Кызласов, Кызласов 1994 — *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.) // Российская археология. 1994, 1. С. 33—50. {*Kyzlasov L. R., Kyzlasov I. L.* A new stage in the development of the Yenisei writing (late 13th — early 15th centuries) // Russian archaeology. 1994, 1. P. 33—50.}

Кычанов 1966 — *Кычанов Е. И.* Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С. 269—281. {*Kuchanov E. I.* Jurchen people in 11th century (materials for an ethnographic study) // Siberian archaeological digest. Novosibirsk, 1966. P. 269—281.}

Лакоза 1971 — *Лакоза И. И.* Верблюды // Большая Советская энциклопедия. Т. 4. М., 1971. С. 524. {*Lakoza I. I.* Camels // Great Soviet Encyclopedia. Vol. 4. M., 1971. P. 524.}

Мусаев 1997 — *Мусаев К. М.* Небесные тела и небесная сфера // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997. С. 50—66. {*Musaev K. M.* Celestial objects and celestial sphere // Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Leksika. M., 1997. P. 50—66.}

Памятники 2004 — Памятники наскального искусства Центральной Азии / Ред. *Рогожинский А. Е.* Алматы, 2004. {Monuments of rock art of the Central Asia / Ed. *Rogozhinskij A.E.* Almaty, 2004.}

Потанин — *Потанин Г. Н.* Монголия // Энциклопедический словарь Русского биографического института Гранат. 11-е изд. Т. 29. М., б. г. Стлб. 279'. {*Potanin G. N.* Mongolia // Encyclopedical dictionary of the Russian biographical institute Granat. 11-e izd. Vol. 29. M., b.g. Stlb. 279'.}

Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. {*Sevortian E.V.* Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-turkic stems starting with vowels. M., 1974.}

Татаринцев 1984 — *Татаринцев Б. И.* О происхождении тюркского наименования неба (täŋri и его соответствия) // Советская тюркология. 1984, 4. С. 73—84. {*Tatarintsev B. I.* About the origins of the Turkic name for sky (täŋri and its correspondences) // Soviet turkology. 1984, 4. P. 73—84.}

Тенишев 1963 — *Тенишев Э. Р.* Саларский язык. М., 1963. {*Tenishev E. R.* The Salar language. M., 1963.}

Тенишев 1975 — *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка. М., 1975. {*Tenishev E. R.* Build of the Salar language. M., 1975.}

Тенишев 1976а — *Тенишев Э. Р.* Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // Советская тюркология. 1976, 1. С. 27—33. {*Tenishev E. R.* Reflection of dialects in the Turkic runic and Uigur monuments // Soviet turkology. 1976, 1. P. 27—33.}

Тенишев 1976б — *Тенишев Э. Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 164—172. {*Tenishev E. R.* On supradialectal character of the Turkic runic monuments' language // Turcologica. On account of A. N. Kononov's 70th anniversary. L., 1976. P. 164—172.}

Тенишев 1979 — *Тенишев Э. Р.* Язык древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания. 1979, 2. С. 80—90. {*Tenishev E. R.* The language of Old Turkic and Middle Turkic monuments in its functional aspect // Issues in linguistics. 1979, 2. P. 80—90.}

Тенишев 1983 — *Тенишев Э. Р.* Огузские элементы в древнеуйгурском языке // Восточная филология. Вып. 5. Тбилиси, 1983. {*Tenishev E. R.* Oghuz elements in the Old Uyghur language // Oriental philology. Is. 5. Tbilisi, 1983.}

Тенишев 1988 — *Тенишев Э. Р.* Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // Советская тюркология. 1988, 1. С. 67—78. {*Tenishev E. R.* Principles of compiling historical grammars and histories of literary Turkic languages // Soviet turkology. 1988, 1. P. 67—78.}

Тенишев 2005 — *Тенишев Э. Р.* История тюркских письменных литературных языков донациональной поры // Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество. 1921—2004. М., 2005. С. 78—91. {*Tenishev E. R.* History of the Turkic written literary languages of the pre-national period // Edgem Rahimovich Tenishev. Life and work. 1921—2004. M., 2005. P. 78—91.}

Тенишев 2006а — *Тенишев Э. Р.* Избранные труды. Кн. 1. Уфа, 2006. {*Tenishev E. R.* Selected works. Book 1. 2006.}

Тенишев 2006б — *Тенишев Э. Р.* Избранные труды. Кн. 2. Уфа, 2006. {*Tenishev E. R.* Selected works. Book 2. Ufa, 2006.}

Тенишев 2011 — *Тенишев Э. Р.* Избранные труды. Кн. 3. Уфа, 2011. {*Tenishev E. R.* Selected works. Book 3. Ufa, 2011.}

Хелимский 1986а — *Хелимский Е. А.* Происхождение древнетюркского чередования r~z и дилемма «ротацизма-зетацизма» // Советская тюркология. 1986, 2. С. 40—50. {*Helimskij E. A.* Origins of the Old Turkic r~z alternation and the dilemma of «rhotacism-zetacism» // Soviet turkology. 1986, 2. P. 40—50.}

Хелимский 1986б — *Хелимский Е. А.* Решение дилемм пратюркской реконструкции и ностратика // Вопросы языкознания. 1986, 5. С. 67—78. {*Helimskij E. A.* Solving the dilemmas of Proto-Turkic reconstruction and the Nostratic studies // Issues in linguistics. 1986, 5. P. 67—78.}

Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. {*Helimskij E. A.* Comparative studies, Uralic studies. Lectures and articles. M., 2000.}

Шинехуу 1971 — *Шинехуу М.* Даривын эртний түрэг бичээс (Древнетюркские надписи Дарива) // Монголын эртний туух-соёлын зарим асуудал (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. V, fasc. 10). Улаанбаатар, 1971. С. 134—145. {*Shinehuu M.* Darivyn ertnij türeg bichees (Old Turkic inscriptions of Darvi) // Mongolyn ertnij tuuh-sojolyŋ zarim asuudal (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. V, fasc. 10). Ulaanbaatar, 1971. P. 134—145.}

Шинехуу 1976 — *Шинехуу М.* Тэсийн эртний түрэг бичээсийг дахин нягталсан нь (Новое исследование древнетюркской надписи на реке Тес) // Археологийн судлал (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. VII, fasc. 9). Улаанбаатар, 1976. С. 113—121. {*Shinehuu M.* Tesijn ertnij türeg bicheesijg dahin n'agtalsan n' (A new study of the Old Turkic inscription at Tes river) // Arheologijn sudlal (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. VII, fasc. 9). Ulaanbaatar, 1976. P. 113—121.}

Юдахин 1965 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965. {*Yudahin K. K.* Kirghiz-Russian dictionary. M., 1965.}

Jacobson, Kubarev, Tseevendorj 2001 — *Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D.* Mongolie du Nord-Ouést. Tsagaan Salaa / Baga Oigor // *Repertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale*, fasc. 6 (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale, t. V, fasc. 6). Paris, 2001.

Ramstedt 1913 — *Ramstedt G. J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. T. XXX. Helsingfors, 1913. S. 1—9.

Ramstedt, Granö, Aalto 1958 — *Ramstedt G. J., Granö J. G., Aalto P.* Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. T. 60. Helsinki, 1958. S. 1—91 (отдельный оттиск).

Tashbayeva 2001 — *Tashbayeva K.* Petroglyphs of Kyrgyzstan // *Tashbayeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z.* Petroglyphs of Central Asia. Bishkek, 2001. P. 9—89.

Иллюстрации

Рис. 1. Гора Дэл-ула. Общий вид камня с надписями, тамгами и изображениями. Фото Ю. Болдбаатара.

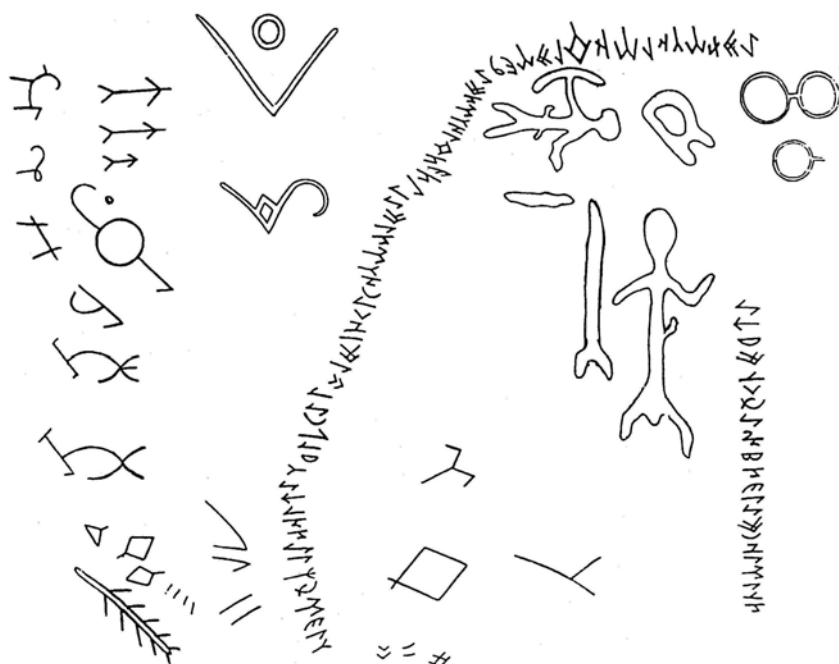

Рис. 2. Гора Дэл-ула. Изображения, надписи и тамги. Прорисовка Ю. Болдбаатара. Без масштаба.

Рис. 3. Гора Дэл-ула. Часть камня с тамгами. Фото Ю. Болдбаатара.

Рис. 4. Развитие тамг I типа:
1—3 — гора Дэл-ула,
4 — гора Дэл-ула и основан-
ные стелы Моюн-чура (760 г.)

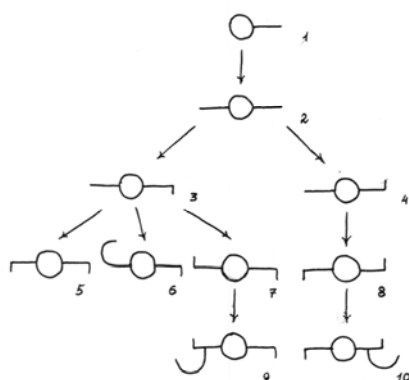

Рис. 5. Развитие тамг II типа: 1, 7 —
воссоздаваемые звенья, 2, 3, 6, 8, 9,
11, 12 — Ялбак-Таш, 4, 10 — Дэл-ула
и Гурван Мандал, 5 — Гурван Мандал

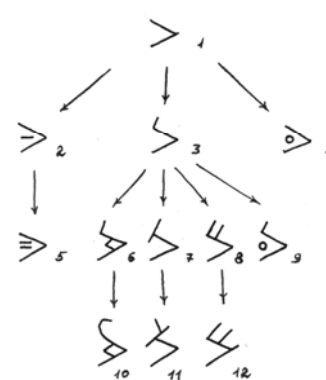

Рис. 6. Развитие тамг III типа: 1 — Тэс I,
2—4, 7, 8 — воссоздаваемые звенья,
5 — Шарбулак I, 6 — Дэл-ула, 9 — стела
Моюн-чура, 10 — Тэс I. Возможно,
знаки 1, 5 и 10 выбиты кверху ногами.

РЕЗЮМЕ

На горе Дэл-ула в Монголии находим нанесенные в три различных исторических периода начертания. Самые ранние - изображения, относящиеся к бронзовому веку. Кроме того, разновремененно, в Средние века были нанесены, во-первых, тамги трех семейств, датируемые VIII—IX вв., во-вторых, одним автором в IX—X вв. были нанесены две тюркские рунические надписи в алтайском изводе енисейского варианта алфавита. Содержание надписей можно рассматривать как манихейское; тогда можно считать, что в них говорится о покаянии воина, убивавшего животных на охоте, и о благодарении бога за избавление от болезней. В таком случае можно предполагать, что автор наскальных надписей был проповедником, знал известный сюжет о гибельной для пророка Мани дискуссии с шаханшахом Варахраном I в 276 г. и намеренно соединил в своих надписях две темы торжествующего манихейства — победившее врачевание и посрамленную военно-охотничью удадь. Написание слов *täjiri* и *altimiš* выявляет диалектные (киргизские?) особенности местной речи.

SUMMARY

There are three chronological groups of inscriptions on the Del-ula mountain in Mongolia. Most ancient ones are from Bronze Age; beyond that, at the different times in Middle Ages were inscribed, firstly, three families' tamgas of the VIII—IXth

centuries; secondly, near them, a single author has put two runic inscriptions in the Altai variant of the Yenisei alphabet in the IX—Xth centuries. Their contents can be interpreted as Manichaeic; in this case, they tell about a repentance of a soldier having killed animals on hunting and about a gratitude to god for disposal of diseases. It can be further assumed that the author of the inscriptions was a preacher, who knew a common plot about the discussion (disastrous for the prophet Mani) between Mani and the shahanshah Varahran I in 276 and intentionally connected in his inscriptions the two subjects of the triumphing Manichaeism — the victorious doctoring and the humbled military or hunting valour. Spelling of the words *tānjiri* and *altimīš* manifests some dialect features of the local speech, possibly Kirghiz.

Ключевые слова: Монголия, тюркская рунология, енисейская эпитафия, наскальные надписи, тюркское манихейство, тамги VIII—IX веков, особенности местной речи IX—X вв.

Keywords: Mongolia, Turkic runology, Yenisei epigraphy, rock inscriptions, Turkic Manichaeism, tamgas of the VIII—IXth centuries, features of the local speech of the IX—Xth centuries.

Кызласов Игорь Леонидович, Институт археологии РАН (Москва); kyzlasovil@mail.ru

Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); kyzlasovil@mail.ru

Уточнение праселькупской реконструкции гласных первого слога. Часть I. Анализ новых полевых материалов по нарымскому диалекту селькупского языка¹

В настоящее время существует достаточно большой разрыв между включением в исследования по сравнительно-историческому языкознанию материалов тазовского диалекта и данных по южным и центральным диалектам селькупского языка. Тазовский диалект достаточно хорошо описан, начиная с [ОчСЯ 1980]. В последние годы по нему опубликован ряд словарей, из которых наиболее значимым представляется [Helimski 2007], поскольку в нем обобщены и многолетние экспедиционные записи Е. А. Хелимского, и данные более ранних авторов.

Южные и центральные диалекты, которые еще в середине прошлого века были крайне многочисленными (более 20 говоров) и значительно отличались друг от друга, за последние десятилетия катастрофически исчезают. Если северно-селькупскими диалектами пока еще хорошо владеют несколько десятков носителей, то на южных диалектах селькупского языка, которые весьма непохожи на северные, говорят, по данным последних (2009—2011 гг.) экспедиций томских и московских исследователей, всего **три человека**: два носителя **нарымского диалекта** и один носитель **кетского диалекта**.

Надо сказать, что ученые XX в. понимали, насколько критична ситуация с носителями селькупского языка. А. П. Дульзон и его последователи постоянно организовывали экспедиции к южным селькупам; в результате этой работы был собран огромный материал экспедиционных записей — более 60 томов, каждый из которых содержит около 1000 страниц. Этот материал хранится на Кафедре-лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (г. Томск). Надо отдать должное томским ученым, которые во многом переработали данные экспедиционных записей и создали картотеки селькупско-русского и русско-селькупского словарей, каждая из которых содержит более 100 000 словоформ.

В 2005 г. в Томске под редакцией В. В. Быконя был издан «Селькупско-русский диалектный словарь» [Быконя 2005], который содержит более 25 000 слов. Издание этого словаря чрезвычайно важно для уральской лингвистики и, шире, — для изучения языков народов Сибири в целом. Большая часть слов из этого словаря отсутствовала в других словарях селькупского языка, изданных А. И. Кузнецовой, Е. А. Хелимским, Я. Алатало и другими исследователями [ОчСЯ 1980, 1993; Alatalo 2004; Helimski 2007].

Но, к сожалению, как это уже отмечалось в письмах Е. А. Хелимского к Я. Алатало, которые длительное время были открыты для общего просмотра на сайте www.helimski.com, в издании [Быконя 2005] опущено значительное количество информации, представленной в картотеке словаря. Наиболее важные упрощения, принятые В. В. Быконя, сводятся к следующему: 1) в словаре опущены диакритические знаки над буквами, в первую очередь ударение; 2) в картотеке словаря для каждой словоформы указан населенный пункт, в котором она была зафиксирована, а в самом словаре указываются этнические названия (по данным А. П. Дульзона) разных групп селькупов, живших в этих населенных пунктах.

Как выяснилось в результате работы с картотекой, материалы, записанные в каждом из населенных пунктов, при описании говоров целесообразнее анализировать по отдельности в связи со значительными различиями между ними. Однако и в картотеке нередко один и тот же корень в разных словоформах записывается двумя или большим количеством разных способов. К сожалению, получилось так, что в словаре [Быконя 2005] эти однокоренные лексемы могут находиться в разных частях словаря, который организован по алфавиту. Вероятно, из-за этих проблем материал южных и центральных диалектов, собранный А. П. Дульзоном, в настоящее время проанализирован слабо с точки зрения фонетики и сравнительно-исторического языкознания.

В 2004 г. был опубликован словарь Я. Алатало [Alatalo 2004], в нем представлен богатый материал К. Доннера, У. Т. Сирелиуса и Я. Алатало, предложены новые интересные прасамодийские этимологии, гипотезы о заимствовании селькупских слов из тюркских, тунгусских, кетского языков. Но надо отметить, что и в этом словаре многие слова имеют двойное отражение. Вероятно, с одной стороны, это связано с тем, что в исчезающих селькупских южных и центральных говорах, действительно, вариативность присутствует в гораздо большей степени, чем в языках, имеющих литературную норму и активно используемых в общении. С другой стороны, как показывает анализ полевого материала, собранного от носителей нарымского диалекта, в программе Praat, в ряде случаев вариативность там, где ее слышит

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-04-12019.

носитель европейских языков, отсутствует. Просто сами селькупские гласные фонетически отличаются от своих европейских аналогов. Например, нарымская фонема [o] имеет большой набор аллофонов от очень открытого [ɔ] до закрытого варианта [o], который иногда трудно различим с [u]. Анализ формант большого количества примеров, их неоднократных произнесений, показывает, что это одна фонема. Но, например, носитель русского языка при первичной записи с большой долей вероятности будет записывать две разных графемы *o* и *u*.

Неадекватность транскрипции селькупских слов в ранних источниках отмечается и в словаре [Alatalo 2004]. Во вступлении к словарю написано, что автор не считает материал надежным, если слово представлено, например, только у К. Доннера, поскольку в его записях отмечены многочисленные ошибки. Я. Алатало на входе словарной статьи приводит основу слова; сами же слова упорядочивает в специально заданном порядке консонантов — в связи с тем, что данные по гласным он считает неточными («*ungepaueu*»).

В других работах по сравнительно-исторической самодистике, в которых делается попытка предложить систему рефлексации прасамодийских гласных в селькупском (в рукописи Ю. Янхунена, которая была роздана на семинаре в г. Гамбурге и любезно передана мне Е. А. Хелимским, и в монографии [Mikola 2004]), привлекаются к анализу фактически только тазовские данные, зачастую в усеченном варианте, например, в них отсутствуют два *e* — *e* (напряженное) и *ε* (ненапряженное) — и два *i* — *i* (напряженное) и *i* (обычное). Как будет показано ниже, эти тазовские фонемы имеют особые соответствия в нарымском и среднеобском диалектах, поэтому они должны реконструироваться и для праселькупского языка и, соответственно, учитываться при анализе развития прасамодийской системы в праселькупскую.

В связи с этим представляется очень важным попробовать описать качественные противопоставления в системе вокализма в селькупских диалектах, опираясь на результаты анализа аудиозаписей в фонетической программе Praat, поскольку при этом транскрипция будет строиться не на интуиции исследователя, а на основании формантного анализа. Ранее инструментальный анализ уже применялся к аудиозаписям южных и центральных селькупских диалектов, например, в диссертации [Глушков 2002] (см. в ней также подробную библиографию других исследований фонетики селькупских диалектов). Но в предшествующих работах, в первую очередь, обследовалась длительность гласных в разных диалектах. Этому вопросу будет посвящена II часть статьи, в которой мы рассмотрим более ранние исследования подробнее.

В настоящее время нам доступны аудиозаписи трех южных и центральных селькупских диалектов: нарымского, кетского и среднеобского. Нарымский и кетский словари доступны по адресу lingvodoc.ispras.ru, среднеобский словарь в настоящее время создается на основе архивных записей Новосибирского государственного университета под руководством И. А. Селютиной.

В настоящей I части статьи будут рассмотрены данные нарымского и — менее подробно — кетского диалектов, релевантные для уточнения качества праязыковых гласных, а во II части — данные среднеобского диалекта, которые важны для обоснования количественного противопоставления праселькупских фонем.

Кроме того, в I части приводятся результаты транскрипции нарымского диалекта, сделанной с учетом данных фонетической программы Praat, и ее сравнения со среднетазовскими данными по словарю [Helimski 2007].

Материал, на котором базируется статья, был собран Н. Л. Федотовой в 2009—2010 гг. в поселке Парабель от двух носителей нарымского диалекта селькупского языка — Ирины Анатольевны Коробейниковой и Якова Яковлевича Мартынова. В 2009 г. от обоих носителей был собран словарь исконной лексики (около 400 слов) и, насколько было возможно, несколько парадигм, которые они вспоминали с трудом. В 2010 г. от И. А. Коробейниковой, которая владеет языком несколько лучше, чем Я. Я. Мартынов, был записан полный словарь, включающий около 2000 лексем.

Позднее материал был нарезан Н. Л. Федотовой на отдельные словоформы, Н. В. Дубровская сделала первичную транскрипцию, Р. И. Идрисов провел обработку языковых данных в фонетической программе Praat, после чего Ю. В. Норманская сделала корретировку транскрипции и объединила материал по словообразовательным гнездам.

Ниже приводятся таблица соответствий и полный список корней, на основании которых она составлена. Для каждого корня имеется в среднем от 3 до 5 словообразовательных производных, но они не включены в статью для экономии места. Полный материал словаря доступен по адресу lingvodoc.ispras.ru².

² Отмеченное в этих материалах разноместное ударение было проанализировано с учетом данных об ударении в селькупских говорах в картотеке А. П. Дульзона в работах [Норманская 2012а, б; Норманская, Шешенин, Федотова 2012]. После этого системы ударения в центральных и южноселькупских диалектах сравнивались с системой

Мы также постарались во всех случаях привести параллели для рассматриваемых слов из словарей [Alatalo 2004; Janhunen 1977]. Следует сказать, что отличия предложенной нами реконструкции от типов основ, приведенных в заголовках словарных статей Я. Алатало, носят в ряде случаев систематический характер, но в нескольких словах, как нам представляется, эти отличия связаны с неточностями в записях авторов, чьи данные собраны в словаре [Alatalo 2004].

Остановимся на систематических различиях:

1) одно из основных различий касается отражения долгих гласных. Следует отметить, что в этом вопросе реконструкция, предлагаемая в настоящей статье, не носит законченного характера. Это связано с тем, что фонологическая долгота гласных в нарымском диалекте отсутствует. Поэтому на основании парного сравнения среднетазовских данных и нарымского диалекта праселькупскую долготу реконструировать не удастся.

Во II части статьи будет проведено сравнение данных среднеобского диалекта и среднетазовского словаря Е. А. Хелимского, которое позволит надежно верифицировать гипотезу о праселькупском противопоставлении долгих и кратких гласных. В настоящее время на основании сравнения данных из словарей [Alatalo 2004; Helinski 2007] это сделать сложно, поскольку приведенные в них северные (у Е. А. Хелимского) и южные и центральные данные (у Я. Алатало) зачастую противоречат друг другу. Приведем несколько примеров (таз. цитируется по [Helinski 2007], Сельк. — по [Alatalo 2004]):

таз. *quraltıqo* [СЕОИ] | ‘заставить, приказать; назначить’ — Сельк. *kūralčə-*

таз. *quntıqo* [ЕО] | ‘умирать, тяжело болеть’ — Сельк. *kū-* < ПС **kâə-* < ПУ **kola*

таз. *qomtä* [С *qōmtä*; МДЕОИ] | ‘деньги’ — Сельк. *k,ōmtä*

таз. *qōrj* [СХсИ] | ‘муксун’ — Сельк. *kōr(ə)* (кам. *kuro*)

таз. *tentıqo* [С *tēntıqo*; МЕО] | ‘рассказывать’ (тур.) — Сельк. *čēnču* (кам. *t'enu*).

Дальнейшие примеры таких несоответствий можно найти ниже. Таким образом, на данный момент часто не вполне ясно, какому словарю следует доверять относительно правильной фиксации селькупской долготы. Мы надеемся, что анализ архивных материалов среднеобского диалекта позволит прояснить вопрос.

2) При указании гласных первого слога основы [Alatalo 2004] не всегда отмечаются те различия, которые были выявлены Е. А. Хелимским для среднетазовского диалекта. Например, в этом диалекте выделяют две фонемы — *ε* и *e*, — которые имеют разные соответствия в нарымском и среднеобском диалектах, а потому должны быть реконструированы для праселькупского. Я. Алатало в своих типах основ восстанавливает лишь фонему *e*.

3) В ряде случаев для праселькупского языка представляется необходимым реконструировать особую фонему на основании особой рефлексии в нарымском диалекте и внешних соответствий в других самодийских языках. Это, например, два ряда соответствий:

таз. *ii*, нар. *ō* vs. таз. *ii*, нар. *ii*

Как можно видеть из материала, приведенного ниже, в тех случаях, когда в нарымском диалекте *ō* соответствует таз. *ii*, в других самодийских языках присутствует дифтонг, поэтому для этих рядов соответствий следует реконструировать различные праселькупские фонемы.

Несистемные отличия предлагаемой реконструкции от типов основ по [Alatalo 2004] отмечены ниже при разборе конкретных слов.

Таблица 1

Праселькупская реконструкция на основании сравнения данных среднетазовского диалекта по [Helinski 2007] и полевых данных по нарымскому диалекту

1. ПСельк. **a* > таз., нар. *a*
2. ПСельк. **ā* > таз. *ā*, нар. *a*
3. ПСельк. **o* > таз. *o*, нар. *o*
4. ПСельк. **u* > таз., нар. *u*
5. ПСельк. **uo* > таз. *e*, нар. *ve*³
6. ПСельк. **y* > таз. *e*, нар. *e*
7. ПСельк. **e* > таз. *e*, нар. *a*

ударения повелительного наклонения глаголов в тазовском диалекте по архивным записям Е. А. Хелимского. На основании этого сравнения в [Норманская 2014] была предложена гипотеза о праселькупском разноместном ударении.

³ Здесь и далее в таблице полужирным шрифтом выделены случаи, когда одна тазовская фонема имеет разные соответствия в нарымском диалекте.

8. ПСельк. *ε > таз., нар. *ε*
 9. ПСельк. *ä > таз. *e*, нар. *a*
 10. ПСельк. *e > таз., нар. *e*
 11. ПСельк. *üə > таз. *ö*, нар. *ve*
 12. ПСельк. *ö* > таз., нар. *ö*
 13. ПСельк. *y > таз. *ü*, нар. *ö*
 14. ПСельк. *ü > таз., нар. *ü*
 15. ПСельк. *i > таз. *i*, нар. *i*, *ε*
 16. ПСельк. *i > таз. *i*, нар. *i*, *ε*-
 [17. ПСельк.*i > таз. *i*, нар. *i*]⁴
 18. ПСельк. *i > таз., нар. *i*

Примеры

1. ПСельк. *a > таз., нар. *a* (< ПС *ä)

1) таз. *qaj*, (Тур.) *qāj* [СМЕОИ] | ‘что, (редко) кто; что-либо; что за; ли; что ли, вроде’ — нар. *kajl* ‘какой’ < Сельк. *қажі*⁵

2) таз. *qatj* [СМДЕОИ] | ‘ноготь; коготь; копыто; крюк’ — нар. *kad* ‘ноготь’ < Сельк. *қатә* < ПС **kātā*⁶ < ПУ *künče

3) таз. *qari* [СЕОИ] | ‘утро’ — нар. *kart* ‘утро, утром’ < Сельк. *қарә* (ср. кам. *k’ar’ld’en*, *қ’orod’on* ‘утро’)⁷

4) таз. *qara(t) topjr* [СОИ] | ‘клюква’ — нар. *karat teóbir* ‘клюква’ (досл. ‘журавлиная ягода’) < Сельк. *қара* < ПС **kârâ-* (?*kârâjâj) < ПУ *karke (*kurke)

5) таз. *qaptiqo* [СМДЕОИ] | ‘погасить; гаснуть’ — нар. *kaptegu* ‘потушить, погаснуть’ < Сельк. *қартә* < ПС **kāptā-* < ПУ *kupsa

6) таз. *qarcä ~ qarjçä* [СЕО] | ‘потом, позже’ — нар. *kateé* ‘потом’ < Сельк. *қарәјә*

7) таз. *qantiqo* [ОИ] | ‘замерзнуть’ — нар. *kadétegu* ‘заморозить’ < Сельк. *қанта* < ПС **kāntz-* < ПУ **konta*⁸

8) таз. *qantj* [Е] | ‘сани, нарта’ — нар. *kandz* ‘нарты’ < Сельк. *қанçә* < ПС **kāncâ-*

9) таз. *karrä* | ‘вниз’ — нар. *kar’é* ‘вниз, под гору, на гору, к реке, на берег, на очаг, в огонь’ < Сельк. *қарә*

10) таз. *karal’mo* [С] | ‘землянка’ — нар. *karamó* ‘карамо (землянка)’ < Сельк. *қара-мо*

11) таз. *jarjñ3 ~ ВТ тж. n’arjñ3* [ЕОН] | ‘другой’ — нар. *arq* ‘другой’ < Сельк. *һә- ~ ja-*

12) таз. *atäliqo* [О] | ‘показаться, завиднеться’ — нар. *adəgu* ‘показаться, виднеться’ < Сельк. *ату-* < ПС **ātā-*

13) таз. *aptj* [СМДЕОИ] | ‘запах, аромат; вкус (как положительное свойство пищи)’ — нар. *apt* ‘запах’ < Сельк. *aptә* < ПС **āptā-* < ПУ **ipV ~ *ipV-sV ~ *ipV-šV*

14) таз. *apstiqo* [СЕ; D *apsjtj-*; ОИ] | ‘накормить; зарядить, заправить’ — нар. *avirgu* ‘есть, кушать’ < Сельк. *ам-* < ПС **ām-* < ПУ **amta-*

15) таз. *antj* [СМДЕОИ] | ‘челнок, лодка-долбленка («ветка»)’ — нар. *and/t* ‘обласок, лодка’ < Сельк. *анту* < ПС *āntāj

16) таз. *alako ~ ВТ alaka* [МЕОИ] | ‘лодка’ — нар. *alagó* ‘крытая лодка’ < Сельк. *алакә* (см. тунг. параллели в [ТМС: 460])

17) таз. *saltj ~ (редко) sältj* [СМДЕОИ] | ‘пень, обломанный остов дерева’ — нар. *χal(‘)čz* ‘столб, пень’ < Сельк. *салә* < ПС **sālcâ-* < ПУ *solče

18) таз. *sajj* [СМДЕОИ] | ‘глаз, глаза; зрение’ — нар. *χaj* ‘глаз, глаза’ < Сельк. *сајі* < ПС **sājma-*

19) таз. *taqgoš ~ taqqaš ~ tšqgoš ~ tšqqaš* [СМЕОИ] | ‘подстилка, постель из оленьих шкур’ — нар. *тәкәф* ‘постель, матрас, одеяло’

⁴ Здесь и ниже в квадратные скобки взяты соответствия, которые представляются не вполне надежным для реконструкции особой фонемы в связи с небольшим количеством примеров и неоднозначными внешними соответствиями.

⁵ Здесь и далее Сельк. форма приводится по словарю [Alatalo 2004]; в ряде случаев она отличается от реконструкции гласных первого слога, предлагаемой в настоящей статье.

⁶ Здесь и далее ПС форма приводится по словарю [Janhunen 1977].

⁷ Здесь и далее этимологии селькупских слов приводятся по словарю [Alatalo 2004]. В рамках настоящей статьи не ставится цели проанализировать их достоверность.

⁸ Здесь и далее ПУ форма приводится по словарю [UEW].

- 20) таз. *qatqj* [CgDHXcXk] | ‘дым; (Xc, Xk) туман’ — нар. *káskil* ‘дымный’ < Сельк. *қаңқу* < ПУ *kačkV
- 21) таз. *qamI* [CMDEOI] | ‘холст; полог’ — нар. *kab* ‘полог (защита от мошек и комаров, из марли)’ < Сельк. *қам*
- 22) таз. *qal’ porqj ~ qamjil’ porqj* [СМЕОИ] | ‘рубашка, платье’ — нар. *kabórg* ‘рубашка, платье’ < Сельк. *қам*
- 23) таз. *qanar* [СМЕ] | ‘верша (плетеная ловушка для рыбы в запоре)’ — нар. *kar* ‘морда (ловушка для рыбы)’
- 24) таз. *qatamīqo ~ qatamīl’ciqo* [EO] | ‘чему случиться’ — нар. *katá:vəgu* ‘случиться’ < ПС **kāt’ā-*
- 25) таз. *qaqlj* [СМЕОИ] | ‘нарта, сани’ — нар. *kavəl* ‘сани-кошовка (плетеные из прутьев)’ < Сельк. *қаңла* (< Тю *kañly* [Räsänen 1969: 232a])
- 26) таз. *laña* [CMDEOI] | ‘язь’ — нар. *la* ‘язь’ < Сельк. *лаңа* (ср. в.-нем. *rañku-*)
- 27) таз. *lapj* [СМ; D тж. *lāpj*; EO; Xk тж. *lāpj*; И] | ‘весло’ — нар. *lab* ‘весло, лопата’ < Сельк. *лапу* < ПС *lāpз < ПУ *lapa
- 28) таз. *lappo ~ lappa* [МЕНИ] | ‘лопата’ — нар. *lapá* ‘лопата’ < Сельк. *лаппа*
- 29) таз. *lata ~ latta* [CgMDE] | ‘черкан (самострельная деревянная ловушка, ставится особенно на горностаев, белок)’ — нар. *ladá* ‘черкан’ < Сельк. *лата*
- 30) таз. *laka* (Du. *lakāqj ~ lakāqj*) [CMDEOI] | ‘кусок, штука; ком, кучка’ — нар. *lagá* ‘кусок, крупинка’ < Сельк. *лака* < ПС *lākā
- 31) таз. *laqirjo ~ laqirjo* [CMDEONI] | ‘двигать, трогать, шевелить, шатать, раскачивать, качать, кивать’ — нар. *lagergú* ‘потрогать, пошевелить’ < Сельк. *лақә* < ПС **lākз-*
- 32) таз. *lattar* [CMDEO] | ‘покойник, труп; (ВТ тж.) черт’ — нар. *latár* ‘черт’ < Сельк. *латтар*
- 33) таз. *laqjo* [O] | ‘хохотать’ — нар. *lakvátprugu* ‘смеяться’ < Сельк. *лақә- ~ рақә-* < ПС **lākā-*
- 34) таз. *malaqo* [СЕО] | ‘грызть’ — нар. *malálgu* ‘сгрызть, обглодать’ < Сельк. *мала-* < ПС **mālā-*
- 35) таз. *man2*, (Тур.) *man3* [CMDEOI] | ‘я, мой’ — нар. *man* ‘мой’ < Сельк. *ман* < ПС *mān < ПУ *mE
- 36) таз. *manj* [CDO] | ‘penis’ — нар. *man* ‘мужской половой орган’ < Сельк. *манә* < ПС *mānā < ПУ *muna
- 37) таз. *mantjo* [MDEO] | ‘взглянуть, посмотреть’ — нар. *mantéolgu* ‘взглянуть’ < Сельк. *манчә-* < ПС **māncз-*
- 38) таз. *mattjo* [O] | ‘резать, рубить, пилить, кроить’ — нар. *mačzəgú* ‘отрезать, пораниться, порезать’ < Сельк. *мачә-* < ПС **mācā-*
- 39) таз. *n’ari* [CMDEOI] | ‘тундра; (ВТ) болото’ — нар. *n’ar* ‘болото’ < Сельк. *нарә-*
- 40) таз. *na* [СМЕ; D *nā*; ОИ] | ‘этот, тот’ — нар. *na* ‘этот, эта, это’ < Сельк. *на* < ПС *nз
- 41) таз. *narku* [D] | ‘барсук’ — нар. *nark* ‘барсук’ < Сельк. *нарку*
- 42) таз. *nantjo* [E] | ‘потереть друг о друга; на-, с-, вытереть, намазать’ — нар. *natkilgú* ‘вытереть, натереть, стереть, протереть, смолоть’ < Сельк. *nat < ПС *nāt < ПУ *nusV (*nušV)
- 43) таз. *nāqalqo ~ naqqalqo* [EO] | ‘вздремнуть, задремать’ — нар. *nāgalgu* ‘дремать’ < Сельк. *нāқәл-*
- 44) таз. *paqilqo ~ paqqilqo* [СЕН] | ‘выкопать, выковырять, отколоть / выдрать кусок, сделать углубление, сделать вырез, выдолбить, вырезать (метку в ухе оленя)’ — нар. *pakilgú* ‘копать’ < Сельк. **paқ-*
- 45) таз. *parkjo* [O] | ‘выжимать; стирать; доить; сморкаться’ — нар. *pargl’əspugu* ‘доить’ < Сельк. **par-*
- 46) таз. *parin’itil’* [СО] | ‘горький’ — нар. *paridəl* ‘горький’ < Сельк. **pariñi-* < ПС **pārā-*
- 47) таз. *passaiqo ~ passəqo ~ passəciqo* [CMDEOI] | ‘лопнуть; треснуть, расколоться; взорваться; выстрелить (о ружье)’ — нар. *pas(s)édzəgu* ‘треснуть, расколоть, разбить’ < Сельк. *пasi* < ПС *pāsā
- 48) таз. *parqo* [CD] | ‘свить, сплести’ — нар. *pá:rgu* ‘сплести две косы’ < Сельк. *пар-* (< *pañar-*) < ПС **pān-*
- 49) таз. *parāñз* [CMDEO] | ‘пешня’ — нар. *párik* ‘пешня’
- 50) таз. *patqo* [EOI] | ‘заходить (о светиле); залезать, попадать (внутри), погружаться, увязать, нырять’ — нар. *pátku* ‘зайти (о солнце)’ < Сельк. *пат-* < ПС *pāt
- 51) таз. *pañj* [CMDEOI] | ‘нож’ — нар. *pái* ‘нож’ < Сельк. *паңә*
- 52) таз. *qatjo* [СЕ] | ‘куда деться’ — нар. *kadibólgu* ‘деть’ < Сельк. *қату-* < ПС **kātā-*
- 53) таз. *qaljo* [СЕОИ] | ‘остаться, отстать’ — нар. *kaligú* ‘остаться’ < Сельк. *қали-* (< Тю **kāl-* [Räsänen 1969: 224a])
- 54) таз. *qamtjo* [СМЕОИ] | ‘налить, насыпать’ — нар. *qamčəgú* ‘пролить, налить, наливать’ < Сельк. **қам-* < ПС **kāmčā-*
- 55) таз. *qarjri(m)pij’* [СОИ] | ‘жирный (о человеке или животном)’ — нар. *kábirbəl* ‘толстый, жирный’ < Сельк. *қарә* (кам. *құрбәл’а’m*)
- 56) таз. *tapirjo* [СЕО] | ‘взбрыкивать, лягать, пинать’ — нар. *tabətəgú* ‘лягаться’ < Сельк. **tap-*
- 57) таз. *takoljo ~ takaljo ~ takk-* | ‘собратиться’ — нар. *takəlgú* ‘собрать’ < Сельк. *taқ < ПС **tāk-*

58) таз. *tal'cǝ* [СМИ] | 'хвост' — нар. *tal'ɬ* 'хвост' < Сельк. **talǝ* < ПС **t'ǝjwǝ* (сравнение с сельк. предложено в [Alatalo 2004]).

59) таз. *tapcǝlǝ* [МЕОИ] | 'сегодня' — нар. *tapte'él* 'сегодня' < Сельк. *tam* < ПС *tǝ(-)*

60) таз. *tar (tarǝ-)* [СМЕОИ] | 'шерсть, мех; волосы (не на голове у человека); оперение, пух' — нар. *tar* 'мех, шерсть' < Сельк. *tar* < ПС **tǝr*

61) таз. *tarǝmpǝqo* [СЕОИ] | 'дрожать, трястись' — нар. *targvǝtpugu* 'трястись от страха' < Сельк. *tar(rǝ)-*

62) таз. *tan2*, (Тур.) *tan3* [СМЕОИ] | 'ты, твой' — нар. *tat* 'ты' < Сельк. *tan* < ПС **tǝn* < ПУ **tE*

63) таз. *palqǝn3* [С *palqoǝ*; ДЕОИ] | 'морозка' — нар. *palǝǝ* 'морозка' < Сельк. *palǝqoǝ*

64) таз. *tattǝqo* [ЕОН] | 'носить, приносить, возить, привозить' — нар. *tǝdǝrgu* 'нести, везти, тащить' < Сельк. *tat-* < ПС **tǝ-* < ПУ **toye*

65) таз. *tanǝ* [СМЕОИ] | 'лето' — нар. *tǝi* 'лето' < Сельк. **tanǝ* < ПС **tǝŋ* < ПУ **sunǝ*

66) таз. *šarǝŋ3* [МЕ] | 'удочка, рыболовный крючок; (Тур.) удочка' — нар. *šabi'k* 'рыболовный крючок, удочка' < Сельк. *šarǝk* (~ *šarǝŋ?*)

67) таз. *capǝtǝ* [СМДЕОИ] | 'роса, туман' — нар. *tǝ'apt* 'роса, иней' < Сельк. *ǝapǝtu* < ПС **ǝǝptǝ* < ПУ **ǝpǝša*

68) таз. *capǝtǝ* [МДЕОИ] | 'сказка' — нар. *tǝ'apǝtǝ* 'сказка' < Сельк. *ǝapǝtǝ* < ПС **ǝǝptǝ* < ПУ **ǝukta-*

69) таз. *carǝ* [ДЕОН] | 'подобно, как (в метафорических сравнениях; послелог, присоединяемый к локативной адъективной форме)' — нар. *tǝ'ar'ǝ* 'наподобие' < Сельк. *ǝar*

70) таз. *carǝm3* ~ *cǝrǝm3* [СМДО] | 'толстый (о предметах)' — нар. *tǝ'arm* 'толстый' < Сельк. *ǝarǝ* < ПС **ǝǝrǝ*

71) таз. *n'anjǝ* ~ *n'anjǝl'* | 'голый' — нар. *n'al* 'голый' < Сельк. **nǝnǝ* < ПС **nǝnǝ*

Во всех вышеприведенных случаях наша реконструкция и гласный в селькупских основах по Я. Алатало совпадают, но в трех случаях ниже у Я. Алатало приводится *ǝ*. Рассмотрим эти случаи:

72) таз. *ǝl'cǝqo* [СМДЕОИ] | 'упасть; выпасть, случиться; попасть, оказаться где-л.' — нар. *ǝl'tǝǝgu* 'упасть, провалиться' < Сельк. *ǝl'ǝ-*

По данным [Alatalo 2004], в ряде случаев присутствует долгота в тымских формах. Но интересно отметить, что там же приводится и ряд форм с *ǝ* и *a* в первом слоге, то есть без долготы, иногда с грависом. Это показывает, что и в тымском диалекте, по архивным записям, долгота первого гласного в этом слове не была постоянной. В [Alatalo 2004] также указано, что в тазовском диалекте долгота гласного первого слога отсутствует.

73) таз. *takkǝ* [СЕО] | 'вниз (по течению реки), в низовья; на север, (ВТ) на запад' — нар. *tak* 'север, низовье реки' < Сельк. *tǝk* < ПС **t'ǝkǝ*

В этом слове по [Alatalo 2004] в большинстве падежей зафиксированы формы с кратким гласным: в номинативе, субстантиве в диалектах представлены только формы с кратким гласным. В дативе, локативе, локативе-аблативе представлены формы как с кратким, так и с долгим гласным, при этом количественно форм с кратким гласным больше, и только в аблативе представлена одна форма с долгим гласным. Интересно, что все формы с долготой отмечены только в среднекетском диалекте, во всех остальных диалектах из разных групп зафиксированы только формы с кратким гласным.

74) таз. *sattǝqo* [О] | 'кусать, кусаться, быть кусачим' — нар. *šǝdǝǝgu* 'кусать, откусить, укусить, ужалить' < Сельк. *sǝǝ-* < ПС **sǝc-*

В этом слове присутствуют формы как с долгим, так и с кратким гласным первого слога. Формы с долгим гласным представлены в тымском и верхне- и среднекетском диалектах, а формы с кратким — в тымском, среднекетском и диалекте Чая.

В трех лексемах в [Alatalo 2004] приводятся гласные в основах, отличающиеся от нашей реконструкции не только по долготе, но и по качеству. Рассмотрим эти случаи.

76) таз. *aral'mo* | 'прорубь' — нар. *aramǝ* 'прорубь' < Сельк. *ǝra(l')mo* ~ *ǝrǝ(l')mo* < ПС **er-*

В этом слове практически во всех селькупских диалектах (в тазовском, тымском, Чая) по словарю [Alatalo 2004] гласный первого слога — *a*, и только в среднекетских записях, собранных самим автором словаря, указан *ǝ* / *e*, который Я. Алатало и указывает в основе, приведенной в заголовке словарной статьи. Среднетазовские и нарымские данные, собранные Е. А. Хелимским и нами, не дают для этого оснований, равно как и архивные записи других ученых, приведенные в [Alatalo 2004].

77) таз. *ara* [СЕО] | 'осень' — нар. *arǝ* 'осень' < Сельк. **ǝra* < ПС **ǝrǝǝjǝ* < ПУ **ǝrV*

Ситуация в этом слове с гласными такая же, как в предыдущем случае. В всех диалектах (тымском, Чая, васюганском) по архивным записям представлено *a* в первом слоге, а в среднекетских, по записям Я. Алатало, — *ǝ*, которое и выведено в тип основы. Следует отметить, что и ПС реконструкция анлаут-

ного *ε не вполне надежна, поскольку она базируется исключительно на ненецком материале и имеет противоречия не только в селькупском, но и в маторском языке (мат. *örö(h)* 'осень' [Helismki 1997: 330]).

78) таз. *kanaŋʒ* [CMDEOI] | 'собака' — нар. *qanâq* 'собака' < Сельк. *keŋaŋ < ПС *wen

Ситуация с этим словом аналогична описанной выше. По [Alatalo 2004] во всех диалектах по архивным записям (тымском, васюганском, Чая, обском, среднекетском в записях Доннера, тазовском) в первом слоге указан гласный *a*; в среднекетском по записям Я. Алатало — *ε*, которое и выведено в тип основы. Как уже было сказано выше, анализ полевых данных Е. А. Хелимского и наших подтверждает гипотезу об *a* в первом слоге. Представляется целесообразным проанализировать записи Я. Алатало в фонетической программе с целью определения формантной структуры гласного в этих словах и ее сравнения с гласными *a* и *ε* в других лексемах. Представляется, что в случаях спорной транскрипции именно такой объективный анализ может дать окончательный ответ, действительно ли в среднекетском произошло изменение праселькупского гласного *a > *ε*. Реконструкция же *a в этих лексемах выглядит надежной, потому что она подтверждается абсолютным большинством данных по всем селькупским диалектам.

2. Псельк. *â > таз. *ɔ̄*, нар. *a* (< ПС *ä, *âj)⁹

1) таз. *šmtiqo* [CDEOI] | 'сидеть; стоять (о предмете); проживать, жить оседло (не кочуя)' — нар. *ámðəgu* 'сидеть, стоять (о предметах)' < Сельк. *āmti-* < ПС *āmtâ vs. *āmtz < ПУ **amV-*

2) таз. *šŋkj* [CMDOI] | 'сон (состояние)' — нар. *áng* 'сон' < Сельк. *āŋku* < ПС *eŋwâ

3) таз. *šəqj* ~ *aqj* [OI] | 'вытянутое проточное озеро' — нар. *áqqa* 'протока, большое длинное озеро'

4) таз. *šntalqo* [СЕНИ] | 'обрадоваться' — нар. *andâldəgu* 'обрадовать' < Сельк. *āntə-*

5) таз. *šmtalqo* [O] | 'боднуть' — нар. *ámðəlgu* 'забодать' < Сельк. *āmtal-* < ПС *āmtâ < ПУ *aŋtV (*oŋtV)

6) таз. *qšŋʒ* [O] | 'гром' — нар. *kannóp* 'гроза, гром, молния (досл. гром небесный)' < Сельк. *qāŋ* < ПС *kâjŋ

ПС *kâjŋ

7) таз. *qšsira* ~ *qšsirä* [СМЕО] | 'кедровка' — нар. *kázara* 'кедровка' < Сельк. *qāsər* < ПС *käsâ

8) таз. *qšriqo* [И] | 'тесать' — нар. *kabálg* 'обтесать' < Сельк. *qāpə* < ПС **kāpə-*

9) таз. *qšmja* ~ *qšmjal* [CMDEOI] | 'короткий' — нар. *ká.vga* 'короткий' < Сельк. *qāmə* < ПС *kājm

10) таз. *qšmalqo* [СЕО] | 'обнять; взять в охапку' — нар. *kávəlg* 'обнять' < Сельк. *qāmal-* < ПС *kāmâ vs. *kemâ < ПУ **komV(rV)*

11) таз. *kšnsanʒ* ~ *kšntsánʒ* ~ *kansanʒ* [CMDEO] | 'трубка' — нар. *kandz* 'курительная трубка' < Сельк. *kaŋsa* (< Тю *kaŋza* [Räsänen 1969: 232b])

12) таз. *(iš)kšša* ~ *(iš)qšša* [ДЕН] | 'сорока' — нар. *qá.za* 'сорока' < Сельк. *qāša*

13) таз. *šŋʒ* [CMDEOI] | 'рот; устье; отверстие' — нар. *a.núg* 'губа' < Сельк. *āŋ* < ПС *äŋ < ПУ *aŋe

14) таз. *sšttj* [CMDOI] | 'крапива; конопля' — нар. *χatə* 'конопля' < Сельк. *sāččü*

15) таз. *sšriqo* [CMDEOI] | 'завязать, связать, привязать; повязать (платок); (редко) запречь' — нар. *χartkú* 'привязать' < Сельк. *sāwə-* < ПС **sürâ-* < ПУ *šalV (U *šada, Ug. *salV)

16) таз. *sšntirqo* [CMDEOI] | 'играть' — нар. *χándzarte* 'игра' < Сельк. *sānə* < ПС **sänâ-*

17) таз. *qšn'j* (*sajjt qšn'j*) [СМНХс] | 'слеза' — нар. *χajtkáj* 'слеза, слёзы' < Сельк. *qāni* < ПС *kâhâ vs. *kâjnâ < ПУ **küñe(-IV)*

18) таз. *qštl* [CDEOI] | 'лоб' — нар. *kat* 'лоб' < Сельк. *qāt* < ПС *küt

19) таз. *mš* [CMDOI] | 'утка-крохаль (И гага)' — нар. *ma* 'утка-крохаль (большая белая утка)' < Сельк. *mā* (кам. *ma*)

20) таз. *mštl* [CMDEOI] | 'чум, дом' — нар. *mat* 'дом, домой' < Сельк. *māt* < ПС *müt < ПУ *müttV (*mVttV)

21) таз. *mštir* [CDEOH] | 'богатырь, предводитель отряда воинов' — нар. *matúr* 'богатырь' < Сельк. *māt* (< Тю *mātur* [Räsänen 1969: 331, 65])

22) таз. *mštirqo* [CMDEOI] | 'просить' — нар. *mádərgu* 'выпросить, просить' < Сельк. *mātər-* < ПС *mätâjr

23) таз. *nšntj* [CDEO] | 'живот, брюхо; изгиб дерева, крень (твердая древесина, образующаяся у некоторых пород на изгибе)' — нар. *nandz* 'живот у беременной женщины' < Сельк. *nāñčə* < ПС *āñcə ~ *nāñcə

24) таз. *nškir* ~ *nšr* [CgDMEOI] | 'три' — нар. *nágur* 'три' < Сельк. *nākur* < ПС *nākâr

25) таз. *pšrj* [СМЕО] | 'верх, верхушка, вершина; верховья; крыша; макушка; голова (верхняя часть под волосами); полнота' — нар. *par* 'верх, поверхность, макушка, верхушка, вершина' < Сельк. *pār*

⁹ Здесь и далее в качестве ПС этимонов указываются только те, которые встретились три раза или более в рассматриваемых примерах.

26) таз. *p̄rtiŋo* [МИ; Н] | ‘опалить, обжечь’ — нар. *partəgú* ‘разжечь, зажечь’ < Сельк. *parčə* < ПС **p̄rā*

27) таз. *p̄ralqo* [СДОИ] | ‘вернуться, возвратиться’ — нар. *pá:relgu* ‘повернуть, повернуться, вернуть’ < Сельк. *p̄ral-* (кам. *p̄ār’-*)

28) таз. *q̄ñ’äqo* [СО] | ‘прикрыть, накрыть’ — нар. *kájegu* ‘накрывать, прикрывать, закрыть, накрыть’ < Сельк. *q̄ñä-* < ПС **k̄ñz*

29) таз. *t̄mmj* [СЕН] | ‘на юг, (С) вверх по течению’ — нар. *tam* ‘вверх по реке’

30) таз. *t̄qqiqo* [МЕОИ] | ‘погнать, перегнать (олений, скот); выгнать, прогнать’ — нар. *tákəlgu* ‘гнать, выгнать, прогнать’ < Сельк. *čokku-*

31) таз. *t̄riŋo ~ t̄rŋo* [СЕНХс] | ‘разделить’ — нар. *tárgu* ‘поделить, обменять’ < Сельк. *tār-* < ПС **tār-* ~ **tārə-*

32) таз. *ātä ~ Тур. ātā* [СМЕОИ] | ‘олень (северный); домашний олень’ — нар. *áfte* ‘олень’ < Сельк. *ācātü / ātū*

33) таз. *c̄p̄j* [СМДЕОИ] | ‘лист (растения); табак, курево’ — нар. *tə’ab* ‘лист’ < Сельк. *čāp̄ə* < ПС **j̄p̄ä*

34) таз. *c̄t̄iqo* [СМДЕОИ] | ‘зажечь, затопить (печь)’ — нар. *tə’ádəgu* ‘зажечь, развести (костер), поджечь’ < Сельк. *čūtə*

3. ПСельк. *o > таз. *o*, нар. *ɔ* (< ПС *o, *ā, *ā)

1) таз. *qoš(j)-* | ‘плохо’ — нар. *kə’f̄tal* ‘плохой’ < Сельк. *košə-* < ПС **w̄āj* vs. *woj

2) таз. *qottā* [СМЕО] | ‘навзничь, на спину (упасть), на спине (лежать)’ — нар. *kətē* ‘наверх, на гору, наоборот, навзничь, на спину’ < Сельк. *qottü* (кам. *ku’d’žē*)

3) таз. *qorj* [СМЕО; Хк *qorj ~ q̄orj*; И] | ‘олень-самец; самец’ — нар. *kər* ‘самец’ < Сельк. *qorə-* < ПС *korā < ПУ *kojra

4) таз. *kol’ca* [СМЕ] | ‘долг’ — нар. *kəl’čə’á* ‘долг’ < Сельк. *kolča*

5) таз. *somp̄ila* [СгМДЕОИ] | ‘пять’ — нар. *χ̄tbláczəl* ‘пятый’ < Сельк. *sompalaŋqə ~ sompalaŋqə* < ПС *sāmpā

6) таз. *soq̄in’c̄iqo ~ s̄oq̄in’c̄iqo* [СЕОНИ] | ‘спрашивать, спросить, просить, попросить’ — нар. *χ̄gəndz’éḡu* ‘спросить, переспросить’ < Сельк. *soq̄aj*

7) таз. *kol’alqo* [Е] | ‘вертеться’ — нар. *kəj’vátprəgu* ‘крутиться, вертеться, кружиться, закружиться’ < Сельк. *kol’ə-*

8) таз. *qontiqo* [СМДЕОИ] | ‘спать; уложить спать, лечь спать’ — нар. *kəndəgú* ‘спать’ < Сельк. *qontə-* < ПС *kontā

9) таз. *qontiqo* [D] | ‘находить, обнаруживать; пытаться увидеть’ — нар. *kəndzergú* ‘увидеть’ < Сельк. *k,ə-* < ПС **ko-* < ПУ *koke

10) таз. *kota* [СМДЕОИ] | ‘мешок (преим. ВТ, Тур.)’ — нар. *kəzá* ‘мешок, кисет’ < Сельк. *koča*

11) таз. *koc̄j ~ koc̄jil’* [СМЕОИ] | ‘много, многочисленный’ — нар. *kətē’ėje* ‘много’ < Сельк. *kočə-* < ПС **ot̄k̄ā* (сравнение сельк. с ПС предложено в [Alatalo 2004])

12) таз. *loqa* [СМДЕОИ] | ‘лисица’ — нар. *lögá* ‘лис(а)’ < Сельк. *loqa* < ПС *lokz vs. *nokā*

13) таз. *m̄o* [СМДЕОИ] | ‘ветка, сук’ — нар. *m̄’la* ‘ветки, сухие ветки’ < Сельк. *m̄o* < ПС *mo

14) таз. *qotqo* [СДХс] | ‘кашлять’ — нар. *kəd* ‘кашель’ < Сельк. *qot* < ПС *kot < ПУ *kuse

15) таз. *orim2 ~ or̄im2* | ‘сильно; очень; ловкий, бойкий, шустрый; (И) смелый, отважный’ — нар. *or̄ik* ‘сильно, очень’ < Сельк. *or (мат. *oròm*)

16) таз. *ot̄p̄ä* [СДЕОН; И *ätp̄ä*] | ‘скоро (через очень непродолжительное время), вскоре’ — нар. *ot̄p̄i:* ‘вдруг’ < Сельк. **ot̄pro*

17) таз. *q̄ol’* [Сг] | ‘богатый’ < *qon3* (*q̄o-*) [СМЕОИ] | ‘начальник; вождь, князец, король’ — нар. *q̄:l* ‘богатый’ < Сельк. *q̄ōŋ* (кам. *q̄’oŋ*)

19) таз. *koṭil’ top̄ir* [ДОИ] | ‘голубика’ — нар. *kəd* ‘голубика’ < Сельк. *kotə* < ПС *wotz

20) таз. *solan3* [СМ; D *sōlan*; ЕОИ] | ‘ложка’ — нар. *χ̄ólak* ‘ложка’ < Сельк. *solan*

21) таз. *soqqiqo* [СЕОИ] | ‘ползти’ — нар. *χ̄okurgú* ‘ползать, ползти’ < Сельк. *sok,-*

22) таз. *torkj* [СМЕОИ] | ‘вместилище, емкость, сосуд, бутылка; посуда’ — нар. *tərg* ‘бутылка’ < Сельк. *čork,ə*

23) таз. *cont̄oq̄in2* [СЕОИ] | ‘посреди (где), во время’ — нар. *tənc̄zógit* ‘посреди, в середине (последлог)’ < Сельк. *čončə* < ПС *joncā

24) таз. *top̄ir* [СМЕОИ] | ‘ягода, ягоды’ — нар. *təčbir* ‘ягода’ < Сельк. *čopər* < ПУ *saptV-rV (*soptV-rV)

25) таз. *korj* [МЕОИ] | ‘глубокий’ — нар. *kər’ék* ‘глубоко’ < Сельк. *korə*

26) таз. *qoltj* [СМЕОИ] | ‘река (большая, впадающая в море); Таз; (Тур.) Енисей’ — нар. *kəld* ‘река Обь, большая река’ < Сельк. *qolattu*

- 27) таз. *qomtä* [C *qōmtä*; MDEOI] | ‘деньги’ — нар. *kəmdé* ‘деньги’ < Сельк. *k,ōmtä*
- 28) таз. *qōrj* [CXCI] | ‘муksун’ — нар. *kər* ‘муksун’ < Сельк. *ḳōr(ə)* (кам. *ḳuro*)
- 29) таз. *qor(i) cuntj* [M] | ‘жеребец’ — нар. *kər tōnd* ‘жеребец, конь’ < Сельк. *ḳorə* < ПС *korā*
- 30) таз. *qorqj* [СМЕОИ] | ‘медведь’ — нар. *kərḳ* ‘медведь’ < Сельк. *ḳorḳə* < ПС **wārḳə*
- 31) таз. *qorj mūnj* [C] | ‘средний палец’ — нар. *kər* ‘средний палец руки’
- 32) таз. *qōḳijl* [ЕСО] | ‘глухой’ — нар. *kəgədəl* ‘глухой, безухий’ < Сельк. *kō*
- 33) таз. *qoḳjir ~ koḳjir* [И] | ‘дупло’ — нар. *kəngər* ‘дупло’ < Сельк. *koḳkər*
- 34) таз. *lōsj* [СМДЕО] | ‘черт (в широком смысле: сверхъестественное существо, дух-хозяин, дух-помощник шамана, злой дух; нелюдь, дьявол; идол, шайтан); (преим. ВТ) медведь’ — нар. *lō* ‘злой дух, черт, леший’ < Сельк. *lōsi*
- 35) таз. *lōstjgo* [СМО] | ‘окрестить, крестить (сов.)’ — нар. *lōdɛgu* ‘креститься, покреститься’ < Сельк. *lōsi*
- 36) таз. *lōqä* [СМДОИ] | ‘оса’ — нар. *lɔg'ɛ* ‘оса’ < Сельк. *lō k,ä*
- 37) таз. *moqinä ~ mōnā ~ monā ~ mō* [СМЕОИ] | ‘назад, обратно; домой’ — нар. *məgənɛ* ‘назад, обратно, домой’ < Сельк. *mok,ənnä* < Сельк. *mok,ə* < ПС **mākā*
- 38) *mōtqo* [СДЕОИ] | ‘бить’ — нар. *mōtku* ‘бить, побить, побить кулаками, драться’ < Сельк. **mō-* < ПС **mV* < ПУ **mVŋV*
- 39) таз. *nōtjŋʒ* [СМДЕ] | ‘стерлядь’ — нар. *nə'det qaj* ‘стерляжья уха’ < Сельк. *nōtəŋ*
- 40) таз. *n'ōqo* [СМДЕОИ] | ‘гнать, догонять, гнаться за, следовать за, преследовать’ — нар. *n'ə'dəgu* ‘гнать’ < Сельк. **ñō-* < ПС **ño-* < ПУ **ñoŋda-* (**ñowda-*)
- 41) таз. *porj* [СМДЕОИ] | ‘рукавица’ — нар. *nəb* ‘рукавица’ < Сельк. *porə* < ПС **orā*
- 42) таз. *pō* [СМДЕОИ] | ‘дерево; палка; древесина, дрова; лес (древесина; лесистая местность)’ — нар. *pə* ‘дерево, дрова’ < Сельк. *pō* < ПС **pā* < ПУ **puwe*
- 43) таз. *poqqj* [СМДЕОИ] | ‘сеть’ — нар. *pəq* ‘сеть рыболовная’ < Сельк. *poḳk,ə* < ПС **poḳkā*
- 44) таз. *pō* [СМДЕОИ] | ‘год’ — нар. *pət* ‘год’ < Сельк. *po* < ПС **pōj*
- 45) таз. *pōšj* [МНХКИ] | ‘белка-летяга’ — нар. *puf* // *pəf* ‘белка-летяга’ < Сельк. *pōsi* < ПС *pensāj ~ pons(ə)-*
- 46) таз. *ponā* [МЕОИ] | ‘наружу, на улицу’ — нар. *pənɛ* ‘наружу, на улицу’ < Сельк. **pō-* < ПС **piā*
- 47) таз. *poršj* [ДЕХКИ] | ‘порса (мука из сушеной рыбы)’ — нар. *pōrsa* ‘порса, сушеная рыба, толченая рыба’ < Сельк. *porə* (< эвенк. *hopocho* [ТМС: 333])
- 48) таз. *tō* [СМЕО] | ‘прочь, от-, вы- (преверб)’ — нар. *tə* ‘прочь’ < Сельк. *tō*
- 49) таз. *tō ~ ВТ tū* [1Sg *tom*; МЕОИ] | ‘озеро’ — нар. *tu*: // *tə*: ‘озеро’ < Сельк. *to*, Nom. *tō ~ tū* < ПС **to* < ПУ **towV*
- 50) таз. *topj* [СМЕОИ] | ‘нога; лапа’ — нар. *təb* ‘нога’ < Сельк. *topə* < ПС **topā*
- 51) таз. *tol'cj* [СМЕОИ] | ‘лыжи’ — нар. *təl'dz'* ‘лыжи, обшитые мехом’ < Сельк. *tolcə*
- 52) таз. *tōqilqo* | ‘сосчитать, прочитав’ — нар. *təgəldzəgu* ‘сосчитать’ < Сельк. *tōk,əlčə* < ПС **t'okā*
- 53) таз. *tōrgo* [C] | ‘читать’ — нар. *tərgu* ‘читать, прочитав’ < Сельк. *tōr-* < Сельк. *tō-* (эвенк. *tanɛ-*, сравнение с ПС **t'okā*, предложенное в [Alatalo 2004], кажется сомнительным)
- 54) таз. *tokkijgo* [O] | ‘зацепиться, застрять, воткнуться; отняться (о части тела)’ — нар. *tukvátku* ‘застрять // *təkəldzəgu* ‘воткнуть’ < Сельк. *tokkə-*
- 55) таз. *ōqijlgo* (*ōk-* ?) [C] | ‘привыкнуть, приучиться (елаб.)’ — нар. *əgólgu* ‘учиться’ < Сельк. **ōkəl-* < Тю
- 56) таз. *olj* [СМДЕОИ] | ‘голова’ — нар. *əl* ‘голова’ < Сельк. **olə* < ПС **olā* < ПУ **alka*
- 57) таз. *ora* [ДЕН] | ‘горсть’ — нар. *ərə* ‘горсть’ < Сельк. *or-*
- 58) таз. *oraqo* [СДЕОИ] | ‘ловить, хватать; щупать’ — нар. *ərəlgu* ‘схватить’ < Сельк. *or-*
- 59) таз. *šōqjir* [СМДЕОИ] | ‘печь, печка (железная), плита (ВТ, Тур.)’ — нар. *šəgór* ‘русская печь, печь, очаг’ < Сельк. *šokor ~ šokər*
- 60) таз. *šorišjgo ~ sorišjgo* [СМЕОИ] | ‘стыдиться, стесняться (И стыдить)’ — нар. *šərfəmbugu* ‘стыдиться’ < Сельк. *šorə* < ПС **kerz*
- 61) таз. *qō* [СДЕОИ] | ‘уши, ухо’ — нар. *kə* ‘ухо’ < Сельк. *kō* < ПС **kāw* < ПУ **kule*
- 62) таз. *koptj* [МДЕОИ] | ‘постель, кровать; место’ — нар. *qəpt* ‘кровать, место, постель’ < Сельк. *kōptə* < ПС **wāt³wā*
- 63) таз. *porqj* [СМДЕОИ] | ‘одежда’ — нар. *pərg* ‘пальто’ < Сельк. **porḳə* < ПС **pārḳā* < ТМ **bārga-* ‘одеваться’ [ТМС 1, 73]
- 64) таз. *on-* [СМДЕОИ] | ‘сам; свой’ — нар. *ənɛ* ‘он сам’ < Сельк. **on-* < ПС **ānə*
- 65) таз. *ukkjir ~ okkjir* | ‘один’ — нар. *úkər* ‘один’ // *əkirni* ‘всегда, одинаково’ < Сельк. *okkər* < ПС **o / *oə*

Исключения

- 1) таз. *košar* [СМЕОИ] | ‘мамонт’ — нар. *küzár* ‘мамонт, чудовище, обитающее в морских глубинах’ < Сельк. *košar*
- 2) таз. *n'orpalqo* [СН] | ‘очистить от содержимого, выдавить (из кишок, тюбика и под.), (С) вытереть’ — нар. *n'urbálgú* ‘почистить, вычистить, почистить рыбу, вычистить’ < Сельк. *ńorpá*
- 3) таз. *qõmpj* [СДЕОИ] | ‘волна’ — нар. *kumbi* ‘волна’ < Сельк. *qõmpá* < ПС **kãmpá* < ПУ **kumpra*
- 4) таз. *n'oma* [СМДЕОИ] | ‘заяц’ — нар. *n'evá* ‘заяц’ < Сельк. **ńoma* < ПС **ńamá* < ПУ **ńoma(-IV)*
- 5) таз. *kontj* [СМДЕОИ] | ‘корень; (D) поплавок шнур (из кедровых корней)’ — нар. *kõndz* // *kandz* ‘корень’ < Сельк. *končã* < ПС **wãncz* < ПУ **wačV* ~ **wančV*

4. ПСельк. *u > таз., нар. u (< ПС *u, *á)

- 1) таз. *quraltjgo* [СЕОИ] | ‘заставить, приказать; назначить’ — нар. *kuráldzægu* ‘заставить’ < Сельк. *kūralčã*
- 2) таз. *quntjgo* [ЕО] | ‘умирать, тяжело болеть’ — нар. *kúgu* ‘умирать, погибать’ < Сельк. *ķū-* < ПС **kãð-* < ПУ **kola*
- 3) таз. *qum* [СМДЕОИ] | ‘человек’ — нар. *kup* ‘человек’ < Сельк. *ķum*
- 4) таз. *kuššaj2* [СгЕО] | ‘сколько’ — нар. *kuják* ‘сколько 1’ / *koják* ‘сколько 2’ < Сельк. *ku*
- 5) таз. *kuššan* [СгМЕО] | ‘когда’ — нар. *kuzát ta* ‘когда-то’ < Сельк. *ku*
- 6) таз. *ku* [СгО] | ‘куда’ — нар. *ku* ‘куда (вопрос в парадигме — куда делся, деть)’ < Сельк. *ku*
- 7) таз. *kurj* [СМДЕОИ] | ‘горноста́й’ — нар. *kur* ‘горноста́й, колонок’ < Сельк. *kuru* (кам. *k'ur^m*)
- 8) таз. *kuralqo* ~ *kuroloqo* ~ *kurralqo* ~ *kurrolqo* [СМЕОИ] | ‘пойти, побежать, пройти’ — нар. *kurgú* ‘бежать’ < Сельк. *kur(ə)-* < ПС **kunə* < ПУ **kunV*
- 9) таз. *kuntj* [СЕОИ] | ‘долго; далеко; в течение, за (какой-л. срок); вдоль; по (в распределительном значении)’ — нар. *(k)und* ‘долго’ < Сельк. *kuntə* < ПС **kuntə*
- 10) таз. *kukjgo* [ЕОИ] | ‘качаться’ — нар. *kúgürgu* ‘качать (в зыбке)’ < Сельк. *kukə*
- 11) таз. *mukjtj1* [МДЕОИ] | ‘шесть’ — нар. *muktut* ‘шесть’ < Сельк. *muktut* < ПС **maktət*
- 12) таз. *pun'j* ~ *pun'ä* [МДЕНИ] | ‘ядовитый гриб, мухомор’ — нар. *pun* ‘гриб, древесный гриб’ < Сельк. *pūnə*
- 13) таз. *tunjus* ~ *tunjis* [Е] | ‘тунгус, эвенк’ — нар. *tungú* ‘тунгус’ < Сельк. *tunjus* (< заим. рус.)
- 14) таз. *tulla* [СМО] | ‘бронза, медь (желтая)’ — нар. *tula* ‘медь’ < Сельк. *tula* (ср. енис. *tu^olla*)
- 15) таз. *untj* [СМДЕО] | ‘вошь’ — нар. *undz* ‘вошь, вши’ < Сельк. *unču* < ПС **ãncə* (? ~ **ãmcə*) < ПУ **omča* (// **umča*¹⁰)
- 16) таз. *untj* [С] | ‘борода’ — нар. *und* ‘усы, борода’ < Сельк. *umtə* < ПУ **untV*
- 17) таз. *utj* [СМДЕОИ] | ‘рука; передняя нога (лапа) животного’ — нар. *ud* ‘рука’ // *ɔd* ‘рука’ < Сельк. *utə* < ПС **utə* < ПУ **jočV*
- 18) таз. *purjtjgo* | ‘зажечь от костра’ — нар. *purdzægú* ‘зажечь’ < Сельк. *poru* < ПС **pərà*
- 19) таз. *mükä* ~ (Тур. тж.) *mukä* [СМДЕОИ] | ‘черемуха (дерево); червы (в картах)’ — нар. *mug'é* ‘черемуха’
- 20) таз. *nom2* (*nū-*, Тур. *numj-*) [СМДЕОИ] | ‘верховное божество селькупов, Бог, Ном (Нум); бог, божество; небо (небеса, heaven); погода’ — нар. *nul* ‘небесный, божий’ < Сельк. *nom, nuwe* < ПС **num* < ПУ **numV*
- 21) таз. *n'ur* (*n'urj-*) [ОН] | ‘заливной луг’ — нар. *n'ur* ‘луг’ < Сельк. *ńur, ńūrə*
- 22) таз. *mūnj* [СМДЕОИ] | ‘палец’ — нар. *mun* ‘палец’ < Сельк. *mūnə*
- 23) таз. *n'ūqo* [ЕОИ] | ‘лизать, облизывать, -ся’ — нар. *n'ugl'εspigu* ‘лизать, облизывать’ < Сельк. *ńū-* < ПС **ńū-* < ПУ **ńōla*
- 24) таз. *n'ūn'jgo* ~ *n'ūn'jgo* [МЕОН] | ‘быть сладким; быть вкусным’ — нар. *n'uidəl* ‘вкусный’ < Сельк. *ńūńi* (кам. *ńūmūđ*)
- 25) таз. *nūnjicjgo* [СЕОИ] | ‘устать’ — нар. *n'ūn'dzigu* ‘устать’ < Сельк. *nūnə*
- 26) таз. *sūrjɔ3* [СМДЕОИ] | ‘животное; зверь; птица; дичь, пушнина’ — нар. *χúrurp* ‘большое животное, зверь, скотина’ < Сельк. *sūrəm* < ПС **sãrmã* < ПУ **šurme*
- 27) таз. *tūqo* [СМЕОИ] | ‘грести’ — нар. *túgu* ‘грести веслами’ < Сельк. *tū-* < ПС **tuə-* < ПУ **suyə*
- 28) таз. *tūqo* (часто *illä tūqo*) [СЕО] | ‘закрыть’ — нар. *túgu* ‘закрыть’ < Сельк. *tū-*

¹⁰ В этом слове нельзя исключить реконструкцию ПУ гласного первого слога **u*, поскольку рефлексы, представленные в мордовских и самодийских языках, могут соответствовать на ПУ уровне **o* или **u* (см. подробнее [Норманская 2008; Норманская 2012в]).

29) таз. *pūqo*, *t̄ pūqo* [СЕОИ] | ‘переправиться через, перейти, переехать, пересечь’ — нар. *pú:gu* ‘переправить на лодке на другую сторону реки, переправиться на тот берег’ < Сельк. *pū-*

30) таз. *tū* [СМЕОИ] | ‘перо, крыло (оперение крыла); плавник; веник из птичьего крыла’ — нар. *tu:* ‘крыло птицы’ < Сельк. *tū* < ПС **tuaj* < ПУ **tulka*

31) таз. *tūqo* [ОИ] | ‘тащить, таскать; носить, возить (тяжести)’ — нар. *tugólgu* ‘таскать’ < Сельк. *tū-*

32) таз. *tūtj* ~ *tutj* [С *tūt*; МЕОНИ] | ‘карась’ — нар. *tud* ‘карась’ < Сельк. *tutu*

33) таз. *ūkj* [СМДЕО] | ‘выступ спереди, перед, начало; кончик, краешек (выступающий, заостренный); передняя часть лица (человека) — особенно губы, морда (животного), клюв, жало; нос (судна)’ — нар. *ug* ‘конец, кончик, край’ < Сельк. *ūka* < ПС *ūka*

34) таз. *ūr̄qo* [СЕОИ] | ‘плавать; купаться’ — нар. *úr̄gu* ‘плавать, купаться’ < Сельк. *ū-* < ПС **u-*

35) таз. *n'ūtj* [СМДЕОИ] | ‘трава; сено’ — нар. *n'ud̄z* ‘трава, сено’ < ПС **n̄ac* (сев.-самод.), **n̄ac̄a* (нган., сельк.)

таз. *ū, u'* — нар. *ū* (является аллофоном *u* в позиции после *te*)

36) таз. *cuqo* [СДЕОИ] | ‘растаять, (С) согреться’ — нар. *teüv'éf̄p̄igu* ‘таять, растаять’ < Сельк. *cu-* < ПС **ju-*

37) таз. *cūriqo* [СМЕОИ] | ‘плакать’ — нар. *teü'r̄əgu* ‘заплакать, плакать’ < Сельк. *cūr̄ə* < ПС **jār̄ə*

38) таз. *cuntj* [СМДЕОИ] | ‘лошадь’ — нар. *teü'ind* ‘конь, лошадь’ < Сельк. *cünt̄ə* < ПС **junt̄ə*

Исключения

1) таз. *qūt* [СМДЕОИ] | ‘ель’ — нар. *qá:de* ‘ель’ < Сельк. *qāt̄ä* < ПС **k̄āt̄* < ПУ **kuse* ~ **kose*

2) таз. *kutj qos* ~ *qos kutj* [ЕОН] | ‘кто-то’ — нар. *k̄od* ‘кто’ < Сельк. *ku*

3) таз. *ulqa* (~ *qulqa*) [МДЕОИ] | ‘лед, льдина, ледяная корка’ — нар. *olḡó / olḡó* ‘лед’ < Сельк. *ūlko* (енис. *И yí*)

5. ПСельк. **uā* > таз. *e*, нар. *ve/a* (*v_*) (< ПС **ā*, (**w*)*e-*)

1) таз. *qēšj̄qo* [СО] | ‘быть голодным’ — нар. *kv̄ēz̄egu* ‘проголодаться, захотеть есть’ < Сельк. *q̄uāš̄i-*

2) таз. *qēr̄j̄qo* ~ *qer̄j̄qo* ~ *qer̄qo* [СМ; D *ker̄j̄qo*; ЕО; Хк *ker̄j̄qo*; И] | ‘звать, приглашать, называть’ — нар. *kv̄ér̄gu* ‘позвать, звать, манить’ < Сельк. *q̄uāṝə*- звать < ПС **k̄ā-*

3) таз. *qēq̄ir̄* [СМЕОИ] | ‘осетр’ — нар. *kv̄éḡir̄* ‘осетр’ < Сельк. *q̄uāḱ̄ər̄* < ПС **wek̄ān̄ā*

4) таз. *qēlj̄* [СМЕОИ] | ‘рыба’ — нар. *kv̄él* ‘рыба’ < Сельк. *q̄uāḹə* < ПС **k̄āl̄ä* < ПУ **kala*

5) таз. *qēc̄j̄qo* [СЕОИ] | ‘оставить’ — нар. *kv̄éḱ̄z̄egu* ‘оставить’ < Сельк. *q̄uāḱ̄ə-* < ПС **k̄āj̄ü-*

6) таз. *qeq̄p̄ōr̄j̄* ~ *qet̄p̄ōr̄j̄* [СМЕИ] | ‘плечо’ — нар. *kv̄et̄par* ‘плечо, плечи’ < Сельк. *q̄uāḱ̄*

7) таз. *qenqo* [СМЕОИ] | ‘отправиться, пойти, поехать, уйти, уехать’ — нар. *kv̄éngu* ‘пойти, поехать, отправиться, уйти, выйти замуж’ < Сельк. **q̄uāñ-* < ПС **k̄ānt̄ä* < ПУ **kanta*

8) таз. *kēs̄j̄* [МЕОИ] | ‘железо, металл’ — нар. *kv̄'el* ‘железный’ < Сельк. *q̄uāṣ̄ə* < ПС **wes̄ä*

9) таз. *kēj̄im* (~ *kej̄im*) *ūt̄j̄r̄qo* | ‘дышать’ — нар. *kv̄é/(i)j̄ergu* ‘дышать, вздыхать’ < Сельк. *q̄uāj̄-* < ПС **wāj̄j̄*

10) таз. *ker̄ä* ~ (Тур.) *kēr̄ä* [СМЕОИ] | ‘ворона; тrefы’ — нар. *kv̄ér̄'e* ‘ворона’ < Сельк. **q̄uāṝə* < ПС **wār̄-* < ПУ **warV*

11) таз. *ker̄imt̄ä* ~ *ker̄int̄ä* [ЕМОИ] | ‘черника’ — нар. *kv̄ér̄əmt̄dz̄ə* ‘черника’ < Сельк. **q̄uāṝəñč̄j̄*

12) таз. *kēs̄q̄äl(l)j̄qo* | ‘отдохнуть’ — нар. *kv̄é'f̄k̄əgu* ‘отдыхать’

13) таз. *tēlj̄iqo* [СМЕО] | ‘украсть’ — нар. *tv̄e'lagu* ‘украсть’ < Сельк. **tuāḹə* ‘красть’ < ПС **tāl̄ä* < ПУ **sala*

14) таз. *teqt̄j̄qo* [С] | ‘подмешать, развести, разбавить’ — нар. *tv̄éχ̄t̄əgu* ‘замешать (о тесте)’ < Сельк. *tuāḱ̄t̄ə-* (ненец. *tāχ̄ällā*)

15) таз. *sēr̄j̄iqo* [МДОИ] | ‘дождить; замочить дождем’ — нар. *f̄ē'r* ‘дождь’ < Сельк. *suāṝə-* < ПС **sār̄ä-* ~ **sār̄ə-*

16) таз. *ser̄m̄j̄iqo* [Н] | ‘связать (на спицах), заштопать, вышить’ — нар. *f̄ē'rm̄egu* ‘связать (например, носки)’ < Сельк. *suār̄m̄ə-* < ПС **sār̄ə*

17) таз. *weṭ̄j̄iqo* [Хс] | ‘собрать (ягоды и под.)’ — нар. *vad̄əḡú* ‘собрать’

18) таз. *went̄j̄* [СМДЕОИ] | ‘лицо’ — нар. *vand* ‘лицо’ < Сельк. **uānt̄i* < ПУ **wenč̄V*

19) таз. *went̄j̄* [СМДЕОИ] | ‘нельма’ — нар. *vand̄z̄* ‘нельма’ < Сельк. **uāñč̄ə* < ПС **āñcz̄*

20) таз. *wer̄j̄iqo* [СМДЕОНИ] | ‘держат, содержать, хранить; владеть, иметь; носить (одежду, обувь); пасти; вести себя’ — нар. *var'éf̄p̄ugu* ‘держат, содержать лицо’ < Сельк. **uār̄ə-*

21) таз. *wer̄q̄i* [СМДЕОИ] | ‘большой; старший; величина, размер’ — нар. *varg* ‘большой, старший’ < Сельк. **uār̄q̄ə-* < ПС **ār̄ə*

22) таз. *wetti* [CMDEOI] | ‘дорога, путь; след’ — нар. *vat* ‘дорога’ < Сельк. **uätta* < ПС **uät*

23) таз. *wəšjɨqo* [H] | ‘подняться, взлететь’ — нар. *vazəgú* ‘встать, подняться, взлететь, подняться’ < Сельк. *u äšä-* < ПС **änsä*

24) таз. *weci* [CMDEOI] | ‘мясо; плоть, тело’ — нар. *vadz'* ‘мясо, еда’ < Сельк. **uäčä-* < ПС **äjä*

Лишь в одном случае наша реконструкция и форма основы по [Alatalo 2004] не совпадает.

25) таз. *qēti* [EO] | ‘шаманский дар’ — нар. *kvédəgəl kup* ‘шаман’ < Сельк. *qētä* < ПС **ket-* ~ **ketz-*

В этом слове тоже представлены противоречивые данные в разных диалектах. В тымском диалекте в записях Доннера есть формы с дифтонгом *uɨ* в первом слоге. Формы, однозначно указывающие на *e*, есть только в записях из села Напас у Доннера и в среднекетских материалах, собранных Я. Алатало.

Исключения

1) таз. *qetti* [O] | ‘избивать; убивать, добывать (зверя); ловить (рыбу); застичь, поразить’ — нар. *kvadəspugu* ‘добывать, ловить, убивать’ < Сельк. *kuiätu-* (в [Alatalo 2004] сравнивается с кам. *k,udölläm*, энец. *kadudado-*)

2) таз. *qēti* [CDEOI] | ‘город, поселок’ — нар. *kvate* ‘город, большая деревня’ < Сельк. *kuäččä-* < ПС **wäc*

3) таз. *qēqal'i* [C] | ‘ласточка’ — нар. *kəy'lika* ‘ласточка, птичка’ < Сельк. *küäka / küäkal*

6. ПСельк. *ə > таз. e, нар. ε

1) таз. (**qenʒ* в виде вариантов) *qeq* ~ *qek* ~ *qen* ~ *qe* [CMEO] | ‘гора; береговой яр; сосновый бор’ — нар. *ke* ‘берег, гора, яр’ < Сельк. *kē* (ср. енис. *ka'ü'*)

2) таз. *qelqo* [O] | ‘бросать, швырять’ — нар. *kəlgu* ‘кидать’ // *ki'lgu* ‘бросить, посеять семена’ < Сельк. *kəl*

3) таз. *kəl' mət* | ‘зимний чум с меховыми нюками’ — нар. *kəl mat* ‘зимний дом’ < Сельк. *kə-* (кам. *k'ε-*, мат. *kugu*)

4) таз. *sē* [MH] | ‘гроб’ — нар. *χε* ‘гроб, могила’ < Сельк. *sē* < ПС **set'sän*

5) таз. *sepriqo* ~ *sepirqo* [CMD] | ‘слопать (в одном месте), переломить; оборвать’ — нар. *χ'eburgú* ‘порвать, оборвать’ < Сельк. *sēpə-* < ПС **sepV-*

6) таз. *tē* [OI] | ‘бревно (не строительное)’ — нар. *tεε*: ‘бревно, палка, коряга’ < Сельк. *čē* (кам. *đžē*)

7) таз. *ēti* [CMDEOI] | ‘язык (language), речь; весть, известие, сообщение; слово’ — нар. *εč* ‘слово’ < Сельк. *ēči* < ПС **wäät*

В следующем гнезде:

8) таз. *esj* (Px1-2 и некоторые другие формы *äsä-*) [CMDEOI] | ‘отец’ — нар. *ε / adž'á* ‘отец’ < Сельк. *esä* < ПС **ejsä* < ПУ **iäü*

— по словарю [Alatalo 2004] встречаются формы как с гласным *a*, так и с гласным *e*. Следует отметить, что подобное явление наблюдается и в тазовском, и в нарымском диалектах. Но по данным Е. А. Хелимского в тазовском диалекте вокализм форм разнесен по грамматически разным формам. Возможно, аналогичное явление наблюдалось и других диалектах, и для этого слова следует восстанавливать ПСельк. чередование гласных первого слога **a / *e*.

7. ПСельк. *e > таз. e, нар. a (< ПС *e)

1) таз. *ketiqo* [CMEOI] | ‘сказать’ — нар. *kadəgú* ‘сказать’ < Сельк. **ket-* < ПС **ket-*

2) таз. *keptä* [CMDEOI] | ‘черная смородина’ — нар. *kapté* ‘смородина’ < Сельк. *keptä* ~ *kepti* < ПС **keptä-*

3) таз. *kem* (*kimj-*) [CMEO] | ‘кровь’ — нар. *kap* ‘кровь’ < Сельк. **kem, *kīm* < ПС **kem*

4) таз. *ettiqo* [EONI] | ‘спрятать, -ся’ — нар. *atéldəgu* ‘притаиться, спрятаться’ < ПС **etä-*

5) таз. *emiltiqo* [CMDEOI] | ‘забыть’ — нар. *avəldəgú* ‘забыть’ < Сельк. **emäl-*

6) таз. *seŋki* [CMDEOI] | ‘глухарь’ — нар. *χaŋg* ‘глухарь’ < Сельк. **seŋka* < ПС **seŋkV* < ПУ **šVŋkV*

7) таз. *seppēqo* [EO] | ‘слопаться; оборваться’ — нар. *χapəlgú* ‘слопать, слопаться’ < Сельк. **sepə-* < ПС **sepV-*

8) таз. *ke* [CDEOI] | ‘зима’ — нар. *kat* ‘зимой’ < Сельк. *kə-* (кам. *k'ε-*, мат. *kugu*)

9) таз. *leŋimpiqo* [CgDONI] | ‘бояться; (И) беспокоиться, тревожиться’ — нар. *larimbu/əgú* ‘бояться, испугать’ < Сельк. *leri-* < ПС **lerä-*

- 10) таз. *nekirqo* [СМОИ] | ‘написать; описать’ — нар. *nagərgú* ‘писать, записать, написать, рисовать’ < Сельк. **nekə-*
- 11) таз. *temiqo* [СМЕО] | ‘купить’ — нар. *tavgú* ‘купить’ < Сельк. **temə-* < ПС **tem-*
- 12) таз. *kepi* [ДЕО] | ‘туловище’ — нар. *qab* ‘тело, туловище, бок’ < Сельк. **kepə-*
- 13) таз. *tēkiriqo* ~ *te-* [СЕОИ] | ‘высушить, засушить’ — нар. *tə'agl'ə'fpugu* ‘сушить’ < Сельк. *čeka* < ПС *ceŋsə
- 14) таз. *étiqo* [СЕОИ] | ‘ждать, ожидать (чего-л., какого-л. события)’ — нар. *átəəgu* ‘ждать’ < Сельк. **etə-* < ПС **etū-* < ПУ *oča
- 15) таз. *tep₂* [СМЕОИ] | ‘он, она (об одушевленных предметах)’ — нар. *tab* ‘он, она’ — тог. *tap* < Сельк. *tep / tep*

Исключения

- 1) таз. *le* [СМДЕОИ] | ‘кость’ — нар. *li* ‘кость’ < Сельк. *le*, **Nom.** < ПС *le*, **Nom.** *li*
- 2) таз. *tenl* (*t̄ni-*) [СМЕОИ] | ‘жила’ — нар. *tə'nəl* ‘жилистый’, *tein* ‘жила, жилы, сухожилие, сухожилия’ < Сельк. *činti* < ПС *ceŋ

8. ПСельк. *ε > таз., нар. *ε* (ПС *e)

- 1) таз. *esiqo* [МЕОИ] | ‘стать; превратиться; захотеть; сказать’ — нар. *édəəgu* ‘стать’ < Сельк. *esu-*
- 2) таз. *tentiqo* [С *tēntiqo*; МЕО] | ‘рассказывать (Тур.)’ — нар. *təntəəgu* ‘говорить, рассказывать, сказать’ < Сельк. *čēnču* (кам. *t'enu*)
- 3) *tentiqo* [СЕОИ] | ‘миновать, пройти мимо; разминуться; обогнать, перегнать’ — нар. *m'endigú* ‘догнать’ < Сельк. *mentə-* < ПС *mentz < ПУ *mentū
- 4) таз. *merkí* [СМДЕОИ] | ‘ветер’ — нар. *m'erg pál'dz'ö* ‘вихрь, буран’ < Сельк. *merkə* < ПС *merkü ‘ветер’ < ПУ *märtV
- 5) таз. *mektí* [СМДЕО] | ‘холм, холмик; куча, груда, скопище’ — нар. *m'əxt* ‘куча, гора, холм’ < Сельк. *mēktə* ~ *mektə* < ПС *mektā
- 6) таз. *pettiqo* ~ *pettiqo* | ‘толкать грудью’ — нар. *p'é:difpugu* ‘толкать’
- 7) таз. *peltimpriqo* [ЕИ] | ‘помогать’ — нар. *p'eldəmbugú* ‘помогать’ < Сельк. *pelətə*
- 8) таз. *perqi* | ‘живот, брюхо, брюшко (рыбы)’ — нар. *p'ərg* ‘живот’ < Сельк. *perkə* < ПС *perkü (~ *pirkū)
- 9) таз. *peniḡo* [СДЕОИ] | ‘плыть (по течению, не гребя)’ — нар. *p'əndəəgu* ‘плыть на лодке (обязательно требует указания направления течения)’ < Сельк. *penčə (кам. *p'əñī*)
- 10) таз. *pelāḡ3* [СМДЕОИ] | ‘половина; часть, сторона’ — нар. *pel'əka* ‘половина, доля, часть, сторона’ < Сельк. *pelāḡ < ПС *pelü < ПУ *pälü
- 11) таз. *peltiḡo* [СЕОИ] | ‘помочь; добавить’ — нар. *peldigú* ‘помогать, помочь’ < Сельк. **pelətə-* < Сельк. *pela < ПС *pelü < ПУ *pälü
- 12) таз. *tenirpiqo* ~ *tērpigqo* [СЕОИ] | ‘думать; тосковать’ — нар. *terbugú* ‘беспокоиться, думать, переживать’ // *tenéəgu* ‘придумать, выдумать, вспомнить’ < Сельк. **teni-* ~ **teñi-* < ПС *tenā
- 13) таз. *tēqao* [О] | ‘гладить’ — нар. *té:galgu* ‘гладить’ < Сельк. *tēk, əl-*
- 14) таз. *tētami* ~ *tētami* [М -*tomj*; НИ] | ‘имущество, вещи, пожитки (ВТ, Тур.)’ — нар. *tédəma* ‘белье, одежда, вещь’ < Сельк. *tēto-mj* (< эвенк. *təty* < *tət-* ‘одеть’)
- 15) таз. *tēqo* [СОИ] | ‘сгнить, прокиснуть, разложиться’ — нар. *tēgu* ‘гнить, сгнить’ < Сельк. *tē-* < ПС *tī (мат.) vs. *te < ПУ *säje
- 16) таз. *tētḡi* [СгМЕОИ] | ‘четыре’ — нар. *tət* ‘четыре’ < Сельк. *tētḡə* < ПС *te²tə

Исключение

таз. *tē* [МЕОИ] | ‘вы, ваш (Pl., Du.)’ — нар. *tī* ‘вы (Pl.)’ < Сельк. *tē*

9. ПСельк. *ä > таз. *e*, нар. *a* (< ПС *e)

- 1) таз. *kētḡi* [D] | ‘туесок (берестяная коробка для ягод)’ — нар. *k'adi* ‘набирка, коробка’ < Сельк. *kētḡ*
- 2) таз. *ketj* [СМДЕО] | ‘кишка; паутинка’ — нар. *k'adi* ‘кишка, кишки’ < Сельк. *ketu* < ПС *wetə
- 3) таз. *kerj* [Е *kerj*] | ‘стая (птиц)’ — нар. *k'ar* ‘стая’ < Сельк. *keru*
- 4) таз. *n'en'n'a* [СМДОИ] | ‘сестра; тетка (младшая сестра отца)’ — нар. *n'an'n'a* ‘сестра’ / *ningá* ‘сестра’ < Сельк. *neñā* < ПС *ne

5) таз. *n'en'al* [ОНИ] | ‘сердитый, злой’ — нар. *n'ájəl* ‘злой // *nejálzembugu*¹¹ ‘злиться’ < Сельк. *héñə* < ПС **hénz-* ~ *héñz

6) таз. *n'ešjəqo* | ‘катиться, скользить’ — нар. *našǝl'ešpa* ‘катится’ < Сельк. *héšə* < ПС *hénzə

7) таз. *šēpi* ~ *šēpil* [СМДЕОИ] | ‘легкий (по весу)’ — нар. *šab(i)gálk* ‘легкий’ < Сельк. *šepu* < ПС *kejprz

8) таз. *šentj* ~ *šentjil* [СМ; D (Тур.) *šen*; ЕОИ] | ‘новый’ — нар. *šand* ‘новый’ < Сельк. *šentə*

9) таз. *cel'colqo* ~ *cel'calqo* [СЕОН] | ‘стоптать, затоптать, растоптать, утоптать, утрамбовать; топнуть; наступить на что-л.’ — нар. *te'al'teö'lgü* ‘топтать, наступить, вытоптать, протоптать, стоптать, натоптать, наследить, растоптать’ < Сельк. *čə < ПС *je < ПУ *jälke (сравнение с самод. предложено Е. А. Хелимским)

В этом слове мы не нашли форм по словарю [Alatalo 2004], которые бы свидетельствовали о Сельк. *ə* в первом слоге.

10. ПСельк. *e > таз. *e*, нар. *ε* (< ПС *e / *ej*)

1) таз. *seliəqo* [СОИ] | ‘наточить, заострить’ — нар. *χelgú* / *χálgü* ‘наточить’ < Сельк. *selə* < ПС **sil-* ~ (? **sejl-*) (ненец.) ~ **sel-* ‘точить’

2) таз. *sēl'cǝj* ~ *sel'cǝj* [МДЕОИ] | ‘семь’ — нар. *χ'el'dz'* ‘семь’ < Сельк. *selcu* < ПС *sejtwa

3) таз. *mēqo* [СМДЕОИ] | ‘сделать; приготовить; построить; вылечить, исцелить’ — нар. *m'égalgu* ‘делать’ < Сельк. *mē* < ПС *mej

4) таз. *n'ē* [СМЕО] | ‘некто, живое существо, особь; персона; спутник, собеседник, партнер, коллега; товарищ, подруга; брат, сестра’ — нар. *n'en'á* ‘сестра’ < Сельк. *nehñā* < ПС **ne(j)* (*j-* по южноселькупским данным)

5) таз. *n'el'cǝqo* [СЕО] | ‘вспотеть, пропотеть’ — нар. *n'al'dz'* ‘пот’ / *nél'dz'igú* ‘вспотеть’ < Сельк. *helcu* < ПС *nüj / *nöj

6) таз. *pēriəqo* ~ *pērqo* [СЕО] | ‘искать, заниматься поисками’ — нар. *p'érgu* ‘искать’ < Сельк. *pē* < ПС **pe(j)-* / *pö-*

7) таз. *šēpāñz* [СМДЕОИ] | ‘бурундук’ — нар. *šebéka* ‘бурундук’ < Сельк. *šepə

8) таз. *šērqo* [СЕО] | ‘одеться; надеть (предмет одежды, обуви); надеть (наконечник на стрелу и т. п.)’ — нар. *šērgu* ‘надеть, носить’ < Сельк. *šēr-* < ПС *ker < ПУ *kāri

9) таз. *šērqo* [СМЕОИ] | ‘войти, зайти’ — нар. *šērgu* ‘взойти’ < Сельк. *šēr-*

10) таз. *šē* [СМДЕОИ] | ‘язык (во рту)’ — нар. *šē* ‘язык’ < Сельк. *šē* < ПС *keaj

11) таз. *n'ešjəqo* | ‘катиться, скользить’ — нар. *n'ešǝl'ešpugu* ‘покатиться’ < Сельк. *héšə* < ПС *hénzə

Исключения

1) таз. *mē* [МДЕОИ] | ‘мы; наш (Du., Pl.)’ — нар. *mi* ‘мы’ < Сельк. *mē* < ПС **me*¹²

2) таз. *pēmǝj* [СМДЕОИ] | ‘обувь, пимы (бакари)’ — нар. *pōt* ‘обувь, чирки, сапоги’ < Сельк. *pēmə* / *pōtə*

11. ПСельк. *üə > таз. *ö*, нар. *ve*

1) таз. *cō* [СМДЕОИ] | ‘сосна’ — нар. *tev'e* ‘сосна’ < Сельк. *čüə* < ПС *je < ПУ *jäljV

2) таз. *tōka* ~ Тур. *tōko* | ‘гусь’ — нар. *tv'ek* ‘гусь’ < Сельк. *tōko* / *tüəku* < (кам. *t'āžā*, ср. эвенк. *секса* ‘гусь’)

3) таз. *sōsiəqo* [СОН] | ‘плевать’ — нар. *f'édz'egu* ‘плевать, плюнуть, сплюнуть’ < Сельк. *süəsə* < ПС *siasz

4) таз. *tō* [СМЕОИ] | ‘береста; (Тур.) игральные карты’ — нар. *tv'e* ‘береста’ < Сельк. *tüə* < ПС *taj

Исключения

1) таз. *tōtǝqo* [O] | ‘выблевать’ — нар. *tō':tku* ‘вырвать, стошнить’ < Сельк. *tōtə* < ПС *tojtə

2) таз. *šōmatal' ima* ~ *šōmätal' ima* [M] | ‘повитуха, повивальная бабка’ — нар. *šumadz'á* ‘бабка, которая принимает роды’ < Сельк. *s'üm*

12. ПСельк. *ö* > таз., нар. *ö*

1) таз. *qō* [СЕОИ] | ‘бок, сторона; возле, рядом с’ — нар. *kō* ‘бок, стена’, *köd* ‘ребро’ < Сельк. *k, ö* < ПС *kāj

¹¹ В этом корне представлены два разных рефлекса вокализма, но от места ударения они не зависят, поскольку суффикс *-al* всегда перетягивает ударение в корне с минусовой акцентной маркировкой, ср. [Норманская 2012а], но бывает и после *a* в первом слоге.

¹² Можно обратить внимание, что схожее нарушение соответствий было отмечено выше для местоимения ‘вы’.

- 2) таз. *qöšqo* ~ *qönišqo* [МЕОИ] | ‘сходить (за чем-л.)’ — нар. *kö'fkəgu* ‘сходить’ < Сельк. *k, öšku-*
 3) таз. *köt* (*kötj-*) [С *köt*; МДЕОИ] | ‘десять’ — нар. *köt* ‘десять’ < Сельк. *k, öt* < ПС *wüt
 4) таз. *töt1* (*tötj-*) [СМЕОИ] | ‘выдра’ — нар. *tüt* ‘выдра’ // *töt* ‘выдра’ < Сельк. *töt*
 5) таз. *šön* (*šön j-*) [СМДО] | ‘пуп’ — нар. *föl* ‘пуп’ < Сельк. *šön* ~ *šöl* < ПС *küntə
 6) таз. *šöttj* [ЕО] | ‘в лес, в тайгу; по нужде, в туалет’ — нар. *föt* ‘тайга, лес, смешанный лес’ < Сельк. *šöt* ~ *süt*

13. ПСельк. *y > таз. *ü*, нар. *ö* (ПС *Vj)

- 1) таз. *küräqo* [МЕО] | ‘махать, кивать, качать; махать кому-л.’ — нар. *kö'rəgu* ‘махать’ < Сельк. *kürä*
 2) таз. *kütj* ~ *kütj* | ‘сон, сновидение’ — нар. *kö'di* ‘сон, видение’ < Сельк. *kütə* < ПС *jujtə
 3) таз. *cü* ~ *cü* ‘пояс’ — нар. *təö* ‘пояс, ремень’ < Сельк. **čü-* < ПС **ji(w)*
 4) таз. *qümj* [СМ; D *qümə*; И] | ‘мозг, костный мозг’ — нар. *köv* ‘мозг’ < Сельк. *qümə* < ПС *kajmä
 5) таз. *küñ2* [СИ] | ‘тетерев’ — нар. *köv* ‘тетерев’ < Сельк. *küñ* (кам. *d'uñjuñ*)
 6) таз. *šüttjəqo* [Е] | ‘шить’ — нар. *fö'digu* ‘шить’ < Сельк. *süt-* / *süt-* < ПС *sajtə
 7) таз. *qütj* [СМДЕОИ] | ‘болезнь’ — нар. *köd* ‘болезнь’ < Сельк. *qütə* < ПС *kajtə
 8) таз. *pü* [СМ; D *pü*; ЕОИ] | ‘камень; оселок, точило; testiculus’ — нар. *pö* ‘камень’ < Сельк. *pü* < ПС *paj < ПУ *pje
 9) таз. *tüqo* [СМЕОИ] | ‘прийти, приехать’ — нар. *tö'gu* ‘прийти, приехать’ < Сельк. *tü-* < ПС **toj-* / **tuj-* < ПУ *tule
 10) таз. *pütjəqo* [МЕОИ] | ‘состричь, сбрить; срезать (цветы, траву), скосить (сено)’ — нар. *pü'dəlgu* ‘подстричь, побрить’ // *pö'dəlgə* < Сельк. *püčə < ПС **paj-*
 11) таз. *pünmj* ~ *pümmj* ~ ВТ *pimmj* [МДЕНИ] | ‘штаны, брюки’ — нар. *pöm* ‘брюки’ < Сельк. *pimmə* / *pümmə* < ПС *pitmä

14. ПСельк. *ü > таз. *ü*, нар. *ü*

- 1) таз. *küšj* [МEXс] | ‘моча’ — нар. *küz* ‘моча’ < Сельк. *küšə* < ПС *kunsə < ПУ *kuñce ~ *kuće
 2) таз. *külä* [СМЕОИ] | ‘ворон’ — нар. *kül'ə* ‘ворон’ < Сельк. *külä* < ПС *kuləjä < ПУ **kuV(-kV)*
 3) таз. *türj* ‘посох; лыжная палка’ — нар. *təü'rəl pə* ‘посох, тросточка, жезл (большое гнездо)’ // *təi:r* ‘посох, палка’ < Сельк. *čürə* < ПС *cürə
 4) таз. *n'ün j* | ‘налим’ — нар. *n'ü* ‘налим’ < Сельк. *nüñu* < ПС *nöjnü
 5) таз. *tü* [СМЕОИ] | ‘огонь, костер’ — нар. *tü* ‘огонь, костер, пламя’ < Сельк. **tü-* < ПС *tuj < ПУ *tule
 6) таз. *tütqo* | ‘испражняться, оправляться’ — нар. *tüt'ku* ‘испражняться, гадить’ < Сельк. *tüt* < ПС *tüt
 7) таз. *šün'cə* [СМДЕОИ] | ‘внутренность, внутренняя часть (как незаполненное пространство, ср. *pütj*); помещение; полость, пустота; внутри’ — нар. *fün'də* ‘нутро, внутренности, внутри’ < Сельк. *šünčə* < ПС **kön-* ~ **kün-*
 8) таз. *šün'ca* | ‘птичка’ — нар. *fün'də'əka* ‘птица, воробей’ < Сельк. *šünčakka* ~ *šinčakka* < ПС **s'insäkk3(-)*
 9) таз. *ürjəqo* [СМЕН] | ‘потеряться, заблудиться, пропасть; умереть, скончаться’ — нар. *ürgü* ‘потеряться’ < Сельк. *üru-* < ПС *jürə < ПУ *jOrV
 10) таз. *ür* (*ürj-*) [СМДЕОИ] | ‘жир; масло’ — нар. *ör* // *ür* ‘жир’ < Сельк. *ür, ürə-* < ПС *jür
 11) таз. *ütj* [СЕО] | ‘вечер’ — нар. *ü'de* ‘вечер’ < Сельк. *ütə (с камас. *nudi* ‘вечер’, [Alatalo 2004])
 12) таз. *ütä* [СО] | ‘пешком (без лыж) по снегу’ — нар. *ü'de* ‘пешком’ < Сельк. *ütj*
 13) таз. *ütjəqo* [СМДЕОИ] | ‘послать, отправить; пустить, отпустить, выпустить’ — нар. *ü'dəgu* ‘отпустить, посылать, пустить, отпустить, пойти, поехать’ < Сельк. **ütə-* < ПС *ajtə
 14) таз. *üqo* [ЕО] | ‘тащить, везти (по земле), волочить’ — нар. *ü'gəlgə* ‘тащить, волочить (по земле)’ < Сельк. *ütər
 15) таз. *üntjəqo* [СМДЕОИ] | ‘слышаться’ — нар. *ü'nbəldəgu* ‘услышать’ < Сельк. *üntu-* < ПС *jüñkä
 16) таз. *ünñintj* ~ *ünñintj3* [СМДЕОИ] | ‘росомаха’ — нар. *ü'ngandə* ‘росомаха’ < Сельк. *ünñəñči* < ПС *wiñkəñči
 17) таз. *üpalqo* ~ *üpalqo* [СЕН] | ‘пере-, откочевать’ — нар. *ü'pəgu* ‘кочевать’ < Сельк. *üprə
 18) таз. *ükj* [СМДЕОИ] | ‘шапка, головной убор; капюшон’ — нар. *üg* ‘шапка, кепка’ < Сельк. *üku* (кам. *užui*, мат. *ügüj*)
 19) таз. *ütjəqo* [СМД] | ‘выпить; пропить, задешево обменять на спиртное’ — нар. *ü'dəgu* ‘выпить, попить’ < Сельк. *üt / *ütə < ПС *wit < ПУ *wete
 20) таз. *šün'cəqo* [ДЕОН] | ‘кончиться, израсходоваться, опустеть’ — нар. *fünjəgu* ‘закончиться’ < Сельк. *šünčə-* < ПС **kön-* ~ **kün-*

Исключение

таз. *šūmā* ~ *šūmä* [CMDНИ] | ‘копылуха, самка глухаря’ — нар. *š'uwā* ‘капалуха, кобыла, самка’ < Сельк. *šūma* < ПС *kejmä (~ *kijmä)

15. ПСельк. *i > таз. i, нар. i, ε (< ПС *i)

таз. *i* — нар. *ε*

1) таз. *miqo* [CMDEОИ] | ‘дать, отдать; выдать (замуж); заплатить’ — нар. *m'εgú* ‘дать’ < Сельк. *mi-* < ПС *mi < ПУ *miye

2) таз. *piriqo* [CMDEИ] | ‘пожарить, испечь; ошпарить; подогреть лодку-долбленку перед распяливанием; изжариться на солнце, загореть’ — нар. *p'εrgú* ‘жарить, пожарить’ // *pörteugú* ‘гореть’ < Сельк. *pirä-* < ПС *pirä

3) таз. *pi* [CDEО] | ‘ночь’ — нар. *p'et* ‘ночь’ < Сельк. *pi* < ПС *pi

4) таз. *pitqo* [MEО] | ‘размять, размягчить (шкуру)’ — нар. *p'etkəlgú* ‘мять, помять, потереть (во время выделки шкур)’ < Сельк. *pit-* < ПС **pit-* < ПУ *peksü

5) таз. *picj* [CMDEОИ] | ‘топор’ — нар. *p'εčz'* ‘топор’ < Сельк. *picí*

6) таз. *picca* [CMDEОИ] | ‘щука’ — нар. *p'εčá* ‘щука’ < Сельк. *picéca*

7) таз. *mišalqo* ~ ВТ *miššalqa* [СЕИ] | ‘сдернуть, облупить, содрать, сорвать’ — нар. *m'εfəlgú* ‘дёрнуть, выдернуть; выдернуть с корнем’ < Сельк. *mišša*

8) таз. *mitiqo* [ЕОНИ] | ‘догнать, достичь; застать; успеть; одолеть’ — нар. *mεdəgú* ‘дойти, подходить, догнать’ < Сельк. *mitə* (кам. *bideljim*)

9) таз. *iliqo* [CMDEОИ] | ‘жить’ — нар. *εlgú* ‘жить, существовать’ // *iləmbəl* ‘живой’ < Сельк. *ilə* < ПС **élä-* < ПУ **elä-*

10) таз. *šittjil'a* ~ *šittjil'al'* ~ *šittjil'* [М] | ‘два, оба, разный (о сторонах, концах)’ — нар. *šidəməč'él* ‘второй’ // *šed* ‘два’ < Сельк. *šitə* < ПС *kitä < ПУ *kakta ~ *küktä

таз. *i'* — нар. *i*

1) таз. *iqo* [CMDEОИ] | ‘взять; принять, получить; занять’ — нар. *igu* ‘взять’ < Сельк. **ī-* (кам. *ī-*)

2) таз. *ī* [С] | ‘сын’ — нар. *i:* ‘сын’ < Сельк. *ī*

3) таз. *ittjrqo* [С] | ‘варить’ — нар. *itergú* ‘варить, готовить’ / *etεrgú* ‘варить, кипятить’ < Сельк. *itter-*

4) таз. *ippiqo* [CMDEОИ] | ‘лежать; уложить’ — нар. *ipəgú* ‘лежать’ < Сельк. *ippi-* (кам. *i'b'm*)

5) таз. *pikjilqo* [СЕО] | ‘от-, пере-, повернуть, -ся; обернуться, превратиться’ — нар. *piəalgu* ‘обернуться, оглянуться’ < Сельк. *pikəl*

6) таз. *šipa* [CMDEОИ] | ‘утка’ — нар. *š'i'ba* ‘птица, птенец, утенок’ < Сельк. *šipa*

7) таз. *šitj* [MDOИ] | ‘пелядь, сырок (сиговая рыба)’ — нар. *šid* ‘сырок (рыба)’ < Сельк. *šitə*

8) таз. *šittjio* [CMDEОИ] | ‘разбудить; проснуться’ — нар. *šidəgú* ‘разбудить’ < Сельк. *šitə-* < ПС **kitä-* ~ **kitä-*

9) таз. *šimj* [СМЕОИ] | ‘зола, пепел’ — нар. *šiv* ‘зола, пепел’ < Сельк. *šimə* < ПС *kimä

Исключения

1) таз. *irä* (часто с Рх3Sg *irätj*) [CMDEОИ] | ‘луна; месяц’ — нар. *ar'ét* ‘луна, месяц’ < Сельк. *irä* < ПС *irə

2) таз. *ira* [CMDEОИ] | ‘мужчина; муж; старик; король (в картах)’ — нар. *arə* ‘старик, муж’ < Сельк. *ira* / *era*

3) таз. *citj* [СЕО] | ‘от, о (последлог, указывающий на источник воздействия)’ — нар. *tε'ad* ‘про (последлог)’ < Сельк. *čitə*

4) таз. *pija* ~ *pīja* [DEОИ] | ‘филин; трёфы (в картах)’ — нар. *pūjje* ‘филин’ < Сельк. *pija* / *pūja* < ПС *pija / *pūja

5) таз. *pirkj* [СМЕОИ] | ‘высокий; высота’ — нар. *pi:rg* ‘высокий’ < Сельк. *pirkə* < ПС *pirə < ПУ *piđe (~ *kü)

16. ПСельк. *i > таз. i, нар. i, ε- (< ПС *i)

1) таз. *šicj* [MDOИИ] | ‘сердце’ — нар. *χidz'* ‘сердце’ < Сельк. *šičə* < ПС *sejə

2) таз. *šipsjn3* ~ *šipsän3* ~ *šipsjn3* ~ *šipsän3* ~ *šipsän3* ~ *šipsjn3* [MDOИИ] | ‘напильник; Д тж. пила’ — нар. *χibi* ‘пила (инструмент)’ < Сельк. *šipsin*

3) таз. *n'ijkiqo* [И] | ‘выдернуть, сорвать, ободрать’ — нар. *niŋəlgú* ‘изорвать, выщипать’

4) таз. *nētjio* [CMDEОИ] | ‘поцеловать’ — нар. *nidəgu* ‘поцеловать, целовать’ < Сельк. **nitə-* ~ **nūtə-* (по [Alatalo 2004] можно сравнить с нган. *njuade'ämä*, энец. В *njuedabo*)

5) таз. *n'imjrä* [СЕОИ] | 'мошка' — нар. *nivr'é* 'мошка, мошки, мокрица' < Сельк. *ñimärü* < ПС *nimäräjä

6) таз. *n'ima* [ДЕОНИ] | 'молоко; женская грудь, вымя' — нар. *n'iptäl'éspigu* 'сосать грудь' // *n'ef* 'грудь, вымя' < Сельк. *ñim-* < ПС **ñim-* < ПУ **ime-*

7) таз. *ñil'cĭ* (Du. *ñil'cāqĭ*) [ДЕ] | 'такое (сущ.), такой-то (сущ.), такое место' — нар. *nil'dzi* 'такой'

8) таз. *tiťä* [МО] | 'дядя (младший брат матери)' — нар. *teitegá* 'дядя (старший или младший брат матери)' < Сельк. *čičü* < ПС *cicä

9) таз. *ciñkj* [СМДЕОИ] | 'лебедь' — нар. *tein'k* 'лебедь' < Сельк. *čijki* < ПС **je'ñkz*

10) таз. *tiñtä* [МЕО] | 'недавно, давеча' — нар. *teindžé* 'недавно'

11) таз. *sĭ* [СМДЕОИ] | 'соболь' — нар. *fi* 'соболь' < Сельк. *št* < ПС *ki

12) таз. *sĭcĭ* [СМДЕОИ] | 'уголь, уголья' — нар. *fidžä* 'уголь, сажа' < Сельк. *sičä* / *šičä* < ПС *sija < ПУ *süde

13) таз. *tiřil'* [ЕО] | 'полный, со всем содержимым, в сочетании с (в адъективном употреблении)' — нар. *tir* 'полный (послелог)' < Сельк. *tir* < ПС *terä / *tirä < ПУ *türe

таз. *ĭ'* — нар. *ε*

14) таз. *innä* ~ *in* (усеченная форма перед гласным) [СgДЕОИ] | 'вверх' — нар. *enégit* 'наверху, по верху' < ПС **i(-)* (селькупский) ~ *ni < ПУ *wülä

Исключения¹³

1) таз. *ñiml* (*ñimj-*) [СМДЕО] | 'имя, название' — нар. *máfek nemdikvát* 'меня зовут' < Сельк. *ñim* ~ *ñim* < ПС *ñim / *nüm* < ПУ *nime

2) таз. *tiřil'* *qum2* | 'мужчина (употребляется в специально гендерных контекстах — например, при констатации пола ребенка)' — нар. *teb* 'мужчина, муж' < Сельк. *tipi* < ПС *tipä

17. ПСельк. *i > таз. *i*, нар. *i*

1) таз. *kiriqo* [СМЕОИ] | 'обдирать, -ся, свежевать' — нар. *kirgú* 'ободрать, содрать, промышлять' < Сельк. *kjra* < ПС *kira

2) таз. *qišqä* [СЕОИ] | 'звезда' — нар. *kifkəxáj* 'звезда' < Сельк. *kjšəŋka* < ПС *kij 'месяц'

3) таз. *tišša* [СМЕО] | 'стрела (с острым наконечником)' — нар. *ti'teε* 'стрела' < Сельк. *tiššä*

4) таз. *tiťj* ~ *tiťj* [СМЕОИ] | 'зуб' — нар. *tiv* 'зуб, зубы' < Сельк. *timə* < ПС *timä

5) таз. *tiťti* [СМДЕОИ] | 'облако, затянутое облаками небо' — нар. *tit* 'облако, туча' < Сельк. *tüttä* < ПС *tiä

6) таз. *liřpi* [СМДЕОИ] | 'орел; пики (в картах)' — нар. *limb* 'орёл' < Сельк. *liřpi* < ПС *liřpü

18. ПСельк. *i > таз., нар. *i*

1) таз. *sĭřj* ~ ВТ *sĕř* [СМДЕОИ] | 'корова' — нар. *χir* 'корова' < Сельк. *siřər* < Тю [Räsänen 1969: 414b]

2) таз. *tiřä* [МЕОИ] | 'муха' — нар. *tei'd*, *tei'de* 'муха' < Сельк. *čřpä < Тю *čřpin

3) таз. *mĭti* [СМДЕОИ] | 'печень' — нар. *mid* 'печень' < Сельк. *mĭtə* < ПС *mitä < ПУ *maksa

4) таз. *qicčaltiqo* [О] | 'припугнуть' — нар. *kitevatku* 'испугаться'

5) таз. *kirašša* ~ *kiraš* [СЕО] | 'почти, чуть не' — нар. *kibizók* 'немного, маленько' < Сельк. *kjra*

6) таз. *kjra* [СМДЕОИ] | 'малый, младший; малолетство, детский возраст' — нар. *kibá* 'маленький' < Сельк. *kjra*

7) таз. *kjntiqo* [ДЕОНИ] | 'поставить (сеть), натянуть (веревку)' — нар. *kin'dzigü* 'поставить (о рыболовной сети)' < Сельк. *kjñčä*

8) таз. *sĭřj* [СМДЕОИ] | 'снег' — нар. *χir* 'снег' < Сельк. *siřə* < ПС *siřä

9) таз. *sĭřin'ca* ~ (ВТ) *sĭwĭn'ca* | 'свинья' — нар. *χibindž'á* 'свинья' < Сельк. *siřinca*

10) таз. *kĭ* ~ *kĭ* [СМДЕОХКИ] | 'река, речка (приток большой реки)' — нар. *ki* 'река' < Сельк. *kĭ* < ПС **ki-*

11) таз. *kĭkĭqo* [СМЕОИ] | 'любить; хотеть' — нар. *kikigü* 'хотеть' < Сельк. *kĭkə-*

12) таз. *kĭl* (*kĭli-*) [СМО] | 'яма' — нар. *kil* 'яма' < Сельк. *kĭl*

13) таз. *kĭli* [СМЕОИ] | 'грудь' — нар. *kil* 'грудь' < Сельк. *kĭlə*

14) таз. *kĭr* (*kĭri-*) [СМЕОИ] | 'рана, болячка' — нар. *kir* 'рана' < Сельк. *kĭr*

15) таз. *liřikl* ~ *liřik3* [СДН] | 'темнота, тьма, ночь' — нар. *libvá* 'темно, темный' < Сельк. *liřəŋ*

16) таз. *liřtiř3* [МЕИ] | 'ткань, материя, материал (на одежду); (ВТ) обрывок, лоскут, тряпка' — нар. *liřrá* 'тряпка'

¹³ Здесь, в отличие от соответствия 15, нар. *ε* соответствует таз. *i*, а не таз. *i*.

17) таз. *mj* [CMDEOH] | ‘нечто, вещь; то, что; это самое, как там его’ — нар. *mi* ‘вещь, штука, нечто, что-то’ < Сельк. *mj*

18) таз. *mjka* [CMDEOI] | ‘игла (для шитья)’ — нар. *migá* ‘иголка, игла’ < Сельк. *mjka*

19) таз. *mjtjto* [MEO] | ‘мазать’ — нар. *miditkú* ‘помазать; покрасить, мазать, красить’ < Сельк. *mjtat*

20) таз. *njrša ~ njršä ~ njršä* [CMEOI] | ‘ерш’ — нар. *nirfá* ‘ерш’ < Сельк. *njrša*

21) таз. *njñkjo* [CMDEOI] | ‘стоять (на ногах, о живых существах)’ — нар. *njñgigú* ‘стоять’ < Сельк. **njñki-* < Сельк. **nj-* < ПС **nu-* ~ **nj-*

22) таз. (*poqqil'a*) *kjta* [H] | ‘паук’ — нар. *xi'æ'a* ‘паук’ < Сельк. *kjča* < ПС **keçz*

23) таз. *tj-tō* | ‘туда-сюда’ — нар. *tī tō* ‘туда-сюда (вперед-назад)’

24) таз. *tjñj3* [CMEOI] | ‘кедр’ — нар. *tidi'k* ‘кедр’ < Сельк. *tjñj* < ПС **tjñjñj* < ПУ **soksV* (**saksV*, **seksV*)

25) таз. *tjn qum2* [E] | ‘татарин’ — нар. *tīl kúp* ‘татарин’ < Сельк. *tjñ*

26) таз. *tjñ* (*tjñj-*) [EOI] | ‘рыбья икра’ — нар. *tir* ‘икра’ < Сельк. *tjñram* < ПС **tirämä ~ *türämä* < ТМ **tjñ-kse*

27) таз. *njñqimñtjo* [O] | ‘подавиться’ — нар. *nikvátku* ‘подавиться’ < Сельк. *njñkt-*

28) таз. *nj* [CgMEO] | ‘сюда, туда (преим. в анафорическом употреблении)’ — нар. *niká* ‘сюда, туда (в известное место)’

таз. *ǰ* — нар. *ε*

29) таз. *tjñjo* [CDEOI] | ‘повесить; повеситься’ — нар. *edigú* ‘повесить, висеть’ < Сельк. **jt(t)ə-* < ПС **jtV-*

30) таз. *intj* [CMDEOI] | ‘лук (оружие)’ — нар. *ent // unt // int* ‘лук’ < Сельк. *intə* < ПС **jntə* < ПУ **jñ(k)sV*

31) таз. *jñ* [O] | ‘место под; внизу, под (основа адвербиалов [послелогов-наречий])’ — нар. *el'ε* ‘вниз’ // *i'lil* ‘нижний’ < Сельк. **jñ* < ПС **jñə* < ПУ **ila*

Исключения

1) таз. *qjñl* (*qjñj-*) [CMDEOI] | ‘мох, лишайник’ — нар. *kadž* ‘мох болотный’ < Сельк. *kjč* (< хак. *káč* [Alatalo 2004])

2) таз. *pñjo* ~ (Тур. тж.) *pñjo* [CDEOI] | ‘положить’ — нар. *pangu* ‘положить’ < Сельк. *pñ-* < ПС **pñ-*

3) таз. *njñtjo* [EOI] | ‘рвать’ — нар. *n'izárgu* ‘порвать, разорвать, рвать’ < Сельк. *njñč-* < ПС **njñ-*

Итак, в результате анализа полного корпуса нарымско-среднетазовских соответствий, которые нам удалось найти, 17 фонем реконструируются надежно, еще одна фонема — под вопросом и нуждается в дальнейших исследованиях. Стоит сказать, что на сайте lingvodoc.at.ispras.ru представлен словарь кетского диалекта селькупского языка, собранный членами экспедиции МГУ в 2009 г. под руководством О. А. Казакевич. Анализ этих данных, который в настоящее время готовится к публикации Е. М. Будянской и О. А. Казакевич, подтверждает реконструкцию большинства предложенных нами фонем. Система соответствий выглядит следующим образом (полужирным шрифтом в ней отмечены те ряды, в которых по [Alatalo 2004] гласная первого слога одна и та же, а по нашей реконструкции в первом слоге могут быть две или три разных гласных):

Таблица 2

Праселькупская реконструкция (на основании сравнения данных сренетазовского диалекта по [Helimski 2007] и полевых данных по нарымскому и кетскому диалектам) и ее соответствия в словаре [Alatalo 2004]

1. ПСельк. **a* > таз., нар., кет. *a* — Сельк. [Alatalo 2004] *a*
2. ПСельк. **á* > таз. *ā*, нар., кет. *a* — Сельк. [Alatalo 2004] *ā*
3. ПСельк. **o* > таз., кет. *o*, нар. *ɔ* — Сельк. [Alatalo 2004] *o, ō*
4. ПСельк. **u* > таз., нар., кет. *u* — Сельк. [Alatalo 2004] *u, ū*
5. ПСельк. **uə* > таз. *ε*, нар. *vε*, кет. *və* — Сельк. [Alatalo 2004] *uə*
6. ПСельк. **ɟ* > таз. *ε*, нар. *ε* — Сельк. [Alatalo 2004] *ē*
7. ПСельк. **ε* > таз. *ε*, нар. *a*, кет. *ə* — Сельк. [Alatalo 2004] *ε*
8. ПСельк. **ε* > таз., нар. *ε*, кет. *e* — Сельк. [Alatalo 2004] *e, ē*
9. ПСельк. **ä* > таз., кет. *e*, нар. *a* — Сельк. [Alatalo 2004] *e*
10. ПСельк. **e* > таз., кет. *e*, нар. *ε* — Сельк. [Alatalo 2004] *e, ē*
11. ПСельк. **üə* > таз. *ö*, нар. *vε* — Сельк. [Alatalo 2004] *üə*
12. ПСельк. *ö* > таз., нар. *ö* — Сельк. [Alatalo 2004] *ō*

13. ПСельк. *у > таз., кет. *ü*, нар. *ö* — Сельк. [Alatalo 2004] *ü, ǖ*
 14. ПСельк. **ǖ* > таз., кет. *ü*, нар. *ǖ* — Сельк. [Alatalo 2004] *ü, ǖ*
 15. ПСельк. *i > таз. *i*, нар. *i*, *ε*, кет. *i* — Сельк. [Alatalo 2004] *i, ī*
 16. ПСельк. **ī* > таз. *ī*, нар., кет. *i, ε-* — Сельк. [Alatalo 2004] *i, ī*
 [17. ПСельк *i > таз. *i*, нар., кет. *i*] ¹⁴ — Сельк. [Alatalo 2004] *i, j*
 18. ПСельк. *i > таз., нар., кет. *i* — Сельк. [Alatalo 2004] *j, j̄*

Таким образом, представляется, что анализ нарымского полевого материала и его последовательное полексемное сопоставление со среднетазовскими и кетскими данными позволяет дополнить информацию о селькупских основах, приведенную в [Alatalo 2004], и реконструировать четыре дополнительных праселькупских фонемы: *ε, **ǖ*, *у, **ī*.

При этом, как было сказано выше, мы предполагаем, что данная реконструкция не является окончательной. Во II части статьи будет рассмотрен вопрос о долгих гласных и их праселькупской реконструкции.

Сокращения

Языки и диалекты

- енис. — енисейские языки
 кам. — камасинский язык
 мат. — маторский язык
 нган. — нганасанский язык
 ненец. — ненецкий язык
 ПС — прасамодийский язык
 ПСельк. — праселькупский язык
 ПУ — прауральский язык
 рус. — русский язык
 самод. — самодийские языки
 сев.-самод. — северно-самодийские языки
 Сельк. — селькупские типы основ или реконструкция по словарю [Alatalo 2004]
 ВТ — верхнетазовский диалект селькупского языка
 елаб. — елабужский диалект селькупского языка
 кет. — кетский диалект селькупского языка
 нар. — нарымский диалект селькупского языка
 таз. — тазовский диалект селькупского языка
 тур. — туруханский диалект селькупского языка
 тунг. — тунгусские языки
 ТЮ — пратюркский язык
 хак. — хакасский язык
 эвенк. — эвенкийский язык
 энец. — энецкий язык

Источники

- И — стандартизованные написания слов из [Ириков 1988]
 Н — полевые неизданные записи Е. А. Хелимского
 О — файлы к третьей части «Очерков по селькупскому языку», которые были предоставлены Е. А. Хелимскому О. А. Казакевич и им дополнены.
 Хс — селькупские материалы из работы [Хелимский 1976]
 Хк — селькупские материалы из работы [Хелимский 2000]
 С — материалы М. А. Кастрена
 Сg — селькупские материалы из [Castrén 1854]
 D — данные Доннера по словарю [Alatalo 2004]
 E — [Erdélyi 1969]
 M — [Helimski, Kahrs 2001]

¹⁴ Реконструкция этой фонемы дана в квадратных скобках, поскольку она не является надежной из-за незначительного количества примеров.

Общие

1 — 1-е лицо	P1 — множественное число
2 — 2-е лицо	Px — личное окончание
Du — двойственное число	Sg — единственное число
Nom. — номинатив	заим. — заимствование

Литература

Быконя 2005 — *Быконя В. Б.* Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. {*Bykon'a V. B. Selkup-Russian dialectic dictionary. Tomsk, 2005.*}

Глушков 2002 — *Глушков С. В.* Длительность гласных и согласных в селькупских диалектах. Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. {*Glushkov S.V. Duration of vowels and consonants in the Selkup dialects. Ph.D. thesis. Tomsk, 2002.*}

Ириков 1988 — *Ириков С. И.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1988. {*Irikov S. I. Dictionary Selkup-Russian and Russian-Selkup: Elementary school textbook. L., 1988.*}

Норманская 2008 — *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008. {*Normanskaja Ju. V. Reconstruction of the Proto-Finno-Volga stress. M., 2008.*}

Норманская 2012а — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 117—148. {*Normanskaja Ju. V. Proto-Samoyed stress and its external correspondences. Differently placed stress in Central and Southern dialects of the Selkup language // Ural-Altaic Studies. 2012, 1 (6). P. 117—148.*}

Норманская 2012б — *Норманская Ю. В.* Ударение в центральных и южных селькупских диалектах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012, 1. С. 16—21. {*Normanskaja Ju. V. Stress in Central and Southern Selkup dialects // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2012, 1. P. 16—21.*}

Норманская 2012в — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Часть II. Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северно-самодийских и финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2012, 2 (7). С. 59—82. {*Normanskaja Ju. V. Proto-Samoyed stress and its external correspondences. Part II. External correspondences of the Selkup differently placed stress in the Northern Samoyedic and Finno-Ugric languages // Ural-Altaic Studies. 2012, 2 (7). P. 59—82.*}

Норманская 2014 — *Норманская Ю. В.* Возможно ли реконструировать праселькупское разноместное ударение? // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014, 4 (6). С. 21—31. {*Normanskaja Ju. V. Is it possible to reconstruct the Proto-Selkup differently placed stress? // Tomsk journal of linguistic and anthropological studies. 2014, 4 (6). P. 21—31.*}

Норманская, Шешенин, Федотова 2012 — *Норманская Ю. В., Шешенин С. Е., Федотова Н. Л.* Разноместное ударение в селькупском языке и прасамодийская реконструкция // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / Отв. ред. Деревяшко А. П., Куделин А. Б., Тишков В. А. М., 2012. С. 611—623. {*Normanskaja Ju. V., Sheshenin S. E., Fedotova N. L. Differently placed stress in the Selkup language and Proto-Samoyedic reconstruction // Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia. A fundamental research program of the RAS Presidium / Eds. Derev'anko A. P., Kudelin A. B., Tishkov V. A. M., 2012. P. 611—623.*}

ОчСЯ 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980. {*Kuznetsova A. I., Helimskij E. A., Grushkina E. V. Essays on the Selkup language: the Taz dialect. Vol. 1. M., 1980.*}

ОчСЯ 1993 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 2. М., 1993. {*Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Ju., Helimskij E. A. Essays on the Selkup language: the Taz dialect. Vol. 2. M., 1993.*}

ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. Цинциус В. И. Л., 1975. {*Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages: Materials for an etymological dictionary / Ed. Tsintsius V. I. L., 1975.*}

Хелимский 1976 — *Хелимский Е. А.* О соответствиях уральских а- и е- основ в тазовском диалекте селькупского языка // СФУ, 1976. Т. XII. № 2. С. 113—132. {*Helimskij E. A. On correspondences of the Ural a- and e- stems in the Taz dialect of the Selkup language // Soviet Finno-Ugric Studies, 1976. Vol. XII. № 2. P. 113—132.*}

Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. {*Helimskij E. A. Comparative studies. Ural studies. Lectures and articles. M., 2000.*}

- Alatalo 2004 — Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von *Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J.* / Zusammenge stellt und hrsg. von *Alatalo J.* Helsinki, 2004.
- Castrén 1854 — *Castrén M. A.* Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854.
- Erdélyi 1969 — *Erdélyi I.* Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest, 1969.
- Helinski 1997 — *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Szeged, 1997.
- Helinski 2007 — *Helinski E.* Рукопись северно-селькупского словаря // www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/personen/eugen-helinski.html, 2007.
- Helinski, Kahrs 2001 — Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal'cev (1903). Herausgegeben von *Eugen Helinski und Ulrike Kahrs.* Hamburg, 2001
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (Castrenianumin toimitteita, 17.)
- Mikola 2004 — *Mikola T.* Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen aus dem Nachlass herausgegeben von Beáta Wagner-Nagy. Szeged, 2004.
- Räsänen 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.

РЕЗЮМЕ

Материал, на котором базируется статья, был собран Н. Л. Федотовой в 2009—2010 гг. в поселке Парабель от двух носителей нарымского диалекта селькупского языка — Ирины Анатольевны Коробейниковой и Якова Яковлевича Мартынова. В 2009 г. от обоих носителей был собран словник исконной лексики (около 400 слов) и, насколько было возможно, несколько парадигм, которые они вспоминали с трудом. В 2010 г. от И. А. Коробейниковой, которая владеет языком несколько лучше, чем Я. Я. Мартынов, был записан полный словарь, включающий около 2000 лексем.

В статье проведен анализ гласных первого слога в нарымском диалекте селькупского языка по полевым записям и их параллелям в тазовском и кетском диалектах. Описаны качественные противопоставления в системе вокализма в селькупских диалектах на основании результатов анализа аудиозаписей в фонетической программе Praat, поскольку при этом транскрипция будет строиться не на интуиции исследователя, а на основании формантного анализа. В результате анализа было выявлено, что анализ нарымского полевого материала и его последовательное поллексемное сопоставление со среднетазовскими и кетскими данными позволяет дополнить информацию о селькупских основах, приведенную в [Alatalo 2004], и реконструировать четыре дополнительных праселькупских фонемы: *ε, *ä, *y, *ï.

Показано, что особые тазовские фонемы *e* — *e* (напряженное) и *ε* (ненапряженное) — и два *i* — *i* (напряженное) и *ï* (обычное) в нарымском диалекте, поэтому они должны реконструироваться и для праселькупского языка и, соответственно, учитываться при анализе развития прасамодийской системы в праселькупскую.

SUMMARY

The material the article is based on was collected by N.L. Fedotova in 2009-2010 in the Parabel village from two speakers of the Narym dialect of the Selkup language – Irina Anatolyevna Korobeynikova and Yakov Yakovlevitch Martynov. In 2009 a word-list of indigenous vocabulary and some paradigms were collected from both informants (the latter as much as they could remember, which they did with difficulty). In 2010 the full dictionary (about 2000 lexical items) was collected from I.A. Korobeynikova, who speaks the language somewhat better.

The article presents the analysis of the vowels of the first syllable in the Narym dialect of the Selkup language on the basis of field recordings and their parallels in the Taz and Ket dialects. Qualitative oppositions in the vocalism system are described, using the results of the analysis in a phonetic software Praat, which gives to the transcriptions the base of formant analysis, not the one of the author's intuition. The results of the analysis allow to clarify the system of Selkup bases cited in [Alatalo 2004] and reconstruct four additional Protoselkup phonemes — *e, *ä, *y, *ï.

It is shown that specific Taz phonemes *e* — *e* (broad) и *ε* (lax) — and two *i* — *i* (broad) and *ï* (regular) can be reconstructed for the Proto-Selkup language and, as such, should be accounted for during the analysis of the development from Proto-Samoyed system to the Proto-Selkup one.

Ключевые слова: праселькупская реконструкция, гласные первого слога, нарымский диалект

Keywords: Protoselkup reconstruction, vowels of the first syllable, Narym dialect

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Julia V. Normanskaja, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); julianor@mail.ru

Количественные значения в глагольных конструкциях эвенкийского языка на материале устных рассказов 2005—2011 гг.¹

Существует несколько грамматик эвенкийского языка, например, [Василевич 1940, 1948; Константинова 1964; Bulatova, Grenoble 1999; Nedjalkov 1997] и др., а также ряд исследований, посвящённых частным проблемам ([Колесникова 1966; Бродская 1988; Nedjalkov 1995; Болдырев 2007] и др.) и отдельные работы типологов [Урманчиева 2012]. Однако функциональный синтаксис эвенкийского языка, особенно в отношении частных вопросов, недостаточно изучен. Предмет рассмотрения настоящей статьи — количественные значения в глагольной сфере эвенкийского языка.

1. Общая характеристика устных рассказов

Эвенкийский язык обычно рассматривают как множество говоров — см. [Василевич 1948; Василевич 1958; Мыреева 2004]. С литературным эвенкийским языком, созданным на основе непского, а затем полигусовского говора, нельзя отождествлять эвенкийские говоры. В эвенкийско-русских словарях Г. М. Василевич и А. Н. Мыреевой в каждой словарной статье есть пометы относительно употребления заглавного слова в том или ином говоре. Говоры можно разделить на северное и южное наречие (СН, ЮН) по лингвистическому и географическому признакам.

Материалом для статьи служат устные рассказы, записанные в экспедициях 2005—2011 гг. в Эвенкийский муниципальный район под руководством О. А. Казакевич. Эти рассказы (истории жизни, случаи из жизни, сказки) входят в корпус текстов на малых языках Сибири на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»; режим доступа: <http://minlang.srcc.msu.ru/>. В корпус включены также сказки и истории, записанные Е. П. Лебедевой в 1950-х гг. [Лебедева 1952]. Обработка и глоссирование текстов проведены Е. Л. Клячко при содействии Н. К. Митрофановой и автора. Тексты в корпусе представлены фонетической транскрипцией и записью с помощью эвенкийского (кириллического) алфавита — последняя в статью не включается².

Экспедиции О. А. Казакевич — см. [Казакевич 2010] — проводились в различные эвенкийские села. В большинстве этих сел представлено северное наречие: Эконда, Чиринда, Кислокан, Хантайское озеро, Тутончаны, Тура. В нескольких селах (Ванавара, Полигус, Стрелка, Муторай) употребляется южное наречие, которое традиционно считается близким к эвенкийскому литературному языку.

В имеющихся в корпусе рассказах есть лексические, фонетические и морфологические черты, которые отличают говоры друг от друга, а также от тех норм литературного языка, которые зафиксированы в грамматиках 1950—1990-х гг. [Константинова 1964; Nedjalkov 1997; Bulatova, Grenoble 1999]. Эти отличия на современном этапе состояния языка недостаточно изучены³. Некоторые из них могут объясняться особенностями идиолектов отдельных рассказчиков.

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Корпусные исследования синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)» № 14-06-00449, рук. О. А. Казакевич. Автор благодарит Е. Л. Клячко за основную работу по обработке и глоссированию используемых текстов и предоставленную полезную информацию по анализу текстов, а также анонимных рецензентов «УАИ» за ценные и содержательные замечания.

² Как следствие принципа фонетической (а не фонематической) записи, некоторые морфемы в корпусе записаны не совсем так, как должны быть записаны, исходя из данных грамматик, — например, *-fk̄-* вместо *-vk̄-* / *-vk̄-* ‘ГТСР.НАВ’ в примере (3а) и др., *-čə-* вместо *-d'A-* ‘ГРГВ’ в примере (6а) или *-si-* вместо *-t-* / *-č'i-* в примере (6б).

³ Крайне трудно четко определить список морфологических отличий южных говоров от северных (в то время как в сфере лексики, фонетики и фонологии сделать это намного легче). В рассказах 2000-х гг. нет таких явных различий между южными и северными говорами, как в текстах начала и середины XX в. [Василевич 1948, 1966]. Это связано, в частности, с частыми переездами рассказчиков из одного населенного пункта в другой, так что, например, рассказчик, в детстве говоривший на ЮН, мог впоследствии мигрировать на север и усвоить какие-то черты СН. Некоторые примеры приводятся в работе [Казакевич, Клячко 2013]. К сожалению, в этой работе нет исчерпывающего анализа морфологических отличий так называемого сымского говора (села Сым и Белый Яр). Этот говор относится к ЮН и в большой степени подвержен влиянию русского языка. Однако в сымском говоре обнаружены редкие показатели, которых нет в других говорах ЮН, см. п. 3.

Тексты, на которых основываются наши наблюдения, относятся в основном к СН. В работе [Мамонтова 2013: 84—85] отмечается, что говоры СН сохранились не хуже, а даже лучше, чем говоры ЮН, и что между северными и южными говорами есть взаимопонимание.

В процессе нашей работы с текстами выявлены только фонетические различия, которые состоят в произнесении некоторых аспектуальных показателей (см., например, сноски 6 и 9), и количественные различия в употреблении этих показателей; другие различия были для нас несущественны. Важно отметить, что список глосс для всех текстов, независимо от говора, составлен на основе упомянутых выше грамматик литературного эвенкийского языка и других работ по эвенкийскому, и этот список в целом покрывает морфологические средства, зафиксированные в рассказах всех говоров. Поэтому можно утверждать, что на современном этапе основные морфологические характеристики являются общими для ЮН и СН.

2. Количественные значения в глагольных конструкциях

Аспектуальным категориям глагола посвящено большое количество работ. Однако для практической цели настоящей статьи мы будем пользоваться классификациями аспектуальных значений, принятыми только в некоторых из них [Храковский 1989; Плунгян 2010: 294—296; Шлуинский 2005]. Набор показателей взят из упомянутых в п. 1 грамматик; глоссирование ориентировано на кетско-селькупско-эвенкийский корпус⁴.

Количественные значения в эвенкийском языке выражаются временными и причастными показателями, а также словообразовательными аспектуальными показателями с количественным значением. К количественным значениям могут относиться как единичность (семельфактив) или повторяемость (хабитуалис, итератив) действия или события, так и участие в одном событии нескольких ядерных или периферийных участников (дистрибутив), а также другие значения⁵.

В эвенкийском языке есть несколько аспектуальных показателей, значение которых в первую очередь или косвенным образом количественное: ‘DSPRS’ дисперсив *-ktA*⁶-, ‘ITER’ итератив *-wAn/-wAt-*, ‘DUR’ дуратив *-t/-či-*, ‘DISTR’ дистрибутив *-t(i)-*, ‘INCEP’ инцептив (или семельфактив) *-sin/-hin-*⁷, ‘HAB’ хабитуалис *-ηnA-*.

Также количественные значения могут выражаться показателями квалитатива (ср. *-pčū* ‘ATR’ и другие квази-синонимичные показатели, такие как *-mA*, *-kĀs*, *-kin/-gin*, *-kī*, *-wsi*, *-ty*), интенсива (*-kĀkūn*, *-kĀkin*, *-mA/-mAmA* ‘INTS’) и аттенуатива (*-kĀn/-kakĀn*, *-kĀkut/-kut*, *-lū*, *-w/-mu*, *-ksi*, *-kĀt*, *-mkA* ‘ATTEN’).

А. Б. Шлуинский рассматривает выражение аспектуальных значений в типологическом аспекте — то есть в самых разных языках и любыми морфосинтаксическими или лексическими средствами. Мы ограничимся материалом эвенкийского языка и сосредоточим основное внимание на употреблении показателей аспектуальности в нашем корпусе.

Аспектуальным показателям в эвенкийском языке посвящен ряд исследований. Прежде всего, они коротко описываются почти во всех упомянутых грамматиках и еще некоторых других работах: [Василевич 1940: 94—97; Константинова 1964: 162—169; Колесникова 1966: 108—110; Nedjalkov 1997: 246—257; Bulatova, Grenoble 1999: 29—33].

Следует особо упомянуть статью [Недялков, Сверчкова 1989], посвященную количественным значениям в глагольной сфере. Согласно этой работе, формальные средства, использующиеся для выражения множественности ситуаций, — это аффиксы времени, аспекта или аффиксы, обозначающие тип (спе-

⁴ Список глосс составлен для корпуса текстов на кетском, селькупском и эвенкийском языках. Составители — Ю. Е. Галямина, О. А. Казакевич, Е. Л. Клячко, Н. К. Митрофанова и автор. Список глосс основан на работе [Lehman 2004] и на Лейпцигской системе глоссирования (см. <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>), однако используются также некоторые нестандартные глоссы типа DATLOC ‘дательный-локативный падеж’, которые лучше всего подходят для глоссирования всех трех языков. Мы глоссируем и словообразовательные морфемы.

⁵ Аспектуальные глагольные показатели словообразовательного типа свойственны не только эвенкийскому языку, но и другим языкам тунгусо-маньчжурской группы, а также другим алтайским и уральским языкам [Плунгян 2010: 296; Гусев 2012; Дыбо, Шеймович 2014].

⁶ Заглавные буквы типа *A* в *-ktA-* используются для обозначения гласных в аффиксах, которые, подчиняясь не тривиальной разновидности закона гармонии гласных в эвенкийском языке, имеют по три варианта ([a], [ə], [o]) в зависимости от гласного корня. Подробнее см. [Nedjalkov 1997: 314—315].

⁷ Вариант с начальным *-h-* в *-sin/-hin-* употребляется в СН, а с *-s-* — в ЮН; *-sin-* часто сокращается до *-s-*, а конечное *-n-* в *-hin-* в определенном контексте может выпадать (см. правило в сноске 9, формы *-hi/-hA-*).

циализированного) причастия. Так, в эвенкийском языке есть прошедшее итеративное время ('PSTITER' *-ŋki-*) и хабитуальное причастие ('PTCP.NAV' на *-vkī-/pkī-*), которые выражают или повторяющееся, или постоянно производимое действие (см., например, (4а—б), (6б)).

Повторяемость (с глаголами мгновенного действия) или дистрибутивность может выражать также многофункциональный аспектуальный аффикс имперфектива 'IPFV' *-d'A-* (1а—б). Количественная характеристика действия возможна и при комбинации вышеперечисленных средств: несколько аспектуальных показателей часто включаются в одну словоформу; аспектуальный показатель может сочетаться с показателем прошедшего итеративного времени или причастия хабитуального.

В нашу задачу входит обработка материала корпуса и исследование того, соответствует ли употребление аспектуальных показателей, выражающих количественную характеристику действия или события, тем закономерностям, которые приводятся в работах [Недялков, Сверчкова 1989; Nedjalkov 1997] и грамматиках. Мы также стараемся учитывать более частные квантитативные и неквантитативные значения каждого показателя (независимо от их соответствия значению глосс) и их количественное распределение в нашем корпусе.

Показатель несовершенного вида, или имперфектива, 'IPFV' *-d'A-* может, среди прочего, маркировать повторение действия или множественное действие с различающимися актантами — ср. термины «мультипликатив» и «дистрибутив» в работе [Храковский 1989] и, применительно к эвенкийскому, в работе [Недялков, Сверчкова 1989: 65—66]. Например, в (1а) имперфектив маркирует повторяемость действия 'убить/добыть'. Рассказчик говорит о том, как он повторно в разных местах охотился на диких животных, что по работе [Недялков, Сверчкова 1989: 88] относится к зоне дистрибутива. В (1б) *-d'A-*, как кажется, выражает значение мультипликатива или континуатива (как частного значения, относящегося к мультипликативу).

(1а) *čipkā-r-wə wā-d'a-čā-w mōtī-l-wə*
 соболь-PL-ACC убить-IPFV-PST-1SG лось-PL-ACC

'Соболей добывал, лосей' [2007_Mutoray_Dmitriev_Andrej_LO1, 00:00:14.480]

(1б) ...*čtob nujan min-dū əkun=ka luča-d'i-t... objasn'al ə-wa*
 чтоб 3SG 1SG-DATLOC что=FOC русский-ATR-ADVR объяснял что-ACC
luča-l gun-d'a-rə-Ø
 русский-PL сказать-IPFV-NFUT-3PL

'(Потом меня это самое, меня посадили со старшим братом), чтобы он мне по-русски... объяснял, что русские говорят' [1998_Sovrechka_Saygotina_Vera_LR, 00:03:13.057]

В устных рассказах показатель *-d'A-* часто употребляется вместе с показателем хабитуалиса 'NAV' *-ŋnA-*, а также вместе с прошедшим итеративным временем 'PSTITER' *-ŋkī-*. В этих случаях подчеркивается повторяемость и хабитуальность (обычность) действия.

Теперь более подробно рассмотрим аффиксы, выражающие частные аспектуальные значения.

Глагол с аффиксом 'DSPRS' *-kta-*, как отмечено в [Недялков, Сверчкова 1989: 68], употребляется в первую очередь с глаголами движения, добавляя значение разнонаправленности движения — см. (2а—б) и пример (12) ниже, а также формы *pura-kta-* 'бежать.по.следу-DSPRS-' «бегать туда-сюда по следу», *aha-kta-* 'гнать-DSPRS-' «гонять», *aks'a-kta-* 'везти-DSPRS' «возить» в рассказе Ёлдогир Валентины (LR2), Чиринда, 2007; *irū-kta-d'a-rə-n* 'волочить-DSPRS-IPFV-NFUT-3SG' «(лиса) волочила (колокольчик)» в рассказе Андреева Василия (LR1), Стрелка, 2007. Храковский более точно называет это значение «альтернативом» (подвидом мультипликатива) [Храковский 1989: 30]. Значение альтернатива выражается во многих языках с помощью аспектуальных аффиксов (мультипликатива, фреквентатива, итератива). Специализированного аффикса со значением альтернатива в выборке языков в работе [Шлуинский 2005: 58—63] не найдено.

В примере (2в) *-kta-* употребляется в значении мультипликатива (по работе [Плунгян 2010: 295] это «единый множественный акт, состоящий из отдельных повторяющихся мгновенных квантов», ср. русский глагол *кашлять*; ср. также [Храковский 1989: 25]).

(2а) *horoli-kta-d'a-ča bi-čo*
 кружиться-DSPRS-IPFV-PTCP.ANT быть-PTCP.ANT

(Сайготин не мог найти след собак и ходил туда-сюда) 'Крутился'
 [2006_Ozero_Bolshoe_Sovetskoe_Saygotin_LO2, 00:02:40.064]

(2б) *Tuksa-kta-rak-is əkun o-d'a-n?*
 бегать-DSPRS-CV.COND-2SG что стать-FUTCNT-3SG

'Если бегать будешь, что будет?' [2008_Kislokan_Udygir_Valentina_LR1, 00:03:54.240]

- (2в) ...*olo-ktā-d'əŋə-tin=kə*   *toŋo-dū*
 вздрогнуть.испугаться-DSPRS-FUT-3PL=FOC   огонь-DATLOC
 'Будут бояться огня' [2007_Kombagir_Anna_LR1_LR2, 00:08:36.340]

Согласно работе [Недялков, Сверчкова 1989: 70], *-ktA-* может также в отдельных случаях выражать значение дистрибутива и итератива⁸, если за *-ktA-* следует аффикс прошедшего итеративного времени ('PSTITER' *-ŋkī-*), будущего времени ('FUT' *-d'AŋA-*), будущего ближайшего ('FUTCNT' *-d'A-*) или хабитуального причастия ('PTCP.HAB' *-vkī-/pkī-*). В (3а) *-ktA-* выражает значение дистрибутива: *bu-* 'умереть' > *bu-ktā* 'умирать (про разные субъекты)' > *bu-ktā-fkī* 'постоянно умирать (про разные субъекты)'. В наших рассказах примеры с итеративным значением *-ktA-* встречаются довольно редко ((3б), (4)) — о редком употреблении *-ktA-* в этом значении упоминает [Nedjalkov 1997: 251]. Пример (3б) со значением итератива — реплика молодой женщины — переводчика очень старой рассказчицы. Идиолект переводчика представляет собой не зафиксированный в грамматиках вариант эвенкийского, а упрощенный вариант, бытующий в речи молодых эвенков (см. другие примеры в статье [Рудницкая 2015а]). В (4) же после *-ktA-* следует 'PSTITER' *-ŋkī-*.

- (3а) *oro-r bu-ktā-fkī-l*
 олень-PL умереть-DSPRS-PTCP.HAB-PL
 'Олени умирали все' [2007_Kombagir_Anna (1917 г.р.)_LR1_LR2, 00:07:46.200]
- (3б) *a rodña žə ətə-ktā-sā-tin=sə rodña-ndə*
 А родня же прийти-DSPRS-PST-3PL=FOC родня-PS.2SG
 'А родня же, приезжали, родня твоя?' (повторно приезжали)
 [Реплика Изольды (1969 г.р.), 2007_Ekonda_Kombagir_Anna_LR1_2, 00:21:11.600]
- (4) *Amaskī əkspeđ'itsijə-l-wə əksə-ktā-ŋkī-tin oro-r-d'i*
 раньше экспедиция-PL-ACC везти-DSPRS-PSTITER-3PL олень-PL-INST
 'Раньше экспедиции сопровождали на оленях'
 [2007_Chirinda_Eldogir_Valentina_LR2 allines, 00:00:21.630]

Показатель 'ITER' *-wAn-/wAt-*, как отмечает [Константинова 1964: 166], встречается редко и почти всегда сопровождается показателем имперфектива ('IPFV' *-d'A-*). 'ITER' *-wAn-/wAt-* практически не употребляется в нашем корпусе. Это, вероятно, связано с уже упомянутыми показателями 'PSTITER' *-ŋkī-* и PTCP.HAB *-vkī-/pkī-* (см. (3а), (4) и пояснения в п. 3). Показатели *-ŋkī-* и *-vkī-/pkī-* «вытесняют» становящийся избыточным аффикс *-wAn-/wAt-*. Было найдено только 5—10 употреблений *-wAn-/wAt-*, из них три однотипные, как (5а), с итеративным значением. В (5б) *-wā-*⁹ используется в значении альтернатива, а в (5в) — в контексте условного наклонения (аспектуальное значение — скорее всего, альтернатив).

- (5а)¹⁰ ...*əŋi=tə nōdu-ŋat-čə bira d'apka-dū-n*
 ...это=FOC бросить-ITER-PTCP.ANT река берег-DATLOC-PS.3PL
 'Он [медведь] это делал, бросал [песком, грязью] на берегу реки'
 [2007_Chirinda_Eldogir_Valentina_LR2, 00:04:42.920]
- (5б) *ə-kallə girku-wā-rə*
 NEG-IMP.2PL ходить-ITER-PTCP.NEG
 'Не ходите туда-сюда' [2007_Strelka_Andreev_Vasilij_LR1, 00:03:30.161]
- (5в) *dawno b uzə tuksa-ji-čə tundra tukti-wa-ji-čə bi-mčə-lwun*
 давно б уже убежать-INCER-PTCP.ANT тундра залезть-ITER-INCER-PTCP.ANT быть-COND-1PL(EXCL)
 'Давно бы уже мы побежали в тундру, залезли бы'
 [2011_Hantayskoye_Ozero_Yeryomina_Lyubov_LR, 00:12:32.048]

⁸ В работе [Nedjalkov 1997] показатель *-ktA-* везде глоссируется как 'DSTR', хотя в работах [Недялков, Сверчкова 1989: 66—69; Nedjalkov 1997: 251] считается, что *-ktA-* может выражать и мультипликативное, и дистрибутивное, и итеративное значение в зависимости от значения глагола, к которому *-ktA-* присоединяется, и контекста.

⁹ Здесь и в (5в) представлена морфема *-wa-/wā-* как вариант *-wAn-*. Как отмечает О. А. Константинова [Константинова 1964: 26], это чередование обусловлено следующим правилом: конечный носовой согласный морфемы выпадает при присоединении к этой морфеме еще одной морфемы; например, *oron* 'олень' + *-či-* 'INST' = *oro-či* (*oron-či).

¹⁰ В этом примере *-ŋat-/gat-* — фонетический вариант *-wAt-* после гласной. Арал распространения этого чередования неясен: вариант с *-ŋ-* зафиксирован в некоторых говорах СН, а с *-g-* — в сымском диалекте. Пример найден Е. Л. Клячко.

Показатель дуратива, или континуатива, ‘DUR’ *-t/-či-* относится к количественным не всеми исследователями грамматики эвенкийского. Континуатив упоминается как относящийся к семантической зоне мультипликатива в работе [Храковский 1989: 33] и рассматривается как одно из важных значений в зоне повторяемости ситуации (итератива) в работе [Шлуинский 2005: 109]. Это значение может передаваться глаголом в аористе или глагольной аналитической конструкцией. В эвенкийских устных рассказах показатель *-t/-či-* часто сопровождается показателями имперфектива, или хабитуалиса, или другим показателем множественности ситуаций, см. (6а—б) и комментарии в п. 3.

(6а) *doŋoto-t-čā-nā*

замерзнуть-DUR-IPFV-CV.SIM

‘Замерзает’ (брат, который зимой остался без денег и жилья)

[2011_Hantayskoeye_Ozero_Chemprogir_Antonina L-B, 00:02:28.259]

(6б) *virtol'oti-l... dāyi-si-ŋkī-tin mun-dulā i produkti-l-wa-wun*

вертолет-PL летать-DUR-PSTITER-3PL 1PL(EXCL)-LOCAL и продукт-PL-ACC-PS.1PL(EXCL)

amā-wu-ŋkī-n...

прийти-TR-PSTITER-3SG

‘Вертолеты прилетали к нам и привозили продукты...’ [2008_Tutonchany_Uvachan_Inna LAv3, 00:12:21.900]

Употребление ‘DUR’ *-t/-či-* отдельно от других показателей множественности ситуаций в значении континуатива показано в примерах (7а—б) — ср. также *isət-t-tā-Ø* ‘видеть-DUR-NFUT-3PL’ «смотрели» — в переносном значении ‘выбирали дорогу жизни’ — в рассказе Хукочар Даниила (LR), Тутончаны, 2008. В (7б) значение континуатива трудно отграничить от значения мультипликатива (см. пример (2в)).

В (7в—г) у показателя *-t/-či-* также значение континуатива, однако обстоятельство длительности в (7в) и форма глагола (конверб цели) в (7г) накладывают временное ограничение на длящееся действие. В (7г) из-за этого перевод «посмотрела», а не «смотрела»¹¹.

(7а) *doku-dā-tin tati-ga-t-tā-Ø taŋ-dā-tin*

...написать-CV.PURP-3PL научиться-TR-DUR-NFUT-3PL читать-CV.PURP-3PL

‘Писать учили, читать’ [2007_Chirinda_Eldogir_Valentina_LR1, 00:04:34.610]

(7б) *ā-nā ā-wa=da ŋōlā-t-tā*

NEG-CV.SIM что-ACC=FOC испугаться-DUR-PTCP.NEG

‘(По этому, по лесу ходила, бегала,) ничего не боясь’

[2008_Kislokan_Udygir_Valentina L-Av [GI], 00:01:16.768]

(7в) *potap-tū irāmo-t-čō-wun bēga-wa*

Потапово-DATLOC прийти.в.гости-DUR-PST-1PL(EXCL) месяц-ACC

‘В Потапове мы гостили месяц’

[2011_Hantayskoeye_Ozero_Turskaya_Minna Dmitriyevna_L, 00:00:36.119]

(7г) *tam nuŋan uj-čō minā iče-t-tō-w anīn-duk-pi*

там 3SG привязать-PTCP.ANT 1SG.ACC увидеть-DUR-CV.PURP-1SG мать-ABL-RFL

‘Там он привязанный [отцом] к своей матери, чтобы я посмотрела’

[2005_Poligus_Khadonchina_LO, 00:04:07.500]

Есть много примеров употребления ‘DUR’ *-t/-či-* в значении результата, которое не является количественным: например, с глаголами ‘сесть’, ‘встать’ (*tāgā-* ‘сесть’ > *tāgā-t-* ‘сидеть’ в (8а—б))¹². У отдельных рассказчиков (см. (8в)) есть употребление, которые можно рассматривать как выражающие значение мультипликатива, ср. (2в)¹³.

(8а) *nu bi bi-sō-w tožā tāgā-t-čā-w d'ew-čō-w tādū*

ну 1SG быть-PST-1SG тоже сесть-DUR-PST-1SG съесть-PST-1SG там

‘Ну я была тоже, сидела, ела там’ [2008_Tutonchany_Pankagir_Praskovja_LR1, 00:08:51.640]

¹¹ Такие употребления нельзя считать выражающими мультипликативный делимитатив [Храковский 1989: 33].

¹² О стативном значении показателя *-t/-či-* упоминают [Недялков, Сверцова 1989: 65]. В эвенкийском есть также результативный показатель *-čā-*, употребляющийся как с глаголами смены положения [Nedjalkov 1997: 253], так и в других контекстах.

¹³ Примеры из нашего корпуса показывают, что значение мультипликатива в современном эвенкийском языке не выражается каким-то одним показателем (включая *-ktA-* ‘DSPRS’), а скорее может выражаться разными показателями или через синтаксический контекст.

- (8б) *he:ki* *ərdəlo-n* *tar* *ili-t-čə-rə-n* *pəhis'i-w-s'o*
 старая.толстая.лиственница до.сих.пор-PS.3SG тот встать-DUR-IPFV-NFUT-3SG расколоть-PASS-PTCP.ANT
 ‘Эта большая лиственница до сих пор стоит расколотая’
 [2007_Ekonda_Pankagir_L-Av, 00:01:07.100]
- (8в) *d'uma-duk* *jū-so=dō* *təpkə-t-čō*
 дом.чум-ABL выйти-PTCP.ANT=FOC крикнуть-DUR-PTCP.ANT
 ‘Из чума вышла и покричала’
 [2011_Hantayskoye_Ozero_Turskaya_Minna_Dmitriyevna_FB2, 00:02:45.222]

Показатель дистрибутива ‘DISTR’ *-t(i)-* употребляется в устных рассказах в случае и множественного субъекта (9а)¹⁴, и множественного объекта (9б), кроме отдельных единичных примеров типа (9в—г): в (9в) *-t(i)-* выражает значение альтернатива, а в (9г) подчеркивает распределение действия ‘посмотрел’ по отрезкам времени — частный случай дистрибутива или, возможно, эмфатическое выделение сказуемого. Примеры типа (9г) нам встретились только с отрицанием, при этом найдено два похожих примера у разных рассказчиков, и в одном из них *-t(i)-* присоединяется к стативному предикату: ‘как же ему (мозгу) не быть жидким?’.

- (9а) *tadū* *kujī-kōt-čə-rkə-l* *kiki-t-ča-l*
 там подражаться-INTS-IPFV-PROB-3PL укусить-DISTR-PTCP.ANT-PL
 ‘(У Гоши, наверное,) там дрались, покусали’ (разные собаки мою собаку)
 [2006_Ozero_Bolshoe_Sovetskoe_Saygotin_LO2, 00:01:10.885]
- (9б) *išə-t-kəl* *bajə-l-wə*
 видеть-DISTR-IMP.2SG человек.мужчина-PL-ACC
 ‘Посмотри на людей’ [2007_Ekonda_Kombagir_Anna_LR1_2, 00:13:15.148]
- (9в) *ilō* *tālā* *ɲənə-w-ti-d'ə-rə-n* *amī-m* *nujan-ma-n*
 куда туда идти-TR-DISTR-IPFV-NFUT-3SG отец-PS.1SG 3SG-ACC-PS.3SG
 ‘Куда, туда (то туда, то туда) везет его мой отец’
 [2011_Hantayskoye_Ozero_Chemprogir_Antonina_Dmitriyevna L-B, 00:02:13.556]
- (9г) *ə-wa-n=da* *ə-čə-w* *ičə-t-tə*
 что-ACC-PS.3SG=FOC NEG-PST-1SG увидеть-DISTR-PTCP.NEG
 ‘Ничего ее (собаку) не посмотрел’ [2006_Ozero_Bolshoe_Sovetskoe_Saygotin_LO2, 00:01:03.741]

‘DISTR’ *-t(i)-* обладает ясным значением, которое в других языках выражается разными лексическими и грамматическими способами [Храковский 1989: 36].

Инцептив ‘INCEP’ *-sin-/-hin-*, согласно грамматике О. А. Константиновой [Константинова 1964], используется в говорах ЮН (*-sin-*) как показатель линейной аспектуальности (начало действия), а в говорах СН в таком значении чаще используется показатель инхоатива ‘INCH’ *-l(i)-*. В СН *-hin-* используется не столько для указания на начало действия, сколько для обозначения единичного «кванта» действия или мгновенного действия [Константинова 1964: 163]. В грамматике [Nedjalkov 1997] *-sin-* (в ЮН) вообще определяется как семельфактив; И. В. Недялков приводит большое количество глагольных пар ‘единичное — повторяющееся действие’ с *-sin-*. Приведем примеры, когда *-sin-/-hin-* обозначает длящееся (10а) или мгновенное (10б) единичные действия. Если бы в (10б) вместо *-hin-* стоял показатель *-ktA-* ‘DSPRS’, речь шла бы о продолжающемся действии ‘кусать’, состоящем из единичных «квантов». Более подробно о значении и употреблении *-sin-/-hin-* см. п. 3.

- (10а) *aŋi-s'in-mi=kə?* *ə-so*
 ночевать-INCEP-CV.COND=FOC NEG-PTCP.ANT
 ‘Когда-нибудь ночуют? — Нет’ (о новобрачных, которые во время свадьбы проводят время вдвоем в чуме) [2008_Tutonchany_Pankagir_LR1, 00:10:21.220]
- (10б) *əha-w* *hunmiktə* *kiki-hin-d'ə-n=də*
 глаз-PS.1SG мошка укусить-INCEP-FUTCNT-3SG=FOC
 ‘Глаз мой, мошка укусит (его)’ [2011_Hantayskoye_Ozero_Yeryomina_Lyubov_LR, 00:12:50.459]
- (10в) *nuɟartin* *ā-sin-ə-Ø*
 3PL спать-INCEP-NFUT-3SG
 ‘Они уснули’ [2005_Poligus_Khadonchina_LR1, 00:03:09.349]

¹⁴ Пример (9а) также иллюстрирует показатель интенсива ‘INTS’ (*kōt*) в функции количественной характеристики действия (сильно, много дрались) — см. ниже.

Если в глагольной словоформе с несколькими аспектуальными показателями словообразовательные аффиксы *-ktA-* ‘DSPRS’, *-wAn-/wAt-* ‘ITER’, *-t/-či-* ‘DUR’, *-t(i)-* ‘DISTR’, *-sin-/hin-* ‘INCEP’ стоят после основы или после аффиксов пассива/каузатива, то показатель хабицуалиса *-ηnA-* ‘HAB’ стоит последним перед показателями времени, обычно после *-d'A-* ‘IPFV’ [Болдырев 2007: 624—626]. По этому признаку *-ηnA-* противопоставлен остальным аспектуальным показателям¹⁵.

Показатель *-ηnA-* встречается в устных рассказах довольно часто. Глагол с этим показателем передает не просто повторяющееся, а постоянно совершаемое действие (11а—б). В работе [Шлуинский 2005: 83—84] указывается, что хабицуальные конструкции (с показателем хабицуалиса, сериальные конструкции, конструкции с наречиями) часто обладают значением характеристики, то есть обозначают характеристику субъекта через его действие. Для эвенкийского *-ηnA-* подобное значение возможно (11а), но встречается редко (см. комментарии в п. 3). В (11б) представлено значение постоянно повторяющегося действия. В сочетании с другими аспектуальными аффиксами, обычно имперфектива (‘IPFV’ *-d'a-*), и с обстоятельством длительности (*goro-jo* ‘долгое.время-PART’ «долго») получается значение действия, продолжающегося долгое время, прекращаемого и возобновляемого опять (11в).

- (11а) *bi=də uldi-ηnə-Ø-m*
 1SG=FOC шить-HAB-NFUT-1SG
 ‘И я шью’ (это моя характеристика) [2008_Kislokan_Udygir_Valentina_LR1, 00:04:06.750]
- (11б) *tori-li-n guni-ηnə-rə-Ø əwəŋki-l*
 приданое-PL-PS.3SG сказать-HAB-NFUT-3PL эвенк-PL
 ‘(Это самое привезли,) приданое ее («торилин»), говорили эвенки’ (постоянно/повторно говорили) [2008_Tutonchany_Pankagir_LR1, 00:04:18.410]
- (11в) ...*goro-jo aŋə itiŋā-d'a-ηnə-rə-wun sawōda-l-wər...*
 долгое.время-PART это собирать(ся)-IPFV-HAB-NFUT-1PL(EXCL) вещи-PL-ACC.RFL.PL
 ‘(Долго уже, долго,) долго собирали вещи (, долго выучили [олений], долго еще)’ (начинали собирать вещи, переставали, потом опять начинали) [2007_Strelka_Andreeva_LR6, 00:00:10.459]

Вместо ‘HAB’ *-ηnA-* в устных рассказах часто употребляется прошедшее итеративное время ‘PSTITER’ на *-ηkī-* или причастие хабицуальное ‘PTCP.HAB’ на *-vkī-/pkī-*. Так, в рассказах Ёлдогир Валентины (Чиринда, 2007 г.) *-vkī-/pkī-* употребляется как синонимичный *-ηnA-*, см. (12). О количественном соотношении *-ηnA-* и *-ηkī-* см. п. 3.

- (12) *amakā on ə= ə-fkī is'ə-rə bi-nə ta-wərə*
 дедушка как SLIP NEG-PTCP.HAB видеть-PTCP.NEG быть-CV.SIM тот-RFL.PL
təti-wu-ηnə-Ø-ndə adil-wa
 одеться-TR-HAB-NFUT-2SG сеть-ACC
 ‘Дедушка, как, не видя [PTCP.HAB], насаживаешь [HAB] сети?’
 [2007_Chirinda_Eldogir_Valentina_LR1_alllines, 00:14:10.210]

Как упоминается в работе [Шлуинский 2005], при передаче значения постоянного характера действия часто используются наречия (например, *luhu* ‘все.время’):

- (13) *luhu nulgi-ktə-ηnə-rə-Ø oro-r- d'i*
 все.время кочевать-DSPRS-HAB-NFUT-3PL олень-PL-INST
 ‘Все время ездили на оленях’ [2007_Chirinda_Eldogir_Valentina_LR1, 00:17:59.985]

Теперь рассмотрим показатели интенсива, аттенуатива и квалитатива. В работах [Плунгян 2010: 294—296; Шлуинский 2005: 85, 100—102] эти показатели объединяются с хабицуальными, что неудивительно, если значение характеристики — подвид хабицуального значения.

Приведем примеры того, как показатели интенсива (‘INTS’) и аттенуатива (‘ATTEN’) характеризуют ситуацию, действие или свойство с количественной стороны¹⁶. В примере (14) показана количественная характеристика предикативного существительного ‘жара’.

¹⁵ В работе [Nedjalkov 1994: 15] показано, что *-ηnA-* нельзя однозначно квалифицировать как словообразовательный аффикс. В аналитической отрицательной конструкции с вспомогательным глаголом *ə-* ‘NEG’ (*ə-* [FIN] + V [PTCP.NEG]) к *ə-* ‘NEG’ присоединяются словоизменительные аффиксы, в то время как словообразовательные аффиксы присоединяются к причастной форме смыслового глагола V [PTCP.NEG]. Однако возможно (пример (40)) присоединение *-ηnA* к *ə-* ‘NEG’: *ə-ηnə-Ø-m ηlə-t-tə* ‘NEG-HAB-NFUT-1SG бояться-DUR-PTCP.NEG’ «(я) не боюсь». Ср. (6а) и (11в).

¹⁶ См. список показателей квалитатива, интенсива и аттенуатива в начале п. 2. К сожалению, нет единого мнения о наборе соответствующих показателей, и в отдельных грамматиках и говорах зафиксированы различные по-

- (14) *hōko-nəno*
жара-INTS
'Жара такая' (сильная) [то есть 'очень жарко']
[2008_Kislokan_Udygir_Valentina_LR1, 00:01:45.289]

В примерах (15а—б) проиллюстрированы выражаемые данными показателями количественные характеристики признака и действия (ср. также (9а) выше), в примере (15в) — количественная характеристика наречия.

- (15а) *ηōnim ηōnim-kākūn-ma seraŋi-l seraŋi-l-ma*
...длинный длинный-INTS-ACC жердь-PL жердь-PL-ACC
'(Не обманывай. Ты взяла большую палку. — Какую, какую палку?) — ...Длинную... длиннующую, жерди [NOM]... жерди [ACC]' [2007_Vanavara_Torpushonok_LO, 00:01:17.404]
- (15б) *urā-kākūt-t'ə-rə-Ø tari-ŋi-t-par*
промахнуться-INTS-IPFV-NFUT-3PL тот-INDPS-INST-RFL.PL
(О плохом ружье) 'Очень легко промахиваются из него'
[2007_Ekonda_Kombagir_Anna_LR1_2, 00:36:54.218]
- (15в) *ojo-li-nə ər arama-kān ŋəkə-li-ŋnə-Ø-m*
чесать-INCH-CV.SIM этот еле-ATTEN собираться-INCH-HAB-NFUT-1SG
'...потихоньку я начинаю обычно, это, почесывать' (глаз, который у нее болит)
[2011_Hantayskoye_Ozero_Yeryomina_Lyubov_LR, 00:13:06.181]

В (15б) показатель интенсива переводится на русский язык наречием «легко» (повышенная частотность действия «промахнуться»), а в (15в) наречие *arama* 'еле' с усиливающим его значением показателем аттенуатива переводится наречием *потихоньку*, обозначающим очень низкую интенсивность действия 'чесать'.

Наконец, для количественной характеристики действия может использоваться показатель качества ('ATR.QUAL'). Хотя в грамматиках зафиксировано несколько показателей качества, они редко встречаются в корпусе; (16) — однозначно анализируемый пример с одним из таких показателей. Наречие *hō* 'очень' указывает на высокую степень чувства жалости, а *-p̄ci-* 'ATR.QUAL' указывает на то, что жалость в этом примере — состояние (ср. русский термин «предикаты состояния»), под который подпадают предикативы на *-o*).

- (16) *ŋinakin-tin hō əwlə-p̄ci bi-s'o*
собака-PS.3PL очень жалеть-ATR.QUAL быть-PTCP.ANT
'Собаку очень жалко было' [2007_Ekonda_Eldogir_Valentina_LR2, 00:04:01.150]

3. Краткая характеристики употребления аспектуальных аффиксов в корпусе рассказов и выводы

В экспедициях О. А. Казакевич в Эвенкийский муниципальный район (кроме поселка Хантайское озеро, относящегося к Таймырскому Долгано-Ненецкому району Красноярского края) записывались тексты относительно пожилых рассказчиков (1917 г. — начало 1950-х гг. рождения). Из этих рассказчиков самые молодые (1940—50-х гг. рождения) или те рассказчики, которые в обычной жизни (например, на работе) много говорят или говорили по-русски, употребляют более ограниченный набор морфосинтаксических средств (например, три или четыре видовременных формы вместо всего арсенала из одиннадцати форм). У них в рассказах также распространено калькирование с русского языка и кодовые переключения, см. [Казакевич 2007] и [Рудницкая 2015а, 2015б]. Для п. 2 настоящей статьи мы в основном брали примеры из текстов тех рассказчиков, на которых русский язык оказал наименьшее влияние. Некоторые аспектуальные аффиксы ('DSPRS' *-ktA-*, 'DISTR' *-t(i)-*) просто не употребляются в речи многих рассказчиков.

По причине небольших размеров корпуса (35000—40000 словоформ) и из-за того, что несколько аспектуальных аффиксов могут сочетаться в одном глаголе, трудно в точности подсчитать, сколько раз встречается некоторый аспектуальный аффикс, если принимать во внимание его точное значение в раз-

казатели. Некоторые показатели интенсива или аттенуатива транскатегориальны; они часто выражают значения, связанные со структурой дискурса. Во многих примерах в корпусе показатели аттенуатива используются при сообщении негативной информации (о смерти, болезни и т. д.) или чтобы показать хорошее отношение говорящего к определенному лицу (ср. рус. *Димочка*).

ных употреблениях. Можно лишь говорить о закономерностях употребления того или иного аффикса без точного статистического анализа.

Рассмотрим шесть аспектуальных аффиксов, о которых говорилось в п. 2. При работе с корпусом возраст рассказчиков считается одним из важнейших критериев. По нашим наблюдениям, кроме фактора возраста важны также профессия и образование рассказчика и то, говорит ли он на эвенкийском или на русском языке в семье и на работе.

Аффикс *-ktA-* ‘DSPRS’ встречается относительно часто с глаголами движения (около 40 примеров на весь корпус). С глаголами мгновенного или единичного действия (как в (2в) в п. 2) данный аффикс встречается редко, около 5 примеров на весь корпус. В дистрибутивном значении он также встречается редко (около 5 примеров на весь корпус). Есть 2—3 примера, иллюстрирующие значение итератива. В сравнении с аффиксами, рассматриваемыми ниже, *-ktA-* употребляется довольно редко.

Аффикс *-wAn-/-wAt-* ‘ITER’, как уже говорилось, почти не встречается в корпусе, тогда как время ‘PSTITER’ (*-ŋkī-*) встречается очень часто¹⁷. Помимо примеров, приведенных в п. 2, *-wAn-/-wAt-* встретился еще два раза в рассказе Ёлдогир Валентины (с тем же лексическим наполнением, как в примере (5а) — медведь, бросающийся песком), а также два раза в рассказах Боярина Валерия и Боярина Георгия из Белого Яра (сымский диалект ЮН). В сымском диалекте оба употребления входят в предложения с эмфатическим выделением (например, ‘Как не ходил?!’), в то время как в других случаях при упоминании о повторяющемся действии ‘ходить’ *-wAn-/-wAt-* не используется. Таким образом, *-wAn-/-wAt-* уже не функционирует в разговорном языке пожилых людей с сохранением своего исходного значения. В нескольких имеющихся у нас текстах из архива Е. П. Лебедевой [Лебедева 1952] *-wAn-/-wAt-* не найден.

Показатель дуратива *-t-/-čī-* ‘DUR’ употребляется намного больше, чем *-ktA-* ‘DSPRS’ и *-wAn-/-wAt-* ‘ITER’, — почти во всех говорах СН и ЮН — и встречается практически у всех рассказчиков. Значение *-t-/-čī-* также довольно стабильно — это значение континуатива, часто, но не всегда в контексте других показателей, которые также могут выражать количественное значение (в первую очередь *-d'A-* ‘IPFV’, *-ŋnA-* ‘HAB’, *-vkī-/-pkī-* ‘PTCP.HAB’, *-ŋkī-* ‘PSTITER’). В формах будущих времен, причастия и конверба *-t-/-čī-* часто является единственным аспектуальным аффиксом. В корпусе найдено более 120 употреблений *-t-/-čī-* со значением континуатива и около 45 употреблений в значении результатива. Также найдены единичные случаи употреблений со значениями мультипликатива (около 5) и другие не до конца понятные примеры, связанные в первую очередь с неясными местами в тексте. Таким образом, *-t-/-čī-* ‘DUR’ — показатель, сохранившийся в современном варианте эвенкийского языка со стабильным значением.

Дистрибутив *-t(i)-* ‘DISTR’ встречается в корпусе относительно редко (всего около 50 раз). Этот аффикс употребляется в СН в поселках Эконда, Чиринда, Тутончаны, Хантайское озеро. В рассказах из поселков ЮН *-t(i)-* практически не встречается (только в селе Полигус и в преданиях и рассказах из архива Е. П. Лебедевой, большая часть которых относится к ЮН). Значение же *-t(i)-* соответствует каноническому дистрибутивному почти во всех употреблениях. В отдельных случаях *-t(i)-* выражает эмфатическое выделение (см. (9г)).

Показатель инцептива, или семельфактива, *-sin-/-hin-* ‘INCEP’ (см. сноску 4) употребляют почти все рассказчики ЮН и СН. Значение *-sin-/-hin-* чаще всего квазисинонимично инхоативу, представленному аффиксом *-l-* ‘INCH’. Аффикс *-l-* употребляется и в ЮН, и в СН¹⁸. Хотя оба показателя относятся к словообразовательным, в одной словоформе *-sin-/-hin-* в норме стоит перед *-l-*. ‘INCH’ *-l-* обычно переводится на русский язык аналитической конструкцией (‘начать есть/смотреть/бежать’), а *-sin-/-hin-* — приставочными глаголами (‘поесть/посмотреть/убежать’). В связи с этим начинательное значение *-sin-/-hin-* представляется довольно размытым. Кроме того, *-sin-/-hin-* регулярно употребляется с ограниченным числом глаголов, например, ‘спать’ (> ‘заснуть/лечь спать’), ‘бежать’ или другими глаголами движения, а у *-l-* более широкая сочетаемость.

В целом *-sin-/-hin-* употребляется и в СН, и в ЮН в значении начала действия более 130 раз. Употреблений в значении семельфактива с глаголами семантических полей ‘звук’, ‘визуальный образ’, ‘движение’, в соответствии с [Nedjalkov 1997: 250], насчитывается мало, в основном с глаголами звука. Вообще в значении семельфактива как единичного действия найдено около 35 употреблений; в СН их больше, чем в ЮН. Кроме того, встречаются единичные примеры (около 5), в которых *-sin-/-hin-* можно поставить в соответствие значение перигринатива (‘пойти (собрать ягоды)’/‘поехать (учиться)’), на-

¹⁷ Особенно в рассказах о жизни, которые составляют подавляющую часть корпуса. В преданиях, рассказанных Ёлдогир Валентиной, или из архива Е. П. Лебедевой [Лебедева 1952] показатель ‘PSTITER’ (*-ŋkī-*) почти не встречается.

¹⁸ У рассказчиков ЮН число употреблений *-sin-/-hin-* в одном рассказе, как правило, больше, чем *-l-*, а у рассказчиков СН — наоборот.

пример: *molda-sina-Ø-m* ‘вырубить.доски-INCEP-NFUT-1SG’ «я пойду за лесом» [Учами (ЮН), Бухарев, «Лето», 32], [Лебедева 1952]¹⁹.

Показатель хабитуалиса *-ηηA-* ‘НАВ’, как это отмечается в грамматиках, наиболее частотен — он в корпусе встречается более 200 раз. При этом подавляющее большинство употреблений обозначают постоянно повторяющееся действие или событие. Если среднее количество употреблений *-ηηA-* в одном рассказе — 5—10, то в некоторых рассказах, в которых говорится о действиях/событиях, повторяющихся из года в год (рассказы Ивигина Владимира о жизни, охоте и погоде (LR1, LR2), Белый Яр (ЮН), 2010), насчитывается до 50 употреблений в каждом рассказе. ‘НАВ’ *-ηηA-* находится в дополнительном распределении с ‘PTCP.НАВ’ *-vkī-/-fkī-* и ‘PSTITER’ *-ηkī-*, имеющими квазисинонимичное значение (ср. пример (12)). Однако в целом (в частности, в СН, в котором ‘PSTITER’ *-ηkī-* употребляется намного чаще, чем в ЮН) при описании постоянно повторяющихся действий наблюдается тенденция использовать *-vkī-/-fkī-* или *-ηkī-* чаще, чем *-ηηA-*: в одном рассказе число употреблений *-vkī-/-fkī-* и особенно *-ηkī-* в 2—4 раза больше, чем *-ηηA-*.

В некоторых случаях (20—30%) значение *-ηηA-* скорее соответствует итеративу, чем хабитуалису. Значение характеристики встречается довольно редко (5—10%), это объясняется наличием в эвенкийском языке большого числа показателей квалитатива ‘ATR(.QUAL)’, при прибавлении которых к глаголу образуется предикатив, обозначающий свойство (*təyə-t-mə o-da-m* ‘сесть-DUR-ATR статья-NFUT-1SG’ «стал сидячим», 2007_Ekonda_Udygir_Viktor LAV, 00:03:57.360). Отдельные употребления (около 10), особенно у более пожилых рассказчиков, можно трактовать как выражающие континуальное значение: *buñ-ηηə-kəl* ‘завыть-НАВ-IMP.2SG’ «...вой!» (когда будешь умирать) [2007_Chirinda_Eldogir_Valentina_FM2, 26].

Таким образом, мы рассмотрели способы выражения количественных значений в глагольной сфере, в первую очередь с помощью аспектуальных аффиксов. Преобладание аффиксальных средств и словообразовательный характер аспектуальных показателей образуют типологическое своеобразие эвенкийского языка. Были приведены примеры употреблений словообразовательных аспектуальных показателей в корпусе устных рассказов в разных значениях и примерная количественная оценка этих употреблений. Было обнаружено, что некоторые аспектуальные аффиксы (в первую очередь ‘ITER’ *-wAt-/-wAn-*) употребляются реже, чем это отмечается в грамматиках [Константинова 1964; Nedjalkov 1997], или с другими глаголами, в других значениях или контекстах (‘DSPRS’ *-ktA-*, ‘DUR’ *-t-/-čī-*, ‘INCEP’ *-sin-/-hin-*).

Приблизительная статистика встречаемости аспектуальных аффиксов показывает, что СН сохранило больше грамматических характеристик, свойственных эвенкийскому литературному языку (и зафиксированных в грамматиках), чем ЮН. Так, в ЮН были найдены только единичные употребления ‘DSPRS’ *-ktA-* или ‘DISTR’ *-t(i)-*. Важной представляется и характеристика по говору — так, лучше всего сохранились говоры поселков Полигус (ЮН), Ванавара (ЮН), Эконда (СН), Чиринда (СН), Хантайское озеро (СН), частично Стрелка (ЮН). Кроме сымского говора, обеднение грамматических средств и кодовые переключения часто встречаются в Туре (СН), Кислокане (СН), Тутончанах (СН). Рассказы из некоторых населенных пунктов (Совречка (СН), Большое Советское озеро (СН), Муторай (ЮН), Суринда (ЮН)) настолько короткие (или их мало), что трудно сделать определенные выводы относительно этих поселков.

Сокращения

Глоссы

1 — 1-е лицо	ATTEN — аттенуатив
2 — 2-е лицо	COND — условный (конверб)
3 — 3-е лицо	CV — конверб
ABL — аблатив	DATLOC — датив-локатив
ACC — аккузатив	DISTR — дистрибутив
ADVR — показатель адвербиализации	DSPRS — дисперсив
ANT — (причастие) предшествования	DUR — дуратив
ATR — атрибутив	EXCL — эксклюзивное (местоимение)

¹⁹ Хотя приведенный пример взят из архива Е. П. Лебедевой (1950-е гг.), в рассказах 2000-х гг. есть аналогичные примеры. Возможно, их наличие связано с тем, что *-sin-/-hin-* может употребляться в конструкции с *-nĀ-* ‘PRGRN’ (*tam-nā-hi-si-ηηə-rə-wiun* ‘собрать-PRGRN-INCEP-DUR-НАВ-NFUT-1PL(EXCL)’ «ходили собирать ягоды» [2008 Tutonchany Uvachan Inna LAV3,00:11:20.140]) и *-nĀ-* может выпадать.

FIN — финитный	PART — партитив
FOC — фокус	PASS — пассивный залог
FUT — будущее (время)	PL — множественное число
FUTCNT — ближайшее будущее (время)	PRGRN — перигринатив
HAB — хабитуалис	PROB — пробабилитив
IMP — императив	PS — посессивный (аффикс)
INCEP — инцептив	PST — прошедшее (время)
INCH — инхоатив	PSTITER — прошедшее итеративное (время)
INDPS — косвенная (отчуждаемая) принадлежность	PTCP — причастие
INST — инструменталис	PURP — (конверб) цели
INTS — интенсификатор	QUAL — квалитатив
IPFV — имперфектив	RFL — рефлексив
ITER — итератив	SG — единственное число
LOCALL — локатив-аллатив	SIM — (конверб) одновременности
NEG — отрицание	SLIP — оговорка
NFUT — небудущее (время)	TR — показатель транзитивизации

Общие

рус. — русский

CH — северное наречие

ЮН — южное наречие

Литература

- Болдырев 2007 — *Болдырев Б. В.* Морфология эвенкийского языка / Ред. *Роббек В. А.* Новосибирск, 2007. {*Boldyrev B. V.* Morphology of the Evenk language / Ed. *Robbek V. A.* Novosibirsk, 2007.}
- Бродская 1988 — *Бродская Л. М.* Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке / Ред. *Черемисина М. И.* Новосибирск, 1988. {*Brodskaja L. M.* Complex sentence in the Evenk language / Ed. *Cheremisina M. I.* Novosibirsk, 1988.}
- Василевич 1940 — *Василевич Г. М.* Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940. {*Vasilevich G. M.* Essays on the grammar of the Evenk (Tungus) language. L., 1940.}
- Василевич 1948 — *Василевич Г. М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. {*Vasilevich G. M.* Essays on the dialects of the Evenk (Tungus) language. L., 1948.}
- Василевич 1958 — *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. {*Vasilevich G. M.* Evenk-Russian dictionary. M., 1958.}
- Василевич 1966 — *Василевич Г. М.* Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Ред. *Цинциус В. И.* М.—Л., 1966. {*Vasilevich G. M.* Historical folklore of the Evenks. Tales and legends / Ed. *Tsintsius V. I.* M.—L., 1966.}
- Гусев 2012 — *Гусев В. Ю.* Аспект в нганасанском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН* / Ред. *Казанский Н. Н.* Т. VIII. Ч. 2. [Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий / Ред. *Плунгян В. А.*] СПб, 2012. С. 311—361. {*Gusev V. Yu.* Aspect in the Nganasan language // *Acta Linguistica Petropolitana. Works of the ILS RAS* / Ed. *Kazanskij N. N.* Vol. VIII. Part 2. [Studies in the grammar theory. Is. 6: Typology of aspectual systems and categories / Ed. *Plung'an V. A.*] SPb, 2012. P. 311—361.}
- Дыбо, Шеймович 2014 — *Дыбо А. В., Шеймович А. В.* Автоматический морфологический анализ для корпусов тюркских языков // *Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике.* Вып. 16. Казань, 2014. С. 111—120. {*Dybo A. V., Shejmovich A. V.* Automatical morphological analysis for the corpora of the Turkic languages // *Works of the Kazan school of computer and cognitive linguistics.* Is. 16. Kazan', 2014. P. 111—120.}
- Казакевич 2007 — *Казакевич О. А.* Кодовые переключения в селькупских, кетских и эвенкийских нарративах // *Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Наделяев. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 27—29 сентября 2007 г.).* Новосибирск, 2007. С. 116—119. {*Kazakevich O. A.* Code switching in Selkup, Ket and Evenk narratives // *Devotees of Siberian philology: V. A. Avrorin, E. I. Ubryatova, V. M. Nadelyaev. Report theses of the All-Russian scientific conference (Novosibirsk, 27—29th of September 2007).* Novosibirsk, 2007. P. 116—119.}
- Казакевич 2010 — *Казакевич О. А.* Эвенкийско-кетская экспедиция 2009 г.: документация языков и диалектов, которые могут исчезнуть // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда.* 2010, 3. С. 206—212. {*Kazakevich O. A.* Evenk-Ket expedition of 2009: documenting the languages and dialects that can disappear // *RHSF bulletin.* 2010, 3. P. 206—212.}
- Казакевич, Клячко 2013 — *Казакевич О. А., Клячко Е. Л.* Создание мультимедийного аннотированного корпуса текстов как исследовательская процедура. Доклад на Международной конференции «Корпусная лингвистика —

2013». СПб, 2013. {*Kazakevich O. A., Kl'achko E. L.* Creating a multimedia annotated text corpus as a research procedure. Report at the International conference «Corpus linguistics — 2013». SPb, 2013.}

Колесникова 1966 — *Колесникова В. Д.* Синтаксис эвенкийского языка. М., 1966. {*Kolesnikova V. D.* Syntax of the Evenk language. M., 1966.}

Константинова 1964 — *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М., 1964. {*Konstantinova O. A.* The Evenk language. Phonetics. Morphology. M., 1964.}

Лебедева 1952 — *Лебедева Е. П.* Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г., из архива ИЛИ РАН. Л., 1952. Рукопись. {*Lebedeva E. P.* Texts in the Evenk language, recorded in the 1952 expedition, from the ILS RAS archive. L., 1952. Manuscript.}

Мамонтова 2013 — *Мамонтова Н. А.* На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссия вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. 2013, 2. С. 70—91. {*Mamontova N. A.* Which language do real Evenks speak? A discussion around the nomadic kindergarten // Ethnographic review. 2013, 2. P. 70—91.}

Мыреева 2004 — *Мыреева А. Н.* Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2004. {*Myreeva A. N.* Evenk-Russian dictionary. Novosibirsk, 2004.}

Недялков, Сверчкова 1989 — *Недялков И. В., Сверчкова Ю. Д.* Выражение множественности ситуаций в эвенкийском языке // Типология итеративных конструкций / Ред. *Храковский В. С.* Л., 1989. С. 62—73. {*Ned'alkov I. V., Sverchkova Yu. D.* Expression of the situation plurality in the Evenk language // Typology of the iterative constructions / Ed. *Hrakovskij V. S. L.*, 1989. P. 62—73.}

Плунгян 2010 — *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику. 3-е изд. М., 2010. {*Plung'an V. A.* General morphology. An introduction to the subject. Third edition. M., 2010.}

Рудницкая 2015а — *Рудницкая Е. Л.* Грамматические характеристики устных рассказов 2005—2011 гг. как свидетельство намечающихся тенденций изменения в разговорном эвенкийском языке // Сибирский филологический журнал. 2015, 2. С. 153—163. {*Rudnitskaja E. L.* Grammatical parameters of the oral stories from 2005-2011 as an evidence for trends of change starting to show in colloquial Evenk language. // Siberian journal of philology. 2015, 2. P. 153—163.}

Рудницкая 2015б — *Рудницкая Е. Л.* Особенности употребления грамматики в устных рассказах на эвенкийском языке 2005—2011 гг.: влияние русского языка, возрастные категории и другие закономерности // Тезисы докладов Международной конференции «Маргиналии—2015: границы культуры и текста», Полоцк (республика Беларусь), 27—30 августа 2015 // Ред. *Козеренко Е. Б., Кравецкий А. Б., Михеев М. Ю.* Москва, 2015. Электронная публикация. Режим доступа: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2015/thesis.htm> {*Rudnitskaja E. L.* Peculiarities of grammar use in the Evenk language oral stories from 2005-2011: Russian language influence, age-related categories and other regularities. // Report theses of the International conference «Marginalia—2015: boundaries of culture and text», Polotsk (Belarus republic) 27—30th of August 2015 // Eds. *Kozerenko E. B., Kravetskij A. B., Miheev M. Yu.* Moskva, 2015. Electronic publication. Access mode: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2015/thesis.htm>}

Урманчиева 2012 — *Урманчиева А. Ю.* Имперфективные формы эвенкийского глагола: аспектуальные значения и дискурсивные функции // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН / Ред. *Казанский Н. Н.* Т. VIII. Ч. 2. [Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий / Ред. *Плунгян В. А.*] СПб, 2012. С. 786—866. {*Urmanchieva A. Yu.* Imperfective forms of the Evenk verb: aspectual meanings and discursive functions. // Acta Linguistica Petropolitana. Works of ILS RAS / Ed. *Kazanskij N. N.* Vol. VIII. Part 2. [Studies in grammar theory. Is. 6: Typology of aspectual systems and categories / Ed. *Plung'an V. A.*] SPb, 2012. P. 786—866.}

Храковский 1989 — *Храковский В. С.* Семантические типы множественности ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Ред. *Храковский В. С.* Л., 1989. С. 5—53. {*Hrakovskij V. S.* Semantic types of situation multiplicity and their natural classification // Typology of iterative constructions / Ed. *Hrakovskij V. S. L.*, 1989. P. 5—53.}

Шлуинский 2005 — *Шлуинский А. Б.* Типология предикативной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. {*Shluinskij A. B.* Typology of predicative plurality: quantitative aspectual meaning. Ph.D. thesis. M., 2005.}

Bulatova, Grenoble 1999 — *Bulatova N., Grenoble L.* Evenki. Munich, 1999.

Lehmann 2004 — *Lehmann Ch.* Interlinear morphemic glossing // Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung. 2. Halbband / Eds. *Booij G., Lehmann Ch., Mugdan J., Skopeteas S.* Berlin, 2004. S. 1834—1857.

Nedjalkov 1994 — *Nedjalkov I.* Evenki // Typological studies in negation / Eds. *Kahrel P., van der Berg R.* Philadelphia / Amsterdam, 1994. P. 1—34.

Nedjalkov 1995 — *Nedjalkov I.* Converbs in Evenki // Converbs in Cross-Linguistic Perspective (Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms — Adverbial Participles, Gerunds) / Eds. *Haspelmath M., Koenig E.* Berlin / New York, 1995. P. 441—464.

Nedjalkov 1997 — *Nedjalkov I.* Evenki. London-New York, 1997.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются морфологические показатели и иные структуры, которые используются в эвенкийском языке для выражения тех типов акциональности, которые связаны с количественными значениями. Изучаются аспектуальные и акциональные глагольные аффиксы, некоторые временные и причастные аффиксы, включающие значение количества, а также конструкции с наречиями. Прослеживается употребление этих конструкций в корпусе устных рассказов; кратко рассматривается семантическая характеристика каждого показателя на основании корпусных данных и данных грамматик современного литературного эвенкийского языка. Дается приблизительная статистика употреблений в рассказах корпуса акциональных аффиксов с количественным значением. Отмечено, что употребительность отдельных акциональных аффиксов в корпусе отличается от постулируемой в стандартных грамматиках для литературного эвенкийского.

SUMMARY

In the paper, we consider morphological means and other structures used to express actionality types referring to quantitative meanings in Evenki. We focus on aspectual and actional verb affixes and on certain tense and participle markers that have the meaning of quantity, as well as on constructions with adverbs. We observe the use of these constructions in the corpus of oral stories in Evenki; a brief survey of every affix's semantic characteristics is given, based on the corpus data and the data of the modern literate Evenk language's grammars. An approximate statistics of the use of those aspectual affixes that have a quantitative meaning in the corpus is also included. It is noted, that certain actional affixes' frequency of use in the corpus is different from that cited in standart literate Evenki grammars.

Ключевые слова: количественное значение, аспектуальный показатель, интенсификатор, аттенуатив, эвенкийский язык, корпус

Keywords: quantitative meaning, aspectual marker, intensifier, attenuative, Evenki, corpus

Рудницкая Елена Леонидовна, Институт востоковедения РАН (Москва); erudnitskaya@gmail.com

Elena L. Rudnitskaya, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow); erudnitskaya@gmail.com

Сочинительные стратегии энецкого языка¹

0. Введение

В статье представлено описание сочинительных стратегий энецкого языка на основе корпуса естественных текстов.² Используются данные обоих диалектов энецкого языка, лесного (далее ЛЭ) и тундрового (далее ТЭ), и, поскольку никаких существенных различий в сочинительных структурах между диалектами не выявлено, оба этих идиома описываются здесь как одна языковая система.

Говорящие на энецком языке (уральский, самодийский, северно-самодийский) проживают в Таймырском муниципальном районе Красноярского края, в низовьях Енисея, их общее число насчитывает на сегодняшний день около 50 человек, все они являются людьми пенсионного возраста.

Под сочинением в рамках данной работы мы понимаем использование в некоторой синтаксической позиции составляющей, включающей несколько равноправных элементов, причем только с семантикой объединения; в работе не рассматриваются разделительные и противительные конструкции. Иерархическая связь двух именных групп с семантикой объединения также оказывается за пределами рассмотрения, т. е. далее не описываются такие средства выражения значения совместности, существующие в энецком языке, как комитативный показатель, локативный показатель, послелог ЛЭ *пэ?* / ТЭ *пене* 'с', ассоциативное двойственное число и ассоциативное множественное число.

1. Обзор основных сочинительных стратегий

В энецком языке регулярно используются три сочинительные стратегии: наиболее часто — соположение (см. (1)—(2)) и заимствованная из русского языка частица *i*³ (см. (3)—(4)), несколько реже — исконная частица ЛЭ *ани* / ТЭ *ане?*⁴ (см. (5)—(6)).

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФ № 15-18-00044. Мы благодарны А. Шлуинскому за первичную обработку и систематизацию данных лесного диалекта, а также за ценные замечания и комментарии к предыдущей версии данной статьи и Л. Лейсиё и И. Николаевой за составление анкеты на сочинение в самодийских языках, послужившей отправной точкой данного исследования.

² Энецкий корпус включает в себя тексты различных жанров (в основном бытовые рассказы, традиционные сказки и мифы, диалоги и автобиографии, а также полилоги, интервью, песни, инструкции, процедурные описания и др.) и состоит из современных записей 26 энцев, сделанных в 2005—2010 гг. А. Шлуинским, М. Овсянниковой, Н. Стойновой, С. Трубецким и автором, и из архивных аудиозаписей 24 энцев, транскрибированных автором и его вышеперечисленными коллегами, а впоследствии отгlossированных А. Шлуинским и автором в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» (проект базировался в Институте эволюционной антропологии им. Макса Планка (Германия) и был поддержан Проектом документации языков, находящихся под угрозой исчезновения, при Школе восточных и африканских исследований (Великобритания) и собственно Институтом эволюционной антропологии). Большая часть текстов этого корпуса доступна для всеобщего пользования по адресу <http://larkpie.net/siberianlanguages/recordings/forest-enets> и <http://elar.soas.ac.uk/deposit/0302>. Мы выражаем глубокую благодарность всем энцам, поделившимся с нами знанием своего языка, и всем коллегам и организациям, предоставившим в наше распоряжение свои архивные записи: Дудинскому отделению ГТРК «Норильск», Таймырскому Дому народного творчества, Д. С. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной и А. Ю. Урманчиевой.

³ Русский сочинительный союз *и*, как кажется, в той или иной степени проник во все языки Сибири, однако его частотность, а следовательно, и место в структуре автохтонного языка может различаться (см., например, [Grenoble 2012] о реструктуризации эвенкийского языка в связи с заимствованием этого союза и калькированием его синтаксической модели).

⁴ Большинство конечных гласных и некоторые неконечные гласные в обоих диалектах энецкого языка могут редуцироваться и совсем опускаться, то же касается конечного гортанного смычного, в лесном диалекте энецкого языка такая редукция происходит чаще, чем в тундровом: в нашем корпусе ЛЭ произношение [an^l] значительно более частотно, чем произношение [an^h], а в корпусе ТЭ произношения [an^l], [an^he] и [an^hi] значительно более частотны, чем произношения [an^he?] и [an^hi?], произношение [an^h?] не засвидетельствовано. В данной статье мы придерживаемся фонологической записи, которая использует наиболее полный засвидетельствованный вариант произнесения каждой морфемы, а конкретная фонетическая реализация, тем самым, на письме не отражается.

- (1) *ti-naʔ, kɔdi-naʔ ser-e-naʔ*
ЛЭ олень-PL.1PL санки-PL.1PL подвязать-Sopl-1PL.SOnsg
‘Оленей и сани мы завязали’.
- (2) *mɔdi, ne-jʔ tɔnea*
ТЭ я женщина-NOM.SG.1SG иметься.3SG.S
‘Я и моя жена есть’.
- (3) *ʈʃike ese-kuji-jʔ i ʃurka-kuji*
ЛЭ этот отец-POOR-NOM.SG.1SG и Шурка-POOR
‘Отец покойный и Шурка покойный...’
- (4) *ʈʃike-ro kaadoro-bi-ʔ i kaa-bi*
ТЭ этот-NOM.SG.2SG заболеть-PRF-3SG.M и умереть-PRF.3SG.S
‘Она заболела и умерла’.
- (5) *ʈʃobkutun mɔdi ir kasa-jʔ, neku-ju ani,*⁵
ЛЭ однажды я собственный мужчина-NOM.SG.1SG другой-RESTR.ADJ и
*kasa kasa-jʔ, ɛɛ, ʈʃo-t bee-xiʔ ani*⁶
мужчина мужчина-NOM.SG.1SG да один-DAT.SG дежурить-3DU.S и
‘Однажды мой родной брат и мой другой брат, да, вместе дежурили’.
- (6) *plaf irɔʔ ʃiiʔ mua aniʔ, me-ko-da kada*
ТЭ плащ под я.ACC сделать.3SG.S и дом-DAT.SG-OBL.SG.3SG унести.3SG.S
‘Она в плащ меня завернула и домой к себе взяла’.

Хотя ни один из библиографических источников по энецкому языку не дает их исчерпывающего описания, все эти средства так или иначе упоминаются в литературе. Так, Н. М. Терещенко говорит о том, что «сочинительная связь в самодийских языках выявляется преимущественно при помощи соединительных пауз и интонации» [Терещенко 1973: 15], имея в виду то, что мы здесь называем стратегией соположения. Говоря о ненецком и селькупском языках, она указывает на использование «заимствованных из русского языка союзов» [Терещенко 1973: 20], при этом в случае энецкого и нганасанского подчеркивается, что «слова, используемые в значении союзных слов, в этих языках единичны», и приводятся примеры из лесного диалекта энецкого языка на исконную частицу ЛЭ *ani* / ТЭ *aniʔ* [Терещенко 1973: 17].

И. П. Сорокина говорит о том, что соположение является наиболее обычным способом связи между энецкими сочиненными клаузами⁷, в то время как использование союзов возможно в более редких случаях, в том числе для сочинения именных групп [Сорокина 2010: 383]. В качестве соединительных сочинительных союзов она перечисляет *ань*, *накую*, *точкуз*, *тоз чикоз*, не приводя при этом заимствованный из русского *и*. Все три слова, приводимые в качестве сочинительных союзов И. П. Сорокиной, помимо *ань*, безусловно, встречаются в наших лесных текстах, однако не используются напрямую для сочинения составляющих. *Накую* (в нашей записи *nekuju*) встречается в значении ‘другой, второй’; *точкуз* (*ʈʃʃkoz*) и *тоз чикоз* (*ʈʃz ʃʃkoz*) встречаются в значении ‘потом, затем’⁸.

⁵ Здесь и далее в примерах с частицей ЛЭ *ani* / ТЭ *aniʔ* постановкой запятой мы указываем на просодическое примыкание этой частицы к предшествующему или последующему материалу: т. к. возможно и то, и другое, такая пунктуация передает значимую для энецкой клаузы информацию. Запятая отсутствует, если сочиняемые элементы и сама частица произносятся как единая просодическая фраза (см., например, (33) далее).

⁶ Необходимые пояснения к примеру: второе *ani* в этом предложении имеет дискурсивную функцию встраивания этого предложения в контекст и не связано с сочинением субъектных ИГ этого примера. Слово *kasa* в лесном энецком имеет два значения — ‘товарищ/родственник/сibling’ и ‘мужчина’, *kasa kasa* — это устойчивое словосочетание со значением ‘брат’ (ср. *ne* — ‘женщина’, а *ne kasa* — ‘сестра’).

⁷ Сочинение неклаузальных составляющих при помощи соположения, тем самым, в этом грамматическом описании не обсуждается.

⁸ В [Grenoble 2012] на материале эвенкийского языка, но с отсылкой ко всем языкам севера Сибири обсуждаются временные наречия со значением ‘потом’ и утверждается, что их следует рассматривать как соединительные элементы (connectors), а в ряде случаев даже как непосредственно сочинительные союзы. При наличии в русском переводе временных наречий *потом*, *затем* и под. и при условии временной последовательности событий, описываемых клаузами, между которыми стоит это временное наречие, мы не видим оснований, по крайней мере для энецкого языка, говорить об этих наречиях как о сочинительных союзах. В наших текстах указанные временные наречия никогда не используются для объединения именных групп.

Ф. Сигл в своем грамматическом описании [Siegl 2013: 80, 241—246, 425—426] обсуждает соположение и *i*, считая последнее средство, однако, более ограниченным в своих употреблениях, чем показывают наши данные. Более того, согласно его анализу, ЛЭ *an'i* (там *an'*) не используется для чистого сочинения составляющих, а всегда имеет дополнительную контрастивно-фокусную семантику.

Остановимся на сочинительной конструкции с частицей ЛЭ *an'i* / ТЭ *an'ie?* подробнее, т. к. ее положение в языковой системе действительно несколько отлично от конструкций соположения и с частицей *i*. Последние две конструкции очевидно не несут никакой дополнительной семантической нагрузки, очень частотны и используются для сочинения всех типов составляющих, их можно назвать сочинительными средствами *par excellence*. Сочинительная конструкция с ЛЭ *an'i* / ТЭ *an'ie?* намного менее частотна, чем две другие, она более ограничена синтаксически (см. раздел 3) и нередко не просто объединяет два элемента между собой, как в (5)—(6) выше, а еще и привносит контрастивно-фокусную семантику ‘опять, тоже, еще, а’, как в (7)—(8).

(7) *an'i nalze-da kare-zi-ni? tɔza-ni-d,*
 ЛЭ и быть_красным-PTCP.SIM рыба-DEST.PL-PL.1SG принести-CONJ-2SG.S
an'i əbu-xoo kare ŋa-j, εε
 и что-FOC рыба существовать-3SG.S.IMP да
 ‘Красных рыб мне принеси и еще каких-нибудь рыб’.

(8) *dudinka-xane kazu, karaul-xone an'ie? kazu*
 ТЭ Дудинка-LOC.SG пурга.3SG.S Караул-LOC.SG и пурга.3SG.S
 ‘В Дудинке пурга и в Карауле тоже пурга’.

Дополнительная семантика рассматриваемой сочинительной конструкции объясняется основной функцией частицы ЛЭ *an'i* / ТЭ *an'ie?* — эмфатического средства со значением ‘опять, тоже, еще, а’, как в (9)—(11), и в этой функции данная частица крайне частотна.

(9) *gena, an'i ŋo? kare-ku-zo-d ŋul'i tu-?*
 ЛЭ Гена и один рыба-DIM1-DEST.SG-OBL.SG.2SG очень взять-2SG.S.IMP
 ‘Гена, еще одну рыбку возьми’.

(10) *tfinadi an'ie? kan'e-fi*
 ТЭ сейчас и уйти-3SG.S.PST
 ‘Сейчас он опять ушел’.

(11) *mɔdi an'ie? d'azo-ŋa-zodi baxu?o-ni? nene*
 ТЭ я и идти-MULT-1SG.S.PST старик-OBL.SG.1SG с
 ‘Я тоже ездила с моим мужем’.

При этом мы считаем, что частица ЛЭ *an'i* / ТЭ *an'ie?* должна описываться как регулярное сочинительное средство, т. к. — хотя в большинстве случаев сочинение двух составляющих с ее использованием в самом деле имеет дополнительное значение, как в (7)—(8), — в нашем корпусе встречаются и такие далеко не единичные случаи, как (5)—(6) выше, в которых ни перевод на русский язык, ни общий контекст не дают оснований предположить подобный оттенок. Представляется, что наличие таких примеров позволяет говорить о конструкции с частицей ЛЭ *an'i* / ТЭ *an'ie?* как о сочинительной стратегии энецкого языка.

Пример (12) показывает, что в функции контрастной частицы ЛЭ *an'i* / ТЭ *an'ie?* может сочетаться с другим сочинительным средством, например, частицей *i*.

(12) *tʃike fiʒe nɛ-xi?, εε-b i ŋo? an'i mense tɔnie-f toni*
 ЛЭ этот два женщина-DU мать-NOM.SG.1SG и один и старуха иметься-3SG.S.PST туда
 ‘Эти две женщины, мать моя и еще одна женщина была там’.

Тем самым, предложения, аналогичные (7)—(8) выше, тоже можно анализировать как использующие одновременно нейтральную сочинительную стратегию — соположение — и частицу ЛЭ *an'i* / ТЭ *an'ie?* для прагматической окраски высказывания.

Что касается недавней языковой истории, то две основные сочинительные стратегии, соположение и русская частица *i*, несомненно, присутствовали в энецком языке предыдущего поколения носителей обоих диалектов. Это особенно значимо для заимствованной из русского языка частицы *i*, т. к. родители сегодняшних энецов говорили по-энецки лучше, чем по-русски. Ср. примеры (13)—(14) из традиционного сказания на тундровом диалекте [Урманчиева ms.], записанного в 1970-х гг. Е. А. Хелимским.

(13) *Eeʔ, kanexuɔʔ, — d'uroiŋa d'ed'u kuruke.* [Урманчиева ms.]⁹
 ТЭ *eeʔ, kane-xu-zoʔ, d'urojŋa d'ed'u, kuruke*
 да уйти-NORT-1SG.S разговаривать.3SG.S лебедь ворон
 'Ладно, пойду, — говорят и лебедь, и ворон'.

(14) *Baruda odie enet'elaxa i melaxa.* [Урманчиева ms.]
 ТЭ *baru-da ɔzie enetʃe-laxa i me-laxa*
 Бару-OBL.SG.3SG вид человек-СМР и чум-СМР
 'Бару по виду как человек и как чум' (досл. 'Вид Бару — как человек и как чум').

Использование предыдущим поколением частицы ЛЭ *an'i* / ТЭ *an'eʔ* для чистого сочинения менее очевидно. С одной стороны, Н. М. Терещенко приводит лесные примеры из своих данных 1960-х гг. на нейтральное сочинение с ЛЭ *an'i*, ср. (15); имеются такие примеры и в наших архивных записях от предыдущего поколения лесных энцев, ср. (16) из традиционного сказания на лесном диалекте, записанного в 1990-х гг. О. Э. Добжанской от рассказчика 1927 года рождения.

(15) *Бинэда диказа ань', нэд сэраза.* [Терещенко 1973: 17]
 ЛЭ *bine-da d'ika-za an'iʔ, pe-d sera-za*
 веревка-OBL.SG.3SG развязать-3SG.SOSg и дерево-DAT завязать-3SG.SOSg
 'Он веревку развязал и к дереву привязал'.

(16) *aa, bazuu tu tʃuni-bi an'i, ma-bi mi*
 ЛЭ ага костер огонь зажечь-PRF.3SG.S и сказать-PRF.3SG.S PLC
 'Ага, он растопил костер и говорит, это...'

С другой стороны, эта частица не встречается в качестве союзного средства в упомянутом традиционном сказании на тундровом диалекте, записанном в 1970-е гг. Не встречается она и в наших — правда, крайне немногочисленных — записях предыдущего поколения тундровых энцев. В неопубликованном словаре тундрового диалекта Е. А. Хелимского 'и' как возможное значение этой частицы также отсутствует (там *an'iʔ*, [Хелимский ms.]). Тем самым, вполне вероятно, что еще совсем недавно тундровая частица *an'eʔ* не функционировала как сочинительный элемент без дополнительной семантики.

При этом тексты, записанные от современных носителей тундрового диалекта, содержат неединичные примеры на использование *an'eʔ* для чистого сочинения, т. е. каких-либо существенных расхождений в функциях этой частицы в современных лесном и тундровом диалектах не наблюдается. Возможно, таким образом, что для тундрового диалекта данное использование действительно является недавней инновацией, причем возникшей независимо, т. к. непосредственного контакта двух диалектов энецкого языка друг с другом не наблюдается сейчас, как и не наблюдалось поколение назад.

Прежде чем перейти к описанию маргинальных сочинительных стратегий в разделе 2, дадим общую характеристику энецкому сочинению. В общем сочинение составляющих всех синтаксических типов используется не более чем в 3% предикаций нашего корпуса, т. е. частотность сочинения довольно небольшая, если сравнивать с русским языком. При этом нередко в таком контексте, где по-русски используется сочинение зависимых составляющих, по-энецки мы наблюдаем повтор глагольной вершины вместе со всеми зависимыми, как в (17)—(18).

(17) *bɔgul'a-zo-da pɔzara, fize same-zo-da pɔzara*
 ЛЭ медведь-DEST.SG-OBL.SG.3SG запрячь.3SG.S два волк-DEST.SG-OBL.SG.3SG запрячь.3SG.S
 'Он медведя и двух волков запряг'.

(18) *ni, ɔtuz nɔɔn ɔɔ-da-za, sira nɔɔn ɔɔ-da-za*
 ТЭ ну осень на есть-FUT-3SG.SOSg зима на есть-FUT-3SG.SOSg
 'Ну, осенью будет ее есть и зимой'.

2. Маргинальные сочинительные стратегии

Помимо основных сочинительных стратегий, наши тексты позволяют говорить о маргинальных стратегиях, т. е. таких, которые либо ограничены семантически, см. 2.1, либо встретились только несколько раз.

⁹ В случае примеров не из нашего корпуса текстов мы указываем источник, из которого они заимствованы, и в еще одной дополнительной строке таких примеров приводим оригинальную запись.

2.1. Коллективное двойственное число с двойным маркированием

Эта стратегия может использоваться только в тех случаях, когда две сочиненные именные группы обозначают объекты, выступающие в реальной жизни как единое целое: являются мужем и женой, двумя детьми в семье (и других детей нет), двумя друзьями и т. д.

(19) *vas'a-xi?, rajka-xi? obu seru-da-xi?*

ЛЭ Вася-DU Райка-DU что подвязать-FUT-3DU.S

‘Вася с Райкой что наденут?’

(20) *tʃike kodo-r kura-a-da seru kaja*

ЛЭ этот санки-NOM.SG.2SG завязать-NMLZ-OBL.SG.3SG дело остаться.3SG.S

mense-xi? buuse-xi? nin

старуха-DU старик-DU

в

‘Эти сани остались завязанными, у старухи и старика’.

(21) *tə? mana baxoʔə-dia-xa? men'eo-xo? mana*

ТЭ туда сказать.3SG.S старик-PEJ-DU старуха-DU¹⁰ сказать.3SG.S

‘Старик со старухой говорят’.

Н. М. Терещенко описывала данную стратегию так: «Своеобразным сочетанием по способу сочинения двух тесно связанных между собой слов является их уподобление друг другу по способу выражения, причем каждое из них оформляется показателем двойственного числа» [Терещенко 1973: 19]. Упоминается она и в [Siegl 2013: 241].

2.2. Коллективное двойственное число с одинарным маркированием

Эта стратегия встречается крайне редко и засвидетельствована только в корпусе текстов на лесном диалекте. Об этой синтаксической возможности также упоминает Н. М. Терещенко: «...в энецком языке показатель двойственного числа может быть присоединен только к первому в сочетании слову» [Терещенко 1973: 19].

(22) *ser'ozka-xi?, donik*

ЛЭ Сережка-DU Доник

‘Сережка и Доник’.

(23) *n'e-xu-ni? texe, fize n'e-xu-ni? ozi-ma-xi?*

ЛЭ ребенок-DU-PL.1SG там два ребенок-DU-PL.1SG быть.видимым-INC-3DU.S

nad'ika-xi? l'on'ika-da noʔ¹¹

Надька-DU Ленька-OBL.SG.3SG с

‘Вон двое детей у меня, двое детей у меня появились, Надька с Ленькой’.

2.3. Комитатив с двойным маркированием

(24) *peri? pi-saj, d'eri-saj peri? nee-ba?*

ЛЭ всегда ночь-COM день-COM всегда стоять-1PL.S/SOSg

‘Мы всегда днем и ночью стоим’.

(25) *T'uku meɔo tero? sanikesae d'ed'usae, t'uku piodo? oɔima?* [Урманчиева ms.]

ТЭ *tʃuku mezo tero-? sanike-sae d'edu-sae, tʃuku-?*

весь чум содержимое-PL чайка-COM лебедь-COM весь-PL

piɔ-do? ozi-ma-?

улица-DAT быть_видимым-INC-3PL.S

‘Жители всех чумов, чайки и лебеди, все вышли на улицу’.

¹⁰ Гласная показателя двойственного числа в тундровом диалекте зависит от последней гласной основы, к которой он присоединяется.

¹¹ В этом примере используется не только маргинальная сочинительная стратегия с двойственным числом, но и не рассматриваемая в данной статье стратегия с послелогом ЛЭ *noʔ* / ТЭ *nene* ‘с’.

2.4. Окказиональные заимствования из русского языка: *a, da*, двойное *i*

Все они встретились единичное количество раз.

(26) *tfukutfi ni-naʔ tezaʔ tfukutfi rosa baza-an dʒriŋa-ʔ,*
ЛЭ весь ребенок-PL.1PL сейчас весь русский язык-PROL.SG разговаривать-3PL.S

a kere-ta baza dʒxara-ʔ
а сам-OBL.SG.3SG язык не.знать-3PL.S

‘Все наши дети сейчас говорят на русском языке, а свой язык не знают’.

(27) *dudinka-d kan'e-xiʔ, eʃe-jʔ da miʃka*
ЛЭ Дудинка-DAT.SG уйти-3DU.S отец-NOM.SG.1SG да Мишка

‘Они поехали в Дудинку, мой отец да Мишка’.

(28) *i ti-za pɔlzeŋa-ʔ, i ade-da pɔlzeŋa*
ЛЭ и олень-NOM.PL.3SG быть_черным-3PL.S и сиденье-NOM.SG.3SG быть.черным.3SG.S

‘И олени у него черные, и сиденье у него черное’.

(29) *i aga kaa-za i niʔoda*
ТЭ и большой родственник-NOM.SG.3SG и он(а)

‘[По-русски: как почту возят, да, почтальоном], и старший брат, и он’.

3. Синтаксические ограничения основных сочинительных стратегий

Все основные сочинительные стратегии — соположение, *i*, ЛЭ *ani* / ТЭ *anieʔ* — используются для сочинения разнотипных составляющих: клауз¹², аргументных ИГ, атрибутов, наречий и т. д. Таблица 1 суммирует примеры, представленные в нашем корпусе текстов.

Таблица 1

Представленные в текстах комбинации типа сочинительной стратегии и типа сочиненных составляющих

	клаузы	аргументные ИГ			другое
		субъект	прямой объект	косвенный объект	
соположение	+	+	+		+
<i>i</i>	+	+	+	+	+
ЛЭ <i>ani</i> / ТЭ <i>anieʔ</i>	+	+	+		

3.1. Клаузы

Для сочинения клауз одинаково часто используется соположение, как в (30), и частица *i*, как в (31).

(30) *pena toni-ri majza-aʔ, kɔbura-aʔ*
ЛЭ потом туда-RESTR замучить-1PL.S / SOsg ободрать-1PL.S / SOsg

‘Там мы его и убили, и ободрали’.

(31) *kɔɔ nɔɔʔ kabuza-bi-zuʔ i tʃe dʒaa-xone tɔruja*
ТЭ сторона на перевернуть-PRF-3PL.SOSg и вот земля-LOC.SG быть_закрытым.3SG.S

‘В сторону повернули его, и он землей покрылся’.

По сути, если не рассматривать фактор интонации, отличить сочинение двух клауз в случае соположения от их простого следования друг за другом можно только по наличию в русском переводе союза *и*, как в (30)¹³. Тем самым, нельзя утверждать, что использование соположения для сочинения клауз в энецком языке невозможно, но и возможность этого достаточно условна, т. к. соположение при сочине-

¹² Из практических соображений мы не делаем различия между сочинением клауз / предикаций и глагольных групп.

¹³ Энецкий язык является языком типа рго-дгор, т. е. для него не характерно использование местоимений в субъектной позиции, за исключением эмфатического. Это отличает энецкие примеры типа (30) от случаев русского бессоюзного сочинения типа *Иван поел, принял душ, лег спать*.

нии клауз практически не отличимо от другого синтаксического объекта — следования клауз друг за другом в дискурсе.

Частица ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?* используется реже, чем две другие стратегии, тем не менее для нее этот контекст оказывается наиболее частотным: для сочинения не-клауз она используется еще реже.

(32) *texe eke-r kan'e an'i, kodo pozara-f, an'i kan'e*
 ЛЭ там этот-NOM.SG.2SG уйти.3SG.S и санки запрячь-3SG.S.PST и уйти.3SG.S
 'Этот-то уехал, сани запряг и уехал'.

(33) *ee-j? binokli-xone sɔŋa anie? mano-? ni-u?*
 ТЭ мать-NOM.SG.1SG бинокль-LOC.SG смотреть.3SG.S и сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT
 'Моя мать в бинокль смотрит и говорит...'

Как уже указывалось в разделе 1, при соединении двух составляющих с помощью частицы ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?* чаще всего имеет место также и дополнительная контрастивно-фокусная семантика. И несмотря на то, что сама по себе эта частица крайне частотна, в качестве регулярной стратегии сочинения мы рассматриваем только те ее вхождения, когда этой добавочной к чистому сочинению семантики нет, как в (5)—(6) выше или в (32)—(33). Эти вхождения, в свою очередь, не очень многочисленны по сравнению с употреблением соположения или частицы *i* для тех же целей.

3.2. Аргументные ИГ

Для сочинения аргументных именных групп чаще всего используется соположение, реже *i*, совсем редко ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?*.

Ниже приводятся примеры на сочинение субъектных именных групп с помощью соположения — (34) — и с помощью частицы *i* — (35); пример на использование для этого частицы ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?* уже приводился выше в (5).

(34) *mɔdi fiʒe niɔ-j?, kaasa-j? tɔnea*
 ТЭ я два ребенок-NOM.SG.1SG мужчина-NOM.SG.1SG иметься.3SG.S
 'У меня есть двое детей, муж'.

(35) *lɔnka-d ɛɛ i sej-fe-za kaza-kuji-j? fiʒe-if dʒriŋa-xi?*
 ЛЭ Ленька-OBL.SG.2SG мать и глаз-CAR-PTCP.SIM бабушка-POOR-NOM.SG.1SG два-TRANSL разговаривать-3DU.S
 'Ленькина мать и моя слепая бабушка вдвоем разговаривают'.

Сочинение объектных именных групп засвидетельствовано также всеми тремя регулярными стратегиями: соположением, как в (36), частицей *i*, как в (37), и частицей ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?* (38).

(36) *kare-za, bɔʃki-za tʃukutʃi mɔru-pi-za*
 ЛЭ рыба-NOM.PL.3SG бочка-NOM.PL.3SG весь сломать-PRF-3SG.SONsg
 'Его рыбу и его бочки он все переломал'.

(37) *tɔz tʃiko-z ɛɛ-du? tɔri?ɛ-? i aga nɛ-d*
 ЛЭ так этот-ABL.SG мать-OBL.SG.3PL очистить-3PL.S и большой женщина-OBL.SG.2SG
 'Потом они мать очистили и старую женщину'.

(38) *i sezoko anie? kaza-obi-za, kare anie?*
 ТЭ и песок и убить-NAV-3SG.SOSg рыба и
 'Песца добывает и рыбу'.

Необходимо отметить, что только с объектами, сочиненными при помощи соположения, засвидетельствован в этом случае нейтральный порядок слов. Как видно из (37)—(38), в случае частиц *i* и ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?* первая объектная именная группа стоит на своем обычном месте перед глаголом, в то время как вторая объектная именная группа следует за глаголом. Тем самым, все примеры с сочинением объектов с помощью частиц, встреченные в нашем корпусе, представляют пограничные случаи между собственно сочинением и добавленной после глагола именной группой («afterthought»). Тем самым только соположение является нейтральной сочинительной стратегией для прямых объектов, а две другие используют только в контексте подобной экстрапозиции (см. подробнее раздел 5, посвященный порядку слов)¹⁴.

¹⁴ Следуя работе [Haspelmath 2004: 7], здесь и далее в разделе 5 мы используем термин «экстрапозиция» — или по-русски «вынесение» — как характеристику синтаксической конструкции, где второй сочиняемый элемент на-

Оставшиеся аргументные позиции представлены единственным примером (39) из лесного диалекта — сочинением двух именных групп в позиции реципиента с помощью частицы *i*. Заметим, однако, что приводимый пример уникален не только синтаксической позицией сочиняемых элементов, но также и использованием групповой флексии, крайне редкого явления для энецкого языка.

- (39) *mafa i andrej-xi-niʔ ... mana-zʔ texe*
 ЛЭ Маша и Андрей-DAT.PL-PL.1SG сказать-1SG.S там
 ‘Маше и Андрею я сказал вот’.

Ф. Сигл, основываясь на небольшом количестве текстов, высказывает предположение о том, что частица *i* может использоваться для сочинения не-клауз в речи только не очень компетентных носителей лесного диалекта [Siegl 2013: 242]. Наши данные это не подтверждают: хотя для сочинения клауз частица *i* действительно используется значительно чаще, чем для сочинения других типов составляющих, употребления ее с не-клаузами время от времени встречаются в речи всех носителей обоих диалектов, в том числе в речи предыдущего поколения энцев, ср. (40) из традиционного сказания, записанного в 1990-х гг. и хранившегося в архиве Таймырского дома народного творчества от энца 1910 г. р., или (41) из рассказа о приметах в природе, записанного в 1994 г. Н. Н. Болиной от ее матери 1929 г. р.

- (40) *ni-da tʃi, εε, ɔlasne i pɔrne, εε*
 ЛЭ имя-NOM.SG.3SG вот да оласне и порне да
 ‘Ее имя вот, да, «оласне» и «порне», да’.

- (41) *nie-atʃ senuko-ubi-ʔ, sexote i tezaʔ, tezaʔ dʒri-dʃ ani*
 ЛЭ NEG-1PL.S / SOsg.PST играть-НАВ-CONN древний и сейчас сейчас разговаривать-CVB и
 ‘Мы не играли, раньше и сейчас, сейчас [говоря] тоже’.

Частица *i* использовалась также в традиционном сказании на тундровом диалекте, записанном в 1970-х гг. от более чем компетентного носителя, см. (14) выше.

3.3. Другие синтаксические типы составляющих

Чаще всего для сочинения неаргументных именных групп, прилагательных и наречий используется соположение, есть также немного примеров на употребление *i* для этих целей. Частица ЛЭ *ani* / ТЭ *anieʔ* не встретилась в этой функции ни разу.

Как кажется, для сочинения при помощи соположения не существует никаких ограничений на синтаксическую позицию сочиняемых элементов. Ниже приводятся примеры на сочинение каритивных атрибутов (42), обстоятельств образа действия в локативе (43), послеложных групп с адвербиальным значением (44), наречий (45) и приименных зависимых (46).

- (42) *manʃ dʒuba-ku ne niʔ tɔnea eko-xone, ese-seze, ee-seze*
 ТЭ мол сирота-DIM1 женщина ребенок иметься.3SG.S этот-LOC.SG отец-CAR мать-CAR
 ‘Говорит, сирота есть здесь, без отца, без матери’.

- (43) *εε-xone-da, ese-xone-da dʒiri-xiʔ*
 ЛЭ мать-LOC.SG-OBL.SG.3SG отец-LOC.SG-OBL.SG.3SG жить-3DU.S
 ‘Они (двое) живут с матерью и отцом’.

- (44) *eke balʃnis-xone ʃize dʒuuro bazetea-zoʔ sira nɔʔ, tɔʔ nɔʔ*
 ТЭ этот больница-LOC.SG два раз лежать-1SG.S зима на лето на
 ‘В этой больнице лежу два раза — зимой, летом’.

- (45) *a nar-no-ju, ɔtuz-no-ju buniki tara.*
 ЛЭ а весна-ADV-RESTR.ADJ осень-ADV-RESTR.ADJ собака надо.3SG.S
 ‘А весной и осенью собака нужна’.

- (46) *ese, εε baza taxa niʃ ε-zʔ*
 ЛЭ отец мать язык за NEG.3SG.S быть-FUT.CONN
 ‘Она не будет против слова отца, матери’.

ходитя не рядом с первым, а термин «afterthought construction» — как характеристику дискурсивного контекста, в котором после законченного высказывания говорящий добавляет еще что-то, что по смыслу является частью предыдущего.

Выше приводился пример (14) на сочинение двух существительных с показателем компаратива с помощью частицы *i*, кроме того, встречается сочинение двух атрибутов этим способом (47).

- (47) *təz nʉglʉjgu i dʉba ɲa-ʔ ni-uʔ*
 ЛЭ так мягкий и теплый существовать-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Так она ведь мягкая и теплая’.

3.4. Сочинение более двух составляющих

В случае сочинения нескольких составляющих возможно использование всех основных стратегий — соположения (48)—(49), с *i* (50), ЛЭ *anʉi* / ТЭ *anʉeʔ* (51). Однако в реальности такие конструкции встречаются крайне редко.

- (48) *isi-jʔ, isi-nʉiʔ niə ne-za,*
 ТЭ дед-NOM.SG.1SG дед-OBL.SG.1SG ребенок женщина-NOM.SG.3SG
menʉe-za ese-nʉiʔ ne, ne-za nʉitoda, mədi...
 старуха-NOM.SG.3SG отец-OBL.SG.1SG женщина женщина-NOM.SG.3SG он(а) я
 ‘Мой дед, моего деда дочка, его жена, моего отца жена [=его жена] и я...’

- (49) *ibelʉjgu-on kədi-za-ʔ, neru-d-e-zʔ, kanu-ta-ʔ*
 ЛЭ маленький-PROL.SG спать-FUT-3PL.S встать-FUT-M-3PL.M уйти-FUT-3PL.S
 ‘Они поспят немножко, встанут и уйдут’.

- (50=12) *tʃike ʃize ne-xiʔ, ɛɛ-b i ɲoʔ anʉi mense tɔnie-f toni*
 ЛЭ этот два женщина-DU мать-NOM.SG.1SG и один и старуха иметься-3SG.S.PST туда
 ‘Эти две женщины, мать моя и еще одна женщина была там’.

- (51) *taa, muzo, munʉza anʉeʔ, kere-ta diaa-xane pe-kutʃa-xane tu-xaja*
 ТЭ кишечный.жир печень брюшко.рыбы и сам-OBL.SG.3SG земля-LOC.SG дерево-DIM2-LOC.SG PLC-ATT¹⁵
 ‘Кишечный жир, печень и брюшко отдельно на палочки (маленько делает)’.

4. Согласование глагола по числу с сочиненными именными группами

Поскольку в энецком языке глагол может согласовываться не только с субъектом (по лицу и числу), но и с объектом (по числу), то здесь мы рассмотрим поочередно сочиненные субъектные (4.1) и объектные (4.2) именные группы.

4.1. Согласование с подлежащим

Если сочиняются именные группы в функции подлежащего, то согласование с глаголом может происходить по любому из чисел — единственному, двойственному или множественному. Таблица 2 суммирует возможности числового согласования в зависимости от типа сочинительной стратегии.

Таблица 2

Встреченные в текстах комбинации типа сочинительной стратегии и числового показателя глагола для сочиненных субъектных именных групп

	SG	DU	PL
соположение	+	+	+
<i>i</i>		+	+
ЛЭ <i>anʉi</i> / ТЭ <i>anʉeʔ</i>		+	+

Согласование по единственному числу встретилось в текстах только несколько раз и только при сочинении с помощью соположения (52)—(53). Заметим, что в других случаях семантически множествен-

¹⁵ Неясно, является ли глагол с этим показателем финитным или нет: все его единичные употребления в корпусе принадлежат тухардскому говору тундрового диалекта, и все они допускают как финитное, так и нефинитное толкование, а в лесном диалекте он является конвербным (пример от говорящего из Тухардской тундры, живущего в ненецком окружении).

ных субъектов — при несочиненном субъекте двойственного или множественного числа — глагольное согласование по единственному числу невозможно, так что редкость такого типа согласования для сочиненных субъектов неудивительна.

(52) *pensi-jʔ, mʒaʔa-b tʒri-ubi*
ЛЭ пенсия-NOM.SG.1SG работа-NOM.SG.1SG хватать-НАВ.3SG.S
'Моей пенсии и моей работы хватает (на жизнь)'.

(53) *Kuo duboxuane d'uroiŋas'i esebaʔ eebaʔ: kaadorenaʔ.* [Урманчиева ms.]
ТЭ *kuʔ dubo-xua-ne d'uroiŋa-ʃi ese-baʔ, ee-baʔ, kaador-e-naʔ*
куда длина-FOC-LOC.SG разговаривать-3SG.PST отец-NOM.SG.1PL мать-NOM.SG.1PL заболеть-M-1PL.M
'Когда-то наши отец и мать говорили, что мы заболели'.

В случае сочинения двух существительных в единственном числе наиболее ожидаемая форма с точки зрения семантики — согласование по двойственному числу, ср. (54) для соположения, (55) для стратегии с *i*, (57) для стратегии с *anʔ* и (58) для маргинальной стратегии с коллективным двойственным числом с двойным маркированием.

(54) *ese-jʔ, miʃka dudinka-d kan'e-xiʔ*
ЛЭ отец-NOM.SG.1SG Мишка Дудинка-DAT.SG уйти-3DU.S
'Мой отец и Мишка поехали в Дудинку'.

(51=35) *ʋɔnka-d ɛɛ i sej-feza kaza-kuji-jʔ ʃize-ijʔ d'oriŋa-xiʔ*
ЛЭ Ленька-OBL.SG.2SG мать и глаз-CAR бабушка-POOR-NOM.SG.1SG два-TRANSL разговаривать-3DU.S
'Ленькина мать и моя слепая бабушка вдвоем разговаривают'.

(57=5) *ŋobkutun modʔi ir kasa-jʔ, neku-ju anʔi*
ЛЭ однажды я собственный мужчина-NOM.SG.1SG другой-RESTR.ADJ и
kasa kasa-jʔ, ɛɛ, ŋo-t bee-xiʔ anʔi
мужчина мужчина-NOM.SG.1SG да один-DAT.SG дежурить-3DU.S и
'Однажды мой родной брат и мой другой брат, да, вместе дежурили'.

(58) *buuse-xu-z ʃike, mense-xu-z nie-diʔ miʔɛ-zʔ*
ЛЭ старик-DU-NOM.PL.2SG этот старуха-DU-NOM.PL.2SG ребенок-OBL.SG.3DU дать-3DU.SOSG
'Эти старик со старухой отдали своего ребенка'.

Возможно также согласование с субъектом по множественному числу, как в (59)—(61), что в принципе ожидаемо, поскольку, во-первых, нередко сами сочиняемые субъекты уже во множественном числе, как в (60), а во-вторых, и для несочиненного субъекта двойственного числа в энецком языке допускается согласование по множественному числу, ср. (62)—(63).

(59) *mɔdʔi ee-jʔ, ee-jʔ, ese-jʔ ʃizinʔiʔ kere-tuʔ miŋa-tʃi*
ТЭ я мать-NOM.SG.1SG мать-NOM.SG.1SG отец-NOM.SG.1SG мы.DU.ACC сам-OBL.SG.3PL отдаль-3PL.S.PST
'Моя мать и мой отец сами отдали нас'.

(60) *tʒ-no-ju-xoo mu, tuzuku-ʔ i ɔzi-ʔ ŋa-jʔ*
ЛЭ лето-ADV-RESTR.ADJ-FOC PLC гриб-PL и ягода-PL существовать-3PL.S.IMP
'Летом-то это, грибы и ягоды там'.

(61) *ɔnej ne-r anʔi ʃi, pɔrne-r anʔi, ɔnaaŋ*
ЛЭ энецкий женщина-NOM.SG.2SG и вот ведьма-NOM.SG.2SG и по.настоящему
d'ori-bu-tuʔ d'ɛɔn kaʃi-tuʔ baza-ʔ kamiku-j-zuʔ
разговаривать-CV.COND-OBL.SG.3PL ради мужчина¹⁶-OBL.PL.3PL язык-PL понимать-SOpl-3PL.SONsg
'Энецкая девушка вот и ведьма, когда разговаривают, понимают язык друг друга'.

(62) *ʃize entfe-giʔ, entfe-giʔ d'iri-bi-ʔ*
ЛЭ два человек-DU человек-DU жить-PRF-3PL.S
'Два человека, жили два человека'.

¹⁶ В лесном диалекте энецкого языка существительное *kasa* 'мужчина, товарищ' является основой стандартной реципрокальной конструкции.

- (63) *ʃize-xoʔ naa-ŋa-tʃi*
 ТЭ два-DU говорить-MULT-3PL.S.PST
 ‘Они оба говорили (по-энецки)’.

При этом как для несочиненного субъекта в двойственном числе, так и для двух сочиненных существительных в единственном числе глагольное согласование по множественному числу является, в целом, редкостью¹⁷.

Если подытожить все возможности согласования сочиненных субъектов с глаголом в энецком языке, то получается, что возможно согласование по единственному числу при сочинении с помощью соположения (редко), возможно согласование по двойственному числу при сочинении двух существительных в единственном числе любым способом (часто), и, наконец, возможно согласование по множественному числу при всех сочинительных стратегиях (редко при сочинении двух существительных в единственном числе, часто во всех остальных случаях).

4.2. Согласование с прямым объектом

В случае простого, несочиненного объекта множественного числа глагол может быть в форме объектного согласования как по множественному числу (64), так и по единственному числу (65). Первая возможность намного более частотна, чем вторая, однако вторая тоже встречается.

- (64) *a tee-naʔ ʃiʔ letobe-z-e-za*
 ТЭ а олень-PL.1PL кто сторожить-FUT-SOpl-3SG.SOng
 ‘А оленей кто будет сторожить?’

- (65) *sʷʷze-bo, ʷi, enetʃeo-niʔ binʷkʷli-xone tʷʷo sʷle-bo*
 ТЭ смотреть-1SG.SOsg о человек-PL.1SG бинокль-LOC.SG так посмотреть-1SG.SOng
 ‘Я посмотрел, своих людей через бинокль посмотрел’.

То же наблюдается и при сочиненном объекте: объектное согласование глагола возможно по единственному (66) или множественному числу (67). Мы приводим здесь примеры только для сочинения стратегией соположения, т. к. другие стратегии используют нестандартный порядок слов с вынесенным за глагол вторым сочиненным прямым объектом (см. 3.2 выше), в котором согласование глагола всегда происходит по единственному числу.

- (66) *tea kaza-ma-xazo kʷba-da, peda-da kasuta-da-ro*
 ТЭ олень убить-NMLZ-ABL.SG шкура-OBL.SG.3SG камус-OBL.SG.3SG высушить-FUT-2SG.SOng
 ‘После того как оленя убьешь, его шкуру и его камус высушишь’.

- (67=1) *ti-naʔ, kʷdi-naʔ sʷr-e-naʔ*
 ЛЭ олень-PL.1PL санки-PL.1PL подвязать-SOpl-1PL.SOng
 ‘Оленей и сани мы завязали’.

Комментарии об относительной частотности каждой из этих объектных согласовательных моделей энецкого языка сделать трудно: они обе встречаются редко в нашем корпусе текстов. Это объясняется тем, что, с одной стороны, само объектное согласование необязательно в энецком языке, а с другой стороны, морфологическое различие между глагольными формами единственного и множественного объекта существует далеко не для всех глагольных форм.

В наших текстах не встретилось случаев объектного согласования сочиненного объекта по двойственному числу, хотя Ф. Сигл [Sieg1 2013: 244] приводит элицитированный пример такого типа.

5. Порядок слов

Для двух регулярных сочинительных стратегий, соположения и с частицей *i*, порядок слов не заслуживает особого внимания: одна сочиняемая составляющая непосредственно следует за другой. Стратегия же с частицей ЛЭ *anʷi* / ТЭ *anʷeʔ* представляет интерес в этом отношении, т. к. при ней засвидетельствован вариативный порядок слов.

Указанная частица может находиться в постпозиции к любой из сочиняемых составляющих, при этом она может быть использована несколько раз, т. е. после каждой сочиняемой составляющей. Тем

¹⁷ Любопытно, что в случае лесного диалекта эта редкая морфосинтаксическая модель встречается чаще у предыдущего поколения говорящих, с единственным примером из современных текстов.

самым возможны следующие порядки слов: частица ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?* между двумя сочиняемыми элементами, как в (68)—(69), после второго элемента, как в (70), и после обоих элементов, как в (71). В то время как примеры (70) и (71) единичны, первый порядок слов является стандартным.

(68) *me-ko-ni?*   *toza-a*   *ani*, *buniki-xiz*   *mi?e-u*
ЛЭ чум-DAT.SG-OBL.SG.1SG принести-1SG.SOSg и собака-DAT.PL дать-1SG.SOSg
'Я отнес ее домой и отдал собакам'.

(69) *tea-j?*   *lobeze-bo*,   *anie?* *kanie-zo?*
ТЭ олень-NOM.SG.1SG толкнуть-1SG.SOSg и уйти-1SG.S
'Я своего оленя толкнул и поехал'.

(70=51) *taa*,   *muzo*,   *mun'ozza*   *anie?*, *kere-ta*
ТЭ кишечный.жир печень брюшко_рыбы и сам-OBL.SG.3SG
d'aa-xane   *pe-ku?fa-xane*   *mu-xaja*
земля-LOC.SG дерево-DIM2-LOC.SG PLC-ATT
'Кишечный жир, печень и брюшко отдельно на палочки (маленько делает)'.

(71=61) *enej*   *ne-r*   *ani* *tfi*,   *porne-r*   *ani*, *naan*
ЛЭ энецкий женщина-NOM.SG.2SG и вот ведьма-NOM.SG.2SG и по.настоящему
d'ori-bu-tu?   *die:n* *kafi-tu?*   *baza-?* *kamiku-j-zu?*
разговаривать-CVB.COND-OBL.SG.3PL ради мужчина-OBL.PL.3PL язык-PL понимать-SOpl-3PL.SOSg
'Энецкая девушка вот и ведьма, когда они разговаривают, они понимают язык друг друга'.

В случае сочинения двух составляющих длиной более чем в одно слово имеется также возможность вставить частицу внутрь второй составляющей, а именно после первого ее слова, как в (72), ср. также (57=5)¹⁸.

(72) *beko-da*   *nina-bi*,   *oza-da*   *ani* *kada-bi-za*   *nonida*
ЛЭ [шея-OBL.SG.3SG сгрызть-PHF.3SG.S] [мясо-OBL.SG.3SG и унести- PRF-3SG.SOSg он(а).LOC]
'Шею сгрыз и мясо взял с собой'.

В целом, однако, описанный порядок слов со вставлением частицы после первого слова второй составляющей редко используется для чистого сочинения, как в (57)=(5), а характерен скорее для контрастно-фокусных употреблений частицы ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?*. Если в (73) ниже это очевидно из перевода по русскому *тоже*, то в (72) выше сами ситуации, описываемые двумя последовательными клаузами, предполагают противительное значение: 'шею сгрыз на месте, в то время как мясо на месте грызть не стал, а взял с собой'.

(73) *oo-da*   *eburu* *i-z*   *oor-?*,   *tlike* *ani* *i-z*   *oor-?*
ЛЭ есть-PTCP.SIM вещь NEG-2SG.IMP есть-CONN этот и NEG-2SG.IMP есть-CONN
'Еду не ешь, это тоже не ешь'.

Просодически частица ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?* может примыкать как к тому, что идет до нее (редко), так и к тому, что идет после нее (часто); напомним, что мы отражаем просодическую группировку с помощью постановки запятой. Тем самым, в случае помещения этой частицы между двумя сочиняемыми элементами возможны два разных просодических контура: ср. (68) и (69). В случае когда частица вставляется после первого слова второй составляющей, как в (72)—(73), сама частица, слово перед ней и слово после нее входят в одну просодическую фразу, т. е. вторая составляющая не имеет границ просодических контуров, которые были бы связаны с этой частицей. В редких случаях оба сочиняемых элемента вместе с частицей ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?*, находящейся между ними, могут входить в одну и ту же просодическую группу, как в (74).

(74=33) *ee-j?*   *binokol-xone* *sosja*   *anie?* *mano-?*   *ni-u?*
ТЭ мать-NOM.SG.1SG бинокль-LOC.SG смотреть.3SG.S и сказать-CONN NEG-3SG.S.CONT
'Моя мать в бинокль смотрит и говорит...'

¹⁸ В работе [Рудницкая 2015] со ссылками на [Мальчуков 2008] и [Tolskaya, Tolskaya 2008] говорится о том, что в тунгусских языках (обсуждаются эвенкийский, эвенский и удгейский) также имеется исконная сочинительная частица с крайне похожими особенностями порядка слов, в том числе с возможностью присоединить частицу после первой составляющей сочиняемой клаузы.

Наконец, выше уже упоминалась конструкция с вынесенным за глагол вторым сочиненным прямым объектом, которая является, по сути, пограничной с сочинением именно благодаря своему порядку слов: O1 V O2, т. е. прямое дополнение, затем глагол, после еще одно прямое дополнение. Во всех этих случаях глагол согласуется по единственному числу объекта. Ср. (75) для соположения, (76) для частицы *i*, (77) и (78) ниже для частицы ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?*. Подобный порядок слов в собранном нами материале довольно частотен. Это объясняется тем, что наше исследование построено на естественных спонтанных нарративах, и в большинстве своем это не традиционные сказания, а именно бытовые рассказы¹⁹.

(75) *maksim ten'e-zodi, men'eo-da*
ТЭ Максим знать-1SG.S.PST старуха-OBL.SG.3SG
'Максима знала и его жену'.

(76) *nitoda peri?, ul'ajgu a-bu?o-ta peri? koru*
ТЭ он(а) самый маленький быть-CVB.SIM-OBL.SG.3SG самый нож
ne?i-obi i pe peri? ili l'izi-xozo te-?
(за)держатъ-НАВ.3SG.S и дерево самый или кость-ABL.SG олень-PL
'Он всегда, когда был маленький, всегда держал ножик и палочку, или оленей из кости'.

(77=38) *i sezoko an'e? kaza-obi-za, kare an'e?*
ТЭ и песок и убить-НАВ-3SG.SOSG рыба и
'Песца добывает и рыбу'.

Для всех приведенных примеров мы не беремся в настоящий момент анализировать, принадлежит ли вторая именная группа той же клаузе, что и первая именная группа, или это такое добавление («afterthought»), которое следует анализировать как отдельную клаузу, возможно, с эллипсисом глагола.

Заметим, однако, что эти пограничные конструкции с экстрапозицией отлично иллюстрируют синтаксические свойства сочинительных частиц энецкого языка. При отрыве второго сочиняемого элемента от первого становится видно, что частица *i*, как и ее русский источник, является препозитивной, а частица ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?* постпозитивной (см. [Haspelmath 2004; 2007] о других диагностических контекстах, помогающих различить препозитивные и постпозитивные соединительные элементы при сочинении).

При этом в корпусе тундрового диалекта находятся и такие редкие примеры, где частица *anie?* стоит в препозиции к вынесенному за глагол аргументу, как (78).

(78) *tfinadi eke ni?o-? siroj mii-le?o tara ni'u?, t'roj an'e? tara, an'e? t'roj*
ТЭ сейчас этот ребенок-PL белый что-RESTR надо.3SG.S ведь такой и надо.3SG.S и такой
'Сейчас этим детям нужно ведь только белое: такое надо, еще такое надо'.

При том что все такие клаузы не являются примерами на чистое сочинение, выше приводился пример (69), где в случае чистого сочинения тундровое *anie?* просодически объединялось именно что с последующим сочиняемым элементом. Это позволяет предположить, что отсутствие примеров на чистое сочинение с препозицией *anie?* вынесенному за глагол прямому объекту является скорее случайностью, чем закономерностью, т. е. в тундровом диалекте энецкого языка частица *anie?* действительно может быть как препозитивным, так и постпозитивным соединительным элементом. В [Haspelmath 2004: 8—9] упоминаются аналогичные соединительные элементы, которые в одних случаях ведут себя как препозитивные, а в других — как постпозитивные, для языков мира, в остальном несходных по своему грамматическому строю, — атабаскского верхнекускоквимского [Kibrik 2004], тибето-бирманского хакха лаи [Peterson, VanBik 2004] и папуасского изолята лавукалеве [Terrill 2004].

6. Распределение между основными сочинительными стратегиями

Рассмотренный массив предложений с сочиненными элементами позволяет сделать некоторые выводы о взаимном распределении основных сочинительных стратегий энецкого языка²⁰. Стратегия сопо-

¹⁹ См., однако, замечание в [Haspelmath 2004: 7] о том, что в немецком языке подобный вынос второго объекта за глагол не обязательно является чертой разговорной речи, а возможен также и в тех случаях, когда такой порядок слов очевидно запланирован, например, в письменной речи. На данный момент мы не можем судить о том, насколько случаен или запланирован подобный порядок слов в энецких предложениях такого типа.

²⁰ Мы благодарны В. Ю. Гусеву, заметившему наличие некоей закономерности в использовании энецких сочинительных конструкций и инициировавшему, тем самым, проведение дополнительного исследования, которое и отражено в данном разделе.

ложения, стратегия с частицей *i* и стратегия с частицей ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?* выстраиваются в синтаксическую иерархию, коррелирующую с семантической шкалой естественности и ожидаемости сочинения объектов или пропозиций. Чем более естественно и ожидаемо сочинение этих элементов, тем больше вероятность, что они будут оформлены более левой стратегией этой иерархии; чем менее естественно и неожиданно сочинение этих элементов, тем больше вероятность, что они будут оформлены более правой стратегией этой иерархии.

В случае сочинения однородных элементов, с точки зрения морфологии или семантики, обычно используется стратегия соположения, хотя иногда возможна и стратегия с частицей *i* (порядка 20% примеров с сочинением однородных элементов оформляется последним образом). Под морфологической однородностью при этом мы понимаем одинаковое морфологическое оформление, как, например, в (1), (30), (34), (36), (42)—(46), (52)—(53), (59) выше, а под семантической однородностью — ожидаемость сочинения с точки зрения логики текста или знаний о мире. Последний тезис иллюстрируют, в частности, предложения (1) — приезжая на место, энцы обычно привязывают олени и сани друг к другу, при этом ничего больше не завязывают, (2) — объединение мужа и жены в одно целое не нарушает ожидания слушающего, (13) — в традиционном сказании речь идет о прародителях двух родов, которые вели разговор, и этой фразой разговор заканчивается, (42)—(43), (46), (53) и (59) — объединяются отец и мать и т. д. Примеры (40) и (60) показывают, что употребление стратегии с частицей *i* тоже возможно при семантической однородности.

Если же сочиняются разнородные и несамоочевидные элементы, будь то морфологическая разнородность (т. е. оформление разными аффиксами) или семантическая, то стратегия с соположением невозможна. Все такие примеры используют стратегии с частицами. При этом для частицы ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?*, как и ожидается, характерно противительное или контрастивно-фокусное значение, а для частицы *i* — менее маркированное объединение двух разнородных элементов.

Выше в разделе 1 говорилось о том, что частица ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?* может использоваться без дополнительной контрастивно-фокусной семантики, поэтому мы и считаем необходимым ее описание как основного сочинительного средства энецкого языка. Противоречат ли друг другу это исходное утверждение и наблюдение, высказанное в данном разделе? Как представляется, нет. Если проанализировать все примеры нашего корпуса текстов с частицей ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?*, то очевидно, что часть из них стоит особняком, т. к. не имеет выраженного контрастивно-фокусного значения, заметного невооруженным глазом во всех остальных случаях. Если же проанализировать, в свою очередь, все примеры нашего корпуса с сочинением разнородных элементов с помощью частицы *i* и сравнить их с теми самыми особыми примерами на частицу ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?*, то можно заметить, что в большинстве случаев последние объединяют более разнородные элементы, чем первые.

Стратегия с частицей *i* сочиняет именные группы, совместность которых подчеркивается для данного контекста, в то время как *обычно* они не объединяются (в отличие от сочиненных соположением). Эта совместность часто задается дополнительным объединяющим словом, напр. *fize* 'две' в (12), *fizeif* 'вдвоем' в (35) или *mod'na?* 'мы'. В случае сочинения клауз стратегия с частицей *i* используется в таких случаях, где в ассерции находится каузация первой пропозиции второй, ср. 'заболела и умерла' в (4), 'в сторону повернули и землей покрылся' в (31), 'раздолбит и варит их' в (79) или 'вытащил ее и с ума сошел' в (80).

(79) *tuka fubu-xone d'oze-t-e-za i pire-obi-za*
ТЭ топор обух-LOC.SG побить-FUT-SOpl-3SG.SONsg и сварить-НАВ-3SG.SONsg
'Обухом топора раздолбит их и варит их'.

(80) *εε, ozide-bi-za i mu, biferi-bi*
ЛЭ да вынуть-PRF-3SG.SOSg и PLC сойти.с.ума-PRF.3SG.S
'Да, он вытащил ее и это самое, с ума сошел'.

Стратегия с частицей ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?* сочиняет именные группы в тех случаях, когда подчеркивается крайняя нетривиальность, неожиданность объединения, ср. 'не только один, но и другой брат' в (5), 'энецкая девушка и ведьма' в (61), или использование выражения *kereta diaaxane* 'отдельно' в (51). Сочинение клауз этой стратегией используется тогда, когда неожиданность следования второй пропозиции за первой находится в фокусе высказывания, т. е. говорящий привлекает с помощью частицы ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?* внимание слушающего к тому, что будет следовать дальше, наподобие русского «и представьте себе...», ср. (6), (15)—(16), (33), (68) и (72) выше.

Любопытно отметить, что рассмотренное энецкое распределение сочинительных стратегий в зависимости от семантической однородности / ожидаемости vs. неоднородности / неожиданности сочиняемых элементов полностью вписывается в типологическую тенденцию различать естественное сочинение (natural conjunction / coordination) и случайное сочинение (accidental conjunction / coordination), ср.

[Mithun 1988; Wälchli 2005; Stassen 2003; Haspelmath 2007]. При этом в этих работах было высказано предположение о том, что для естественного сочинения характерно именно отсутствие какого бы то ни было соединительного элемента, что мы и наблюдаем при соположении в энецком языке, а для случайного сочинения — наличие такого элемента, что мы и наблюдаем в случае основных энецких сочинительных стратегий с частицами. В [Haspelmath 2007] говорится что, хотя исходя из принципа экономии эта импликация между сематическим типом сочинения и способом его оформления должна быть универсальной, известно не так много о том, правда ли это. Дело в том, что описательные грамматики языков мира редко пишут о том, является ли этот семантический параметр значимым, т. к. сам по себе он не очень известен полевым лингвистам. Тем более важным представляется сообщить лингвистической обществу о релевантности этого параметра в энецком языке и о его оформлении в полном ожидании с предварительным типологическим обобщением.

В указанных работах, однако, ничего не говорится о морфологической однородности как о значимом параметре выбора сочинительной конструкции. Как показывают энецкие данные, без этого параметра описание взаимного распределения основных сочинительных конструкций может быть затруднительно. Ср. (36), (44)—(45) и (52) выше, где соположение используется скорее для объединения случайных элементов, которые, тем не менее, имеют одни и те же морфологические показатели, и именно этот факт позволяет объяснить использование стратегии соположения в данных примерах.

7. Энецкие данные в типологическом контексте

Для помещения в типологический контекст охарактеризуем сочинительные конструкции энецкого языка в терминах обзорных работ [Haspelmath 2004, 2007]. В *Таблице 3* дается краткая характеристика энецких сочинительных стратегий с точки зрения типологически релевантных параметров.

Мы видим, что основные сочинительные конструкции принадлежат как к асиндетическому типу (asyndetic), т. е. не используют какие бы то ни было соединительные элементы, — конструкция с соположением, — так и к синдетическому типу (syndetic), т. е. используют соединительные элементы — конструкции с частицами *i* и ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?*. При этом если сочинительная стратегия с *i* является моносиндетической (monosyndetic), т. е. такой, которая использует только один соединительный элемент, то стратегия с ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?* может быть как моно-, так и бисиндетической (bisyndetic), т. к. эта частица может быть использована не только один, но и несколько раз. Среди маргинальных сочинительных стратегий есть и моносиндетические (окказиональные русские *a*, *da*), и бисиндетические (комитатив с двойным маркированием, окказиональное русское двойное *i*), а коллективное двойственное число может быть как моно-, так и бисиндетической стратегией. Энецкие соединительные элементы могут быть как препозитивными (заимствованные из русского *i*, *a*, *da*, а также изредка ТЭ *anie?*), так и постпозитивными (ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?*, комитатив с двойным маркированием, коллективное двойственное число).

В [Stassen 2003] было сформулировано типологическое обобщение о том, что постпозитивные соединительные элементы характерны для оформления сочинения в языках с глаголом в конце клаузы, а препозитивные — в остальных языках²¹. Это объясняет наблюдаемое в энецком языке разнообразие синтаксических свойств соединительных элементов: препозитивные были заимствованы из русского языка, с характерным порядком слов SVO, а постпозитивные были в нем исконно как в языке типа SOV.

8. Заключение

В работе была рассмотрена система средств сочинения в энецком языке на материале представительного корпуса текстов обоих диалектов, лесного и тундрового. Эта система состоит из ядра — конструкций с соположением, с заимствованной из русского языка частицей *i* и с исконной частицей ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?* — и периферии, т. е. таких конструкций, которые по тем или иным причинам используются значительно реже в естественной речи.

Само ядро неоднородно. Соположение является наиболее популярной стратегией, при этом синтаксически эта стратегия ничем не ограничена: она одинаково часто используется для сочинения всех типов составляющих, а в случае именных групп — во всех синтаксических позициях; в случае сочинения субъектов или объектов глагол может согласовываться по любому числу. Соположение обычно используется для сочинения семантически однородных элементов. Две другие регулярные конструкции — с частицей *i* и с частицей ЛЭ *ani* / ТЭ *anie?*, — напротив, обычно объединяют семантически более разно-

²¹ В [Haspelmath 2007] было уточнено, что это верно только для сочинения в узком смысле, рассматриваемого в данной статье, но не для дизъюнкции (А или В).

Типологически релевантные параметры энецких сочинительных стратегий

	количество соединительных элементов	положение соединительного элемента	схема, отражающая порядок слов и синтаксическое устройство сочинения ²²	частотность схем в языках мира по данным [Haspelmath 2004, 2007]
соположение (осн.)	0	–	[A] [B]	Частотно, особенно в бесписьменных или младописьменных языках (в европейских языках почти не встречается с ИГ)
с частицей <i>i</i> (осн.)	1	препозиция	[A] [co B]	Частотно
с частицей ЛЭ <i>an'i</i> / ТЭ <i>anie?</i> (осн.)	1	постпозиция (+ препозиция в ТЭ)	[A co] [B] редко [A] [B co] редко [A] [B ₁ co B ₂] + ТЭ редко [A] [co B]	Частотна первая схема [A co] [B], общая для обоих диалектов, а также схема ТЭ; [A] [B co] и [A] [B ₁ co B ₂] — очень редкие ²³
	2 (реже, чем 1)	постпозиция	[A co] [B co]	Частотно
Коллективное дв. число с двойным маркированием	2	постпозиция	[A co] [B co]	Встречается (ср. summary/dual conjunction в [Haspelmath 2007])
Коллективное дв. число с одинарным маркированием	1	постпозиция	[A co] [B]	Встречается (ср. summary/dual conjunction в [Haspelmath 2007])
Комитатив с двойным маркированием	2	постпозиция	[A co] [B co]	Частотно
Окказиональные заимствования из русского языка: <i>a, da</i>	1	препозиция	[A] [co B]	Частотно
Окказиональное заимствование из русского языка: двойное <i>i</i>	2	препозиция	[co A] [co B]	Частотно

родные элементы и, хотя возможны в широком спектре синтаксических контекстов, в реальности сочиняют клаузы существенно чаще, чем все остальные типы составляющих. Частица ЛЭ *an'i* / ТЭ *anie?* может также привносить дополнительную контрастивно-фокусную семантику, и ее употребления с такой значительно более частотны, чем без нее.

Формальные свойства энецких сочинительных стратегий неожиданно разнообразны, если сравнить их с другими языками мира, что объясняется, в первую очередь, сочетанием в современном энецком языке исконных уральских языковых структур и элементов, заимствованных из русского языка. Вряд ли энецкий язык выделяется этим среди других языков Сибири, однако наличие подробного описания системы сочинительных средств для еще одного такого языка, как представляется, имеет несомненную дескриптивную ценность. Более того, параметр морфологической и семантической однородности как значимый в системе сочинительных средств, насколько нам известно, не был ранее описан для языков Сибири. Тем более любопытно, что этот параметр структурирует недавно образовавшуюся систему, т. к. частица *i* была заимствована из русского языка навряд ли более столетия назад. Поиск аналогичных параметров, влияющих на распределение исконных и заимствованных сочинительных средств, для других языков Сибири и — шире — других малых языков мира в контакте с доминирующим европейским языком представляется перспективной областью будущих исследований.

²² *A, B* — сочиняемые элементы, *co* — соединительный элемент.

²³ Последняя схема хоть и не частотна с точки зрения типологии, однако отнюдь не уникальна: помимо латинского *-que*, приводимого в [Haspelmath 2004: 6], использование похожей схемы упоминается, например, в работе [van den Berg 2004] — сочинительный суффикс даргинского языка, а в работе [Рудницкая 2015] описывается частица *dā* эвенкийского языка, которая ведет себя таким же образом.

Сокращения

Глоссы

1 — 1-е лицо	IMP — императив
2 — 2-е лицо	INC — инцептив
3 — 3-е лицо	LOC — локатив
ABL — аблатив	M — возвратное согласование
ACC — аккузатив	MULT — мультипликатив
ADV — наречие	NEG — отрицательный глагол
ATT — аттенуатив	NMLZ — номинализация
CAR — каритив	NOM — номинатив
CMP — компаратив	OBL — косвенный падеж
COM — комитатив	PEJ — пейоратив
CONJ — конъюнктив	PL — мн. число
CONN — коннегатив	PLC — placeholder (словозаменитель)
CONT — контрастивная серия	POOR — ‘бедный, покойный’
CVB — конверб	PRF — перфект
CVB.COND — условный конверб	PROL — пролатив
CVB.SIM — конверб одновременности	PST — прошедшее время
DAT — датив	PTCP.SIM — причастие одновременности
DEST — дестинатив	RESTR — рестриктив
DIM1 — диминутив 1	RESTR.ADJ — атрибутивный рестриктив
DIM2 — диминутив 2	S — субъектное согласование
DU — дв. число	SG — ед. число
FOC — фокус	SO — субъектно-объектное согласование
FUT — будущее время	SONsg — субъектно-объектное согласование с объектом в не-ед. числе
FUT.CONN — коннегатив будущего времени	SOPl — субъектно-объектное согласование с объектом во мн. числе
HAB — хабиуталис	SOSg — субъектно-объектное согласование с объектом в ед. числе
HORT — гортатив	TRANSL — транслатив

Общие

ИГ — именная группа	ЛЭ — лесной энецкий	ТЭ — тундровый энецкий
---------------------	---------------------	------------------------

Литература

- Мальчуков 2008 — *Мальчуков А. Л.* Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб., 2008. {*Mal'chukov A. L.* The syntax of the Even language: structural, semantic and communicative aspects. SPb., 2008.}
- Рудницкая 2015 — *Рудницкая Е. Л.* Типологические особенности сочинения в эвенкийском языке // *Acta Linguistica Petropolitana* (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. XI. Ч. 2. Языковое разнообразие в Российской Федерации. СПб., 2015. С. 520—534. {*Rudnitskaja E. L.* Typologic nuances of coordination in the Evenk language // *Acta Linguistica Petropolitana* (Works of ILS RAS). Vol. XI. Part 2. Language diversity in Russian Federation. SPb., 2015. P. 520—534.}
- Сорокина 2010 — *Сорокина И. П.* Энецкий язык. СПб., 2010. {*Sorokina I. P.* The Enets language. SPb., 2010.}
- Терещенко 1973 — *Терещенко Н. М.* Синтаксис самодийских языков. Л., 1973. {*Tereshchenko N. M.* Syntax of the Samoyedic languages. L., 1973.}
- Урманчиева ms. — *Урманчиева А. Ю.* Сказание о Солде: текст на тундровом диалекте энецкого языка с поморфемным разбором. Рукопись. {*Urmanchieva A. Yu.* The legend of Solda: text on the Tundra dialect of Enets with glossing. Manuscript.}
- Хелимский ms. — *Хелимский Е. А.* Материалы к словарю энецкого языка. Рукопись. {*Helimskij E. A.* Materials for the dictionary of Enets. Manuscript.}
- Grenoble 2012 — *Grenoble L. A.* Areal typology and syntactic change // *Вестник ТГПУ*. 2012, 1 (116). С. 101—105.
- Haspelmath 2004 — *Haspelmath M.* Coordinating constructions: An overview // *Coordinating constructions* (Typological studies in language 58) / Ed. *Haspelmath M.* Amsterdam, Philadelphia, 2004. P. 3—40.
- Haspelmath 2007 — *Haspelmath M.* Coordination // *Language typology and syntactic description*. Vol. II: Complex constructions. 2nd ed. / Ed. *Shopen T.* Cambridge, 2007. P. 1—51.

Kibrik 2004 — *Kibrik A. A.* Coordination in Upper Kuskokwim Athabaskan // Coordinating constructions (Typological studies in language 58) / Ed. *Haspelmath M.* Amsterdam, Philadelphia, 2004. P. 537—554.

Mithun 1988 — *Mithun M.* The grammaticization of coordination // Clause combining in grammar and discourse / Eds. *Haiman J., Thompson S. A.* Amsterdam, 1988. P. 31—60.

Peterson, VanBik 2004 — *Peterson D. A., VanBik K.* Coordination in Hakha Lai (Tibeto-Burman) // Coordinating constructions (Typological studies in language 58) / Ed. *Haspelmath M.* Amsterdam, Philadelphia, 2004. P. 333—356.

Siegl 2013 — *Siegl F.* Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia. Helsinki, 2013.

Stassen 2003 — *Stassen L.* Noun phrase conjunction: the coordinative and the comitative strategy // Noun phrase structure in the languages of Europe / Ed. *Plank F.* Berlin, 2003. P. 761—817.

Terrill 2004 — *Terrill A.* Coordination in Lavukaleve // Coordinating constructions (Typological studies in language 58) / Ed. *Haspelmath M.* Amsterdam, Philadelphia, 2004. P. 427—444.

Tolskaya & Tolskaya 2008 — *Tolskaya M., Tolskaya I.* Question particles or what? Open alternative questions in Udeghe // Subordination and Coordination Strategies in North Asian Languages / Ed. *Vajda E. J.* Amsterdam, Philadelphia, 2008. P. 97—108.

van den Berg 2004 — *van den Berg H.* Coordinating constructions in Daghestanian languages // Coordinating constructions (Typological studies in language 58) / Ed. *Haspelmath M.* Amsterdam, Philadelphia, 2004. P. 197—226.

Wälchli 2005 — *Wälchli B.* Co-compounds and natural coordination. Oxford, 2005.

РЕЗЮМЕ

В статье представлено описание сочинительных стратегий энецкого языка (лесного и тундрового диалектов) на основе корпуса естественных текстов. Рассматриваются как исконные самодийские стратегии – соположение, с частицей, основное значение которой 'опять, тоже, еще, а', коллективное двойственное число, и двойной комитатив, — так и стратегии, использующие заимствованные из русского языка элементы – союзы *и, да, а*. Основными, т.е. существенно более частотными, чем маргинальные, признаются стратегии с соположением, с исконной частицей, основное значение которой 'опять, тоже, еще, а', и с заимствованным из русского языка *и*. Подробно описываются синтаксические свойства основных сочинительных стратегий: типы сочиняемых составляющих, а так же согласование с глаголом для сочиненных субъектов и объектов. Отдельно рассматривается семантическое распределение основных стратегий: показывается, что эти стратегии выстраиваются в синтаксическую иерархию, коррелирующую с семантической шкалой естественности/ожидаемости сочинения объектов или пропозиций; помимо этого оказывается, что для энецкого языка так же релевантен параметр однородности морфологического оформления сочиняемых элементов. Данные помещаются в типологический контекст, на фоне которого становится понятно, что является уникальным для энецкого языка, а что широко распространено в других языках мира. Формальные свойства энецких сочинительных стратегий оказываются неожиданно разнообразны при сравнении их с другими языками мира, что объясняется сочетанием в современном энецком языке исконных уральских языковых структур и элементов, заимствованных из русского языка.

SUMMARY

The paper gives a description of conjunctive coordination in Enets (both Forest and Tundra dialects) based on a corpus of natural texts. It discusses both indigenous Uralic strategies, including juxtaposition, a particle with the main meaning 'again, also, but', collective Dual, and double Comitative, as well as strategies based on elements borrowed from Russian, i.e. on conjunctions *i, da, a*. The strategies with juxtaposition, indigenous particle meaning "again, also, but", and *i*, borrowed from Russian, are considered main, while all the other strategies are called marginal, with the former being substantially more frequent than the latter. Syntactic properties of the main coordination strategies are studied in detail, i.e. syntactic types of coordinated elements and cross-reference of coordinated subjects and objects on the verb. A special attention is given to the semantic distribution of the main strategies: they are shown to form a hierarchy correlating with a scale from natural/expected to unnatural/unexpected coordination; besides, it turns out that the parameter of morphological homogeneity is also relevant for the Enets coordination. The data are studied against a typological background, which allows to highlight rare features specific to Enets, as well as to spot cross-linguistically common phenomena. Formal properties of Enets coordination strategies are unexpectedly diverse as compared to other languages of the world: this can be explained by intermarriage of features inherited from Uralic and those borrowed from a structurally different Russian.

Ключевые слова: сочинение, энецкий язык, согласование с глаголом по числу, естественное сочинение

Key words: coordination, Enets, number cross-reference on verb, natural coordination

Ханина Ольга Владимировна, Институт языкознания РАН (Москва); olesya.khanina@gmail.com

Olga V. Khanina, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); olesya.khanina@gmail.com

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 800 руб.
- Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 150 руб.

не в странах СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.
- Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Journal Price
for CIS countries**

For organizations:

- annual subscription for the electronic copy of the journal is 800 RUB.
- Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;
- price for a single electronic issue without subscription is 150 RUB.

outside CIS countries

For organizations:

- annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;
  - price for a single electronic issue without subscription is 29 €.
- Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редакторы
С. И. Переверзева, М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editors
Svetlana Pereverzeva, Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

